

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 3 (35) 2012

При участии

*Комитета Совета Федерации по науке, образованию,
культуре и информационной политике
(первый заместитель председателя – проф. Ю.Н. Солонин)*

*Представительства МИД в г. Хабаровске
(представитель МИД России в г. Хабаровске – В.В. Чупин)*

*Школы педагогики Дальневосточного федерального университета
(директор – проф. С.В. Пишун)*

Хабаровск, 2012

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State Transportation
University»

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

THE HUMANITIES AND SOCIAL STUDIES IN THE FAR EAST

Scientific research journal
published since January 2004
issued quarterly

№ 3 (35) 2012

In cooperation with

*The Council of the Federation Committee on Science,
Education, Culture and Information Policy
(First Deputy Chairman – Yu.N. Solonin)*

*Representative Office of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation in Khabarovsk
(Representative of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation in Khabarovsk – V.V. Chupin)*

*School of Education at Far Eastern Federal University
(Director – Prof. S.V. Pishun)*

Khabarovsk, 2012

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.И. Воробьева, М.А. Ковальчук, Л.П. Лазарева, Р.Л. Лившиц, Н.Е. Мерецкий,
С.В. Пишун, З.Г. Прошина, В.В. Романова, О.А. Рудецкий (ответственный секретарь),
Е.Н. Спасский (заместитель главного редактора), А.М. Шкуркин

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ларри Смит (США), Нобуюки Хонна (Япония), Чжан Байчун (Китай),
Кальво-Мартинез Томас Мариано (Испания), Кэрол Джой Макрай (Австралия)

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Ю.М. Сердюков, З.Г. Прошина

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

А.С. Волков (web-мастер), Е.В. Листопадова (технический секретарь),
Е.Ю. Мальнева (переводчик), Аманда Линн Хинсон (редактор англоязычных текстов)

*Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»*

*Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки РФ*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а
от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov

EDITORIAL BOARD

C.I. Vorobyova, M.A. Kovalchouk, L.P. Lazareva, R.L. Livshits,
O.A. Rudetsky (executive secretary), N.E. Meretsky, S.V. Pishoun, Z.G. Proshina,
V.V. Romanova, E.N. Spassky (deputy editor), A.M. Shkurkin

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith (USA), Nobuyuki Honna (Japan), Zhang Baichun (China)
Calvo-Martinez Tomás Mariano (Spain), C. Joy McRae (Australia)

MANAGING EDITOR

Y.M. Serdyukov, Z.G. Proshina

EDITORIAL STAFF

A.S. Volkov (web-design), E.V. Listopadova (technical secretary),
E.Y. Malneva (translator), Amanda L. Hinson (English-language editor)

*Scientific research journal is published in accordance with the decision
of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions
in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002*

FOUNDER

State Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Media Registration Certificate PE № 77-16283 issued August 29, 2003
Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
-------------------	---

СТАТЬИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО АТР

<i>Прошина З.Г.</i> Глобальность и локальность английского языка в образовательных системах азиатских стран.....	14
Образовательная политика Японии в последние годы (перевод О.В. Гречаник, научно-филологическая редакция проф. З.Г. Прошиной)	20
<i>Ларри Э. Смит</i> Мой долг перед АСЕАН как специалиста в области преподавания английского языка (перевод Е.В. Марковой, научно-филологическая редакция проф. З.Г. Прошиной).....	26
<i>Фуад Абдул Хамид</i> Высшее образование в Индонезии: опыт преподавания английского языка как иностранного (перевод Е.А. Яшкиной, научно-филологическая редакция З.Г. проф. Прошиной)	35
<i>Саран Каур Гилл</i> Институционализация промышленности и участие общества в высшем образовании: проблемы и рекомендации из опыта Азии и стран – членов АСЕАН (перевод Е.А. Яшкиной, научно-филологическая редакция проф. З.Г. Прошиной).....	42

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

<i>Ким А.С.</i> Методологические конструкции концепции региональной этнической и миграционной политики	52
<i>Шкуркин А.М.</i> Иммиграционный потенциал российского Дальнего Востока	60
<i>Смоляков В.А.</i> Тайваньский вопрос: взаимосвязь внутривосточных и международных процессов	70
<i>Филонов С.В.</i> Исследование даосизма в Китае: достижения и перспективы.....	83
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	93
К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ	94

CONTENTS

Editorial (translated by E.Y. Malneva)	8
--	---

EDUCATIONAL SPACE OF THE ASIA-PACIFIC REGION

<i>Proshina Z.G.</i> Global and Local English in Asian Education	95
Japan's Educational Policy in Recent Years.....	100
<i>Larry E. Smith</i> My Debt to ASEAN as an English Language Educator.....	105
<i>Fuad Abdul Hamied</i> Higher Education in Indonesia: A TEFL Case.....	111
<i>Saran Kaur Gill</i> Institutionalizing Industry and Community Engagement in Higher Education: Challenges and Recommendations across ASEAN and Asia	117

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Kim A.S.</i> Methodological Concepts of Regional Ethnic and Migration Policy (translated by E.V. Krivorouchko).....	126
<i>Shkurkin A.M.</i> Immigration Potential of the Russian Far East (translated by M.V. Yaschenko)	133
<i>Smolyakov V.A.</i> The Taiwan Question: Interconnection of Internal and International Processes (translated by E.K. Karavanova).....	141
<i>Filonov S.V.</i> Taoist Studies in China: Achievements and Prospects (translated by T.N. Tagirova).....	152

AUTHORS GUIDELINES	162
--------------------------	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

После окончания холодной войны мы живем в новой политической, культурной и экономической реальности. Советская Атлантида все глубже погружается в пучину исторического океана, и принадлежностью истории становятся как свойственные советскому обществу достижения, так и проблемы, которые не нашли в нем своего разрешения. Вступив в послесоветский период своей истории, Россия оказывается перед лицом новых реалий, новых исторических вызовов, на которые ей предстоит найти ответы, сталкивается с новыми проблемами, которые нужно решать и решить. Поиск этих ответов, этих решений – задача не только государственных органов, но и всей думающей части общества, всех людей доброй воли, искренне желающих своей стране прогресса и процветания. Не может оставаться в стороне и академическое сообщество как наиболее квалифицированная и профессионально подготовленная часть российского народа, задачей которой является осмысление перспектив российского социума в условиях современности.

А они таковы, что не оставляют возможности пойти по пути экономической автаркии и политической самоизоляции. Генеральная тенденция, характеризующая современную мировую цивилизацию, – интеграция. Интеграция, прежде всего, экономическая, но не только она. Речь идет также об интеграции в области технического развития, а также об интеграции образовательного пространства. Не следует забывать и о сближении национальных культур как о важнейшей стороне, предпосылке и аспекте интеграции.

Реализуя курс на интеграцию, наша страна вошла в ряд международных объединений разного масштаба. И совершенно не случаен тот факт, что Россия предприняла самые серьезные усилия и затратила значительные средства, чтобы с должным размахом и на самом современном уровне провести саммит АТЭС во Владивостоке.

Важнейший аспект интеграции – создание единого образовательного пространства. Это связано с той исключительной ролью, которую играет образование в современном мире. Оно создает как общие, так и конкретные предпосылки сближения народов, стран и культур. Общие – через повышение интеллектуального потенциала людей, конкретные – через взаимообогащение культур, изучение иностранных языков, обмен студентами, реализацию взаимных проектов в области образования. Интеграция образования необходима для налаживания полноценного экономического, политического и культурного сотрудничества и, естественно, для преодоления различного рода национальных фобий и предрассудков, доставшихся нам в наследство от прошлого.

На рубеже XX и XXI веков страны АТР превратились во влиятельный фактор мирового развития. Поскольку Дальний Восток – это треть территории нашей страны, Россия не может безучастно взирать на новые реалии. Ее задача – органично вписаться в них, и не в качестве сырьевого придатка, а в роли одного из ведущих субъектов научно-технического и культурного прогресса. На повестке дня стоит задача не просто реиндустриализации страны, а ее глубокой модернизации. Масштабная реформа образования, которая предпринята в России, призвана обеспечить культурные предпосылки для реализации новой роли России в мировом сообществе. Важнейший элемент реформы – создание сети федеральных университетов. Это новый для нашей страны тип учебного заведения, где, согласно замыслу реформаторов, должны быть сосредоточены лучшие научные и педагогические кадры. На восточной окраине нашей страны, как известно, недавно начал функционировать Дальневосточный федеральный университет, который является зримым воплощением курса на модернизацию, проводимого политическим руководством России. Объединение усилий ученых, педагогов и практиков, ради которого и создан университет, должно привести к синергетическому эффекту; и, как хотелось бы надеяться, результат не заставит себя долго ждать.

Переструктурирование образовательного пространства России не колеблет позиций тех вузов, которые готовят кадры для обеспечения функционирования и развития ее сложившейся инфраструктуры, в первую очередь сети железных дорог. Именно благодаря этой сети достигается экономическая и социальная целостность огромной территории, единство хозяйственной и культурной жизни огромной страны. На Дальнем Востоке России миссия подготовки инженерных кадров для железных дорог возложена на Дальневосточный государственный университет путей сообщения, и он с честью с нею справляется. Нельзя считать случайностью и тот факт, что именно на базе ДВГУПС выходит ведущий научный журнал гуманитарного сообщества ученых-дальневосточников. Этот факт говорит как о серьезных возможностях университета, так и о той важной роли, которая в нем придается развитию общественных наук.

Интеграцию не следует трактовать как отказ от национального своеобразия, от цивилизационной идентичности. Сближение стран и народов должно происходить естественным путем, его не следует подстегивать, оно должно строиться на основе взаимной полезности. Только такой подход соответствует принципам демократии и гуманизма.

Отсюда вытекает, что интеграция в области образования не требует отказа от национальных традиций, сложившихся в разных странах, но предполагает сближение содержательного, методического и организационного компонентов образовательных систем.

Номер журнала, который читатель держит в руках, формировался с учетом реалий и задач сегодняшнего дня, с учетом текущего момента. Тематически журнал разбит на две части. В первом блоке опубликованы статьи, где анализируются различные аспекты становления единого образовательного пространства в странах АТР.

Этот блок открывается статьей З.Г. Прошиной, в которой проанализирован опыт преподавания английского языка как иностранного в странах АТР. Вряд ли нужно объяснять, насколько важно в современном мире владеть английским языком. Хорошее знание этого языка – важнейшее условие включения будущих специалистов в научно-техническое и культурное творчество. Редакция надеется, что статья будет с интересом прочитана не только специалистами, непосредственно вовлеченными в процесс преподавания английского языка как иностранного, но и теми, кто по роду своей деятельности встречается с таким феноменом, как языковой барьер.

Помещая статью, посвященную современной образовательной политике Японии, редакция руководствовалась следующими соображениями. Япония – наш ближайший сосед, с которым мы обязаны поддерживать хорошие отношения. Уже в силу географической близости то, что происходит в Японии, не может быть нам безразлично. В послевоенные десятилетия Япония смогла добиться больших успехов, что было бы немыслимо без эффективной системы образования. И хотя японская и российская культуры очень различаются, нам есть смысл поучиться на примере Японии. Несмотря на все различия, японское общество сталкивается с проблемами, которые знакомы и нам. Например, с неблагоприятной демографической ситуацией. Или с проблемой безработицы среди молодежи. Понятно, что механический перенос принципов организации системы образования, как и методов решения социальных проблем, с японской почвы на российскую невозможен, однако опыт наших соседей полезен уже тем, что дает возможность избежать тупиков и ошибок.

Тематически к статье З.Г. Прошиной примыкают работы одного из ведущих в современном мире специалиста в области преподавания английского языка как иностранного Ларри Э. Смита и нашего коллеги из Индонезии Фуада Абдула Хамида.

Л. Смит исходит из понимания английского языка как уникального средства коммуникации, выполняющего различные функции в разных странах. Сфера бытования английского языка, как показано в статье, зависит от конкретной языковой ситуации в

каждой из стран АСЕАН, что обуславливает необходимость дифференцировать задачи, стоящие перед преподавателями английского языка как иностранного. Кроме того, следует признать, что возникновение различных национальных вариантов английского языка в современном мире – процесс объективный и неизбежный. Из признания этого факта вытекает множество следствий, которые обстоятельно и глубоко проанализированы в публикуемой статье.

З.Г. Прошина основное внимание уделяет вопросам методики преподавания английского языка как иностранного, Л. Смит – проблемам коммуникации между носителями различных национальных вариантов английского языка, индонезийский автор – организационным факторам и общим условиям, позволяющим оптимизировать процесс обучения языку мирового общения. Фуад Абдул Хамид рассматривает проблему в широком социальном контексте, увязывая вопросы совершенствования высшего образования с задачей обеспечения социальной справедливости. Осмыслив накопленный в Индонезии опыт, он пришел к вполне обоснованному заключению, что «внедрения рыночной экономики в ее чистом виде следует избегать». Этот опыт мог бы быть весьма полезен для преодоления рыночного романтизма, который, к сожалению, свойствен части российских чиновников, определяющих политику в области образования.

Ученый из Малайзии Саран Каур Гил очень подробно и обстоятельно знакомит нас с практикой налаживания в своей стране плодотворных связей между системой образования и обществом в целом. Для России, где эта проблема стоит довольно остро в связи с явным «перепроизводством» специалистов определенного профиля (в первую очередь, юристов и экономистов), такой опыт весьма полезен. Конечно, созданная для специфических условий Малайзии модель взаимодействия общества и системы образования не может быть прямо и непосредственно перенесена в Россию. Однако многое из того, что реализовано в этой стране на практике, могло бы найти применение и у нас. Например, те механизмы и институты, которые обеспечивают интеграцию усилий общества, бизнеса и системы высшего образования в подготовке специалистов нужного профиля.

Во второй блок входят статьи, посвященные различным аспектам бытия дальневосточного социума.

В статье известного российского исследователя А.С. Кима рассматривается остроактуальная для Дальнего Востока России проблема миграции. Эта проблема увязывается с задачей профилактики конфликтов на этнической почве. Содержащиеся в работе практические рекомендации опираются на целостную теоретическую конструкцию, основные положения которой изложены с достаточной степенью ясности и полноты. Разумеется, труд А.С. Кима не

может считаться закрывающим вопрос, но те выводы и положения, к которым автор приходит, представляют интерес для специалистов и широкого круга читателей.

Тематически и идейно со статьей А.С. Кима связана работа А.М. Шкуркина. В ней анализируется один из наиболее сложных и острых вопросов жизни дальневосточного сообщества – миграция трудовых ресурсов. Резкое уменьшение численности населения на Дальнем Востоке России в течение последних 20 лет (с 8 млн. до 6 млн.) создает реальную угрозу утраты нашей страной огромной и богатой ресурсами территории. В этой связи кажется довольно привлекательной перспектива заполнения опустевшей ниши на рынке трудовых ресурсов за счет миграционных потоков из Китая. Читателю, который желает получить более основательное и глубокое представление о плюсах и минусах, связанных с реализацией указанной перспективы, суждения А.М. Шкуркина дают богатую пищу для размышлений.

Публикуемая в настоящем номере статья А.В. Смолякова посвящена одной из наиболее деликатных проблем современной геополитики, до сих пор омрачающей горизонт азиатско-тихоокеанского сотрудничества. Речь идет о проблеме Тайваня и всего того, что с этой проблемой связано. А.В. Смоляков убедительно доказывает невозможность лобового решения вопроса. По-видимому, еще не настало то время, когда мировое сообщество будет готово найти справедливый и безболезненный выход из сложнейшей ситуации.

Завершается номер статьей С.В. Филонова. Сергей Владимирович по праву пользуется репутацией одного из наиболее квалифицированных российских исследователей даосизма – этой влиятельной национальной религии Китая, во многом определившей облик китайской цивилизации. Мы хотели бы надеяться, что из его статьи читатель почерпнет полезные знания о современном состоянии исследований даосизма в КНР, как и представление о том, насколько большое значение придается в Китае изучению культурного наследия.

Итак, заключая это краткое вступление, сформулируем нашу основную мысль: современный Дальний Восток – один из наиболее динамично развивающихся регионов мира. От того, насколько полно и плодотворно будут воплощены в этом сложном регионе принципы взаимовыгодного сотрудничества между странами, принципы равенства и справедливости в международных отношениях, во многом зависит и состояние дел во всем мире. И в значительной мере от этого зависит ситуация в России – великой дальневосточной стране с богатой историей и высокой культурой. Профессиональный и гражданский долг дальневосточных ученых – всемерно способствовать прогрессу региона на том участке деятельности, который входит в нашу компетенцию.

Член редколлегии журнала
«Социальные и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке»
проф. Р.Л. Лившиц

EDITORIAL

The end of the Cold War has ushered in a new era – that of a novel political, cultural and economic reality. The Soviet Atlantis is sinking deeper and deeper into an abyss of the ‘ocean of history’, as it were; both outstanding achievements and accomplishments characteristic of the Soviet era and those problems which have never actually been resolved are gradually fading into oblivion. Having entered a Post Soviet phase of history Russia has faced new realities, new historical challenges which are yet to be confronted and somehow coped with. The search for these solutions, seeking the essential answers are those tasks that need to be addressed not only by the Government but by the whole thinking community, all the people of Good Will who sincerely wish their country the best, who hope that its people will live and prosper. The academic community, being the most qualified and professionally apt and competent part of the Russian-speaking community cannot but be an integral part of the given process with the most imperative aim of the latter being reflection upon the prospects of contemporary Russian society.

The aforementioned prospects appear to be such as to deny the possibility of doing it the easy way, that is – to indulge in political self-isolationism and economic autarky. The common tendency which defines modern civilization is that of integration, economic integration, primarily, but not exclusively. Of no less importance is integration in the field of technological advancement as well as that in the domain of education. Similarly, assimilation and convergence of various national cultures invariably affect and determine the process of globalization.

Russia, being integration-oriented, has of late joined a number of international organizations of different scale, level and complexity. Hence, it is not at all surprising that Russia has taken serious steps and went to considerable expense in order to ensure that the APEC summit in Vladivostok is held at the highest possible level.

The most fundamental aspect of globalization is the creation of the integrated educational space. This results from that unique role that is performed by education in contemporary world. Education does provide prerequisites – both general and specific – for the integration of peoples, nations and cultures. The general ones are being realized via the enhancement of educational potential of people, the specific – by means of mutual enrichment of the said cultures, through foreign language learning, student exchange, joint projects in the sphere of teaching and learning. Integration in the educational domain is absolutely essential for fruitful economic, political and cultural cooperation and, doubtless, it is indispensable in terms of prevailing over all sorts of phobias and prejudices – the unfortunate legacy of the past.

At the turn of the millennia the APR countries have become exceptionally influential in terms of inducing global development. And since the Russian Far East actually constitutes one third of the country proper, Russia simply cannot behold new phenomena distractedly and absent-mindedly, as it were. Its main objective is to join the process naturally and judiciously, not only qua oil source and appendage, a limb of sorts but as one of the leading subjects of scientific, technological and cultural progress. The main point on the agenda is not merely reindustrialization of the country but its profound modernization and upgrading. A large scale educational reform which has been endorsed in Russia is meant to grant the cultural prerequisites that are to guarantee a new role of Russia on the world arena. One of the most significant steps on the way appears to be the formation of a network of federal universities. This type of a higher educational establishment is relatively new for Russia; in accordance with the initiative launched by the reformers, it should incorporate the best staff, both academic staff members and teachers as well as administrators. On the eastern frontier of this country, as one is well aware, Far Eastern Federal University has recently come into being which may be perceived as the quintessence of the modernization program adopted by the political rule of Russia. The joint efforts of researchers, teachers and administrators – which was, ultimately, the true goal of the University’s foundation in the first place, – ought to result in the synergistic effect, and, one wants to believe, it is not going to be long now.

The process of restructuring of the Russian educational space is not to destabilize the activity of those institutions of higher learning which train specialists and experts who are to safeguard and warrant the functioning of the country’s already shaped infrastructure, the railway network, primarily. It is precisely because of the latter that the social and economic integration of vast territories is being maintained as well as concord in the economic and cultural life of this immense country. In the Far East of Russia the honourable mission of training engineers for the railway infrastructure maintenance is being carried out by Far Eastern State Transportation University, and this role it does perform worthily, beyond a shadow of a doubt. It is not incidental that this institution of higher learning is precisely the place, the headquarters of the leading Far Eastern academic journal with the emphasis on the Humanities. This fact alone speaks volumes about the significant part performed by the University proper and that role which is being assigned to promoting Social Studies within the confines of the former.

Integration is not to be perceived qua elimination of national identity and discarding the identity of civilization. Assimilation of countries and peoples is to be a natural process, the one that should not be instigated artificially; it should be brought about on consensus and on the basis of mutually beneficial cooperation. This is the only approach that epitomizes the principles of democracy and humanism.

What inevitably follows is the premise that integration in the domain of education does not necessitate rejecting national traditions observed in various countries but presupposes incorporation of methodological, organizational and contents components of educational systems.

The special issue, the one that the reader is holding now in his / her hands, has been compiled with the consideration of the urgent issues typical of contemporary world. Thematically, the journal is divided into two parts; the first one contains articles which shed light upon various aspects of formation of the unified educational space in the APR countries.

This particular section commences with the article by prof. Z.G. Proshina who reflects on the experience of EFL (English as a Foreign Language) teaching in the APR countries. One should hardly mention how important it is to have a good command of the English language nowadays. Knowing the said language is absolutely indispensable for any specialists and experts who opt for being involved in the scientific, technological and cultural continuum of nowadays. The members of the editorial board do hope the article in question will be of interest not only for EFL practitioners and experts but that it will find its target audience among those who know from experience what a hurdle the fabled 'language barrier' actually is.

As far as the paper dealing with Japan's educational policy is concerned, it should be made clear that Japan is our closest neighbour and we are bound to keep good neighbourly relations with it. This geographical proximity alone cannot but affect Russia; we cannot be indifferent to what is happening in Japan at present. In the post-war period Japan was capable to achieve rapid and triumphant success which would have been totally unattainable but for Japan's effective and highly professional educational system. And although Russian culture differs radically from the Japanese one, there is much to be learned from the experience of the latter. Despite all the dissimilarities, Japanese society does face problems which are familiar to us all, take, for one, an unfavourable demographic situation or youth unemployment rates.

It is apparent that purely automatic mechanical transference of the principles behind the educational system as well as the solutions meant to rectify social problems from the Japanese onto the Russian soil is unthinkable and improbable but the experience gained by our neighbours is extremely helpful since it allows

for less mistakes and eventual dead ends which might occur in the process.

Thematically, the paper by Z.G. Proshina correlates with the article by Larry E. Smith who happens to be one of the leading specialists in the sphere of teaching English as a Foreign Language, as is our colleague from Indonesia, Fuad Abdul Hamied.

Larry Smith theorizes that English is a unique communication tool capable of performing various functions in different countries. The sphere of application and use of the English language depends on the particular language situation characterizing ASEAN countries; this results in the necessity to discriminate the tasks any EFL educator faces. Moreover, one should acknowledge that the emergence of diverse national variants of English nowadays is the process both objective and inevitable. This argument brings about many of the ideas which are being thoroughly analysed in the article.

Z.G. Proshina pays special attention to the issues concerning the methodology of EFL teaching whilst L. Smith focuses on the topic of communication between the speakers of different variants of English. F.A. Hamied, in his turn, dwells on the factors and conditions which help optimize the process of learning English as the language of international communication. He examines this problem in a wider social context, tying the issues of perfecting higher education to those which are meant to safeguard social justice and equality. Having considered all the relevant data accumulated in Indonesia and pertaining to Indonesian educational system, the author makes a well grounded conclusion that "we cannot just leave it all to market", that "relying solely on market forces could create greater inequality". This particular experience might come in handy in this country in order to facilitate triumph over 'market romanticism', which many of the Chief Executive Officers who delineate the educational policy in Russia share today, somewhat bizarrely.

A renowned scientist and educator from Malaysia Saran Kaur Gill informs us of the practice adopted in his country, that of establishing fruitful links between the Malaysian educational system and the society at large. For Russia the experience in the given sphere appears to be extremely helpful since what we witness these days is the 'over production', as it were, of specialists in particular domains, lawyers and economists primarily. We are aware that this particular model created specifically for Malaysia cannot be applied in Russia without necessary amendments and ramifications. However, many of the effective techniques devised in Malaysia could be relevant and valid in Russia too, like establishing certain institutions and launching projects which are to guarantee the incorporation of efforts on the part of the society, businesses and those of higher educational establishments in the process of training the required experts.

The second part of the special issue comprises the articles dealing with certain problems the Russian Far East faces nowadays.

A prominent Russian scientist A.S. Kim ponders the issue that is extremely urgent these days – that of migration in the Far Eastern region. This particular matter is of primary importance since it is aimed at averting ethnic conflicts. Those practical recommendations which are to be found in the article in question result from the holistic theoretical conception, the main tenets of which are presented fully and in detail. Naturally, the article is not exhaustive but the main assumptions and conclusions are to be of interest to specialists and lay people alike.

The abovementioned paper is somewhat related to another article written by A.M. Shkurkin. The given work focuses on one of the most acute problems defining the life of the Far Eastern community – that of the workforce and labour migration. The dramatic decline in the total numbers of the population in the Russian Far East, which has occurred in the last twenty years (from that of estimated eight million to six million people) constitutes a real threat of losing those vast and immense territories our country has. In this connection it might seem appealing to fill the niche in question by the subjects of China migrating to the Russian Far East. The readers who are not indifferent to the situation, who would like to learn more about some of the pros and cons of the delineated prospect, will find the article by A.M. Shkurkin fruitful and informative.

Another paper published therein is written by A.V. Smolyakov and dedicated to one of the most sensitive geopolitical issues which have been casting a shadow over the horizon of the APR cooperation for quite a time now. That would be the problem of Tai-

wan and everything concerned with it. A.V. Smolyakov proves once and for all that it is impossible to solve this dilemma bluntly and straightforwardly. The world community is obviously not ready yet to find a just and trouble-free solution to the most complicated of problems such as this one.

The last article in the thematic issue belongs to the pen of S.V. Filonov, who is rightly considered to be one of the most qualified and esteemed Russian researchers of Taoism, which is unquestionably the most influential national religion of China, the one that has defined the country's identity. We want to believe the article will provide valuable information in regard to the contemporary state of affairs in the sphere of the Taoist Studies in China and it will also shed light upon the inherent significance of studying the country's cultural legacy.

So, to conclude: the Far East of today is, doubtless, one of the most dynamic and fastest-growing regions in the world. Hence, the way the principles of mutually beneficial cooperation between the countries, the principles of justice and equality are shared and upheld in this region, whether the collaboration is fruitful and meaningful for all the participants, – all this actually affects the global worldwide state of affairs. And, most certainly, it does affect the situation in Russia – one of the greatest Far Eastern countries boasting rich history and high culture. It is our duty as Russian – and Far Eastern – scientists to promote and facilitate the progress of this region in this particular field wherein we are competent above all others.

Member of the Editorial Board
Prof. R.L. Livshits

СТАТЬИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

ГЛОБАЛЬНОСТЬ И ЛОКАЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ АЗИАТСКИХ СТРАН

З.Г. Прошина

Прошина Зоя Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: proshinazoya@yandex.ru

В статье рассматривается роль английского языка как средства межкультурного общения в учебных заведениях Азии, с одной стороны, способствующего интернационализации образования и, с другой – выражающего локальную идентичность использующего его народа. Рассмотрение данных проблем осуществляется с позиции российского преподавателя, делающего выводы о возможных уроках для отечественной школы.

Ключевые слова: язык международного общения, язык-посредник, межкультурная коммуникация, модель обучения, вариант английского языка, академическая мобильность.

Одним из основных принципов АСЕАН, политической, экономической и культурной межправительственной организации стран Юго-Восточной Азии, крупнейшей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, является принцип «единства в разнообразии» («unity in diversity») [Charter: 2, 6]. Этот принцип подразумевает уважение к многочисленным языкам и культурам входящих в ассоциацию и сотрудничающих с ней стран, но предполагает единый рабочий язык, обслуживающий все функциональные потребности самой ассоциации и всех ее членов, что явно противоречит принципу мультилингвизма Евросоюза, признающего официальную роль 23 языков [Kirkpatrick 2012]. Роль единого языка в азиатском пространстве взял на себя английский язык, давно уже выполняющий посреднические функции расширенного lingua franca в АТР и в мире [Kirkpatrick 2010] и в конце 1990-х гг. провозглашенный языком Азии [English Is an Asian Language 1997]. Соответственно на этот принцип сегодня ориентируются не только страны, непосредственно входящие в АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма (Бирма), Сингапур, Таиланд, Филиппины), но и соседние азиатские страны, включая Японию, Китай и Южную Корею. Несомненно, что уроки из образовательной политики этих стран важны и для России. Остановимся на пяти самых важных из них:

1. Необходимость пересмотра целей обучения английскому языку.

2. Межкультурная ориентация в преподавании английского языка.

3. Полимодельный вариантный подход к преподаванию английского языка.

4. Необходимость поддержки мультилингвизма в школах.

5. Английский язык – основное средство для академической мобильности.

Урок 1. Необходимость пересмотра целей обучения английскому языку

Цели обучения предполагают ответ на вопросы: для чего надо изучать иностранный язык, в частности, английский; кто будет потенциальным коммуникантом наших студентов; какие навыки (компетенции) студенты должны приобрести. Сегодня в азиатских странах растет убеждение в том, что, поскольку английский язык стал глобальным средством общения, этот язык может и должен использоваться для коммуникации с представителями самых разных этносов, а не только с британцами и американцами как носителями этого языка [Kachru Y., Nelson 2006: 21; Seidlhofer 2011: 11; Xu 2010: 177–179]. Проработавший много лет в одной из комиссий Министерства образования Японии профессор Н. Хонна убежден, что требовать, чтобы японские образовательные заведения готовили выпускников, говорящих на американском английском, – абсолютно нереальная и ненужная цель, ибо естественно, что японец будет говорить на японском варианте английского языка [Honma 2012: 193].

Это убеждение прямо противоположно целям языкового обучения в российских школах, которые

реализуют программу, рекомендуемую Министерством образования и науки, согласно которой главная цель обучения иностранным языкам – умение общаться с носителями языка. Так, например, в пояснительной записке к примерным программам по иностранным языкам, представленным на сайте «Единое окно доступа к образовательным ресурсам» Федерального агентства по образованию [Примерные программы, электрон. ресурс; Образовательный стандарт, электрон. ресурс], цель данной учебной дисциплины сформулирована следующим образом: «Основное назначение иностранного языка состоит в формировании коммуникативной компетенции, т.е. способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка».

В системах образования азиатских стран главный фокус делается на развитие коммуникативной компетенции при использовании своей модели английского языка (например, китайского английского – China English [Xu 2010]) и рецептивных умений, ориентированных на разные варианты английского языка, особенно соседних стран. Например, в Японии издано учебное пособие под названием «Understanding Asia» [Honma, Takeshita 2009]. Главы этого пособия, посвященные отдельным странам Азии, написаны носителями соответствующих азиатских вариантов английского языка: сингапурцем, китайцем, малайзийцем, вьетнамцем, русским и т. д. Соответственно на приложенном к учебному пособию CD-ROMу звучат диалоги, наговоренные представителями соответствующих стран, так что учащиеся, занимающиеся по этому пособию, получают представление об акценте, характерном для того или иного варианта английского языка.

В Японии внедряется образовательная политика «Japanese with English Abilities», поощряющая преодоление языкового барьера и развитие коммуникативных навыков, в частности путем общения с туристами в самой Японии и использования языковых стажировок студентов в соседние страны АТР, особенно в Сингапур, где английский является одним из официальных языков. Такая стажировка стала обязательной для студентов колледжа мировых вариантов английского языка Университета Тюкё (College of World Englishes, Chukyo University, Nagoya) [Д'Анджело 2012; Sakai & Dangelo 2005].

Развивая продуктивные навыки учащихся, японские школы поддерживают стремление учащихся к самовыражению на английском языке, который считается вторичным средством выражения идентичности (первичным средством, несомненно, является родной язык учащихся). Это связано с обучением выражению своей собственной культуры на английском языке.

В одной из своих последних статей, опубликованной в журнале «Journal of English as a Lingua Franca» Эдгар Шнайдер, рассуждая на тему о возможности перехода от концепта ESL (английского как второго языка) к концепту ELF (английский как посредник), акцентировал необходимость работы над выработкой трех основных стратегий: аккомодации (приспособлению к компетентностному уровню адресата), неготиации (использованию коммуникативно успешных форм) и (при необходимости) симплификации (упрощения) [Schneider 2012, 87]. Именно эти три стратегии предопределяют успешность межкультурной коммуникации. Поэтому цель обучения английскому языку в азиатских странах формулируется как успешная коммуникация в многоязычной обстановке («to be able to use the language successfully in multilingual settings»). Такая цель предполагает уход от измерения успешности по нормам идеализированных монолингвальных носителей языка и принятие в качестве оценочных ориентиров нормы успешно осуществляющих коммуникацию билингвов [Kirkpatrick 2012: 131].

Урок 2. Межкультурная ориентация в преподавании английского языка

Вариантология английского языка, которая все больше влияет на образовательные стратегии, опирается на принцип тесной связи языка и культуры. Любой вариант английского языка отличается от другого варианта, прежде всего, своим культурным основанием, обуславливающим различия в менталитете, а также определенной степенью трансференции лингвистических черт родного языка, которые уменьшаются в зависимости от повышения лектального уровня пользователей (минимум черт на акролектном уровне; максимум – на базилектном уровне). Это значит, что в основе изучения международного английского языка лежат разные культуры, и в первую очередь, своя собственная.

Правда, стоит признать, что у этой точки зрения есть противники, утверждающие, что международный английский – это денационализированный вариант языка, лишенный культурной специфики, отражающий только то, что объединяет всех говорящих на нем людей [Johnson 1990; Yano 2001].

Противники аккультурации английского языка, т.е. признания его приспособления к выражению новой для него культуры, вместе с тем, попадают в лингвокультурологическую ловушку, на которую в свое время указал Б. Качру [Kachru 1983; Качру 2010], поскольку «нейтральный» английский все-таки выражает ценности западного христианского общества, а не многоконфессионального азиатского с его богатым культурным наследием, с его специфической прагматикой, которая становится явно заметной при интракультурном общении на английском языке его пользователей. Вместе с тем

заимствования из восточных языков и культур составляют значительную долю в современном английском языке, способном выражать не только христианские ценности Запада, но и культурное многообразие мира [Бутина 1971; Прошина 2001; Титова 2010; Хохлова 2008].

Межкультурная коммуникация приходит в класс именно через иностранный язык [Тер-Минасова 2000]. Э. Киркпатрик прав, утверждая, что современная программа по английскому языку может стать кросскультурной программой [Kirkpatrick 2012: 134]. Путем чтения и обсуждения англоязычных текстов о других культурах студенты рефлектируют о своей собственной культуре, выявляют ее сравнительные особенности, учатся толерантности и пониманию культур, отличающихся от их собственной. В Китае примером учебного заведения, где сложилась замечательная школа межкультурной коммуникации, может быть Харбинский технологический университет, чьи профессора воплощают теорию межкультурной коммуникации в практику, используя английский язык как посредник [Цзя, Цзя 2009; Сун 2009; Jia, Jia 2009; Song 2009].

Для русских освоение азиатских культур через английский язык, выполняющий функцию лингва франка, означает овладение основами опосредованного перевода [Прошина 2005, 2007], который подразумевает овладение спецификой латинизации восточных слов и ориентацию на давно уже сложившиеся основы прямого перевода с восточных языков на русский. Незнание этих основ приводит к неправомерному воздействию английского языка на заимствование восточных слов русским языком, как это иногда происходит – например, в газетах можно встретить упоминания о *тай джи* вместо *тай цзи*; используется форма *чикунг* вместо *цигун*; *инь и янь* вместо *инь и ян* и т.п.

Вместе с тем ориентация на межкультурную коммуникацию предполагает не только умение воспринимать другие культуры и корректно реагировать на них. Участники процесса межкультурной коммуникации интересны друг другу именно своей культурой. Поэтому в учебном процессе много внимания должно уделяться обучению говорить и писать о своей культуре – как пишет Дэвид Ли, программы обучения английскому языку должны включать элементы прагматических норм и ценностей своей родной культуры [Li 1998: 46].

Один из путей к этому – создание учебных пособий, включающих темы о родной культуре учащихся, как это сделано, например, в пособии, изданном для японских школьников, «J-Talk: Conversation Across Cultures» [2000], где J является инициальной аббревиатурой слова Japanese. В этом пути для российских педагогов и учащихся нет ничего нового. В наших учебниках всегда проводилась параллель или дела-

лось сравнение явлений и фактов изучаемой британской, позже американской культуры с соответствующими явлениями жизни советского / российского общества. Возможно, нужно лишь вводить больше курсов по выбору о России на английском языке, особенно для студентов лингвистических специальностей – благо, учебных материалов у нас уже достаточно (см., например, [Кабакчи 2009]).

Второй путь – внедрение в программу обучения, особенно на уровне высшего образования, творческих курсов, целью которых является вербализация своей культуры. Например, в Гуанчжоуском университете имени Сунь Ятсена, как и в Городском университете Гонконга, открыт англоязычный курс творческого письма (creative writing), изучая который, студенты не только знакомятся с англоязычным творчеством своих эмигрировавших соотечественников, но учатся сами писать по-английски художественную прозу, поэзию и публицистику, реализуя свое творческое начало и повествуя о своей родной культуре.

Китай – одна из первых стран Дальнего Востока, где английский язык стал восприниматься как проводник родной культуры. Это нашло проявление в популярном в 1990-х гг. методе «сумасшедшего английского» (Crazy English), разработанном преподавателем Ли Яном и распространенном благодаря одноименному фильму. Сущность методики заключалась в осуществлении трех принципов: «Говори как можно громче», «Говори как можно быстрее» и «Говори как можно четче» [Bolton 2003]. По сути дела, это была методика раскрепощения, внушения того, что английский язык поможет Китаю преодолеть экономическую гегемонию США, Японии и Европы [Adamson 2004: 170]. Сегодня китайцы утверждают, что английский язык, выражающий китайскую культуру, в полном праве должен наименоваться китайским английским (China English) [Иванкова 2007; Сун 2009], на нем говорят высокообразованные китайцы, он используется китайской прессой и китайскими деятелями культуры, в том числе писателями, такими как Ха Цзинь (Ha Jin), Июнь Ли (Yiyun Li), Сяолуй Го (Xiaolu Guo), Цю Сяолун (Qiu Xiaolong) и многих других.

Урок 3. Полимодельный вариантный подход к преподаванию английского языка

Вышесказанное непосредственно связано с полимодельным, или поливариантным подходом к преподаванию английского языка [Berns, 2006; Kachru, 1983; Качру, 2010]. Несколько десятилетий назад в учебных заведениях азиатских стран преобладала британская или американская модель английского языка. В настоящее время бицентрическое осознание английского языка все более уступает место идее полимодельного обучения, суть которого

заключается не в культивировании рафинированного «королевского английского» как самого правильного, а в знакомстве с разными вариантами и уместном их использовании в реальных жизненных ситуациях. Это модель, названная Фергюсоном феноменологическим подходом, ориентированным на речевую практику [Ferguson 2012: 178], развилась в результате расширения социолингвистической перспективы изучения живого английского языка, давшей основание перенести фокус оценки успешности обучения на достижение коммуникативной цели, осуществление коммуникации, а не на имитацию речи носителей языка [Kirkpatrick 2012: 131]. Задача преподавателя – воспитание в учащихся чувства языковой толерантности к пользователям иных вариантов английского языка и формирование навыков межкультурной грамотности (intercultural literacy) [Honna 2012: 195].

Вступив в эпоху «пост-англокультурного» контекста обучения [Kirkpatrick 2012: 133], английский язык стал использоваться как средство объединения народов, давая им возможность узнать не столько об англофонном мире, сколько о культурах соседних народов и тех народов, с которыми, возможно, будут развиваться деловые связи.

Чем больше студенты соприкасаются с представителями разных вариантов английского языка, тем лучше они оказываются подготовленными к реализации стратегий и тактик межкультурной коммуникации. Именно на практике они усваивают основные приемы адаптации к речи своих коммуникантов, и для успешности своих коммуникативных целей они используют перифразы, повторы, избыточность, лексическую вариативность, заимствования, кодовое смешение и другие приемы [Ferguson 2012: 179]. Знакомство с вариантами расширяет языковое сознание студентов (language awareness), вот почему в программы подготовки учителей все чаще включаются курсы по вариантологии английского языка [Matsuda 2009].

Примечательно, что, чувствуя изменения на мировом книжном рынке, крупнейшие мировые издательства, как например, Cambridge University Press, Oxford University Press, Longman, Macmillan, стали ориентироваться на представление в своих учебных пособиях речи с разными акцентами, а не только британским и американским. Так, например, издательство Longman строит свой курс «Cutting Edge», как и издательство Оксфордского университета – курс «Headway» с учетом вариативности английского языка. Записанные на диски тексты в этих учебниках начитаны и наговорены дикторами из разных стран, так что студенты имеют возможность представить широту использования английского языка. Издательство Кембриджского университета недавно предложило новый курс «English

Unlimited», учитывающий глобальное варьирование английского языка. Новаторским в этом плане является также курс издательства McMillan «Global», изначально ориентированный, судя уже по заголовку, на межкультурное использование английского языка в глобальном масштабе.

Рецептивное знакомство с разными вариантами английского языка вовсе не предполагает выработку продуктивных навыков воспроизведения этих вариантов. Ориентируясь на нормы международного английского, образованные преимущественно из британских и американских протонорм с допущением – особенно на лексическом и фонетическом уровне – языковых черт своего варианта, не препятствующих межкультурной коммуникации, учащиеся и преподаватели-билингвы вырабатывают свою собственную модель английского языка, базирующуюся на их собственной культуре [Хино 2011; Хино 2012; Hino 2011]. Так, прескриптивный путь обучения языку постепенно уступает место коммуникативному подходу, но не вытесняется им в полной мере, оба подхода находятся в комплементарных отношениях, дополняя друг друга; меняется лишь их равновесие – на сегодняшний день коммуникативный подход является доминирующим.

Урок 4. Необходимость поддержки мультилингвизма в школах

В связи с появлением полимодельного подхода в учебных заведениях языковой моделью становится не идеализированный носитель языка, а билингв, успешно участвующий в мультилингвальной коммуникации.

Английский язык является обязательным школьным предметом в Китае и Корее, где обучение начинается рано, с младших классов. В Японии он представляет обязательную дисциплину de facto, а не de jure. Обучение английскому языку в средней школе Японии начинается с 7-го класса или с младшей ступени старших курсов и продолжается до окончания школы, завершаясь сдачей экзамена. Поскольку экзамен по английскому языку – обязательное условие для поступления в университет [Xu 2010], многие учащиеся посещают дополнительные школы для подготовки к экзамену (дзюку в Японии, хагвон в Корее).

В последнее время во многих азиатских странах стало увеличиваться количество начальных школ, включающих английский язык в программу раннего обучения. Вместе с тем это вызывает серьезную обеспокоенность педагогов и академической общественности, поскольку мешает развитию родного языка учащихся. Сделан вывод о том, что грамотность на родном языке не только способствует становлению личности, но также помогает учащимся в будущем осваивать второй или иностранный язык [Xu 2010: 181;

Kirkpatrick 2012: 123]. Сохранение обучения в начальной школе на родном языке учащихся должно также обеспечить сохранение малых языков в многонациональных государствах.

Пересматривается роль родного языка и в обучении английскому как второму и иностранному. Если раньше на уроках господствовал принцип “English Only”, запрещавший использовать родной язык учащихся при обучении английскому, теперь это положение все чаще подвергают критике [Kirkpatrick 2012: 134], считая, что использование родного языка для объяснения трудных языковых и культурологических моментов вполне естественно, и родной язык вовсе не должен изгоняться из класса.

Урок 5. Английский язык – основное средство для академической мобильности

Академическая мобильность, ставшая в эпоху интернационализации ценностью [Бурам 2008], обмен научной информацией, интернет – все эти явления стали требовать единого языка коммуникации. Таким языком стал, естественно, язык, нашедший наибольшее количество пользователей в мире – английский.

Академическая мобильность в наши дни рассматривается как средство, помогающее университетам выдержать конкурентную борьбу. Английский язык – неперенный инструмент в этой борьбе. Благодаря ему, университеты разных стран получают возможность приглашать для чтения курсов лучших профессоров; студенты, даже не знающие языка принимающей страны, выбирают учебные программы и заканчивают университеты, получая искомую степень и квалификацию. Чем больше таких международных программ, основным требованием к которым становится знание английского языка, тем большее финансирование университета и тем больше шансов для его развития. Вот почему современные университеты Китая, Кореи, Сингапура, Малайзии считают наличие англоязычных курсов в своих университетах требованием модернизации образования.

Подводя итог, отметим, что в азиатских странах складываются динамичные и модернизированные системы образования, в которых английский язык как средство глобальной коммуникации играет очень важную роль. Изменение статуса и роли английского языка в современном мире привело к значительным изменениям и в системах образования многих стран, к изменению программ, целей и задач обучения, к осознанию необходимости выражения культурной идентичности через язык-посредник. Значительно укрепилась модель локального (регионального) английского языка и вместе с этим – роль местных преподавателей-билингвов, служащих образцом для подражания в классе. Эти процессы и изменения отмечаются во всем мире, и в отечественном образовании мы тоже скоро будем

констатировать и уже констатируем тенденцию к подобного рода изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутина, Р.М. К проблеме контакта языков (на материале тюркских лексических элементов в английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1971. – 26 с.
2. Д’Анжелло, Дж. Кризис системы японского высшего образования: Уроки азиатских стран, где английский язык является официальным? / Дж. Д’Анжелло // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. 14.
3. Иванова, Т.А. Лексические и грамматические особенности китайской региональной разновидности английского языка (на материале письменных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток: ДВГУ, 2007. – 25 с.
4. Кабакчи, В.В. Англоязычное описание русской культуры. Russian Culture Through English / В.В. Кабакчи. – М.: Academia, 2009. – 224 с.
5. Качру, Б. Модели вариантов английского языка, неродного для его пользователей / Б. Качру // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – Вып. 1 (№ 53–54). – С. 175–196.
6. Образовательный стандарт среднего (полного) общего образования по иностранному языку. Базовый уровень. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.school.edu.ru/dok_edu.asp?ob_no=14413 (дата обращения: 2.09.2011).
7. Примерные программы по иностранным языкам. Английский язык. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=14191 (дата обращения: 14.11.2011).
8. Прошина, З.Г. Английский язык и культура Восточной Азии / З.Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 476 с.
9. Прошина, З.Г. Передача китайских, корейских и японских слов при переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский: Теория и практика опосредованного перевода / З.Г. Прошина. – М.: Восток–Запад, 2005, 2007. – 160 с.
10. Сун, Ли. Китайский английский с социокультурной точки зрения / Ли Сун // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1 (21). – С. 60–72.
11. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
12. Титова, О.К. Вьетнамизмы в англоязычном описании вьетнамской культуры (на материале аутентичных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПУ, 2010. – 24 с.
13. Хино, Н. Английский как международный язык в преподавательской практике / Н. Хино // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. 14. – Вып. 1 (№ 69–70). – С. 155–163.
14. Хино, Н. Странам «Расширяющегося круга» тоже нужны собственные модели! Вопрос о равенстве вариантов английского языка практике / Н. Хино // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 4 (32). – С. 104–110.
15. Хохлова, И.Н. Характеристика южноафриканского лексического компонента в современном английском и русском языках (в сопоставительно-переводческом аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГОУ, 2008. – 24 с.
16. Цзя, Ю. Социолингвистический подход к межкультурной коммуникации / Ю. Цзя, С. Цзя // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1 (21). – С. 9–28.
17. Adamson, B. China’s English. A History of English in Chinese Education / B. Adamson. – Hong Kong: Hong Kong

University Press, 2004. – 241 p.

18. *Berns, M.* World Englishes and communicative competence / M. Berns // *The Handbook of World Englishes* / B. Kachru, Y. Kachru, and C. Nelson (eds.) – Oxford, UK, Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. – P. 718–730.

19. *Bolton, K.* Chinese Englishes. A Sociolinguistic History / K. Bolton. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 338 p.

20. *Byram, M.* The 'Value' of Academic Mobility / M. Byram // *Students, Staff and Academic Mobility in Higher Education* / Ed. by M. Byram and F. Dervin. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 31–47.

21. Charter of the Association of Southeast Asian Nations. 2007. – URL: <http://www.aseansec.org/21069.pdf>.

22. English Is an Asian Language: Proceedings of the conference held in Manila on August 2–3, 1996 / Ed. by Maria Lourdes S. Bautista. – The Macquary Library Pty Ltd, 1997. – 197 p.

23. *English Unlimited* / A. Doff, J. Stirling, S. Ackroyd. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

24. *Ferguson, G.* The practice of ELF / G. Ferguson // *Journal of English as a Lingua Franca*. – 2012. – Vol. 1. – №1. – P. 177–180.

25. *Global* / L. Cladfieldand, R.R. Benne. – McMillan, 2010.

26. *Hino, N.* WE in the Expanding Circle Need Our Own Model Too! Quest for Equality in World Englishes / N. Hino // *The Humanities and Social Studies in the Far East*. – 2011. – № 4 (32). – P. 256–260.

27. *Honna, N.* The pedagogical implications of English as a multicultural lingua franca / N. Honna // *Journal of English as a Lingua Franca*. – 2012. – Vol. 1. – № 1. – P. 191–197.

28. *Honna, N.* Understanding Asia / N. Honna, Y. Take-shita. – Tokyo: Cengage Learning, 2009.

29. *Jia, Y.* A Sociolinguistic Approach to Intercultural Communication / Y. Jia, X. Jia // *The Humanities and Social Studies in the Far East*. – 2009. – № 1 (21). – P. 121–138.

30. *Johnson, R.K.* International English: towards an acceptable, teachable target variety / R.K. Johnson // *World Englishes*. – 1990. – Vol. 9. – № 3. – P. 301–315.

31. *J-Talk: Conversation Across Cultures* / L. Lee, K. Yoshida, S. Ziolkowski. – Oxford University Press, 2000.

32. *Kachru, B.B.* Models for non-native Englishes / B.B. Kachru // *Readings in English as an International Language*

/ Ed. by Larry E. Smith. – Oxford, New York, Toronto, a.o.: Pergamon Press, 1983. – P. 69–86.

33. *Kachru, Y.* World Englishes in Asian Contexts / Y. Kachru, C. Nelson. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2006. – 412 p.

34. *Kirkpatrick, A.* English as a Lingua Franca in ASEAN. A Multilingual Model / A. Kirkpatrick. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2010. – 222 p.

35. *Kirkpatrick, A.* English as an Asian Lingua Franca: the 'Lingua Franca Approach' and implications for language education policy / A. Kirkpatrick // *Journal of English as a Lingua Franca*. – De Greuter Publ., 2012. – Vol. 1. – № 1. – P. 121–139.

36. *Li, D.C.S.* Incorporating L1 Pragmatic Norms and Cultural Values in L2: Developing English Language Curriculum for EIL in the Asia Pacific Region / D.C.S. Li // *Asian Englishes*. – 1998. – Vol. 1. – №1. – P. 31–50.

37. *Matsuda, A.* Desirable but not necessary? The place of World Englishes and English as an International Language in English Teacher Preparation Programs in Japan / A. Matsuda // *English as an International Language* / Ed. by F. Sharifian. – Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters, 2009. – P. 169–189.

38. *New Cutting Edge* / C. Cheetham, D. Alberly, F. Eales, a.o. – Longman, 2005.

39. *New Headway* / B. Hayden, L. Soars. – Oxford University Press, 2007.

40. *Sakai, S.* A vision for world Englishes in the Expanding Circle / S. Sakai, J. D'Angelo // *World Englishes*. – 2005. – Vol. 24. – № 3. – P. 323–327.

41. *Schneider, E.* Exploring the interface between World Englishes and Second Language Acquisition / E. Schneider // *Journal of English as a Lingua Franca*. – De Greuter Publ., 2012. – Vol. 1. – № 1. – P. 57–91.

42. *Seidlhofer, B.* Understanding English as a Lingua Franca / B. Seidlhofer. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 244 p.

43. *Song, Li.* China English from a Socio-Cultural Perspective / Li Song // *The Humanities and Social Studies in the Far East*. – 2009. – № 1 (21). – P. 165–174.

44. *Xu, Zhichang.* Chinese English. Features and Implications / Zhichang Xu. – Hong Kong: Open University of Hong Kong Press, 2010. – 244 p.

45. *Yano, Y.* World Englishes in 2000 and beyond / Y. Yano // *World Englishes*. – 2001. – Vol. 20. – № 2. – P. 119–131.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

*Отдел планирования и координации политики, бюро политики непрерывного образования,
Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии*

Контактный адрес: gensafe@mext.go.jp

В статье рассматриваются основы образовательной политики современной Японии и деятельность Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий (МОКСНТ/МEXT) в рамках совершенствования национальной системы образования. Проанализировано содержание реформы Основного закона об образовании в Японии. Обозначены важнейшие направления образовательной политики: улучшение образовательных возможностей школы (увеличение количества, повышение качества подготовки преподавателей), улучшение содержания обучения (пересмотр учебных стандартов и ПИАС/PISA исследования), снижение расходов на образование, развитие конкурентоспособных университетов на международном уровне, расширение содействия занятости молодежи.

Ключевые слова: образовательная политика Японии, реформа образования, Основной закон об образовании в Японии, Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии (МОКСНТ/МEXT).

Введение

После крупнейшего землетрясения в Восточной Японии¹, которое произошло в марте 2011 г., значительный урон нанесен процессу образования, погибли многие студенты и преподаватели, не говоря уже о серьезных повреждениях в школах. В условиях этого беспрецедентного катастрофического землетрясения и цунами, которые привели к большим страданиям и скорби, японцы смогли заново открыть для себя смысл объединения – помогать друг другу в лишениях и определить важность связей объединения людей в своих общинах. Кроме того, помощь международного сообщества позволила нации снова признать прочные связи, которые выходят за пределы национальных границ. Японское Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий (МОКСНТ/МEXT) прилагает все усилия для восстановления школ, подвергшихся воздействию землетрясения и цунами.

¹ Гигантское землетрясение на востоке Японии – сильной магнитуды, 9 толчков испытала Япония на побережье Санрику в 14:46 11 марта 2011 г., они вызвали мощное цунами, которое привело к обширному опустошению Тихоокеанского побережья региона Тохоку. Приблизительно 20,000 человек были убиты или пропали без вести.

Ущерб для школ:

- человеческие жертвы – 641 убитый (из которых 605 человек – учащиеся); 92 – без вести пропавшие (из них 82 – учащиеся);

- физический урон – приблизительно разрушено 8,000 школ.

Важность образования по предотвращению бедствий – несмотря на то, что погибло много учащихся в других районах, ученики из неполной средней школы в Камаиси Сити (префектура Иватэ), на уроках учились предотвращать бедствия и оказывать помощь. Они проявили инициативу проводить занятия регулярно, прежде чем цунами обрушится на побережье, и научиться выводить учеников из соседней начальной школы в безопасное место. В результате все студенты, которые учились в школе в тот день, были спасены – это было названо «чудом Камаиси» и подтвердило важность постоянного обучения по оказанию помощи во время бедствий.

Проблемы Японии относятся не только к избавлению от последствий катастрофы в марте 2011 г. Япония также сталкивается с серьезными проблемами, вызванными быстрым старением японского общества, глобализацией, тяжелой работой и трудной экономической ситуацией. Вместе с ухудшающимися условиями образования, занятости выпускников школ и увеличением числа домашних хозяйств, живущих на пособие, актуальным вопросом становится укрепление человеческих ресурсов, которые могут играть активную роль в международном сообществе, так как число японских студентов, обучающихся за рубежом, заметно снизилось.

В этом контексте Министерство считает, что особенно важно, чтобы усилия были направлены на укрепление поддержки всех лиц, которые желают получить образование, соответствующее потребностям и личностям детей, интернационализации университетов, для того чтобы воспитать такие человеческие ресурсы, которые могут играть ведущую роль в международном сообществе, а также необходимо способствовать карьерному росту и развивать профессионально-техническое образование, чтобы студенты могли плавно перейти из школы в общество.

В настоящем докладе содержится обзор последних основоположений Японии по образовательной политике и реформе системы образования².

1. Реформа Основного закона об образовании и разработка базового плана по развитию образования

Основной закон Японии об образовании, принятый вскоре после окончания Второй мировой войны в качестве основного закона, регулирующего образование в Японии, был движущей силой для социально-экономической реконструкции и развития Японии. Но в течение более полувека с тех пор как был принят Основной закон, бурное научно-техническое развитие, интернационализация, ста-

² См. объяснение фундаментальной системы образования Японии: <http://www.mext.go.jp/english/introduction/1303952.htm>

рение населения и снижение рождаемости, сдвиг в структуре промышленного производства и другие факторы существенно изменили социальные условия в Японии. В школах, возникали различные проблемы, например, снижение нормативного сознания, разупорядочение основных регулирующих обычаев в повседневной жизни, запугивание, прогулы, и так далее. Таким образом, в новый Основной закон об образовании³ в 2006 г. были внесены поправки с учётом вышеупомянутых проблем, в то же время были сохранены основные принципы, включенные в прежний Основной закон об образовании такие как «полное развитие личности» и «уважение личности». В новом законе ясно сформулированы цели, направленные на содействие: 1) независимо мыслящим личностям, которые самореализуются в течение всего их срока службы и гармонично развивают тело, ум и нравственность; 2) гражданам, которые сохраняют гражданский дух и позитивно участвуют в строительстве государства и общества, и 3) японским гражданам, которые могут развиваться в международном сообществе, сохраняя фундаментальное уважение японских традиций и культуры. Для реализации этих целей, необходимы образовательные стандарты, принципы непрерывного обучения, а также предусматриваются и другие положения⁴.

Некоторые отдельные связанные с образованием законы совпадают с целью Основного закона, они были последовательно приняты после пересмотра прежнего закона. Первый базовый план по развитию образования⁵, на основе пересмотренного Основного закона, был разработан в 2008 г. Базовый план устанавливает парадигму образования, к которой нужно стремиться в течение последующих десяти лет после принятия плана, а также разработать конкретный план всесторонних и систематических мероприятий в течение первых пяти лет по реализации этого видения. В частности, планом определены четыре приоритетные задачи на последующие десятилетия: 1) развивать у всех детей образовательную основу, которая позволит им жить самостоятельно в обществе к тому времени, когда

они закончат обязательное образование; 2) развивать людские ресурсы, способные поддерживать развитие общества и играть ведущую роль в международном сообществе. В связи со всеобъемлющими и системными мерами, которые должны быть приняты в течение следующих пяти лет, (I) предприняты усилия для улучшения образования всего общества, и (II) дети должны быть обеспечены образовательными основами, что позволит им развивать свои возможности, уважать себя как личность и жить самостоятельно как личность и в качестве членов общества; (III) оказывать поддержку лицам с развитым интеллектом, знающих культуру и имеющих специальные навыки для поддержки развития общества, и (IV) обеспечить безопасность и защиту детей и подготовить образовательную среду высокого качества (что касается изменений в Основной план по развитию образования см. разд. 4 «К формулировке 2-го основного плана по развитию образования»).

II. Бюджет, выделенный на образование за последние годы

Несмотря на серьезную финансовую ситуацию в Японии, национальный бюджет на образование постоянно расширяется в последние годы, увеличившись на 9,0 %⁶ по сравнению с 2009 финансовым годом до 2012 финансового года.

По сравнению с 5,0 % в среднем доли ВВП, посвященной государственным расходам на образование, в странах Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), местные бюджеты Японии выделили в 2008 г. 3,3 %⁷. Хотя Япония и не достигает средних показателей доли ВВП, выделенной государством на образовательные расходы в странах ОЭСР, финансирование образования рассматривается в Японии как «перспективные инвестиции в будущее», и японское правительство принимает меры для обеспечения источников финансирования, необходимых бюджету, а также прилагает усилия для дальнейшего расширения этих инвестиций.

III. Основные усилия, связанные с укреплением образования, и меры по их реализации в

³ Основной Закон об Образовании (предварительная версия). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mext.go.jp/english/lawandplan/1303462.htm>

⁴ Chikujou Kaisetsu Kaisai Kyouiku Kihon-hou (Clausal Commentary on Revised Basic Act on Education). Soichiro Tanaka, 2007, pp. 2–3.

⁵ Основной план по развитию образования (предварительная версия): <http://www.mext.go.jp/english/lawandplan/1303463.htm>

Добавочная ссылка: 2008 Белая книга об Образовании, Культуре, Спорте, Науке и Технологии, Глава 1: «Полная поддержка образовательной политики» Раздел 1: «Формулировка базового плана по поддержке образования». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/hpab200801/detail/1292575.htm

⁶ Государственный бюджет на образование: от 3,9228 триллионов йен (2009) до 4,2737 триллионов йен (2012). Распределение бюджета на образование (2012) следующее:

- доля расходов государства на обязательное образование: 1,5597 триллионов йен;
- управление грантами в государственных университетах: 1,1423 триллионов йен;
- субсидии для частных школ: 451,8 миллиардов йен;
- бесплатное обучение в государственной средней школе поддерживает фонд: 396 миллиардов йен.

⁷ ОЭСР/OECD (2011). *Взгляд на образование 2011: ОЭСР/OECD указатели*, ОЭСР/OECD публикации, р. 231. Для Российской Федерации, доля была 4,1 %.

настоящий момент

Этот раздел охватывает следующие темы: «Совершенствование школьных образовательных возможностей», «Улучшение содержания обучения», «Сокращение расходов на образование», «Содействие мировым людским ресурсам» и «Помощь молодежи в трудоустройстве и развитие карьеры и профессионального образования».

1. Улучшение образовательных возможностей школы (увеличение количества, повышение качества подготовки преподавателей)

В целях совершенствования образовательных возможностей школы, большое значение имеет развитие качества подготовки учителей, улучшение образовательной среды для обучения за счет уменьшения размера классов. В частности, повышение качества подготовки преподавателей и увеличение их числа являются необходимым условием для разработки эффективной «индивидуально-ориентированной инструкции», которая включает в себя организацию обучения в зависимости от уровня достижений и интересов студентов и преподавания в небольших классах, содействие этим усилиям основывается на новых принципах учебного плана.

Улучшение качества преподавания – необходимо продвигать комплексные меры для повышения квалификации и способностей учителей на каждом уровне карьеры учителя, начиная от первоначальной подготовки преподавателей и в течение всего периода их профессиональной занятости, стимулируя их дальнейшее обучение после работы. Во время одной из плановых реформ, проводимых за последние годы, была создана система факультетов по подготовке учителей средней школы (2008 год), чтобы улучшить обучение на начальном этапе по подготовке преподавателей, предоставляя более практическую подготовку учителям на уровне магистратуры. Лежащая в основе программы подготовки учителей эта система направлена на развитие преподавателей, которые смогут играть ведущую роль в школах и в обществе. До недавнего времени существовала двухуровневая система обучения для учителей и преподавателей с опытом работы в десять лет, но в 2009 финансовом году была введена обновленная система сертификации учителей, которая требует, чтобы все учителя проходили новый курс для сертификации каждые десять лет, с целью стимулирования учителей к приобретению новых педагогических знаний и навыков на регулярной основе, чтобы они могли поддерживать и укреплять свою педагогическую квалификацию и развивать свои возможности.

Количество учителей – этот вопрос связан с реорганизацией размера класса (сокращение числа учеников в классе), а также со штатным расписанием преподавателей. В целях обеспечения равных возможностей для получения образования, поддержания

и совершенствования образовательных стандартов предусматривают число учеников в классе (правовые стандарты по размеру класса) и распределение профессорско-преподавательского состава (штатного расписания преподавателей) в государственных начальных, средней и высшей школах Японии. В 1980 г. стандарт по размеру класса был установлен законом на уровне 40 студентов (до этого было 45), но пересмотр закона в 2011 г. сократил число студентов первого года начальной школы только до 35 человек в классе. Для других уровней был введен механизм, который позволяет в городах, поселках и селах гибко организовать классы своих школ в соответствии с ситуацией в школе и обществе, а также позволяет школам увеличить количество учителей выше штатного расписания в особых случаях (до сих пор также было возможно увеличить распределение учителей, если были необходимы занятия в малых группах или специальное учебное руководство и внимание к студентам в случаях запугивания, прогулов и пр. Так же возможно увеличение численности персонала в случаях, когда требовался специалист по учебным и другим материалам, требующим специальных знаний и умений по начальной школе, или когда обстоятельства требуют уделять особое внимание проведению специализированного обучения студентов-инвалидов. В настоящее время Министерство прилагает усилия для дальнейшего обсуждения существующей системы так, чтобы размер класса мог быть пересмотрен, обеспечивая гибкое и тщательное обучение.

2. Улучшение содержания обучения (пересмотр учебных стандартов и исследования PISA)

Пересмотр курса обучения – с целью обеспечения единого образовательного стандарта по всей стране, японское правительство проводит курсы обучения⁸, основанные на Законе о школьном образовании, как общие стандарты для детального планирования, разрабатываемые школами.

Учебные курсы, как правило, подвергаются углубленной проверке каждые десять лет. Последние проверенные учебные курсы⁹ направлены на студентов, имеющих: (I) приобретённые фундаментальные знания и способности («академические способности»); они должны уметь самостоятельно определять социальные и другие проблемы, а затем изучить, рассмотреть, самостоятельно оценивать, действовать, и решать их, независимо от того, как изменяется общество, (II) развитый кругозор, проявляющих сообразительность, чувствительность и

⁸ МОКСНТ/МEXT предусматривает курсы обучения в начальной, неполной средней и старшей средней школах и специальных школах.

⁹ Проверенные курсы обучения для начальной и неполной средней школ (2008) и проверенные курсы обучения для средних школ и специальных школ (2009).

готовность к сотрудничеству с другими, дисциплинируя себя; (III) и «радость жизни», которая придает большое значение правильному балансу между учебой, здоровьем и физической силой («здоровое тело»), чтобы жить энергичной жизнью.

В частности, чтобы помочь развитию «академических способностей» необходимо дать студентам существенное обоснование фундаментальных знаний и навыков, развивать их способности использовать эту возможность как основу образования. Увеличение количества учебных часов, новые учебные курсы придают значимость совершенствованию повторного обучения, чтобы студенты могли тщательно изучить трудное содержание курса. В учебной деятельности необходимо использовать наблюдение, эксперимент, доклад, сочинение. Студенты должны научиться использовать свои знания и навыки, которые они получили на уроках. Учебные курсы также подчеркивают улучшение языкового, естественно-научного и математического образования, изучения культурных традиций, эмпирического образования, нравственного воспитания, а также изучения иностранного языка.

Результаты опроса PISA – программа ОЭСР/OECD по международной аттестации студентов (Programme for International Student Assessment, PISA) показывает успехи и успеваемость японских детей по сравнению с международными стандартами¹⁰. Хотя в 2009 г. исследования PISA показали улучшение академических способностей японских студентов, особенно в понимании прочитанного, опрос также выявил различные проблемы: (I) по сравнению со студентами из других стран мира, до сих пор есть значительное число японских студентов, которые находятся на низком уровне достижений; (II) хотя японские студенты хорошо могут выделять необходимую информацию при чтении, они несколько слабы в понимании актуальности информации, её интерпретации, умении привязать её к своим знаниям и опыту; (III) хотя средний балл по математической грамотности был выше среднего по ОЭСР, существовал некоторый разрыв между Японией и странами, занимающими более высокий ранг; (IV) хотя наблюдается прогресс в обучении японских студентов чтению, по сравнению с их сверстниками в других странах, многие японские студенты по-прежнему не читают книг¹¹.

¹⁰ 2009, результаты опроса PISA: чтение на понимание: 520 (Япония занимает 5-е место из 34 стран, по данным ОЭСР): математика – 529 (4-е место/34 страны); наука – 539 (2-е место/34 страны); у японских студентов замечено существенное улучшение по чтению на понимание прочитанного от 498 (12-е/30 страны), за 2006 г.

Источник: <http://www.pisa.oecd.org/dataoecd/54/12/46643496.pdf>

Финансовый год 2010 МОКСНТ/ МEXT «Белая книга» (японская версия), р. 154.

¹¹ Финансовый год 2010 МОКСНТ/ МEXT «Белая кни-

В целях дальнейшего совершенствования содержания обучения Министерство образования открыло новые учебные курсы, упомянутые выше, основанные на анализе результатов исследований PISA с 2000 г. Курсы обучения занимают важное место и сохраняют баланс между приобретением знаний и навыков и развитием способностей учащихся мыслить, высказывать свои суждения. Министерство сосредоточивает свои усилия на совершенствовании языкового, естественно-научного и математического образования за счет увеличения количества часов на занятия, способствует «индивидуально-ориентированному обучению», которое организуется в зависимости от уровня достижений, интересов студентов и через сокращение численности класса, а также путем поощрения чтения.

3. Снижение расходов на образование

При сохраняющейся серьезной экономической ситуации в Японии важно, чтобы все люди, которые имеют мотивацию к обучению, также имели возможность получить желаемое образование и улучшить свои способности.

Обязательное образование в Японии дети получают в государственных начальных школах с шести лет, в общественных средних школах ещё три года, и это бесплатно, а с 2010 финансового года все желающие могут продолжать образование в средней школе (три года) бесплатно¹². С момента, когда была принята эта мера, стало наблюдаться снижение числа студентов, которые бросали учёбу по экономическим причинам.

Японское правительство прилагает усилия, чтобы сократить бремя учебных расходов на семьях за счёт расширения стипендиальных программ, сокращения обучения в университетах и пр., для того, чтобы молодые люди, которые хотят получить высшее образование, имели такую возможность, а не ссылались на экономические причины. В частности, в 2011 г., когда была необходима помощь детям, чьи семейные расходы значительно увеличились в связи с крупнейшим землетрясением на востоке, правительство приняло необходимые меры, в том числе и дополнительный бюджет.

4. Обучение мировых людских ресурсов

Важными вопросами для Японии является содействие развитию конкурентоспособных университетов

га» (японская версия), pp. 154–155.

¹² «Бесплатное обучение в государственных средних школах/Поддержка регистрации средней школы».

Согласно этой мере, обучение не является обременительным в государственных средних школах. В частных средних школах за студента получают финансирование в сумме, эквивалентной сумме за обучение в государственных средних школах. См.: <http://www.mext.go.jp/english/elsec/1303524.htm>

на международном уровне и обучение человеческих ресурсов, так как международная конкурентоспособность усиливается с развитием глобализации.

Особое беспокойство в последние годы вызывает сокращение числа японских студентов, которые учатся за рубежом (с 82 945 студентов [2004] до 59 923 [2009])¹³, что свидетельствует о том, что японские молодые люди становятся «замкнутыми» в то время как глобализация продолжает развиваться. Воспитание положительных отношений, которые помогают выжить в глобализованном мире – это является необходимым условием для Японии, которая всегда считалась страной бесценных «людских ресурсов».

В этом контексте необходимо дальнейшее развитие интернационализации университетов и взаимных обменов с иностранными студентами.

В последние годы Япония оказывает содействие интернационализации японских университетов в рамках различных программ, в том числе программы «Академгородок Азия: Коллективные действия для мобильности студентов университетов Азии», которая расширяет рамки содействия обмену между университетами в Японии, Китае и Южной Корее. Япония ведёт разработку совместных образовательных программ с американскими и другими азиатскими университетами; занимается созданием совместно используемых офисов¹⁴ с зарубежными университетами, чтобы обеспечить удобную «универсальную службу» в целях содействия обучению иностранных студентов в Японии.

В целях содействия интернационализации университетов Япония расширяет приём способных иностранных студентов и иностранных преподавателей, например, путем введения курсов на английском языке, на которых можно получить степень и за счет расширения различных видов поддержки для иностранных студентов и иностранных преподавателей. Хотя с международной точки зрения доля иностранных студентов и преподавателей невелика, Япония прилагает усилия, чтобы расширить прием иностранных студентов и преподавателей по программам.

Сверх того, в целях воспитания человеческих ресурсов, которые могут играть активную роль в мировом обществе, важно содействовать международному взаимопониманию, в том числе межкультурному взаимопониманию, а также, конечно, росту

понимания молодежью своей собственной японской истории, культуры, традиций и так далее. Чтобы достичь этого, Япония прилагает усилия для повышения образования в духе международного взаимопонимания на каждом этапе обучения и движения вперед по расширению международных обменов с зарубежными студентами.

5. Расширение содействия трудоустройства молодежи, развитию карьеры и профессионального образования

В последние годы ситуация с занятостью молодых людей ухудшилось, так как общий уровень безработицы среди молодежи и временных работников вырос, уровень занятости выпускников упал, кроме этого, существует проблема с высокой текучестью кадров среди молодежи. Реальность такова, что нет плавного перехода от школы к обществу и профессиональной занятости¹⁵.

Кроме того, часто стала отмечаться незрелость и отсутствие целеустремленности у молодых людей в работе, ухудшение их основных способностей как профориентированных работников, а также снижение их коммуникативных навыков. Много проблем препятствует переходу молодых людей к социальной и профессиональной независимости.

Отсутствие базовых знаний и психической готовности, необходимых молодым людям для того, чтобы стать им полноправными членами общества, является основным фактором, который препятствует их плавному переходу из школы в общество. Таким образом, для окружения важно быть подготовленным к тому, чтобы дети могли учиться охотно, устремив свой взгляд в будущее.

Основываясь на этой ситуации, Центральный совет по образованию, консультативный орган при министре образования, готовит «Видение будущего профессиональной подготовки и профессионального образования в школе». Центральный совет предложил в январе 2011 г. рекомендации в соответствии с тремя направлениями: (1) «Развитие систематической

¹³ ОЭСР/OECD, «Взгляд на образование» МОКНТ /MEXT статистические данные базируются (Январь, 2012) на информации из Института Статистики ЮНЕСКО/ UNESCO, ИМО/IE's «Открытые Двери», Министерство Образования Народной Республики Китай и Министерство Образования Республики Китай.

¹⁴ Университет Тохоку открыл филиал в России.

¹⁵ Уровень безработицы среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 увеличился с 4,5 % в 1991 г. до 9,4 % в 2010 г. (источник: «Исследование трудовых ресурсов» Бюро статистики, Министерство внутренних дел и коммуникаций); уровень занятости среди внештатных сотрудников, для молодых людей в возрасте от 15 до 24 вырос с 9,3 % в 1991 г. до 31,7 % в 2010 г. («Специальное исследование трудовых ресурсов» февраль [опрос], «Исследование трудовых ресурсов [Подробные результаты]» [с января по март], Министерство внутренних дел и коммуникаций); Уровень текучести кадров для новых выпускников классов средней школы (март, 2007) в течение трех лет после окончания курса составлял 65 %, 40 % – для выпускников средних школ, 31 % – для выпускников университетов, и 41 % – для молодых выпускников колледжей. («Исследование трудоустройства для новых выпускников» Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения).

профессиональной подготовки от дошкольного образования до высшего образования»; (2) «Важность практического профессионального образования и переоценка его значимости»; (3) «Поддержка для формирования карьеры на протяжении всей жизни». Основываясь на этих рекомендациях, Министерство образования прилагает усилия к сотрудничеству с региональными общинами и промышленными предприятиями для улучшения профессиональной подготовки и профессионального образования в школах¹⁶.

IV. К разработке 2-го Основного плана развития образования

Скоро пройдет пять лет с момента, когда впервые был сформулирован Основной план по развитию образования в 2008 г., и до того, когда Центральный совет по вопросам образования вышеупомянутого консультативного органа министерства образования проводил обсуждения для разработки 2-го Основного плана по развитию образования¹⁷.

В декабре 2011 г. был подготовлен документ «Основное мнение по поводу редакции второго Основного плана по развитию образования». Этот план устанавливает парадигму образования в будущем.

сти к выживанию в обществе», «воспитание человеческих ресурсов, которые будут играть активную роль в будущем», «построение учения социальной защиты» и «формирование человеческого энергичного общества». По-прежнему изучаются и обсуждаются четкие образовательные цели второго Основного плана по развитию образования, который вступит в силу в 2013 г., а также конкретные и системные меры. Изучение и обсуждение будет продолжаться до тех пор, пока меры по дальнейшему совершенствованию образовательного процесса не определят детальный стратегический путь.

Заключение

Образование является инвестицией в будущее, и, конечно, для построения Японии будущего, безусловно, необходима политика в области образования и повышения инвестиций. Министерство образования прилагает все усилия для улучшения образовательной политики и инвестиций в образование, для того чтобы построить будущее Японии. При этом необходимо полное изучение и учет как «сильных» сторон, так и проблем современной системы образования.

Основные понятия, которые показывают будущее направление в управлении образованием, выражаются следующим образом: «укрепление способно-

¹⁶ Источник: МОКСНТ/МЕХТ финансовый год 2010 *Белая книга* (английская версия).

¹⁷ В июне 2011г. МОКСНТ/МЕХТ попросил Центральный Совет по образованию начать изучение 2-го Основного плана по развитию Образования и впоследствии Совет приступил к исполнению.

МОЙ ДОЛГ ПЕРЕД АСЕАН КАК СПЕЦИАЛИСТА В ОБЛАСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ларри Э. Смит

Ларри Э. Смит – президент компании «Кристофер, Смит и партнеры», исполнительный директор международной ассоциации мировых вариантов английского языка, реактор-соучредитель и консультант журнала «World Englishes».

Контактный адрес: csa@lava.net

В рассматриваемой статье автор делится личным опытом в области изучения и преподавания английского как международного языка (EIL). Анализирует деятельность Центра «Восток-Запад» (Гонолулу, Гавайи) и собственное участие в рамках ряда мероприятий. Раскрывает историю создания Международной ассоциации вариантов английского языка (IAWE). Автор отмечает позитивное влияние, которое АСЕАН оказала на него в личном и профессиональном плане, высоко оценивает принципы Ассоциации, определяющие политику единства в многообразии.

Ключевые слова: Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), английский как международный язык (EIL).

Я очень много узнал о преподавании английского языка благодаря принципам, используемым Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), и я бесконечно признателен как самой организации, так и жителям данного региона.

Моя карьера в качестве преподавателя английского языка (и специалиста по подготовке преподавателей) началась в 1960-е гг. в Таиланде, где я работал волонтером Корпуса Мира (США). Летом 1967 г. я уехал из Бангкока в Гонолулу, где узнал об образовании Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) после подписания Бангкокской декларации 8 августа 1967 г., эта новость меня очень заинтересовала. Особенно любопытно было узнать, что вся ее предполагаемая деятельность основывалась на двух принципах – *диалога* и *консенсуса* между государствами-членами Ассоциации. Несмотря на то, что изначально в Ассоциацию входили только пять стран, они в значительной степени отличались друг от друга с точки зрения политики, культуры и истории. В данном регионе большое количество людей является последователями всех великих мировых религий, для региона также характерно значительное этническое и лингвистическое разнообразие. Несмотря на эти огромные различия во многих областях, АСЕАН всегда все вопросы решала и решает на основе диалога и консенсуса.

В 1970 г. меня пригласили в Центр «Восток-Запад» с целью разработки и координации реализации программы для специалистов в области преподавания английского языка (специалистов по подготовке преподавателей и руководителей учебных заведений) из Азии, Тихоокеанского региона и США. Оказалось, что большинство участников программы – из региона АСЕАН. В течение более двух десятилетий я занимался организацией обучающихся программ – практикумов для таких участников, при этом продолжительность обучающей программы составляла шесть месяцев для админи-

стративных работников учебных заведений и десять месяцев для специалистов по подготовке преподавателей. Учебные практикумы проводили высококвалифицированные преподаватели и консультанты из Центра «Восток-Запад» и Гавайского университета. Все задания были разработаны таким образом, что основное внимание всегда уделялось *диалогу с проявлением уважения к партнерам*, таким образом, участники программы могли многому научиться как друг у друга, так и у преподавателей, проводящих учебные практикумы. Унгку Майнунах Мохд Тахир (Малайзия) и Дау Пва Ин (Мьянма) остались в моей памяти такими участниками программы, которые всегда могли убедить нас и заставить прийти к общему мнению, несмотря на разногласия. В мои обязанности также входили ежегодные контрольные визиты после завершения обучения по программе, которые, несомненно, многому меня научили. Благодаря им я полностью переосмыслил свое понимание того, какую роль играет английский язык в регионе. Сначала я полагал, что английский язык изучают в регионе АСЕАН в качестве иностранного языка (английский как иностранный язык в Индонезии и Таиланде) или второго языка (английский как второй язык в Малайзии, Филиппинах и Сингапуре). Однако я очень быстро пришел к выводу, что все гораздо сложнее и мои дефиниции являются в значительной степени упрощенными. Ситуация еще более усложнилась, когда странами-членами АСЕАН стали Бруней в 1984 г., Вьетнам в 1995 г., Лаос и Мьянма в 1997 г., и, наконец, Камбоджа в 1999 г.

В процессе обмена мнениями в Центре «Восток-Запад» и регионе я понял, что английский язык используется, главным образом, как средство международного общения и в некоторых случаях в качестве вспомогательного языка для внутренних целей. Основываясь на полученном мной опыте, я

пришел к выводу, что пора «уходить» от терминов «английский как иностранный язык» (EFL) и «английский как второй язык» (ESL) и выбрать более официальное название дисциплины. В 1976 г. в журнале Регионального центра по изучению английского языка (RELC Journal) была опубликована моя статья «Английский как международный вспомогательный язык» (том 7, № 2, декабрь 1979 г.)¹. В данной статье я предпринял попытку объяснить, каким образом английский как международный язык (EIL) отличается от английского как иностранного языка (EFL) и английского как второго языка (ESL). Я дал понять, что английский язык принадлежит не только носителям языка, а всем людям, которые используют его. *«Он Ваш (независимо от того, кто Вы) в такой же степени, как и мой (независимо от того, кто я). Мы можем использовать его с различными целями, на протяжении различных периодов времени и в различных случаях, но, тем не менее, он принадлежит всем нам»*. Я подчеркивал, что свободно говорят на английском языке не только те, для кого он является родным. Фактически даже в то время количество людей, свободно владеющих английским языком, для которых он не являлся родным, превосходило количество людей, для которых он был родным. Я высказался о том, что распространение английского языка в мире беспрецедентно, что он поистине «глобальный» и что люди, для которых английский язык не является родным, очень часто используют его в беседе с другими людьми, также не являющимися его носителями. Для того чтобы преуспеть в этом, им требуется пройти специальное обучение, носители английского языка также нуждаются в подобном обучении с целью международного общения, если они намереваются успешно взаимодействовать с людьми, для которых английский язык не является родным, а также с другими носителями английского языка, которые разговаривают на другом его национальном варианте. Я попытался доказать, что способы выражения мыслей и модели языкового общения различны в различных странах. Для американцев английский является родным языком, тем не менее, они не всегда смогут верно истолковать, что сказал австралиец, несмотря на то что он тоже является носителем английского языка. Проблемы интерпретации, вероятнее всего, возникают, когда носители языка общаются с людьми, для которых английский язык не является родным. Часто такие неверные толкования могут привести к серьезным недоразумениям. Во многих

случаях собеседники не осознают тот факт, что основные проблемы, приводящие к непониманию, возникают в результате двух неверных предположений: (1) если человек является носителем языка и владеет требуемыми навыками использования грамматики, лексики и фонетики, или, не являясь носителем языка, он владеет ими, как носитель, то автоматически возможно соответствующее общение; и (2) способы выражения мыслей и модели языкового общения всех людей, бегло разговаривающих на английском языке, являются идентичными.

Я пытался убедить читателей в том, что для международного общения надлежащее владение навыками английской грамматики, лексики и фонетики является существенным, но недостаточным. В различных странах процессы передачи информации и дискуссии имеют различную структуру; место паузы в речи, соответствующая тематика диалогов в определенных ситуациях, как и выражение функций речевых актов, например, предложения и отказы, не являются идентичными в различных культурах. Когда разговаривают люди разных национальностей, они часто могут неверно истолковывать выражение степени вежливости, иронию и недосказанность. Носителям языка, как и тем лицам, для которых английский язык не является родным, также требуется научиться распознавать барьеры в общении и разработать стратегии, необходимые для их преодоления. Я подчеркивал, что носители английского языка не обязательно всегда являются наиболее успешными его преподавателями, они также не могут с полной уверенностью заявлять, что является доступным для понимания или грамматически приемлемым в английском языке. Я указывал, что английский язык является международным, но не универсальным (т.е. все люди в мире пользуются им), и он и не должен быть таковым. Существуют другие важные языки, которые также могут использоваться на международном уровне, что является желательным. Тем не менее на настоящем этапе исторического развития общества из всех языков английский наиболее часто используется в международном масштабе. Я также подчеркивал, что при использовании английского языка в качестве международного подразумеваются его функции, а не данная форма языка. Люди различных национальностей и культур используют английский язык с целью общения друг с другом, при этом он не является новой формой базового английского «Бейсик-инглиш» (BASIC), предложенного Ч. Огденом и И. Ричардсом. Такое положение вещей вызвало некоторое оживление в сфере преподавания английского языка, и было принято решение о проведении конференции по данной тематике в Центре «Восток–Запад».

В апреле 1978 г. Центр «Восток–Запад» в Голлулу пригласил для участия в двухнедельной

¹ Перевод этой статьи под названием «Английский язык как вспомогательный язык международного общения» опубликован в журнале «Личность. Культура. Общество» 2010. Т. 12. Вып. 3 (57–58). С. 149–154 (прим. ред.).

конференции на тему «Английский как международный язык» (EIL) небольшую группу преподавателей и ученых-филологов, пользующихся заслуженным авторитетом, таких как М.Л. Бунлуа Дебасуварн из Таиланда, Аврора Л. Самонте из Филиппин, Мэри В. Дж. Тэй из Сингапура, Айрин Ф.Х. Вонг из Малайзии и др. В качестве метода взаимодействия конференция использовала принятые АСЕАН концепции уважительного диалога для достижения консенсуса. Несмотря на большие различия между участниками (и некоторые значительные разногласия) обсуждения всегда были корректными и весьма продуктивными. Я редактировал статьи участников конференции, которые были изданы в сборнике под названием «Английский для межкультурной коммуникации» (Сент-Мартинс Пресс, 1981). Участники конференции Бадж Б. Качру и Рэндолф Квирк написали вступление, в котором, в частности, говорилось следующее: «Мы встретились для того, чтобы обсудить вопросы, поднятые господином Смитом (1976). Это был уникальный по своей полезности опыт, когда примеры обсуждаемых объектов явно и автоматически использовались в качестве самой среды, в которой они обсуждались. На конференции было представлено множество вариантов английского языка, практически столько же, сколько и участников, для которых английский был как родным, так и неродным языком. Участники конференции имели многочисленные культурные, лингвистические, идеологические и другие отличия, но одно у них было общее: они все использовали английский язык для дискуссий и обсуждения вопросов, имеющих отношение к носителям и неносителям английского языка, а также глобальному использованию английского языка в различных социолингвистических контекстах в разных странах мира. Цель работы группы заключалась в обсуждении того, насколько насущной является потребность в определении новой направленности в преподавании и изучении английского языка, исходя из опыта использования английского языка несколькими поколениями людей во многих странах мира. Преподаватели английского языка довольно давно установили принципиальное и очевидное различие между (1) английским как родным языком; и (2) английским для тех людей, родной язык которых не является английским. По настоятельным требованиям, выдвигаемым в течение последних тридцати лет, (2) английский для тех людей, родной язык которых не является английским, подразделяется на (2a) английский как иностранный язык (например, в Индонезии и Таиланде) и (2b) английский как второй язык (т. е. в тех странах, где английский язык выполняет основные функции в повседневной жизни, например, в Сингапуре и Филиппинах). На конференции в Гого-

ду возник вопрос, насколько такое деление на (2a) и (2b) надлежащим образом связано с прагматическими фактами использования языка, например, пренебрегая (или негласно принимая) традиционно установленные связи между стандартами английского языка в тех странах, где он является родным языком (1), и в тех странах, где он не является родным (2). Стандарты английского языка в группе (2b), где английский имеет уникальные функции, были связаны исключительно с социальным, культурным и промышленным контекстом тех стран, где английский язык не является родным. Следовательно, на повестке конференции остро стоял вопрос разработки моделей овладения английским языком, так как ее участники особое внимание уделили новым требованиям, которые предъявляются к английскому языку в качестве языка для межгосударственной и внутригосударственной коммуникации, а также переориентации различий между (2a) и (2b), что далеко выходит за рамки исключительно академических интересов. Были сделаны серьезные педагогические и теоретические выводы. Дискуссии, имевшие место в процессе проведения конференции, позволили сделать следующие заявления: 1. Участники конференции, являясь профессионалами, полагают, что активное изучение вопроса использования английского языка в качестве международного привело к появлению острых и важных проблем, которые требуют безотлагательного изучения и принятия соответствующих действий. 2. Суть данных проблем заключается в разграничении использования английского языка для межгосударственной коммуникации (т. е. для внешних целей) и внутригосударственной коммуникации (т.е. для внутренних целей). Данное разграничение позволяет признать тот факт, что в то время как обучение английскому языку всегда должно отражать социокультурные контексты и методы, принятые в сфере образования определенной страны, необходимо установить различие между (а) теми странами (например, Таиланд), требования которых концентрируются на способности понимания на международном уровне и (б) теми странами (например, Сингапур), которые должны учитывать то, что английский язык также используется и для их внутренних целей. 3. В настоящий период времени требуется разработать надлежащим образом скоординированную программу проведения учебных практикумов и конференций, а также консультативные и обучающие программы. В таких программах основное внимание должно уделяться, в частности, вопросам профессионального использования английского языка, а также его использования для международных и внутренних целей, они должны быть достаточно гибкими в отношении выбора места.

Проводимые конференции должны преследовать две ключевые цели: (а) помощь в профессиональном обучении преподавательских кадров, и (б) ознакомление представителей правительственных структур и руководства учебных заведений со всеми такими разработками, а также выбор способов их внедрения в определенных ситуациях. Вся предстоящая деятельность все в большей мере должна отражать новое возникшее направление Конференция указала пути использования нового подхода, реалистические рамки которого позволяют рассматривать английский язык в глобальном контексте и связать такие понятия как адекватность, приемлемость и распознавание языковых средств с прагматическими факторами, которые определяют использование английского языка с международными или внутренними целями.

После этой весенней двухнедельной конференции в Гонолулу летом была проведена трехдневная конференция в Иллинойском университете в Урбане-Шампейне, организованная Баджем Б. Качру совместно с Лингвистическим институтом Американского лингвистического общества. Бадж Качру редактировал статьи, представленные на данную конференцию, которые были опубликованы в 1982 г. издательством «Юниверсити оф Иллинойс Пресс» в сборнике «The Other Tongue: English across Cultures» («Другой язык: английский в различных культурах»).

Тема «Английский как международный язык» (EIL) стала широко обсуждаться на конференциях и симпозиумах, посвященных преподаванию английского языка. В 1983 г. я редактировал сборник статей «Readings in English as an International Language» («Хрестоматия по английскому языку как международному»), который был опубликован издательством «Пергамон Пресс» в Оксфорде, Великобритания. Статья Уилларда Шоу об отношении студентов из Азии к изучению английского языка была наиболее примечательной. У. Шоу провел исследование среди студентов-выпускников, обучавшихся по программе бакалавриата, в Индии, Сингапуре и Таиланде. Специализация студентов была следующей: английская литература и преподавание английского языка, инженерное дело и коммерческая/торговая деятельность. В исследовании приняли участие 342 студента из Индии, 170 студентов из Сингапура и 313 студентов из Таиланда. Последние три пункта выводов, сделанных У. Шоу, следует процитировать: «...Достоверным фактом является то, что в будущем английский язык будет приобретать все большую популярность. Студенты, принявшие участие в исследовании, планируют использовать английский язык чаще, они также намерены обучать ему своих детей. Они полагают, что английский язык приобретет еще большее распространение в мире. Основным фактором, способствующим та-

кому распространению английского языка, является его «деколонизация» и «укоренение». В настоящее время он в меньшей степени рассматривается в качестве символа империализма, а скорее как жизнеспособный кандидат на роль наиболее важного международного языка в мире. Английский язык также рассматривается и как местный язык в тех странах, где он используется для внутрисообщественной коммуникации. Данные образовательные формы все чаще принимаются как разновидности английского языка, которые необходимо поддерживать в такой же, если не в большей степени, как и национальные разновидности языка. Это направление будет иметь важные последствия для преподавания английского языка в тех странах, где он не является родным. При этом также возникает вопрос о влиянии английского языка на процесс взаимопонимания при использовании его региональных вариантов. Так как количество носителей языка постоянно растет, и они все чаще принимают английский язык как один из своих собственных языков, а не как кем-либо предоставленное им средство общения, то в будущем носители английского языка все в меньшей степени будут способны контролировать его развитие в регионах, находящихся за пределами их стран. Часто говорят, что британцы подарили миру английский язык. Возможно, наступило время, когда мир, наконец, принял решение в полной мере принять этот дар...».

В 1983 г. я в соавторстве с Ричардом Виа опубликовал в издательстве «Пергамон Пресс» книгу под названием «Talk & Listen: English as an International Language Via Drama Techniques» («Говори и слушай: английский как международный язык посредством методов, используемых в пьесах»), в которой мы продемонстрировали модели обучения навыкам аудирования и говорения в международном контексте. Также в соавторстве с Евой Вейнер в том же издательстве («Пергамон») я опубликовал практическое учебное пособие «English as an International Language: A Writing Approach» («Английский как международный язык: метод обучения письму»), цель которого – помочь студентам свободно излагать в письменной форме свои собственные рассуждения и в перспективе научить их редактировать свои работы.

В 1984 г. издательство «Пергамон» предложило мне и Баджу Качру должности редакторов их журнала, освещающего проблемы использования английского языка в качестве международного. Журнал имел название «World Language English». Мы с Баджем действительно считали, что нужен журнал, который будет обсуждать проблемы использования и изучения английского языка в мире, тем не менее, мы не хотели пропагандировать идею о том, что существует форма английского языка,

которую можно было бы назвать всемирным английским языком или международным английским языком, поэтому мы согласились принять вызов и стать редакторами, если издательство примет наше новое название журнала. Мы настояли на названии «World Englishes: Journal of English as an International and Intranational Language» («Мировые варианты английского языка: Журнал об английском языке, используемом для межгосударственной и внутригосударственной коммуникации»). С большим нежеланием издательство согласилось с нашим предложением. Первый выпуск журнала вышел летом 1985 года, он был посвящен сэру Рэндолфу Квирку, члену Британской академии. В нашей первой редакционной колонке мы писали: «...*Что подразумевается под термином «варианты английского языка»? Он во многом является знаковым. «Варианты английского языка» представляют собой функциональные и формальные разновидности языка и его международную социализацию. Признание данного функционального разнообразия является настолько важным, что мы указали его в подзаголовке «Мировые варианты английского языка (Журнал об английском языке, используемом для межгосударственной и внутригосударственной коммуникации)». Журнал «World Englishes» («WE»)² предназначен для студентов, ученых, методистов и преподавателей английского языка и литературы. Его цель – показать перспективы развития данных областей исследования в мире. Используемый интегрированный подход нацелен на исследование взаимодействия процессов изучения и преподавания английского языка и литературы. В литературе основной проблемой является то, что мы называем литература на английском языке, написанная авторами, для которых английский язык не является родным. Что касается методики преподавания английского языка, журнал «WE» не поддерживает только какой-либо один метод или подход, так как на данный момент времени заявление об универсальности кого-либо подхода является весьма подозрительным. Журнал является интеграционным и в другом смысле. Редакционная коллегия считает пользователей английского языка, для которых он является родным или неродным, равными партнерами при рассмотрении вопросов использования английского языка и его преподавания в различных странах мира. Таким образом, журнал является средством, которое представители западных и незападных стран могут*

использовать для реализации возможности поделиться обширным опытом и знаниями во благо всех пользователей английского языка. Такое совместное использование идей, результатов исследований и ресурсов находит свое отражение в статьях, рецензиях и отзывах, предназначенных для широкой читательской аудитории журнала. Следовательно, акроним WE как нельзя лучше символизирует приоритетную философию журнала и намерения редакционной коллегии...». Регион АСЕАН был представлен в редколлегии журнала Эндрю Гонзалесом и Марией Лурдес Баутиста (Филиппины), Эдвином Тамбу и Энн Пакир (Сингапур), в также Майури Суквиват (Таиланд). В 1992 году издательство «Блэкуэлл Паблишерз» приобрело журнал «World Englishes» у издательства «Пергамон». В передовой статье в мартовском выпуске журнала от 1993 года мы с Баджем написали: «Уникальность и новизна журнала ясно просматривается в самом его названии, когда слово «English» используется во множественном числе в названии «World Englishes». С самого начала концепция журнала предполагала принципы инклюзивности и международной, и список редакционной коллегии журнала отражал такую приверженность принципу международной и межкультурного распространения английского языка. С 1985 г. с каждым новым выпуском журнала его интегрированный посыл становился все острее. Это не стало бы возможным без сотрудничества и вклада международного сообщества научных работников. Статьи для журнала поступали из различных источников, в частности от редакционной коллегии журнала, от авторов из тех стран мира, где активно используется английский язык, а также от тех авторов, для которых журнал выступает в качестве ресурса для преподавательской деятельности и научной работы, информация поступала также и от читателей, которые делились с редакторами своими мнениями и проблемами. При выпуске каждого номера журнала мы стараемся помнить об основной его цели, которая заключается в обеспечении интегрированного подхода к изучению английского языка в мировом контексте, который включает лингвистические инновации, креативность в английской литературе и решение комплексных проблем, относящихся к методике преподавания английского языка. Для того чтобы подчеркнуть такую многогранность и разнообразие вариантов английского языка, мы не делим пользователей английского языка на тех, для кого он является первым языком и тех, для кого он является дополнительным языком. Читатели журнала с большим энтузиазмом принимают специальные тематические статьи, часто редактируемые приглашенным редактором. Ряд таких статей используется в качестве учеб-

² В данном случае имеет место языковая игра: аббревиатура журнала совпадает с местоимением «мы» на английском языке, тем самым вовлекая в качестве объекта исследования варианты все большего количества читателей (прим. ред.).

ных пособий и рекомендуется для изучения в разных странах мира на курсах, тематика которых имеет отношение к мировым вариантам английского языка». Среди таких особых тематических выпусков журнала можно выделить два, которые относятся к региону АСЕАН, это «Варианты английского языка в Юго-Восточной Азии» под редакцией И Линг Лоу и Энн Пакир и выпуск «Филиппинский английский: напряженность и перемены» под редакцией Марии Лурдес С. Баутиста и Кингсли Болтона. Что касается общих (нетематических) выпусков журнала «World Englishes», мы гордимся публикацией статей, написанных специалистами из региона АСЕАН, включая Бруней, Индонезию, Малайзию, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам.

В 1987 г. я редактировал сборник «Discourse Across Cultures: Strategies in World Englishes» («Межкультурный дискурс: стратегии в мире вариантов английского языка»), который был опубликован издательством «Прентис Холл» как часть серии, получившей название «Английский в международном контексте», под редакцией Баджа Качру. В предисловии Рэндалф Квирк, в частности, написал: «В нашем продвижении на пути к признанию обязательного культурного компонента в нашем использовании английского языка для международных целей мы вынуждены все чаще и чаще признавать тот факт, что культура общества часто наиболее совершенно представлена в его литературе. Настоящий сборник заслуживает особого внимания, так как он посвящен двум уникальным функциям английского языка. В нем не только обсуждается роль английского в качестве международного языка, который отражает различные культурные ценности, но также содержатся статьи о международном использовании английского языка в различных жанрах литературы во многих странах мира. Очевидным является то, что обе эти функции далеки от тех функций, которые выполнял английский язык прежде, чем он стал языком международного общения». В предисловии редактора к серии сборников Бадж Качру написал: «Пять частей данного сборника представляют собой пять основных важных областей изучения проблемы английского языка в мировом контексте. В тринадцати разделах предпринимается попытка представить теоретические и практические выводы о межкультурной коммуникации, двуязычной креативности и взаимодействии текста, контекста и перевода. Данные вопросы представляют интерес для нескольких междисциплинарных областей знаний. Тем не менее, в данном сборнике эти вопросы относятся непосредственно к английскому языку и иллюстрации получены из текстов различного типа – литературных и интерактивных – из разных стран мира,

где используется английский язык». В моем вступлении к сборнику я отметил: «В основе понятия «английский как международный язык» (EIL), впервые представленного почти десять лет назад (Смит, 1976), лежит предположение о том, что английский язык является собственностью его пользователей, носителей и неносителей, и что все люди, разговаривающие на английском языке, нуждаются в обучении для эффективного международного общения. Основным доводом в пользу английского как международного языка является то, что неносителям не требуется использовать английский язык таким образом, как это делают его носители; на самом деле это может даже привести к противоположному результату с точки зрения эффективного общения. Тем не менее, есть люди, которые никогда не слышали об английском как международном языке или которых этот термин приводит в замешательство. Есть и те, которые, например, полагают, что это своего рода английский для специальных целей (ESP) или английский как второй или иностранный язык (ESL/EFL). Английский как международный язык не является английским для специальных целей с ограниченным лингвистическим корпусом, используемым в международной среде. Он также не является английским как вторым или иностранным языком (ESL/EFL), в основе понятий которых лежит убеждение, что английский язык принадлежит исключительно его носителям и в центре внимания находится международное общение между носителями языка и теми, для кого он является неродным. Предполагается, что неноситель английского языка должен стремиться достичь коммуникативной компетенции носителя английского языка. В английском как втором или иностранном языке не уделяется никакого внимания межкультурной коммуникации между носителями английского языка из разных стран, и очень мало внимания уделяется международной коммуникации между теми, для кого английский язык неродной. Согласно теории английского как международного языка, для успешного международного общения недостаточно лингвистической компетенции носителя английского языка. Большинство носителей английского языка должны понять, что если они собираются эффективно общаться на межкультурном уровне, они должны знать, как в других культурах выстраивается информация и формируются доводы, а также как они используют английский язык с тем, чтобы отклонить что-либо, похвалить кого-либо, сделать комплимент, выдвинуть предложение и др. Это относится и к таким другим культурам, первый язык которых также является английским. Британцы и американцы имеют большое количество проблем с межкуль-

турной коммуникацией, общаясь друг с другом, несмотря на то, что они говорят на одном языке. Не менее важным является то, что теория английского как международного языка подтверждает тот факт, что те лица, для которых английский язык не является родным, должны быть готовы к взаимодействию как друг с другом, так и с носителями английского языка и что это предполагает необходимость владения английским языком на уровне выше базового английского. До недавнего времени предполагалось, что проблемы межкультурной коммуникации связаны, главным образом, только с лингвистическими способностями и что если соответствующие стороны говорят или пишут на английском языке грамотно (т.е. как носители английского языка), проблемы коммуникации будут решены. На курсах английского как второго или иностранного языка, как правило, неносителей английского языка учат общаться с группой его носителей, предполагая, что если они могут с ними общаться требуемым образом, то они смогут успешно общаться со всеми другими пользователями английского языка (носителями и неносителями), которые свободно разговаривают на нем. Английский как второй или иностранный язык, как правило, не учитывает того факта, что в настоящее время неносителей английского языка больше, чем его носителей, и все чаще неносители английского языка общаются на нем между собой на международном уровне. Английский как международный язык признает, что разные языковые группы используют различные способы общения, в результате чего возникают различные модели дискурса, которые частично переносятся в область использования английского языка такими группами. Пользователи английского языка в международных контекстах должны быть готовы к тому, что им придется столкнуться с многообразием, и они не должны думать, что все пользователи английского языка будут общаться таким же образом, как это делают они. Данный сборник статей должен послужить ступенькой на пути к пониманию этих сложных проблем, возникающих в процессе общения между культурами, когда используется большое количество мировых вариантов английского языка».

В 1992 г. вследствие интереса, вызванного публикацией данных книг и статей в журнале «World Englishes», была создана профессиональная организация, членами которой стали все лица, интересующиеся проблемой использования английского языка в мире и результатами такого использования. Главная цель данной организации состояла в установке взаимодействия среди тех, кто связан с любыми аспектами мировых вариантов английского языка. Я был избран ее первым президентом, и когда Международная ассоциация вариантов английского языка (IAWE)

получила статус законной некоммерческой корпорации, согласно статье 501(c)(3) Налогового кодекса США, с головным офисом в Гонолулу, Гавайи, я стал ее первым исполнительным директором. С этого времени президентами Ассоциации избирались представители различных стран мира. В настоящее время ее президентом является З.Г. Прошина, профессор Московского государственного университета им. Ломоносова. С 1992 г. конференции Ассоциации проводились в Африке, Азии, Европе, Северной Америке и Тихоокеанском регионе. Одна из конференций Ассоциации, тематика которой была связана с АСЕАН, проходила в Сингапуре в 1997 г. в Национальном университете Сингапура под председательством Энн Пакир. В том же году был издан сборник «World Englishes 2000» («Мировые варианты английского языка 2000» под моей редакцией и редакцией Майкла Формена. Этот сборник содержал прекрасную статью Энн Пакир «Стандарты и кодификация мировых вариантов английского языка».

Когда в ноябре 2007 г. был принят Устав АСЕАН и в феврале 2009 он приобрел законную силу, меня в значительной степени впечатлил тот факт, что политические лидеры региона признали необходимость придания официального и законного статуса организации и ее структуре. Как я это понимаю, в Уставе предпринята попытка определить «...более целостную структуру с определенными правилами сотрудничества государств-членов Ассоциации...» при одновременном обеспечении нерушимости суверенитета стран посредством соблюдения принципа отказа от надгосударственности. Принципы, содержащиеся в Статье 2 Устава, определяют политику единства в многообразии. Относительно выбора языка, поразительной оказалась статья 34. В ней указано, что «рабочим языком АСЕАН является английский». В этом заключается принципиальное отличие АСЕАН от Европейского Союза, который использует двадцать три официальных и рабочих языка. Европейскому парламенту перед проведением его пленарных заседаний необходимо предоставить переводы важных документов на все официальные языки. Для выполнения данного требования требуется огромное количество времени, усилий и денежных средств. АСЕАН полностью отказалась от этого, и с точки зрения стороннего наблюдателя, по всей видимости, государства-члены Ассоциации приняли единодушное решение относительно выбора английского языка в качестве единственного рабочего языка АСЕАН.

Благодаря таким действиям АСЕАН я приобрел уверенность в том, что необходимо более творчески подходить к вопросу преподавания и изучения английского как международного языка/мировых вариантов английского языка. В декабре 2007 г. была создана Программа общемировых проблем (Global

Challenge Program), и летом 2009 г. совместно с Международной ассоциацией исследователей вариантов английского языка (IAWE) были проведены первые пилотные мероприятия. Одно из таких мероприятий, организованных специально для студентов, изучающих английский язык, имело название «Живые мировые варианты английского языка». Это трехнедельная программа в Гонолулу, когда студенты университетов из азиатского региона живут в местных принимающих семьях, разговаривающих на английском языке, и принимают участие в интерактивных мероприятиях. Студентам необходимо (1) опросить пятьдесят человек, которые разговаривают на различных вариантах английского языка, отличных от их собственных вариантов; (2) прочесть какую-либо книгу, отмеченную наградой, и написать по ней сообщение (например, роман «Месса» Ф. Сиониля Хосе, роман «Паутина традиций» Воо Кенг Тай и роман «Третья встреча» Трирата Петчсингха), при этом все такие книги написаны на английском языке писателями, для которых английский не является родным языком; и (3) представить двенадцать сообщений, относящихся к изучению различных культур. В таких письменных сообщениях может, например, быть представлено сравнение магазинов в китайском квартале Гонолулу с подобными магазинами в Вайкики с точки зрения цен, контингента покупателей и языков, которые можно услышать в магазинах. Другая программа для студентов из азиатских университетов, которая имеет название «Профессиональный опыт в использовании мировых вариантов английского языка», предполагает участие студентов в процессе наблюдения за работой специалистов в течение двух, трех или шести недель. Студенты-участники данной программы направляются в учебные заведения, некоммерческие организации (например, такие как Юношеская христианская ассоциация (YMCA) или Красный Крест) или местные компании (гостиницы или тематические парки). У этой программы следующие цели: а) проследить за ежедневной организацией рабочего процесса; б) получить навыки межкультурной коммуникации в различном окружении; в) получить информацию об установке связей с местными организациями и предприятиями для получения эффективных результатов; г) добиться личностного роста и получить профессиональные навыки для будущей карьеры; и д) заниматься целенаправленной деятельностью, которая будет способствовать успеху организации. Студенты наблюдают за работой специалистов 20 часов в неделю и еженедельно составляют письменные отчеты о том, какие обязанности те выполняют. Также один раз в неделю проводится встреча всех участников программы, на которой они представляют свои устные отчеты и

обсуждают их. На таких встречах также обсуждаются проблемы понимания различных вариантов английского языка в различных культурах, наиболее эффективные методы и материалы, используемые для преподавания английского языка, а также вопросы легитимности, касающиеся последствий глобального распространения английского языка, которое иногда называют культурной гегемонией или лингвистическим империализмом. В процессе таких дискуссий использовалась книга «Cultures, Contexts, and World Englishes» («Культуры, контексты и мировые варианты английского языка»), опубликованная Ямуной Качуру и мной в 2008 г., а также вышедшая в 2011 г. моя электронная книга «SELF-Leadership: Directions from Within» («Лидерство личности: указания, отдаваемые самому себе»).

Не вызывает сомнений тот факт, что АСЕАН будет продолжать развиваться и набирать мощь в регионе и мире. Я благодарен за предоставленную здесь возможность выразить свою признательность за то позитивное влияние, которое Ассоциация оказала на меня как в личном, так и профессиональном плане как на специалиста в области преподавания иностранного языка. Несмотря на то, что у меня огромный долг перед Ассоциацией, я попытаюсь частично вернуть его, стараясь жить по принципу АСЕАН – обсуждать все проблемы с проявлением уважения, придерживаясь политики единства в многообразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bautista Ma. Lourdes S. and Bolton Kingsley (guest eds.) *Philippine English: Tensions and Transitions*. World Englishes. 2004. Vol. 23. № 1.
2. International Association for World Englishes, Inc. (IAWE) at www.iaweworks.org
3. Global Challenge Program: <http://gcp-hawaii.com>
4. Jose Sionil F. (2009) *Mass*. – Solidaridad Publishing House.
5. Kachru, Braj B. ed. (1982) *The Other Tongue: English Across Cultures*, Urbana. IL: University of Illinois Press.
6. Kachru, Braj B. and Larry E. Smith eds. (1985) *Editorial in World Englishes: Journal of English as an International and Intranational Language*, 4:2. Summer, Oxford, U.K. Pergamon Press.
7. Kachru, Braj B. and Larry E. Smith eds. (1993) *Editorial in World Englishes*, 12:1 (March), Oxford, U.K. Blackwell.
8. Kachru, Braj B. and Larry E. Smith eds. (1986) *The Power of English: cross-cultural dimensions in literature and media*. Special issue of *World Englishes*, 5:2-3.
9. Kachru, Yamuna and Larry E. Smith (2008) *Cultures, Contexts, and World Englishes*, New York: Routledge.
10. Low Ee Ling, Pakir Anne (guest eds) *Englishes in Southeast Asia*. – *World Englishes*. 2010. Vol. 29. № 3.
11. Pakir A. Standards and Codification for World Englishes. In: Smith, Larry E. Forman Michael L. (eds.). *World Englishes 2000. Selected Essays*. – College of Languages, Linguistics and Literature, University of Hawaii and the East-West Center, 1997, p. 169-181.

12. Petchsingh Trirat (1983) *The Third Encounter and Other Stories*. Editions Duang Kamol.
13. Smith, Larry E. *English as an International Auxiliary Language*, RELC Journal, 1976, 7:1.
14. Smith, Larry E. ed. (1981) *English for Cross-cultural Communication*. New York: St. Martin's Press.
15. Smith, Larry E. ed. (1983) *Readings in English as an International Language* / Oxford a.o.: Pergamon Press.
16. Smith, Larry E. ed. (1987) *Discourse Across Cultures: Strategies in World Englishes*. London: Prentice-Hall.
17. Smith, Larry E. and Michael L. Forman eds. (1997) *World Englishes 2000*, Honolulu, University of Hawaii Press.
18. Smith, Larry E. (2011) *SELF Leadership: Directions from Within*, (ebook available from www.csaworks.com)
19. Via, Richard A. and Larry E. Smith (1983) *Talk & Listen: English as an International Language Via Drama Techniques*, (students' book and teachers' book,) Oxford, U.K. Pergamon Press.
20. Weiner, Eva S. and Larry E. Smith (1983) *English as an International Language: A Writing Approach*, Oxford, U.K. Pergamon Press.
21. Woo Keng Thye (1986) *Web of Tradition*. – Heinemann Asia.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНДОНЕЗИИ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Фуад Абдул Хамид

Фуад Абдул Хамид – профессор в области образования Индонезийского педагогического университета (Бандунг, Индонезия); президент ассоциации преподавателей английского языка как иностранного в Индонезии, член Европейской комиссии ассоциации преподавателей английского языка в Азии, бывший редактор журнала «Journal of Asia TEFL»*.

Контактный адрес: fuadah@indo.net.id; fuadah@upi.edu

Высшее образование в Индонезии приняло стратегию, которая потребовала совершенно нового подхода, где особенно важны проблемы автономии, конкурентоспособности и организации. В Индонезии очень сложная система высшего образования, поэтому децентрализация власти и предоставление большей автономии учреждениям рассматриваются как наиболее подходящий подход, а также делается акцент на ядро третичной миссии образования – преподавание. В связи с этим в работе изложены основные проблемы высшего образования в Индонезии и обсуждаются вопросы улучшения преподавательской деятельности, в связи с чем предлагается принять определенные международнопризнанные стандарты для преподавания английского языка в школе, а также на университетском уровне, поскольку английский играет решающую роль для конкурентоспособной и эффективной деятельности индонезийского народа на региональном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: индонезийская ассоциация преподавателей английского языка как иностранного, высшее образование, образовательная политика, стандарты преподавания.

Мудрая политика высшего образования в Индонезии приняла стратегию, требующую совершенно нового подхода, в котором вопросы обучения, качества, актуальности, подотчетности, институционального здоровья, автономии и равноправия становятся очень важными. Хотя в Индонезии наблюдается значительный прогресс в развитии высшего образования, большая часть образованных людей все еще не совсем адекватно оценивает численность населения и различия между регионами. Поэтому развитие высшего образования должно быть приоритетным для всех заинтересованных сторон. Принимая во внимание разные уровни развития и существования институтов высшего образования, мы не можем отдать его в руки рыночной экономики, поэтому участие государства в развитии высшего образования, безусловно, необходимо. Опора исключительно на рыночные силы могла бы увеличить разрыв между богатыми и бедными и, таким образом, создать большее неравенство между людьми. Для того чтобы отвечать требованиям эпохи глобализации, система индонезийского высшего образования развивается в условиях, когда институциональная автономия и открытость становятся стратегическими вопросами.

Ожидалось, что к началу текущего десятилетия Индонезия будет иметь механизм, обеспечивающий ее конкурентоспособность, в виде надежных и проверенных высших учебных заведений, и мы верим, что сильная программа высшего образования приведет к конкурентоспособности нации.

Однако до этого нам еще далеко. Нам необходимо позаботиться об институциональном механизме, надежном управлении, организации исследований, обеспечении развития и, наконец, о качестве образования. Преподавание, в прямом понимании этого слова, т. е. качество преподавания, очень часто упускалось из внимания структур высшего образования. Однако сегодня высшему образованию в Индонезии необходимо решить эту трудную, сложную, вытекающую из нашей ежедневной академической деятельности задачу: это и есть основа миссии университета, академического долга преподавателей, ответственности перед студентами, которая конкретным образом отражается в процессе преподавания в классах. Поэтому, прежде всего, будут обсуждены основные во-

Ассоциации преподавателей английского языка Малайзии, Тренгану, Малайзия; «Английский язык как Lingua Franca: индонезийские перспективы» – основной доклад на 4-й Международной конференции, посвященной преподаванию английского языка как иностранного, в Гонконге; «Юго-восточная азиатская ассоциация преподавателей английского языка: перспективы и проблемы» доклад на 45-й ежегодной Международной конвенции «Преподавание английского языка иностранцам» в Новом Орлеане, США, 2011 г. Одна из недавних статей «Оценка преподавания английского языка как иностранного в Индонезии» является главой в книге, опубликованной Азиатской ассоциацией преподавателей английского языка.

* Фуад Абдул Хамид получил свою первую степень в Институте города Бандунг, Индонезия, степень магистра гуманитарных наук на факультете лингвистики в университете южного Иллинойса (США) и степень доктора философии в этом же университете. Последние темы, представленные на конференциях: «Английский в школе в индонезийском контексте» – пленарный доклад на 20-й конференции

просы высшего образования в Индонезии и их особое значение в улучшении преподавательской деятельности с учетом стандартов, которых мы должны придерживаться в преподавании английского языка как в школах, так и в университетах.

Основные вопросы высшего образования Индонезии связаны с важностью принципа автономии, конкурентоспособностью и институциональным климатом, что отражено в «Долгосрочной стратегии высшего образования». В данном документе справедливо отмечается, что в условиях глобализации мир сталкивается с необходимостью повышения знаний как двигателя экономического роста. Способность производить, выбирать, адаптировать, извлекать прибыль и использовать знания имеет важное значение для устойчивого экономического роста и улучшения уровня жизни. В связи с этим система высшего образования ответственна за получение студентами хороших знаний, за осознание того, что нужно быть хорошим гражданином своей страны, и в процессе развития демократического, цивилизованного и открытого общества поддерживать национальную интеграцию и быть носителем общественного сознания.

Верно и то, что Индонезия в настоящее время еще находится на этапе восстановления экономики, социальной и политической системы (после тяжелейшего кризиса). Высшее образование как подсектор вынужден конкурировать с более важными секторами такими, как базовое образование, снижение уровня бедности, здравоохранение. Хотя важность этих секторов является бесспорной, отсутствие надлежащей поддержки в области высшего образования может сделать страну неконкурентоспособной. Другим важным вкладом высшего образования является его роль в поддержке начального и среднего образования, в частности, в подготовке качественных преподавателей, хотя для того, чтобы успешно выполнить эту функцию необходимо взаимодействие органов, ответственных за набор и распределение выпускников. Третьим основанием для выделения общественных фондов в сферу высшего образования является обеспечение доступности высшего образования для способных, но малоимущих студентов. Наконец, высшее образование – это защита национальных интересов, национальной интеграции и страны.

Мы считаем, что роль высшего образования в создании экономики, построенной на знаниях, и демократического общества более существенно, чем когда-либо. Его вклад в рост экономики, стимулируемой знанием, и сокращение уровня бедности происходит, как указывается в Долгосрочной стратегии высшего образования, через возможность (1) подготовки квалифицированной рабочей силы; (2) генерирования новых знаний для роста конкурентоспособности государства; (3) получения и адаптирования глобальных знаний к местным условиям.

Благодаря своему географическому положению Индонезия стала плюралистической и многонациональной страной. Ее многообразие отражается национальным кредо: *Bhinneka Tunggal Ika*, древней фразой, буквально означающей «Единство в многообразии». Страна с не одним десятком этносов и несколькими сотнями местных диалектов, Индонезия по своему многообразию может быть сравнима с Европой. Разнообразие становится более заметным при рассмотрении различий в экономической, социальной и технологической инфраструктурах, а также в природных ресурсах. В такой высоко плюралистической стране универсальная политика ко всем институтам неприемлема. Хотя в решении актуальных проблем, требующих быстрого решения, униформизм иногда рассматривается как лучшее краткосрочное решение, этот принцип не подходит для такой гетерогенной системы. Неспособность централизованно управлять большой и сложной системой проявляется в таких злоупотреблениях, как «фабрики дипломов» и в создании новых типов высших учебных заведений, которые не несут ответственности за образовательный процесс.

В Индонезии достаточно сложная система высшего образования, которая насчитывает около трех тысяч высших учебных заведений. Поэтому наиболее оптимальный подход в работе с такой сложной системой является децентрализация власти и предоставление большей автономии учреждениям. Именно это на самом деле подразумевалось законом о государственных юридических лицах, который был просто разрушен Конституционным судом, что оказалось шагом назад в развитии высшего образования. Планируется, что новый закон о высшем образовании будет обсужден к июню этого года, и он сможет, мы надеемся, исправить слишком ошибочную политику ограничений системы управления высшим образованием. Мы надеемся, что новый закон сможет осуществить принципы децентрализации и автономии, при которых роль центрального правительства, представленного Управлением высшего образования (УВО), перейдет от функций регулирования к стимуляции, предоставлению возможностей и содействию. Тем не менее оно сможет влиять на заведения высшего образования посредством распределения ресурсов и другими средствами в рамках национальной системы высшего образования. Смещение этой роли означает и то, что ответственность и подотчетность также будут перенесены на институты. Обеспечение самостоятельности и открытости, безусловно, требует проведения всесторонней и последовательной политики. Каждый важный аспект – финансовая политика, кадровая политика, управление и система контроля качества – должен быть отрегулирован в соответствии с изменением политики в области высшего образования.

Внедряя данную политику, Управлению высшего образования необходимо подготовить институциональные форматы и правовую инфраструктуру. Институциональные форматы включают в себя корректировку структуры и обязанностей Управления высшего образования, Национального органа по аккредитации, а также университета, в том числе его правовой статус. Правовая инфраструктура включает в себя законы о высшем образовании, необходимые постановления правительства и министерские указы.

Третий основной вопрос «Долгосрочной стратегии высшего образования» касается вопросов жизнеспособности учебных учреждений: непосредственно самой жизнеспособности и благосостояния учреждения. В учебном заведении это понятие характеризуется способностью этого учебного заведения развивать академическую свободу, высоко ценить инновацию и творчество, предоставлять возможность людям обмениваться знаниями и достигать успеха. В таком учреждении есть все необходимые рычаги, которые помогают сотрудникам и студентам адаптироваться в той или иной сложной ситуации, что предоставляет им достаточную свободу и независимость, чтобы решить необычные вопросы и правильно сориентироваться в непредвиденных обстоятельствах. Каждое учреждение несет ответственность за благополучную атмосферу в рамках своего учреждения, в то время как Управление высшего образования отвечает за состояние здоровья всей системы. Хотя благополучное учреждение должно принимать во внимание влияние окружающей среды, в центре его внимания, все же, должно находиться его собственная здоровая атмосфера.

Мы очень обеспокоены тем, что возможности каждого высшего учебного заведения варьируются в стране. Поэтому следует избегать внедрения рыночной экономики в ее чистом виде. Более целесообразным в этой ситуации является внедрение многоуровневой конкуренции, которая сгруппировала бы учреждения по уровню развития или типу. Как следствие, Управление высшего образования вынуждено разрабатывать политику и программы, которые бы способствовали улучшению жизнеспособности учебных заведений путем стимулов, технической помощи и коррекционных мероприятий.

С точки зрения финансовой выгоды и ресурсов высшие учебные заведения получили крупные суммы из государственных ресурсов, а многие вузы также сгенерировали значительные средства из других источников. Однако из-за предшествующей высоко централизованной системы, которая предпочитала соответствие единому стандарту, возможность многих институтов обеспечить ценовую эффективность и рентабельность, а также самые высокие академические стандарты недостаточна. Таким образом достичь уровня жизнеспособного учреждения сомнительно. Следовательно, Управление высшего образования отвечает за разработку и внедрение систематической программы повышения институционального потенциала в области управления.

Я твердо убежден, что миссия высшего учебного заведения включает в себя преподавательскую, исследовательскую и общественную деятельность, и поскольку преподавание, на мой взгляд, является сутью всех трех миссий, то политика и программы всех высших учебных заведений по обеспечению конкурентоспособности страны, повышения самостоятельности и установления институционального благополучия должны развиваться в сторону поддержки преподавания, укрепления всех его компонентов и необходимых средств. Преподавание английского языка как иностранного в высших учебных заведениях не является исключением в этом отношении.

Основной деятельностью высшего учебного заведения, несомненно, является преподавание, и именно этого ожидает от него общество: «из многих требований, которое общество предъявляет университету, самым важным является требование того, что университет будет учить хорошо» (Kennedy, 1997 p. 59). Далее он отмечает, что это требование включает в себя много различных мнений о том, какими свойствами должен обладать продукт системы высшего образования, а именно культурной осведомленностью, аналитизмом, интеллектуальной любознательностью, работоспособностью и лидерскими качествами. Это означает преподавательскую деятельность, направленную на то, чтобы познакомить студентов с культурными ценностями и заставить их понимать, насколько хорошо они подходят в той или иной культурной среде. Кроме того, такая преподавательская деятельность сможет интеллектуально и аналитически заинтриговать студентов, чтобы они были готовы к будущей трудовой деятельности и стали «эффективными руководителями».

Преподавательская деятельность, которая включает в себя принципы культурного сознания, аналитические способности, работоспособность и способность к лидерству должна осуществляться в соответствии с видением о высшем образовании, что отмечено в «Долгосрочной стратегии высшего образования». В целях содействия повышению конкурентоспособности нации, национальное высшее образование должно быть организационно дееспособным, что относится непосредственно и к каждому учебному заведению. Структурная перестройка нацелена на достижение здоровой системы высшего образования, эффективно скоординированной, качественной, доступной, справедливой и автономной, что ожидается и от педагогической деятельности в школе.

Качественное высшее образование можно определить по тому, насколько эффективно оно отражает нужды студентов, развивает их интеллектуальные способности для того, чтобы они могли стать ответственными гражданами и внести свой вклад в конкурентоспособность нации. Кроме того, качественное высшее образование должно быть разработано

как система, которая могла бы способствовать развитию демократического, цивилизованного, открытого общества, а также отвечать критериям ответственности перед обществом. Чтобы достичь доступного образования и добиться справедливости, нам необходимо разработать систему, которая предоставит всем гражданам возможность получить непрерывное обучение, что позволит им достичь самого высокого уровня своего потенциала в жизни, так, что они смогут вырасти интеллектуально, будут готовы для работы, самореализуются и станут полезными для общества. В то же время развитие автономии означает децентрализацию власти от центральных органов управления и обеспечение институтов большей самостоятельностью и наделение их большей ответственностью, плюс создание правовой структуры, структуры финансирования и управления процессами, которые приводят к инновациям, эффективности и отличным показателям. Ключевые лексические единицы, относящиеся к процессу преподавания, это – потребности студентов, интеллектуальные способности, поддержка, ответственность и совершенство. Все это является необходимым в любой преподавательской деятельности.

Преподавание вызывает необходимость того, чтобы учитель играл разные роли в одном и том же процессе обучения. Кеннеди (1997, с. 60) говорит, что быть учителем значит быть многоликим, т.е. быть «источником информации, тренером, способным повысить квалификацию своих учеников, вдохновителем творческого прозрения, вдумчивым руководителем, профессиональным наставником и многое другое». Чтобы сыграть все эти роли необходима усилия на всех этапах преподавания: от подготовки к занятиям, его проведения и до оценивания. Ожидания студентов и других заинтересованных сторон сегодня сильно отличаются от предшествующих. Эти ожидания требуют от учителя огромных временных затрат, энергии и внимания. Студенты сегодня привыкли к более высокому уровню ответственности.

Для того чтобы студенты могли успешно конкурировать со студентами из других стран и других культур, учителю необходимо развивать у своих учеников осознание культуры, что значит, что они должны «понимать членов другой культурной группы: их поведение, их ожидания, их перспективы и ценности» (Cortazzi и др., 1999). Кроме того, культурное осознание означает попытку понять причины поступков других людей, их убеждения, что немаловажно в общении между культурами и о культурах. В повседневной преподавательской деятельности этого можно достигнуть созданием этнографической площадки для культурного обучения. Таким образом, обязанности преподавателя предполагают наличие навыков и способностей в различных областях, а также беззаветную преданность профессии.

Индонезийская «Долгосрочная стратегия высшего образования» включает основные вопросы, затрагивающие конкурентоспособность страны, автономию, организационную жизнестойкость. Эти три основных момента, в приложении к преподаванию, требуют различных навыков и способностей преподавателя. Короче говоря, преподаватель в высшем учебном заведении, как отмечалось выше, должен помогать студентам осваивать ИКТ, развивать их культурное осознание, быть хорошим коммуникантом, тренером, способным развивать умения своих учеников, вдохновителем творческого прозрения, вдумчивым наставником по развитию аналитических способностей, профессиональным советчиком, человеком, который учит не бояться глобальной конкуренции.

Для эпохи глобализации характерно то, что наш мир объединен экономикой, коммуникациями, транспортом и политикой. Поэтому нам, индонезийцам, необходимо понимать, что мы живем и работаем в условиях мирового рынка товаров, услуг и идей. В результате, мы, педагоги, сталкиваемся с проблемой необходимости подготовки выпускников, которые будут компетентны не только в своей профессиональной деятельности на мировой арене, но и способны принимать личные и общественные решения как граждане международного сообщества. Конечно, международные связи, которые объединяют как людей, так и страны, должны быть отражены в наших образовательных программах. Поэтому школы, колледжи и университеты должны готовить выпускников, знакомых с культурными ценностями, историей, языками и устройством других стран. Таким образом, каждый гражданин любого государства должен осознавать особенности нынешней эпохи, включающие конкурентоспособную мировую экономику, расширение контактов с другими странами и интерес ко всему миру вообще, всемирные электронные базы данных и компьютерные сети. Все это требует высокого уровня владения иностранным языком, что позволит эффективно и на конкурентной основе работать как у себя в стране, так и на мировой арене. В этой связи преподавание английского языка на университетском уровне как инструмента будущей профессиональной деятельности должно стать приоритетным.

Местным преподавателям английского языка необходимо правильно реагировать на глобальные вопросы и проблемы, пытаться соответствовать стандартам, выдвинутым организацией TESOL («Преподавание английского языка носителям других языков»), и общеевропейским компетенциям владения иностранными языками. Для этого, единственно возможным вариантом для индонезийских преподавателей английского языка является укрепление их профессиональной компетенции, чтобы

они смогли готовить выпускников школ и университетов, чье владение иностранным языком соответствует мировым стандартам.

В этой связи было бы полезно узнать, что было сформулировано TESOL (1997), принявшей стандарт преподавания английского языка носителям других языков в начальной и средней школах. Эти стандарты определяют языковые компетенции, которыми должны овладеть учащиеся начальных и средних школ в процессе изучения английского языка, которые должны иметь неограниченный доступ к соответствующему их уровню инструктажу по трудным учебным предметам и которые, в конечном итоге, должны жить богатой и продуктивной жизнью. Разработка этих стандартов велась параллельно с работой разработчиков других стандартов: английский язык искусства и иностранный язык. Все три проекта языковых стандартов делают акцент на важности:

- 1) языка как средства общения;
- 2) изучения языка на основе его конструктивного и значимого использования;
- 3) индивидуальной и социальной ценности билингвизма и многоязычия;
- 4) роли родного языка в изучении английского языка и в общем академическом развитии;
- 5) роли культурных, социальных и познавательных процессов в языковом и академическом развитии;
- 6) уважительного отношения к языковому и культурному разнообразию.

Ряд общих принципов, вытекающих из исследований и теории о природе языка, языкового обучения, развития человечества, а также педагогики, лежат в основе стандартов английского языка как второго, описанных в документе TESOL. Они включают в себя принципы о том, что язык является функциональным, что язык меняется, что изучение языка является изучением культуры, что овладение языком является долгосрочным процессом и происходит через использование и взаимодействие, что языковые процессы развиваются взаимозависимо, что родной язык способствует процессу овладения иностранным языком и что билингвизм является индивидуальным и общественным явлением.

Ассоциация TESOL установила три основные цели для изучающих иностранный язык всех возрастных уровней. Эти цели включают личное, социальное и академическое использование английского языка. Каждая цель связана с тремя различными стандартами. Первая цель – это использование английского языка для социального общения, когда студенты будут использовать стандарт английского языка для участия в социальном взаимодействии, будут пользоваться устной и письменной формой английского языка для личного самовыражения и удовольствия и, используя стратегии обу-

чения, будут расширять свои коммуникативные компетенции. Вторая цель заключается в использовании английского языка для академического общения, для взаимодействия в классе, для получения, обработки и предоставления информации в устной или письменной форме. С этой целью должны использоваться соответствующие стратегии обучения для построения и применения научных знаний. Третья цель заключается в использовании английского языка в социальном и культурном контексте в соответствии со стандартами, согласно которым студенты будут пользоваться соответствующим языковым разнообразием и жанром применительно к соответствующей аудитории и цели, использовать невербальные средства коммуникации, соответствующие ситуации, цели и статуса коммуникантов. В связи с этим необходимо использовать соответствующие стратегии обучения, чтобы расширить социолингвистические и социокультурные компетенции учащихся.

Три цели, отмеченные выше, а также их основополагающие принципы важны для индонезийских преподавателей английского языка и разработчиков политики в области образования для правильного создания школьных программ по английскому языку, которые бы сохраняли конкурентоспособность на мировом рынке. Еще одним важным документом для наших стандартов являются «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком», которые на комплексной основе описывают, чему изучающие иностранный язык должны научиться для того, чтобы использовать язык для общения, какие знания и навыки они должны выработать, чтобы общаться эффективно. Общеввропейская система уровней владения иностранным языком может быть использована как основа для разработки программы преподавания английского языка и механизма оценки.

Другой стратегической мерой является повышение компетентности преподавателей английского языка как иностранного. Компетентность преподавателя должна развиваться, по крайней мере, в четырех разных направлениях: отношение, понимание, мастерство и привычки (Marquardt, 1977). Чтобы быть конкурентоспособным, преподавателю постоянно необходимо продолжать совершенствоваться во всех направлениях личного и профессионального развития. Считается, что учителя английского языка верят в то, что распространение английского языка во всем мире может улучшить межкультурное и межгрупповое общение, а также сделать мир более стабильным и цивилизованным. Для того чтобы преподаватели смогли правильно обучать английскому языку, им необходимо развивать интерес студентов к языкам или диалектам и, конечно, культуре. Тем самым они не только смогут лучше понять проблемы студентов, связанные с изучением иностранного языка, но и

стать им хорошим примером, поскольку сами продолжают изучать английский язык. В связи с этим они знают, что должны уважать язык и культуру своих студентов и стимулировать студентов к сохранению их собственного языка и культуры. Они должны объяснить студентам, что изучение иностранного языка – это лишь усилие, которое поможет расширить рамки общения, опыта, увеличит доход, но при этом родной язык должен быть сохранен. Понимая текущее развитие коммуникационных технологий, учителя английского языка должны положительно относиться к этому потенциалу и использовать его в своей преподавательской практике.

Второй комплект компетенций, которые необходимы учителям, – это то, что относится к пониманию. Предполагается, что учителя английского языка должны понимать, что цели изучения у носителей и носителей английского языка разные. Первым язык необходим для межкультурного общения, тогда как вторые изучают его для общения с представителями своей же культуры. Кроме того, учителя английского языка должны понимать, что язык является лишь средством человеческого общения и представители одной культуры должны иметь определенные черты мировоззрения и поведения, чтобы общаться между собой и с представителями других культур. Еще одно понимание, требуемое от преподавателей, – относиться к модели теории коммуникации, как более подходящей для преподавания компетенций в межкультурной коммуникации для носителей английского языка, нежели традиционная грамматика, структурная грамматика и трансформационно-порождающая (генеративная) грамматика. Учителя должны понимать, что чем раньше студенты вовлечены в ситуации межкультурного взаимодействия, тем быстрее они научатся межкультурному общению.

Среди всех навыков, преподаватели английского языка должны уметь использовать сравнительный анализ, социолингвистический анализ различного языкового поведения в ситуациях межкультурного взаимодействия, чтобы сравнить определенные черты языков и культуры студентов с англоговорящими сообществами и организовывать настоящие ситуации межкультурного взаимодействия. Кроме того, преподаватели должны выработать привычку использовать любую возможность для общения со студентами на их родном языке, чтобы показать им свое уважение и заинтересованность в их культуре, что вызовет мотивацию к общению. Более того, преподавателям английского языка необходимо выработать привычку систематизации интересных фактов поведения в межкультурном взаимодействии, чтобы использовать их в процессе обучения студентов, вовлекая их в межкультурные ситуации.

В заключение необходимо отметить, что высшие учебные заведения Индонезии, особенно те, которые предлагают образовательные программы

обучения английскому языку, играют важную стратегическую роль в поддержке конкурентоспособности государства. Мы понимаем, что нам необходимо развивать и усиливать автономию, конкурентоспособность и институциональную дееспособность наших высших учебных заведений, чья главная стратегическая миссия заключается в обучении. Задачи расширения высшего образования путем создания колледжей в каждом районе и уделения основного внимания укреплению и расширению политехнического образования в высших учебных заведениях требуют большего внимания совершенствованию методической подготовки как основы миссии высшего образования. В результате обучения мы должны получить выпускников школ и высших учебных заведений, которые компетентны не только в своей профессиональной деятельности на мировой арене, но и способны принимать личные и общественные решения как граждане международного сообщества. В этом случае хорошее знание английского языка индонезийскими студентами является неоспоримым условием. Международные связи, которые объединяют людей и государства, должны быть отражены в наших образовательных программах. Таким образом, школы, колледжи и университеты должны готовить таких выпускников, которые знакомы с ценностями, историей, языками и организацией других культур. Для того чтобы конкурировать с учителями английского языка из других стран и готовить выпускников школ, чье знание английского языка отвечает стандартам, установленным для студентов-носителей английского языка, индонезийским преподавателям необходимо укреплять свою профессиональную компетентность через обучение английскому языку по международным стандартам. С этой целью, индонезийские преподаватели английского языка должны развивать свою профессиональную компетенцию в четырех направлениях: выработке соответствующего отношения, понимания, мастерства и привычек. Чтобы быть конкурентоспособными, преподаватели должны постоянно повышать свой профессионализм в этих направлениях личного и профессионального развития. Без сомнения, высококвалифицированные преподаватели английского языка могут получить соответствующую подготовку только в хороших педагогических институтах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hamied, Fuad A. 2001. *English Language Education in Indonesia*. A paper presented at the East-West Center and Ohana Foundation at the Workshop on Increasing Creativity and Innovation in English Language Education, East-West Center, Honolulu, Hawaii, February 16–27.
2. Hamied, Fuad A. 1997. EFL Program Surveys in Indonesian Schools: Towards EFL Curriculum Implementation for Tomorrow. *Language Classrooms of Tomorrow: Issues and Responses*, ed. by George M Jacobs. Singapore: SEAMEO Regional Language Centre.

3. Hamied, Fuad A. 2008. *Higher Education and TEFL in Indonesia*. In honor of Professor Soenjono's 70-year-Anniversary.
4. Marquardt, William F. 1977. Preparing English Teachers Abroad. in Fanselow, John F. & Richard L. Light. *Bilingual, ESOL and Foreign Language Teacher Preparation: Models Practices, Issues*. Washington, D.C.: TESOL.
5. TESOL. 1997. *The ESL Standards for Pre-K-12 Students*.
6. The Common European Framework – on line document. http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf
7. Cortazzy, Martin & Jin, Lixian. Cultural mirrors: Materials and methods in the EFL classroom, in Hinkel, Eli (ed.). 1999. *Culture in second language teaching and learning*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Directorate General of Higher Education. 2003. *Higher Education Long Term Strategy (HE LTS)*. Jakarta: DGHE Ministry of National Reducation.
9. Kennedy, Donald. 1997. *Academic Duty*. Cambridge, Massach-usetts: Harvard University Press.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ ИЗ ОПЫТА АЗИИ И СТРАН – ЧЛЕНОВ АСЕАН

Саран Каур Гилл

Саран Каур Гилл – профессор Школы изучения языков и лингвистики Национального университета Малайзии (Кебангсаан).

Контактный адрес: saran@pkrisc.cc.ukm.my

В статье рассматриваются вопросы четырёхстороннего сотрудничества университетов с работодателями в сфере промышленности, государственных учреждений, неправительственных и общественных организаций. Анализируются основные проблемы традиционной системы образования в этой сфере, в частности, потребность университетов в руководителях высшего и среднего звена; ясность концептуализации системы общественного партнёрства; институционализация промышленности; обеспечение качества, разработка показателей качества, критериев высокого качества и влияния через взаимодействие науки, образования и услуг; наращивание потенциала эффективного взаимодействия университетов, общества и промышленности; система вознаграждения для промышленности и общественного партнёрства; финансирование.

Ключевые слова: высшее образование, общественное партнёрство, институционализация промышленности, Азиатско-Таллуарская сеть промышленности и общественного партнёрства, Ассоциация университетов стран АТР (АСЕАН), Молодёжная волонтерская программа АСЕАН, Национальный университет Малайзии.

Статья основана на докладе, представленном на втором региональном форуме, проведенном Национальным университетом Малайзии и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в мае 2011 г., посвященном социальной ответственности и устойчивому развитию университетов. Данная статья стала программной речью, представленной на 11-й ежегодной конференции Ассоциации институциональных исследований Юго-Восточной Азии, посвященной социальной ответственности университета как пути к совершенству. Конференция проходила в ноябре 2011 г. в Чиангмае, Таиланд. Эта статья была опубликована в сборнике «Высшее образование и привлечение сообщества – инновационная практика и проблемы в странах – членах АСЕАН и Азии» под редакцией Саран Каур Гилл и Нантана Гайазени, Банги, издательство Национального университета Кебангсаан.

В нашем глобализованном и разделенном на регионы мире мы все чаще сталкиваемся со сложными вопросами и проблемами, которые выходят за рамки дисциплинарных, отраслевых или географических границ. К ним относятся проблемы изменения климата, охраны окружающей среды и ее влияния на сообщества, например те, которые пострадали от наводнений в Таиланде, Лаосе, Вьетнаме и Филиппинах. Мы сталкиваемся с проблемами неравенства на экономическом уровне между городом и деревней, с проблемами неравенства и неравными возможностями на получение образования и прав человека во всем регионе. Вероятно, эти проблемы выходят далеко за рамки возможностей их решения. Они требуют сотрудничества, со-

вместной работы людей разных стран для того, чтобы наше общество стало социально справедливым, экономически стабильным, экологически устойчивым, грамотным и образованным. Все эти составляющие являются важными пунктами «Целей развития тысячелетия» (ЦРТ). Несмотря на то, что наши правительства все еще рассматриваются как ключевые посредники такого сотрудничества, университеты играют все более важную роль в этом деле. Все это может быть достигнуто в сотрудничестве с предприятиями промышленности / некоммерческими организациями (NGO) / общественностью через обоюдовыгодное партнерство для обеих сторон (Wallis, 2005).

Это обсуждалось и на генеральной конференции Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая проходила под названием «Высшее образование в быстро меняющемся мире: сделать больше с наименьшими потерями», где подчеркивалось, что «...социальное взаимодействие вышло за пределы институциональных границ для решения проблем XXI в. Взаимодействие сегодня – это гарантия того, что высшее образование способно выполнить многочисленные требования: ... создание культуры обучения, управление исследованиями и процессом преподавания для устойчивого развития, укрепление связей с социальными и промышленными (мое включение) партнерами, что сегодня является неизбежной обязанностью институтов...». Эти идеи перекликаются с речью президента Ассоциации институциональных исследований Юго-Восточной Азии на семинаре Азиатско-Европейского фонда в Инсбруке: «Кто/Что мы? Кому мы служим?» Университеты должны удовлетво-

рять потребности работодателей, способствовать изменениям в обществе и быть способными к критическому осмыслению. В служении обществу они должны задавать себе критические вопросы, действительно ли процессы, например, в преподавательской, научной и обслуживающей сферах, имеют значение для студентов и смогут ли они помочь им внести вклад в улучшение общества в целом.

Поэтому важно, чтобы университеты сотрудничали с работодателями в сфере промышленности, государственных учреждений, неправительственных и общественных организаций, работали в направлении повышения качества жизни людей во всем регионе. Это четырехстороннее сотрудничество часто описывается в литературе как модель сотрудничества (Maldonado, 2010). Если мы хотим решить проблемы, затрагивающие общество, нам необходимо разработать и внедрить эту модель. Такое партнерство не является чем-то новым – оно осуществлялось высшими учебными заведениями через ряд инициатив, но его реализация носила разовый характер. Поэтому, чтобы иметь большее влияние, данная модель должна быть скоординирована и систематизирована. При помощи интеллектуального капитала и возможностей генерирования знаний университеты способны взять на себя инициативу. Задача состоит в том, чтобы свести все вместе и коллективно двигаться в направлении создания большинства, в налаживании партнерских отношений с работодателями с целью продвижения высшего образования, промышленности и общества для решения важных проблем.

В этой статье автор рассматривает проблемы и рекомендации, которые могут быть сделаны в отношении традиционного представления об университетах, чья деятельность заключалась в исследовании, преподавании и обучении. Эти проблемы и рекомендации взяты из опыта Национального университета Малайзии, который был освещен на втором Азиатско-Европейском образовательном семинаре «Общество знаний: университеты и их социальные обязанности», проведенном в июне 2011 г. в Инсбрукском университете. Если об европейских взглядах можно узнать из Инсбрукского семинара, то идеи АСЕАН основаны на результатах 2-го регионального форума «Знания – для людей, исследования – для общественной жизни», посвященного социальной ответственности и устойчивому развитию университетов, который был организован Национальным университетом Малайзии и Ассоциацией университетов АСЕАН в мае 2011 г. Значимой в этом отношении является статья Рассела Ботмана «Главная надежда в Африке: Развитие человеческого потенциала за счет повышения взаимодействия образовательного сообщества».

Основываясь на форумах, которые освещают опыт Азии и Европы, Малайзии и Южной Африки,

следующие проблемы встают перед университетами, которые серьезно относятся к развитию общества через образование, исследования и услуги:

- **Потребность в руководителях** высшего и среднего звена – включает в себя вопросы стратегического руководства и оперативного управления.

- **Ясность концептуализации:** существует много терминов в отношении общественного партнерства, что остается проблемой в отношении высшего образования.

- **Институционализация:** понятию общественного партнерства еще не присвоен статус основной, полноценной, академической функции университетов. Задача состоит в том, чтобы разработать и учредить соответствующие механизмы для привлечения населения на институциональном уровне.

- **Обеспечение качества:** острая необходимость в разработке показателей качества, критериев высокого качества и влияния университетов через взаимодействие науки, образования и услуг; разработка показателей качества управления и процессов для общественного партнерства, которые являются идентичными тем, что разработаны для науки, преподавания и обучения.

- **Программа наращивания потенциала:** развитие навыков необходимых для эффективного взаимодействия университетов, общества и промышленности.

- **Система вознаграждения** для промышленности и общественного партнерства, что будет являться ключевым фактором, чтобы получить поддержку идеи любой политической инициативы.

- **Финансирование:** необходимо выявить различные источники финансирования и разработать инновационные механизмы с помощью стратегического партнерства государства и частного сектора для обеспечения устойчивости общественного партнерства.

Руководящий статус: системы управления и структуры, политики и внедрения, которые направляют и поддерживают университетско-промышленное содружество/партнерство в Национальном университете Кебангсаан (Малайзия)

Если университет хочет серьезно заняться продвижением этой составляющей, необходимо внимание со стороны руководства высшего звена.

Начнем с обозначения структурной системы, которую создало наше Министерство высшего образования и университеты с целью обеспечения университетов эффективной системой выпуска для взаимодействия с промышленными предприятиями и сообществами (Gill, 2009).

1 сентября 2007 г. Министерством высшего образования создана новая руководящая должность высшего звена – проректор по вопросам связи с производственными и общественными партнерами – для 4 исследовательских университетов: Национального университета Малайзии, университета Малайи, уни-

верситета науки Малайзии, университета Путра Малайзии и технологического университета Мара. В Национальном университете Малайзии эта должность называется проректор (по вопросам связи с производственными и общественными партнерами).

Это расширит число проректоров в Национальном университете Малайзии от трех (проректора по вопросам науки и инноваций, по академическим и международным делам, по делам студентов и выпускников) до четырех, включая должность проректора по вопросам связи с производственными и общественными партнерами. Все эти должности находятся в непосредственном подчинении ректора (в некоторых ситуациях именуемого «Президент») университета.

Важно иметь в виду, что роль проректора (по вопросам связи с производственными и общественными партнерами) является ориентированной на оказание услуг. В процессе развития сотрудничества с промышленными предприятиями и обществом эта должность нацелена на поддержку науки, преподавания, обучения и обслуживает основные направления университета. Конечно, не исключена возможность совпадения некоторых обязанностей этого проректора с функциональными обязанностями других проректоров. Поэтому для достижения взаимопонимания и сотрудничества между проректорами очень важно обеспечить плавное и конструктивное взаимодействие с промышленными предприятиями и общественными партнерами. Должны быть устранены все преграды и ограничения, и все междисциплинарные отношения и многофункциональные проекты должны строиться через инновацию. Эта сравнительно новая должность должна соединять университет с производством и жизнью общества, поскольку это усилит основную задачу университета – развитие науки, обеспечение образования и предоставление услуг.

В Национальном университете Малайзии должность проректора служит для развития, поддержки и сохранения ведущей роли университета в установлении взаимовыгодных партнерских отношений между университетом, промышленностью и обществом. Это осуществляется не только на национальном уровне, но и в рамках региональных и глобальных взаимодействий; достигается за счет систематического документирования, планирования и реализации будущих совместных предприятий. Все данные усилия реализуются через связи и партнерские взаимодействия, где интеллектуальный капитал университетов и ресурсы будут увеличены на благо развития производства и общества. С другой стороны, ученые и студенты обогатятся знаниями и получат бесценный опыт, сотрудничая с производственными и общественными организациями. Все это будет стимулироваться проводимыми университетскими исследованиями в таких областях, как устойчи-

вое развитие, изменение климата, нанотехнологии и материаловедение, мультикультурализм, глобализация и самоидентификация, технологии здравоохранения и медицина (Sharifah Hapsah, 2008: 23–28). Конечно, мысль обратиться к производству и общественным партнерам не нова. Отделы, занимающиеся вопросами связи университетов, производства и общественных организаций, существовали и в государственных вузах на протяжении многих лет. Тем не менее усилия по формированию партнерских отношений с производством и общественными организациями строились на специальной основе. До создания этой должности не было структурированного способа установления отношений с внешним миром. Такое взаимодействие происходило в основном за счет отдельных преподавателей и производственных отделов самих университетов.

Структура и система, которые были созданы в Национальном университете Малайзии для связи с производством и обществом, будут рассматриваться и далее.

В Национальном университете Малайзии проректор по связям с производственными и общественными организациями имеет в подчинении три отдела, возглавляемых тремя директорами. Это – бюро по связям с производством, управление по связям университета с общественными партнерами и ректорский фонд; три отдела ориентированы на оказание услуг, их значимость определяется возможностью оказания поддержки факультетам и научно-исследовательским институтам в развитии академического образования, осуществлении научно-исследовательских и образовательных проектов в рамках совместных отношений с производством, неправительственными организациями и общественностью. Очень важно спланировать четкую и эффективную «систему выпуска» для того, чтобы эти отделы работали эффективно на всех уровнях: начиная с проректора, и предоставлять помощь факультетам/научно-исследовательским институтам по сотрудничеству с производством/общественными организациями. Таким образом, эти отделы работают в тесной связи с ректором, другими проректорами (по учебной, научной деятельности и по работе со студентами), деканами факультетов, директорами институтов и другими представителями высшего руководящего звена. Все вместе мы обеспечиваем поддержку взаимодействия студентов и профессорско-преподавательского состава в достижении сотрудничества Национального университета Малайзии с производственными и общественными организациями.

Очень важно обеспечить развитие руководства среднего звена для того, чтобы эта политика и планы могли реализоваться на уровне факультета. Для этого у нас существует должность главы отдела производственного и общественного партнерства

на каждом факультете. В статье и презентации развитие управление этой системой звучит идеально. Можно с уверенностью использовать аналогию с уткой, спокойно плывущей по воде. Мы не видим тех физических усилий, которые необходимы утке для достижения видимого спокойствия. Чтобы каждая вежа была достигнута, потребовалось много труда, пота и слез.

Уточнение понятий: определение общественного партнерства

Установив управление системы взаимодействия, необходимо решить следующую задачу, которая заключается в уточнении концептов. В системе высшего образования общепризнанное определение того, что же является социальной ответственностью университета и общественным партнерством, все еще остается проблематичным. Ботман (2010) подчеркивает, как трудно «избавиться от старой парадигмы «общественных услуг», которая держала нас в плену, и подойти к концепции двусторонности, которая подчеркивает роль партнерства и взаимной выгоды.

В Барселонском университете социальная ответственность в рамках университетского сообщества означает применение принципов этики, хорошего управления, уважения к окружающим, социальной ответственности и гражданского значения задач преподавания, научных исследований и передачи знаний, чтобы каждый человек в отдельности и все вместе несли ответственность за последствия своих поступков. Это означает ответственность перед обществом за положительные и отрицательные социальные, экологические и экономические изменения, вытекающие из действий, предпринятых в любой области.

Согласно Голланд и Рамалей (2008), одно из наиболее широко принятых определений партнерства получило свое развитие в «Классификации общественного партнерства» (2006), разработанной Отделом по улучшению преподавания Фонда Карнеги: «Общественное партнерство означает сотрудничество между высшими учебными заведениями и более крупными сообществами для взаимовыгодного обмена знаниями и ресурсами в контексте партнерства и взаимодействия».

Есть много взаимосвязанных определений, но в Национальном университете Малайзии за основу взято определение ответственного общественного партнерства. Существует необходимость внести ясность в использовании слова «услуга» в качестве третьей миссии университета, как отмечалось выше, и уточнить, как происходит взаимодействие с производством и общественностью при интеграции с наукой и образованием. «Услуга» направлена на полезную деятельность, помощь, предоставление сервиса кому-то, т.е. то, что связано с волонтерской деятельностью, и это очень важно, чтобы мы возвращали обществу свои сердца, руки и свой интеллект.

В программной речи, представленной на семинаре, организованном Азиатско-Европейским Фондом совместно с Инсбрукским университетом, было подчеркнуто, что традиционно в Европе университеты сосредоточены на обучении и науке. Появляется и третья миссия университетов, а именно предоставление услуг, которые связаны со всеми другими задачами университета. В результате появляются исследования, имеющие выход в практику, способствующие пониманию искусства, решаются вопросы гендерного равенства и карьерного роста женщин, возникает необходимость объяснить обществу, каковы функции и ценности университетов.

Это очень важно, но термин «услуга» не является достаточно широким, чтобы охватить целый ряд мероприятий и инициатив, которые предусматривают взаимодействие с производством и общественностью, которое осуществляется через университет. Сотрудничество ученых с производственными предприятиями / общественными организациями, например, не может подпадать под определение «сервис». Другим примером являются стажировки студентов и профессорско-преподавательского состава, которым удалось получить финансирование от производственных предприятий на общественные исследования, и многие проекты, основанные на обмене богатством знаний между всеми заинтересованными в этом процессе при решении общественных проблем.

«Партнерство», в этой связи, было бы более подходящим и точным термином, так как «партнерство» предполагает совместную работу и общее понимание развития общих решений, на основе совместного управления и совместного имущества с конечной целью получения взаимной выгоды для всех заинтересованных сторон.

Поэтому в Национальном университете Малайзии определение партнерства в разработанном Стратегическом плане партнерства гласит:

«Партнерство предполагает целенаправленное, внимательное и продуктивное взаимодействие как с внутренними (научными, административными, профессиональными сотрудниками и студентами), так и внешними заинтересованными сторонами (промышленностью, государственными учреждениями, общественными организациями и общественностью) для установления взаимовыгодных партнерских отношений. Все эти партнерские инициативы направлены на укрепление и обогащение основных направлений университета – образования, науки и услуг – и облегчают двусторонний обмен опытом и ресурсами на основе взаимного обмена знаниями на благо всех заинтересованных лиц – научных кругов, промышленности и общества – и, в конечном счете, на благо городов, страны и региона».

Это определение подтверждает необходимость для вузов интегрировать общественное партнерст-

во в основную деятельность университета – науку, образование и услуги. Поэтому необходимо четко показать, как это можно осуществить при выполнении каждой из миссий университета – в образовании, науке, при оказании услуг, предоставляя яркие примеры. Это будет способствовать лучшему пониманию, принятию и применению этой концепции в академической среде и покажет ученым, как достичь ключевых показателей эффективности их научных изысканий и публикаций и работать так, чтобы их знания были применимы на благо общества. В связи с этим рекомендуется, чтобы компоненты «производственного и общественного партнерства» были разделены на три категории: «партнерство в образовании», «партнерство в науке» и «партнерство в сфере услуг».

В Национальном университете Малайзии мы рассматриваем производственное партнерство как неотъемлемую часть общественного партнерства – университеты работают на создание социальной ответственности университетов, а производство – на создание корпоративной социальной ответственности – мы должны говорить друг с другом, учиться друг у друга.

Отношения между производственным и общественным партнерством не должны быть разделены, но для решения задач данной статьи сосредоточим наше внимание на общественном партнерстве, которое выступает в связке с производственным партнерством.

Поскольку мы представляем этот сектор производственного и общественного партнерства, необходимо обеспечить его качественными критериями и показателями, как это было сделано в отношении академической деятельности в университете с упором на преподавание и обучение.

Принципы обеспечения политики качества, критерии и показатели для конструктивного, продуктивного и устойчивого сотрудничества с производством и обществом

Существует необходимость разработки стандартных операционных процедур для качественных процессов взаимодействия в рамках университета и с внешними заинтересованными лицами. Кроме того, необходимо разработать четкие показатели для успешного взаимодействия секторов. Они будут использованы в обзоре аудиторских проверок, которые проводятся для оценки качества взаимодействия на институциональном уровне, и, что не менее важно, для оценки социального воздействия проектов связи университета с жизнью сообщества.

Руководящие принципы для эффективного взаимодействия с заинтересованными сторонами

Взаимодействие с внешними заинтересованными сторонами, если это осуществляется открыто, то способствует повышению значимости органи-

зации. В противном случае такое взаимодействие принесет отрицательный, а иногда и непоправимый ущерб организации. Когда научный работник или преподаватель университета имеет дело с представителем промышленности или общественности, он не представляет себя лично. Сотрудник, представляющий учреждение, приобретает компетенции для эффективной работы с внешними заинтересованными лицами.

Очень важно научить университетский персонал эффективному сотрудничеству с представителями внешних структур. Для этого мы разработали подробный документ «Принципы политики взаимодействия», который определяет четкие процессы управления, системы и процедуры для разработки содержательного, устойчивого, всеохватывающего и продуктивного взаимодействия с внутренними и внешними заинтересованными сторонами. Эти процессы обрисовывают принципы на различных этапах непрерывного взаимодействия, включая сотрудничество в планировании, подготовке и переговорах, завершающее сотрудничество, реализацию, мониторинг и отчетность.

Сейчас мы работаем над «партнерской карточкой показателей», которая позволит нам оценить качество, эффективность и результативность нашего взаимодействия с внешними заинтересованными сторонами более подробно.

Для высших учебных заведений крайне важно иметь стандартные операционные процедуры, системы и процессы, которые понятны каждому в нашем стремлении к эффективному сотрудничеству как с производством, так и с сообществом.

Разработка критериев и показателей высококачественного и высокоэффективного исследования, имеющего связь с производством и жизнью общества

То, что мы создали в рамках Национального университета Малайзии, является способом достижения равновесия между требованиями к академическому росту сотрудников и подтверждением того, что их работа направлена на то, что их деятельность имеет прикладное значение для регионального сообщества.

Эти критерии лежат в основе оценки научно-исследовательских проектов для получения внешних грантов, а также должны быть включены в систему годовой оценки университета, в то время как рекламные критерии должны содействовать улучшению ключевых показателей эффективности научно-исследовательского университета. Мы приняли сознательное решение вознаградить ученых за партнерскую инициативу, охватывающую одновременно исследования, образование и услуги, но не по отдельности. Эти показатели следующие.

Общественное партнерство и участие в жизни сообщества: в какой степени проект вклю-

чает в себя общество, от получения поддержки идеи обществом и построения определенных отношений и доверия до предоставления консультаций, установления партнерских отношений по обмену знаниями и развития возможностей общества.

В дополнение к острой необходимости руководства высшего звена, важно обеспечить руководство на уровне реализации – руководителей научно-общественных проектов. Для руководителей всех уровней важно понимать и пользоваться обменом знаниями, а не просто передавать знания, как это происходит при работе с сообществом. Обмен знаниями имеет множество аспектов, от развития общества до обмена знаниями для научных и технологических инноваций. Мы уделяем большое внимание термину «передача знаний», в эпоху партнерства очень важно начать использовать обмен знаниями. Это убеждает университеты в том, что они не являются единственными хранителями и разработчиками знаний, и демонстрирует, что они также могут многому научиться от сообщества и общества (Подготовительный доклад ко II Европейско-Азиатскому образовательному семинару «Общества, построенные на знаниях: университеты и их социальная ответственность, 2011).

Лао-Цзы, великий китайский философ, напоминает нам: «Начни с того, что они знают. Построй из того, что у них есть. Когда вождь, заслуживающий название самого лучшего, завершает свою работу, люди говорят: "Мы все сделали сами"». Вот так мы должны работать с обществом.

Влияние на развитие общества: в какой мере социальное воздействие посредством проекта повышает качество жизни целевого сообщества (через социальное, экономическое, экологическое, медицинское, образовательное и технологическое развитие).

Для создания историй успеха не обязательно видеть проблемы и то упорство, которое необходимо для его достижения. Инженерный факультет, возглавляемый профессором Мадзуки Мустафа, считал, что они обладают инновационными знаниями в области машиностроения, в частности, в области технологии микроконтроллеров. Когда он понял, что первокурсники испытывают страх перед языком программирования Си, он использовал для его упрощения в процессе обучения технологию микроконтроллеров как базовую. Далее, в сотрудничестве с факультетом информационных технологий Национального университета Малайзии и производственным партнером – Организацией инженеров Малайзии, которая оказывала интегральную финансовую поддержку, они начали проект в регионе Искандар на юге страны, где Организация инженеров Малайзии работает над созданием положительной репутации для сообщества. По правительственной программе «Развитие интеллекта, воспитание талантов и пропаганда ответственности» они работали в некоторых школах с неблагоприятными условиями в двух сельских районах.

Цель этого проекта заключалась в привлечении детей в эмпирический, творческий процесс обучения, чтобы они могли соотнести теоретические знания, полученные в школе с реально существующими проблемами. Наблюдение за школьниками проводилось студентами Национального университета Малайзии через личный контакт и через интернет-дискуссию. Кроме того, по выходным школьники имели возможность посещать университетские лаборатории. Ответы детей были оптимистичными, так как раньше они не могли себе даже представить, что у них будет возможность посетить инженерные лаборатории университета. Они работают под руководством студентов-наставников, а инновационные идеи детей получают развитие в реальном прототипе продукции. Проект стал вдохновляющей возможностью для детей из неблагополучных семей. В настоящее время ведется работа по интеграции проекта в план факультета, чтобы студенты могли получить зачет согласно учебной программе. Это уменьшит учебную нагрузку, принесет пользу студентам и сделает наставничество более управляемым.



Школа технологии микроконтроллеров: Инновационный проект наставничества Национального университета Малайзии. Студенты университета выступают в роли наставников, работают с детьми из отсталых районов с целью развития творчества и инноваций

Проиллюстрируем другой пример, где усилия международной молодежной некоммерческой не-политической независимой организации AIESEC, представительства которой находятся более чем в 100 странах мира, оказывают влияние на студентов Национального университета Малайзии и более крупные сообщества. Эта молодежная организация в НУМ проводит активную политику через студентов, увлеченных своим делом и от которых организация многому научилась. Например, студент Национального университета Малайзии Хаирул Гуфран Каспин принимал участие в шестинедельной программе сотрудничества с комьюнити, стажирясь в в бед-

ной городской общине Гавад Калинга в г. Кесон-Сити. Он работал с другими стажерами по планированию бизнес-модели для создания образовательного фонда для детей. Мусульманин по вероисповеданию, он жил в приемной римско-католической семье, которая знала об особенностях жизни мусульман. Семья предоставила студенту не только ночлег, но и готовила для него специальные блюда. Сначала они готовили для него, а затем сами ели на кухне. Это доставляло ему дискомфорт, и он сказал им: «Я в Вашем доме и Вы открыли двери своего дома для меня. Я знаю, что Вы едите то, чего не ем я, но это не означает, что мы не можем есть вместе». После этого разговора они трапезничали вместе. По возвращении в университет студент рассказал об этом случае другим студентам-мусульманам. Именно такие знания и опыт необходимы для лучшего понимания и гармонии, особенно в Малайзии и других странах, которые сталкиваются с межкультурными и межэтническими проблемами.



Программа обменов международной молодёжной некоммерческой неполитической независимой организации. Хаирул Гуфран Каспин в Кесон-сити

Руководство мультисекторными исследованиями: в какой мере проект осуществляет сотрудничество с различными заинтересованными сторонами (производством, обществом, неправительственными организациями, государственными учреждениями) для продвижения университетских исследований и ключевых показателей эффективности научно-исследовательского университета через внешнее финансирование и ресурсы, развитие взаимодействия через научные публикации и формирование интеллектуальной собственности.

Обеспечение устойчивости: в какой мере проект демонстрирует устойчивость через долгосрочные поддержки, финансирование и ресурсы, предоставляемые заинтересованными сторонами и дает возможность приобретать знания.

Включение знаний и опыта, основанных на связи производства, общества и науки, в учебный план и внеклассную деятельность: в какой мере проект усиливает процесс преподавания и обучения и

вносит свой вклад в развитие человеческого капитала университета (студенты, аспиранты) через инновации в учебном плане и внеклассной работе.

Критерии и показатели для поддержки полноценного и продуктивного волонтерского выбора.

Премия «MacJannet», присуждаемая за глобальное гражданство, на соискание которой могут подать заявку участники «Talloires Network», международной ассоциации институтов, способствующих укреплению гражданской роли и социальной ответственности высшего образования, является хорошим примером критериев и показателей инициатив значимого, продуктивного и устойчивого волонтерства. К ним относятся:

- Студенческое руководство: способны ли студенты работать самостоятельно при поддержке факультета и преподавателей? Являются ли их идеи и предложения ценными в разработке проекта? Выполняют ли они значительную часть работы?
- Поддержка университета: поддерживает ли университет программу финансово, материально или через свою политику и признает ли ее ценность?
- Участие в общественной жизни: соответствуют ли цели программы потребностям общества? Вносят ли члены сообщества вклад в программу?
- Иллюстрация позитивного влияния на общество: сколько членов общества получили пользу и в какой степени?
- Иллюстрация позитивного влияния на участие студентов: вносит ли данная программа вклад в укрепление гражданских ценностей и навыков студентов? Влияет ли программа на выбор студентами своей карьеры или их участие в общественной информационно-просветительской деятельности?
- Устойчивость: каким образом программа находит необходимые ресурсы для продолжения своего существования в будущем? Какие есть стратегии и механизмы для поддержания успеха программы? Заинтересованы ли сообщества в поддержании программы на долгосрочную перспективу?

Создание потенциала для эффективного взаимодействия с производством и обществом посредством значимого, организованного и действенного обучения.

Это соответствует тому, что обсуждалось на форуме Ассоциации университетов стран АТР и на семинаре в Инсбруке. Делегаты изъявили желание обучаться на краткосрочных курсах и получить постдипломную сертификацию по вопросам производственно-общественного партнерства и социальной ответственности. Это обеспечит более серьезное отношение к данной дисциплине и даст возможность молодым людям развиваться в этом направлении, поскольку они получают признание и квалификацию. Общественные организации и производственные фонды приветствуют такую перспективу. В процесс обучения могут быть включены следующие ключевые направления:

- Партнерское управление ресурсами.
- Бюджетное планирование для общественных проектов.
- Руководство в общественном партнерстве.
- Протокол мультисекторного взаимодействия общественного партнерства.
- Оценка социального влияния общественно-го партнерства.
- Изучение общественного партнерства при помощи метода кейсов в преподавании различных дисциплин.
- Обучение методам мобилизации средств для обеспечения устойчивости общественного партнерства.

Учебные программы должны быть разработаны главной группой, которая включает экспертов-консультантов из научных кругов, общественных организаций, промышленности и правительственных учреждений, чтобы обеспечить важный вклад в разработку содержания, средств и протоколов для общественного партнерства.

Критерии поощрения.

Главная проблема высших учебных заведений заключается не в том, чтобы донести проповедь до обращенных, а в том, чтобы убедить тех, кто находится под влиянием традиционных критериев поощрения, в том, что взаимодействие с производственными и общественными партнерами является ценным и актуальным для стимулирования науки, преподавания и оказания услуг.

Это оказывается очень важным для большинства работающих преподавателей – а именно: система поощрений и критерии поощрения для стимулирования сотрудничества университета и производства. Это вовсе не значит, что преподаватели университетов не вкладывают свою душу и ничего не дают обществу, но если есть признание и поощрение того, что делаешь, это еще более стимулирует.

Существовало два способа достижения этой цели: первый – заключается в развитии через поощрительные критерии третьей области – производственного и общественного участия и в разработке соответствующих показателей. Мы против этого, поскольку это приведет к прямой конкуренции с двумя остальными областями: образованием и наукой. Мы хотели бы сохранить нашу философию работы в сотрудничестве и поддержке, что является важным для интеграции производственных и общественных партнеров, поскольку они поддерживают научные исследования, образование и услуги, а не рассматривать эту составляющую отдельно. Таким образом, 50 % приходится на научные исследования, 30 % – на образование и 20 % – на услуги при поддержке всех трех составляющих производственно-общественными партнерствами.

Например, в области научных исследований до 10 бонусных очков присуждается тем ученым, которые провели свои исследования за счет финансирования со стороны производственно-общественных партнеров.

В области образования бонусные баллы предоставляются профессорам за развитие проектов, которые укрепляют учебную программу и план внеклассной работы во взаимодействии учебной и производственной деятельности.

Мы подошли к последнему фактору, который очень существен для достижения передового опыта в области общественного партнерства, – это самый трудный фактор: получение финансирования с целью дальнейшего развития проектов. Без денег самые интересные планы остаются красивыми идеями, так как для продвижения идей необходимо финансирование. Поскольку финансирование высших учебных заведений было сокращено, то мы должны искать инновационные способы внешнего финансирования и развивать государственно-частное партнерство. Наилучшим примером может служить инновационный механизм Национального университета Малайзии для развития исследований при поддержке промышленности и общественных партнеров.

Фонд совместного финансирования исследований.

Участие в исследовательских проектах основано на экосистеме знания и имеет целью выработку инновационных научно-исследовательских решений в значимых областях для стимулирования решения проблем бизнеса и содействия развитию общества.

В Национальном университете Малайзии совместные исследования поддерживаются проектами, которые доказали свою значимость и социальное влияние: получены гранты «университет – производство» на проведение исследований и «университет – общественное партнерство».

Начальное финансирование осуществляется Национальным университетом Малайзии тех научно-исследовательских проектов, которые отвечают следующим критериям:

- Вовлечение общественности в совместные научные исследования через консультации для выявления потребностей и проблем общества.
- Демонстрация устойчивости проекта при помощи вклада частного сектора.
- Демонстрация четких и измеримых результатов в виде исследовательской продукции и влияния на развитие сообщества.

Грантами удалось добиться существенного финансирования со стороны производства и частного сектора для проведения совместных научных исследований в университете.

Одним из примеров, когда университет обеспечил существенный вклад, предоставив экспертные знания для регионального развития сообщества, является сотрудничество Национального университета Малайзии с крупнейшим предприятием по производству пальмового масла, Фондом Симэ Дарби, учредив совместную должность председателя по вопросам изменения климата.

Должность председателя по вопросам изменения климата.

Цель должности заключается в развитии научных знаний об изменении климата тропических экосистем, что имеет важное значение для определения того, как странам и сообществам региона преодолевать соответствующие проблемы в будущем.

Председатель обеспечивает необходимую платформу для накопления знаний и распространения информации по вопросам адаптации к изменению климата в регионе.

Важным элементом плана работы председателя является его взаимодействие с несколькими заинтересованными сторонами в целях распространения информации путем наращивания потенциала в общинах для смягчения последствий изменения климата.

С помощью каскадной модели председатель обеспечивает кадровый потенциал среди студентов и молодежи для работы в качестве «послов климатических изменений». Исследователи учат студентов университета и местную молодежь, как работать «агентами климатических изменений», которые смогут содействовать повышению осведомленности, развитию знаний и непосредственно повлиять на изменения поведения людей, тем самым способствуя изменениям климата в обществе.

Создание мультипликационного эффекта и синергии в университетских научных исследованиях на региональной платформе в странах-членах АСЕАН.

Согласно Голланд и Рамалей (2008), взаимодействие уже выходит за рамки контекста интересов одного учреждения и их особых сообществ. Это очевидно в рамках Национального университета Малайзии, где взятое университетом обязательство участвовать в жизни общества способствовало приобретению университетом доверия многих региональных и международных организаций. Сегодня мы наблюдаем необходимость тиражирования стратегической модели общественного партнерства и обмена опытом, ресурсами и идеями с региональными заинтересованными сторонами, чтобы получить доступ к совместным ресурсам в интересах региона. Это привело к созданию региональной платформы AsiaEngage для максимального использования сильных сторон Азиатско-Таллуарской сети университетов, опирающихся на производственно-общественное партнерство (ATNEU); Ассоциации университетов стран АСЕАН, тематическая сеть по социальной ответственности университетов и корпоративной устойчивости (AUN-USR&S), молодежная волонтерская программа АСЕАН (AYVP).

Азиатско-Таллуарская сеть университетов, опирающаяся на производственно-общественное партнерство.

Данная сеть является глобальной ассоциацией, насчитывающей более 100 институтов в 55 странах мира, и создана для укрепления гражданской позиции и социальной ответственности высшего образования.

В январе 2010 г. сеть начала идентифицировать университеты всего мира, чтобы обеспечить основу для создания политики гражданского взаимодействия. Национальный университет Малайзии привлек внимание сети благодаря руководству ректора, профессора Тан Шри Дато Вира, доктора Шарифа Хапсашида Хасана Шахабудина в области производственно-общественного партнерства. В то время Национального университета Малайзии работал с сетью для того, чтобы установить региональное партнерство, известное как Азиатско-Таллуарская сеть университетов, опирающихся на производственно-общественное партнерство. Министр высшего образования Малайзии Дато Шерри Мухаммад Халид Нураддин, являясь активным сторонником преимущества сотрудничества «университет – производство – общественное партнерство», озвучил предложения Азиатско-Таллуарской сети, которое было одобрено премьер-министром и кабинетом министров.

Ассоциация университетов стран АСЕАН, тематическая сеть по социальной ответственности университетов и корпоративной устойчивости.

В октябре 2010 г. секретариат Ассоциации университетов стран АСЕАН организовал в Университете Бурапха (Таиланд) первое рабочее совещание по вопросам социальной ответственности университетов и корпоративной устойчивости – рассматривалось сотрудничество стран – членов АСЕАН и Японии. Участие университетов – членов Ассоциации университетов стран АТР (АСЕАН) в семинаре выявило необходимость обмена идеями, передовым опытом и знаниями друг с другом и со всеми заинтересованными лицами на уровне стран и региона. Ассоциация рассмотрела возможность создания тематической сети по социальной ответственности университетов и корпоративной устойчивости в качестве благоприятного механизма для достижения более широкого регионального сотрудничества между высшими учебными заведениями в странах АСЕАН и вклада в социальное, экономическое и экологическое развитие региона. Предложение Национального университета Малайзии по созданию Секретариата было одобрено Попечительским советом Ассоциации университетов стран АТР (АСЕАН) на заседании в Луангпранбанге, в Лаосе, в июле 2011 г.

Молодежная волонтерская программа АСЕАН.

На совещании руководящего звена по проблемам молодежи в Ханое (Вьетнам), которое проходило 18 октября 2011 г., Секретариат АСЕАН одобрил предложение Национального университета Малайзии о создании молодежной волонтерской программы АСЕАН. Программа является платформой, которая создает возможности волонтерской деятельности, поддерживает обмен опытом в обучении, развивает способности, повышает уровень межкультурного понимания и вырабатывает чувство региональной идентичности во всех странах АСЕАН. Данную ор-

ганизацию поддерживает Министерство Малайзии по делам молодежи и спорта. Все эти программы созданы в рамках Азиатско-Таллуарской сети, которая направлена на создание взаимовыгодных партнерских отношений в области науки, образования и волонтерской миссии высшего образования во взаимодействии с промышленностью и заинтересованными сторонами АСЕАН и Восточной Азии. Все эти знания внесут большой вклад в развитие стран-членов АСЕАН и азиатского сообщества, которое обладает не только сильным умом, но и открытой душой и будет содействовать развитию и повышению качества жизни в регионе.

Азиатско-Таллуарской сеть направлена на развитие регионального сотрудничества стран АСЕАН через социальную ответственность и корпоративную устойчивость. Это включает в себя:

- выявление областей, в которых университеты локализовали свой опыт для лучшего регионального развития сообществ;
- использование знаний о региональном развитии путем разработки предложений для исследований в конкретных областях с помощью инициатив по созданию потенциала;
- определение конкретных вузов, которые возьмут на себя инициативу по работе в каждой области и включение других вузов в создание Регионального сообщества специалистов-практиков. Каждая зона будет участвовать в исследованиях, образовании и предоставлении услуг;
- расширение сообщества исследователей для привлечения волонтеров из всех слоев населения: от студентов до простых людей. Такая инициатива будет способствовать межкультурному сотрудничеству между странами и развитию регионального сообщества специалистов-практиков.

Заключение

Посредством концентрации внимания на определенных проектах Азиатско-Таллуарская сеть будет работать в партнерстве с существующими региональными и международными сетями высшего образования, а также отраслевыми ассоциациями и фондами для получения передового опыта по всему региону, обеспечения развития потенциала и привлечения населения, что способствует улучшению

качества жизни в АСЕАН. Работая в данном направлении, мы надеемся соединить общие интересы с различными заинтересованными сторонами – из университетов, промышленности, государственных учреждений и неправительственных организаций – для совместного создания знаний на основе взаимовыгодного партнерства, что является ключевым принципом обмена знаниями, повышения потенциала общества и вклада в экономическое развитие, чтобы укрепить научно-исследовательскую базу вузов стран – членов АСЕАН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Botman, H.R. Hope in Africa: *Human Development Through Higher Education Community Interaction*. Talloires Network Bellagio Conference. – Italy, 2010
2. Draft Report. 2ND Asia-Europe Education Workshop – *Knowledge Societies: Universities and Their Social Responsibilities*. –Innsbruck, Austria, 2011.
3. Gill, S.K. *Academia, Industry and Community Collaboration in Malaysia: Strategies and Opportunities for the Future*. – UNESCO Publication, 2009.
4. Kearney, M.L. & Yelland, R. OECD/IMHE Conference "Higher Education in a World Changed Utterly: Doing More with Less". – Discussion Paper, 2010.
5. Holland, B. & Ramaley, J.A. (2008). *Creating a Supportive Environment for Community-University Engagement: Conceptual Frameworks*. HERSDA Annual Conference 2008.
6. MacJannet Prize Nomination Form. The Talloires Network, 2012.
7. Maldonado, V. *Achieving the MDGs through quadruple helix partnerships: university-government-industry-third sector collaboration*. Global University Network for Innovation website, 2010. Posted at <http://www.guninetwork.org>
8. Sharifah Hapsah. *Universiti Kebangsaan Malaysia ke Arah Universiti Penyelidikan Unggul*. Syarahan NaibCanselor. (Translated: *Universiti Kebangsaan Malaysia – towards Excellence as a Research University*. Vice-Chancellor's Lecture) Bangi: UniversitiKebangsaan Malaysia Press, 2008.
9. Universitat de Barcelona. *Social Responsibility at the UB*. Posted at <http://www.ub.edu/responsabilitatsocial/en/preguntes>.
10. UKM's Office of the Deputy Vice-Chancellor for Industry & Community Partnerships. *UKM's Strategic Plan for University-Community-Industry Engagement*, 2010.
11. Wallis, R. *Universities and Community Engagement. Directions in Education*. 14(13): 3. – 2005.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

А.С. Ким

Ким Александр Сергеевич – доктор политических наук, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: stosorok@yandex.ru

Статья посвящена обоснованию основных методологических положений концепции региональной этнической и миграционной политики на российском Дальнем Востоке на примере Хабаровского края. На выявленной методологической базе определяются основные направления такой политики и их роль в профилактике возможных конфликтов. Особое внимание уделяется взаимосвязи и взаимообусловленности социально-экономических и этномиграционных процессов. Лейт-мотивом статьи является обоснование необходимости построения концепции региональной этнической и миграционной политики в контексте стратегии развития Дальневосточного региона.

Ключевые слова: методологические конструкции, концептуальная схема, этнополитическая концепция, этническая политика, миграционная политика, мультикультурализм, мультикультуралистская политика.

Адекватность целевых установок этнической и миграционной политики в решающей степени определяется эффективностью разработки ее теоретико-методологической и мировоззренческой базы как на федеральном, так и региональном уровнях. В свою очередь, торможение этой деятельности во многом обусловлено отсутствием концептуальной этнополитической схемы. В данной статье будет предпринята попытка построения основных конструкций такой схемы посредством обоснования некоторых тезисов, которые необходимо воспринимать как основные методологические положения концепции региональной этнической и миграционной политики в условиях Дальнего Востока, в частности в Хабаровском крае.

Первой конструкцией является обоснование основных методологических направлений разработки этнополитической концепции.

1. К первому направлению следует отнести *необходимость учета международного опыта этнической и миграционной политики*. При этом особое внимание необходимо уделить модели мультикультурализма. Потенциал этой модели в России еще недостаточно раскрыт, мало известен. Объем литературы, посвященной данной проблематике, весьма невелик. Мультикультурализм нередко наделяется негативными коннотациями и пристрастными преувеличениями. Например, он ассоциируется с категорически отрицаемой западной «политкорректностью» или с «варварскими» обычаями меньшинств, противоречащих либеральным ценностям развитых стран [7: с. 15]. Между тем негативные последствия внедрения мультикультуралистских практик в Западной Европе не являются основанием отказа от

мультикультуралистской модели. С этим положением согласуется и позиция главы государства России, обозначенная 11 февраля 2011 г. в Уфе на заседании президиума Госсовета на тему сохранения межнационального мира. Одним из моментов такой позиции было признание того, что заявления о крахе мультикультуралистской политики в европейских странах (сделанные накануне президентом Франции Н. Саркози, а еще ранее премьер-министром Великобритании Д. Кэмероном и канцлером Германии А. Меркель) не означают отрицания необходимости политики многокультурности в России с учетом ее исторически сложившейся полиэтничности и поликонфессиональности [10].

С одной стороны, перед нашей страной стоит в принципе такая же задача, как и перед постиндустриальными странами – формирование механизма интеграции образующихся в результате транснациональной миграции диаспор путем включения их в процессы функционирования различных общественных институтов. С другой стороны, решение этой задачи имеет в российских условиях определенную специфику. Она состоит в том, что главным условием коренного поворота как миграционной политики, так и всей этнополитики в целом, является реализация курса на реиндустриализацию страны на основе социально-экономической и технологической модернизации. Немаловажно и то обстоятельство, что опыт всех без исключения развитых западных стран показывает, что неизменным политическим последствием публичной политики мультикультурализма по отношению к постоянно и в массовом масштабе возрастающему числу этнических мигрантов является рост этнической интолерантности и контрмобилизации членов домини-

рующих групп против несправедливого, по их мнению, материального обеспечения и политического доминирования меньшинств [1: с. 337]. Именно поэтому успех применения мультикультуралистской модели в решающей степени зависит от правильного сочетания баланса индивидуальных и групповых прав.

Таким образом, главная задача состоит в творческом анализе мультикультурализма с целью разработки и реализации позитивной региональной этнической и миграционной политики. Вопрос лишь в способности ее творческого применения в специфических российских условиях. Позитивный (консенсусный) потенциал для преломления мультикультуралистской модели в современной России, и особенно в Дальневосточном регионе, заключается: 1) в наличии общего исторического прошлого большинства представителей иммиграционной волны и граждан России; 2) в доставшихся в наследство от СССР «некоторых тактического порядка мультикультуралистских практик и ориентиров, впоследствии воспроизводившихся по инерции» [7: с. 17].

2. Вторым направлением следует считать *необходимость согласованного государственного подхода в морально-политической оценке советского опыта этнополитики*. По нашему глубокому убеждению, подвергая безусловному осуждению тоталитарные методы управления этническими процессами, следует вместе с тем признать и определенные достижения советской власти в решении так называемого «национального вопроса». Наряду с массовыми депортациями различных народов и фактами социально-политической дискриминации, во многих случаях бывшую межэтническую вражду удавалось смягчить и нейтрализовать. Например, если не считать выселения народов, то советский период был самым спокойным во всей истории полиэтнического Кавказа. В СССР реализовывалась государственная политика экономического и культурного подъема национальных окраин, особыми привилегиями наделялись представители национальных меньшинств, относившиеся к малочисленным этносам Севера, Сибири и Дальнего Востока. Подобные факты не укладываются в версию о том, что советская эпоха является основным историческим фактором нынешних этнополитических конфликтов в современной России и других постсоветских государствах.

Полиэтнические и многонациональные государства во все времена страдали болезнью этнической напряженности. Ее унаследовал и СССР. Однако было бы ошибочно рассматривать его по аналогии с бывшими колониальными империями по схеме: метрополия – колонии, угнетение колониальных народов господствующей нацией. Корни колониальных империй заключались в этнополитическом факторе, в стремлении одной этнической

общности господствовать над другими. В СССР же русские, в отличие, например, от британцев или французов, не были господствующей нацией, не обладали привилегиями и не эксплуатировали другие народы. Скорее, наоборот, интересы русских во многом приносились в жертву другим народам. С этой точки зрения, следствием отнюдь не имперской политики надо считать отставание центральных, исконно русских земель по сравнению с более ускоренным социально-экономическим развитием многих национальных окраин. Русские там часто выполняли работы, которые местное население считало для себя непрестижными.

Было бы неправильным приписывать советскому режиму политику ассимиляции национальных меньшинств. Происходящая во все времена культурная ассимиляция малочисленных этносов обычно бывает результатом воздействия более многочисленных этносов, чем сознательной политики. Так было и в данном случае. В СССР функционировала масштабная система «патриотического и интернационалистского воспитания трудящихся», которая являлась идейно-политическим механизмом блокирования этнической и расовой ксенофобии, сдерживания открытых националистических проявлений. В результате сформировалась, в известной степени, высокая культура межэтнического общения. Ее главной особенностью было то, что как на официальном, так и на бытовом уровнях, ксенофобия, неуважение к национальному достоинству осуждались и считались дурной манерой мышления и поведения. На государственно-правовом уровне жестко пресекались малейшие проявления национализма и расизма.

Да, к сожалению, в советский период в сфере национально-этнической политики имели место вопиющие проявления антигуманности и антидемократизма. Так, в 1944 г. жестоким репрессиям были подвергнуты 13 народов СССР. Однако сами по себе эти незаконные акции находились в вопиющем противоречии не только с общечеловеческими ценностями, но и господствующей коммунистической идеологией. Поэтому те, кто, находясь у власти, предал забвению принципы социалистического интернационализма и советского патриотизма, скрывали эти акции не только от мировой общественности, но и от собственного народа. В официально проводимой политике «дружбы народов» было много бюрократического и показного. Но было бы глубокой неправдой всё сводить к этому и не замечать тех позитивных колоссальных изменений в жизни множества как наций, так и национальных меньшинств, той гуманистической атмосферы, которые были результатом государственного подхода к управлению национально-этническими отношениями. Именно поэтому следует более внима-

тельно отнестись к советскому опыту интернационалистского и патриотического воспитания, формированию высокой культуры межэтнического общения, более объективно подойти к рассмотрению феномена «дружбы народов» и соотнести его с содержанием распространяющегося термина «толерантность».

Таким образом, одним из стержневых моментов концептуальной схемы этнической и миграционной политики является вопрос об ее идейно-политической платформе. В чем состоит стратегическая цель этой политики? Какие мировоззренческие принципы должны прийти на смену идеологии советского патриотизма и социалистического интернационализма? На какой основе следует осуществлять идеологическое сопровождение государственного противодействия ксенофобии и экстремизму? Без ответа на эти вопросы невозможно выработать критерии эффективности следующих блоков гармонизации межэтнических отношений.

Во-первых, речь идет о воспитании молодежи, поскольку именно она в условиях порожденного развалом СССР отсутствия молодежной и этнической политики составляет основную часть населения, которая в наибольшей степени подвержена влиянию националистических и экстремистских идей. Разрушение преемственности поколений привело к отрыву молодежи от позитивных традиций, разрушению механизмов передачи социального опыта и формирования исторической памяти. Именно по этой причине происходит её маргинализация и радикализация. С этой точки зрения одним из важнейших направлений реализации государственной молодежной политики по противодействию ксенофобии и экстремизму является патриотическое и национально-культурное воспитание. Его основной целью должно стать приобщение молодежи к истории, традициям, лучшим духовным ценностям как своего народа, так и других народов единой России.

Во-вторых, необходимо определить те мировоззренческие принципы, руководствуясь которыми органы государственной власти должны объединять людей различного этнического происхождения, различных культур и конфессий в единые гражданские сообщества на федеральном и региональном уровнях. По сути дела речь идет о формировании единой гражданской нации. В этой связи возникает вопрос о необходимости решения проблемы преемственности общенациональных ценностей современной России в связи с распадом СССР.

Второй методологической конструкцией является обоснование употребления термина «этническая политика» в противоположность термину «национальная политика», что предполагает четкое определение содержания таких основополагающих понятий управления межэтническими взаимодействиями, как «нация» и «этнос». На наш взгляд, в

толковании понятия *нации в России* все более утверждается ее интерпретация как гражданской, а не этнической общности. Именно поэтому в последнее время в научной литературе весьма часто можно столкнуться с параллельным употреблением терминов «нация», «нация-государство», «гражданская нация», «политическая нация». Объяснением этого факта являются, на наш взгляд, следующие обстоятельства.

Во-первых, идейно-политические процессы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. логично предопределили и отказ от так называемого марксистско-ленинского, а по сути дела сталинского понятия нации. Она определялась как исторически сложившаяся общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и специфических особенностей национальной культуры [5: с. 43]. В советский период такая позиция была трансформирована усилиями Ю.В. Бромлея, Л.М. Дробижевой, М.С. Джунусова, В.И. Козлова и некоторых других ученых в трактовку нации как исторического типа этноса («этносоциальный организм», «этносоциальная общность») [5: с. 54]. Смена методологической и идеологической парадигм выразилась в критическом отношении к этнологическому пониманию нации, которое наиболее последовательно было заявлено в работах В.А. Тишкова, Ю.М. Бородаев, В.М. Межуева, Ю. Шипкова, В.Н. Шевченко и других российских исследователей, признающих концепцию «нации-государства», основанную на методологии инструментализма и конструктивизма и определяющую нацию как совокупность граждан одного государства [5: с. 55–57].

Во-вторых, приход к власти в начале 2000-х гг. В.В. Путина ознаменовал собой начало реализации политического проекта по формированию и укреплению «вертикали власти», стратегически направленного на создание нового исторического типа российской государственности в условиях преодоления масштабных геополитических и социально-экономических последствий распада СССР. Вполне естественно, что логика такой стратегии неминуемо привела к признанию того, что этнологическое понимание нации ведет в политический тупик с точки зрения единства и целостности российского государства. В самом деле, «...ведь если четких критериев для различения «нации» и «этноса» («народа», «народности») нет, то в многонациональном государстве, каким был СССР и каковым остается Россия, любой народ или народность может объявить (и объявляет) себя «нацией» и реализовать свое законное право на государственное самоопределение вплоть до выхода из состава союзного государства или федерации» [5: с. 55].

В статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», опубликованной в январе 2012 г., прямо заявляется о необходимости стратегии национальной

политики, основанной на гражданском патриотизме. В этой связи выдвигается тезис о том, что «...Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим» [8: с. 21]. Таким образом, гражданская («национально-государственная», «национальная») идентичность является по логике статьи более значимой по сравнению с этнической и, следовательно, гражданское сообщество, как более широкое по объему, включает в себя этнические общности. Данный тезис согласуется и с мировым опытом, свидетельствующим о том, что:

1) многие нации полиэтничны, поскольку развивались на определенной территории, где в силу исторических особенностей сложилось сосуществование различных этносов (Индия, Малайзия, Сингапур);

2) ряд наций возникало как политическое объединение этносов (Австро-Венгерская империя, СССР, Югославия);

3) нации могут формироваться на миграционной основе, посредством слияния множества этнических групп в единую общность, но на основе конкретного этнокультурного субстрата (в США, Канаде – англосаксонского, странах Латинской Америки – испанского);

4) нации складывались на определенной территории как добровольный союз различных этносов, преобразовавшийся в процессе длительного существования в единую гражданскую общность (Швейцария);

5) национальные общности могут включать в себя различные этнические меньшинства (баски в Испании, уэльсы в Великобритании, бретонцы во Франции), а также диаспоры, образовавшиеся из бывших иммигрантов (потомки выходцев из бывших западноевропейских колоний, российские корейцы);

6) некоторые нации совпадают с одним этносом (Республика Корея, КНДР, Япония).

Таким образом, все известные истории и современности нации имеют полиэтничную (реже – моноэтничную) структуру, являясь, прежде всего, гражданскими общностями, обладающими институтами права, идеологиями, общезначимыми культурными ценностями. В то же время нации не могут полностью устраниваться от участия в межэтнических взаимодействиях в качестве субъекта этнополитических отношений. И связано это как раз с тем, что национальные сообщества по своему социальному содержанию носят в определенной (хотя и не в решающей степени) этнический характер. Дело в том, что в условиях кризисного развития и глубоких общественных трансформаций нередко совершается своеобразная инверсия, когда отдельные этнические группы, входящие в состав нации, ощущая нехватку других социальных ресурсов, обращаются к своим истокам, что часто приводит к нарастанию этнополитической напряженности.

В такой ситуации этнонационалистические движения и организации осуществляют под руководством новоявленных элит попытки придать развитию и функционированию нации этнический характер, причем на основе апелляции к ценностям только одного определенного этноса. Если это удастся, то национальная общность сужается по своему социальному содержанию до размера этнической и в таком качестве выступает как субъект этнополитических отношений. Что касается отдельных частей наций или этносов, рассеянных на территории различных государств, т.е. диаспор, то изначальной предпосылкой их становления как политических субъектов является самоорганизация для удовлетворения своих интересов в форме диаспорных общин на основе осознания себя имеющими специфический интерес общностями.

Исходя из вышеизложенного представляется целесообразным употреблять термин «этническая политика» в противоположность термину «национальная политика», так как понятие национальной политики характеризует деятельность государства во всех сферах общественной жизни (например, национальная политика в области культуры, сельского хозяйства, образования, науки, спорта, туризма и т.д.), а не только в сфере этнических процессов.

Второй методологической конструкцией концептуальной схемы является обоснование тезиса о том, что применительно к условиям Дальнего Востока следует определять необходимость употребления в одной связке понятий «этническая политика» и «миграционная политика».

Так, в частности, на территории Хабаровского края практически не ощущается феномена титульного, коренного этноса, что обусловлено полиэтнично-миграционным со времен царской России и СССР составом населения. Автохонные (коренные) этносы (нанайцы, удэгейцы, орочи, эвены, эвенки и др.) в силу своей малочисленности и относительно обособленным проживанием в районах традиционного природопользования в незначительной степени присутствуют в социально-экономической и управленческой структурах региона. Поэтому применительно к большинству населения российского Дальнего Востока уместно употреблять термин не «коренное», а «старожильческое (или местное) население», которое вследствие этноассимиляционного происхождения (пусть и преимущественно на основе славянского субстрата) в известной степени обладает толерантными установками.

При всем этом Хабаровский край, как и весь Дальневосточный регион, всегда осознавался как российская территория. С точки зрения ее дальнейшего поддержания и закрепления большую гражданскую значимость и важную социально-политическую роль играет Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечест-

венников, утвержденная Указом Президента Российской Федерации № 637 от 26 июня 2006 г. [4].

Другой вопрос, какова реальная картина реализации этой программы. Так, в Хабаровском крае, по состоянию на 1 декабря 2011 г., численность лиц, признанных соотечественниками, составила 1034 человека, из которых 689 являются участниками программы, а 345 членами их семей. При этом прибывших из других стран всего 171 участник и 172 члена семей. Подавляющее большинство – 518 человек стали участниками программы на основании Указа Президента РФ [2]. Напомним, что в соответствии с Указом Президента РФ от 12 января 2010 г. № 60 участниками программы могут стать лица, не имеющие российского гражданства, но проживающие в России постоянно или временно на законных основаниях [11]. Из 1034 человек, признанных соотечественниками, 468 – получили гражданство РФ, 35 человек уже имели гражданство на момент прибытия в Хабаровский край [2].

Что касается трудоустройства, то на 1 декабря 2011 г. работают 652 участника и 70 членов их семей. При этом наибольшее число участников занято в сфере оптовой и розничной торговли, строительстве, на обрабатывающих производствах, сельском хозяйстве [2]. Изначально Государственная программа переселения соотечественников была направлена на привлечение квалифицированных специалистов. Между тем среди участников, прибывающих в Хабаровский край из-за рубежа, лица с высшим образованием составляют 30 %, средним профессиональным – 14 %. А среди тех, кто прибывает в безвизовом порядке из Таджикистана, Узбекистана, Украины – большинство, это люди только со средним или начальным профессиональным образованием [2]. Не всегда гладко складывается с трудоустройством. «...Бывает, когда вакансия, обозначенная, как вариант трудоустройства, к приезду участника оказывается занята, поскольку обязанность работодателя сохранять рабочее место до момента прибытия человека законодательно не закреплена. Многих участников не устраивает низкий уровень оплаты труда, так как программа писалась пять лет назад и за это время многие работодатели, которые были в нее включены, отказались от участия, а некоторые предприятия вообще закрылись» [2].

Таким образом, миграция соотечественников, прежде всего, русскоязычного населения, без соответствующих механизмов правового и социально-экономического обеспечения не получает желаемых масштабов и направленности. Но даже если соответствующая программа наберет обороты, неизбежно возникнет необходимость дополнения механизмов переселения и трудоустройства программой закрепления, предполагающей формирование социальной инфраструктуры – прежде всего жилья, образовательных и медицинских учреждений. На фоне неблагоприятных

экономических условий, сокращения возможностей в удовлетворении элементарных потребностей значительная часть мигрантов одновременно столкнется и с потерей своих прошлых статусных характеристик. Таким образом, у многих, приехавших на новое место, может сформироваться по отношению к новой среде негативное отношение.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что соотечественники из стран СНГ отличаются от дальневосточников и некоторыми социокультурными особенностями, обусловленными их длительным (нередко с момента рождения) проживанием не в российских регионах бывшего СССР. При этом значительная часть русскоязычного населения, будучи по происхождению нерусскими, длительное время находилась в положении национальных меньшинств и «двойных диаспор» среди доминирующего населения бывших советских республик. Например, это значительный миграционный поток корейских диаспор из среднеазиатских стран СНГ, наблюдаемый в течение последних 20 лет в Приморском и Хабаровском краях. Кроме того, определенная часть участников программы являются представителями титульных этносов республик бывшего СССР. В связи с этим возникает потенциальная угроза того, что конкуренция с местным населением в области занятости, проживания и социального обеспечения может приобрести этническую окраску и стать предпосылками этнополитического конфликта.

В этой связи необходимо обратить особое внимание на разработку двух блоков проблем:

- гуманитарных, заключающихся в максимальном обеспечении переселенцев условиями для полноценной жизни на новом месте;
- стратегических, предполагающих достижение эффективных результатов от их включения в экономические, социальные, этнокультурные и иные общественные институты.

При этом со стороны органов государственной власти должна проводиться научно продуманная политика расселения русскоязычных мигрантов исходя из учета их интересов и интересов принимающих территорий. На наш взгляд, учитывая принадлежность основной массы переселяющихся к русскому языку и российской культуре, возможен только один путь решения их проблем – интеграция. Главным условием интеграции является то, чтобы она была выгодна как для мигрирующих соотечественников, так и для местного населения. Кроме того, большое значение имеет формирование общественного мнения по вопросам реализации Государственной программы. Ведь местное население в районах проживания переселенцев должно быть согласно с их присутствием и толерантно относиться к их проблемам и субкультуре.

Итак, миграционные потоки на дальневосточных территориях в значительной степени носят этническую окраску, поскольку связаны с трудовой и нелегальной миграцией представителей титульных этносов из стран СНГ и Китая. В рамках же государственной программы, как мы убедились, к нам едет пока весьма незначительное количество культурно близкого россиянам населения. Именно поэтому регулирование миграционных процессов на дальневосточных территориях во многом сопряжено с управлением межэтническими взаимодействиями и, следовательно, речь идет не просто о миграционной, а об этнических аспектах миграционной политики. А также соответственно не просто об этнической, а об этномиграционной политике.

Следующей третьей методологической конструкцией концептуальной схемы является обоснование постановки вопроса о самоопределении русского народа в условиях Хабаровского края как Дальневосточного региона России. Прежде всего, следует отметить, что переселенцы, мигрировавшие на Дальний Восток во времена царской России и СССР, при всей своей разнородности были в своем большинстве носителями различных региональных и этнокультурных вариантов российского общества. Естественно, привнося на территорию переселения свои традиции и обычаи, они создавали мозаичный дальневосточный социум. Тем не менее в этом социуме не противопоставлялись друг другу сообщества различных этносов. Более того, шел активный процесс ассимиляции русского, украинского, белорусского, мордовского, татарского и других российских этносов. Здесь сформировалась особая общность «людей порубежья», отличавшихся свободой от консервативных традиций и социальных условностей, этнокультурной и религиозной терпимостью.

Таким образом, на Дальнем Востоке России уже в XIX в. стало складываться особое дальневосточное полиэтнокультурное пространство, которое основывалось на российской национально-государственной общности. В освоении региона для России заключался сакральный смысл пребывания переселенцев на его территории. Именно этот сверхсмысл является, на наш взгляд, идентификационной основой, интегрирующей российское дальневосточное полиэтнокультурное сообщество. При этом духовным стержнем этого сообщества были и остаются представители прежде всего русского народа. Именно поэтому для укрепления основы региональной российской идентичности особое внимание должно быть уделено возрождению и развитию русской культуры.

С данным положением согласуются следующие тезисы В.В. Путина.

• «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» [8: с. 19].

• «...Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, ... скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет "нацменов", а принцип распознавания "свой-чужой" определяется общей культурой и общими ценностями».

Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям... И тем не менее, он безусловно сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь...» [8: с. 19].

Данное высказывание можно отнести к ряду методологических ориентиров, которые способствуют серьезному обоснованию самого понятия «русскости», ибо его двусмысленное толкование может привести к искаженному восприятию идеи национально-культурного самоопределения русского народа. На наш взгляд, основными причинами такого восприятия являются:

- отсутствие четкого определения термина «русские»;
- неясность того в чем собственно заключается проблема русского народа в России;
- незнание или недостаточное знание исторического происхождения и формирования русского народа;
- этнокультурная маргинальность, при которой идентификация себя с русскими сопровождается незнанием традиций, обычаев и ценностей русской культуры.

Без ответов на эти вопросы невозможно решать проблемы самочувствия русского народа, который является социально-культурной основой российского дальневосточного полиэтнического сообщества.

В связи с вышеизложенным целесообразно усилиями научного сообщества и активной части студенческой молодежи во взаимодействии с региональными органами государственной власти Хабаровского края разработать и включить в концепцию региональной этнической и миграционной политики положения об основных направлениях решения «Русского вопроса», в частности, проблематику национально-культурного воспитания русской молодежи. Согласованная общественно-государственная позиция должна состоять в том, что прояснение содержания «русскости» следует реализовывать в направлении определения русских как определенной культурно-исторической общности, которая сформировалась и формируется под решающим воздействием следующих факторов:

– ценностей православного христианства, оказавшего огромное влияние на формирование русской ментальности и само возникновение русского народа;

– ассимиляции по мере продвижения русского государства на Восток и расширения его территории большого количества представителей неславянских народов, которая привела к государственно- и культурно-образующей роли русского народа.

Таким образом, самоопределение русского народа должно заключаться на основе его идентификации как исторической национально-культурной общности, включающей в себя представителей людей различного этнического и расового происхождения, но относящих себя к русским по ментальности и следованию культурным традициям. В основе признания себя русскими должны лежать русская история, русский язык и русский национальный характер (образованный на лучших духовных ценностях). Вместе с тем, с точки зрения региональной специфики, необходимо учесть, что на территории с преобладанием дальневосточного переселенческого населения решение «русского вопроса» имеет свои особенности, которые следует исследовать и обосновано сочетать.

И, наконец, четвертой методологической конструкцией концептуальной схемы региональной этнической и миграционной политики должно стать рассмотрение всех основных методологических положений концепции в ракурсе социально-экономического развития региона. Прежде всего, следует обратить внимание на советский опыт полиэтнических производственных процессов (например, строительство БАМа, КАМАЗа, Нурекской ГЭС). Интернациональные трудовые коллективы, высокая культура межэтнического общения, идейно-психологическая атмосфера солидарности и сотрудничества – все эти позитивные элементы могут быть модифицированы с учетом современных условий и использоваться в качестве инструментов российской модели мультикультурной политики.

Немаловажное значение имеет анализ постколониального опыта западных индустриальных обществ, который показал, что включенность в производственные процессы способствовала успешной интеграции бывших мигрантов. При этом создавался мощный стимул для повышения личной конкурентоспособности, культурного уровня, для овладения новыми знаниями и навыками. Индустриальный труд способствовал тесным контактам с местным населением и иммигрантами, прибывшими из других стран [6: с. 66].

Вышеизложенное следует учитывать в контексте социально-экономической и технологической модернизации Дальневосточного региона. Именно такая модернизация является главной предпосылкой коренного изменения этномиграционной поли-

тики. Ведь экспортно-сырьевой характер экономики и неразвитость наукоемких и высокотехнологичных производств определяют преобладание временной трудовой миграции, приток людей, которые не обладают профессиональными знаниями и навыками, не заинтересованы в интеграции в принимающее сообщество. Хабаровскому краю, как и всему Дальнему Востоку в целом, как воздух нужны масштабные проекты, связанные со строительством крупных предприятий, развитием транспортной инфраструктуры в условиях огромного территориального пространства и природных богатств. Так, глава ОАО «РЖД» В.И. Якунин во время своего пребывания в сентябре 2008 г. в Хабаровске высказался следующим образом по поводу возможности строительства второй колеи Байкало-Амурской магистрали (БАМа): «...Этот проект имеет право на существование. Но только в том случае, если мы получим подтверждение расчетов. И для столь масштабного строительства, безусловно, необходима поддержка государства» [3].

Однако реализация мегапроектов, направленных на модернизацию дальневосточной экономики, не должно быть самоцелью. Именно поэтому, по мнению полномочного представителя президента Российской Федерации в Дальневосточном Федеральном округе В.И. Ишаева, «...в Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона мы говорим в первую очередь о создании инфраструктуры, о комплексном, опережающем ее развитии, которое предусматривает не просто строительство портов, дорог, аэропортов, но и изменение облика городов, развитие транспортной сети, а также инфраструктуру образования и здравоохранения» [9].

Итак, в самом общем виде основное содержание концепции региональной этнической и миграционной политики должно сводиться к следующим моментам:

1) методологической части (основные понятия и подходы в понимании этнических и миграционных процессов);

2) мировоззренческому блоку (основные идеи и установки, определяющие ценностные основы этнической и миграционной политики);

3) информационно-аналитическому блоку (историко-политическая оценка ситуации в сфере межэтнических отношений в Хабаровском крае, определение ее специфики и взаимосвязи с общероссийскими процессами);

4) управленческому блоку (основные направления управления этнокультурными и миграционными процессами, воспитательной работы по профилактике ксенофобии и этнического национализма);

5) социально-экономическому блоку (социально-экономическое обоснование этнической и миграционной политики).

Таким образом, формирование концепции предполагает усилия ученых-специалистов различных

смежных дисциплин, а также представителей соответствующих региональных и местных органов государственной власти. Концепция региональной этнической и миграционной политики должна быть нацелена на выявление и сочетание общего и особенного в сфере межэтнических отношений и миграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аклаев, А.Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент / А.Р. Аклаев. – М., 2008.
2. *Белова, Ю.* Константин Виноградов: «Не надо думать, что здесь ожидают золотые горы». Как работает программа по переселению соотечественников в Хабаровском крае? / Ю. Белова // Аргументы и факты – Дальинформ. Региональное приложение для читателей Хабаровского края и Еврейской автономной области. – 2011. – № 51.
3. *Васильев, И.* И БАМ «удвоить» можно ... Если будет сильно нужно / И. Васильев // АиФ. Дальинформ. Региональное приложение. – 2008. – № 38.
4. *Владина, Т.* Переселение к чукчам в чумы? / Т. Владина // Аргументы и факты – Дальинформ. Региональное приложение для читателей Хабаровского края и Еврейской автономной области. – 2006. – № 27.
5. *Гранин, Ю.Д.* Этносы, национальное государство и формирование российской нации / Ю.Д. Гранин. – М., 2007.
6. *Константинов, В.В.* Проблема интеграции мигрантов в принимающее общество в постиндустриальных странах и в России / М.В. Зелев, В.В. Константинов // Политические исследования. – 2007. – № 6.
7. *Низамова, Л.Р.* Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России / Л.Р. Низамова // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: материалы конф. Казань, 2–3 июня 2004 г. – М., 2005.
8. *Путин, В.* Россия сосредотачивается. Ориентиры / В. Путин. – М., 2012.
9. *Рогов, Ю.* На восточной стороне. Государство стало больше внимания обращать на Дальний Восток / Ю. Рогов // Золотой рог. – 2012. – 6 марта.
10. *Россия – для кого?* // Аргументы и факты. – 2011. – № 7.
11. *Рудакова, Ю.* Мотальщицы не нужны / Ю. Рудакова // АиФ – Дальинформ. Региональное приложение для читателей Хабаровского края и Еврейской автономной области. – 2011. – № 11.

ИММИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

А.М. Шкуркин

Шкуркин Анатолий Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: shkurkinam@mail.ru

В статье исследуются проблемы влияния рынка труда на формирование трудового миграционного потенциала региона. Автор исходит из того, что особенности трудовой миграции определяются, прежде всего, структурными диспропорциями рынка труда.

Основная исследовательская гипотеза, обоснованию которой посвящена статья, состоит в том, что конъюнктура рынка труда в российских (а тем более в дальневосточных) условиях формируется в результате системного взаимодействия различных, относительно автономных сфер, из которых состоит внешняя среда региона. В конечном счете, корпоративная культура, ядром которой (с точки зрения экономики труда) являются трудовые мотивации, формирует некоторое мотивационное поле, в которое погружается любой иммиграционный трудовой поток в стране-реципиенте.

Источники проблем любой иммиграции, так же как условия и ресурсы для их решения, необходимо искать внутри самого региона. Позиционирование на рынках труда миграционной (особенно иностранной) рабочей силы, направленное на максимально полное заполнение образовавшихся пустых ниш или на их расширение, осуществляется в той степени, в какой «позволяют» это ей совершать складывающиеся асимметрии рынка труда и формирующееся правовое пространство.

На примере анализа китайской миграции, имевшей место в современных условиях и в конце XIX – начала XX вв., производится оценка иммиграционного трудового потенциала российского Дальнего Востока и возможных рисков при определении миграционной стратегии его развития.

Ключевые слова: иммиграционные риски, иммиграционный потенциал, российский Дальний Восток, устойчивость, рынок труда, региональная безопасность, региональные стратегии, китайская трудовая миграция, иммиграционная политика.

1. Проблемные предпосылки исследования иммиграционного трудового потенциала

Существует интегральная формула иммиграции, которая раскрывает сущность этой многогранной темы: «...Мы хотели получить работников, а получили людей». Трудовая иммиграция через трансграничные потоки переносит не только рабочую силу и человеческий капитал, несмотря на то, что это составляет ее ключевую характеристику. Одновременно с носителем этих качеств (человеком) из других территорий регионов переносятся социальные ценности, отношения, культурные традиции, в конечном счете, кусочек другого социума. Считается, что миграция привносит возможность противоборства и противопоставления различных субкультур, увеличивает уровень криминогенности, повышает нестабильность, связанную с процессами адаптации иностранной рабочей силы к местным условиям страны-реципиента.

Экономическая теория не может не считаться с этой особенностью трудовой иммиграции. Даже выделенные через детальный анализ на высоком абстрактном уровне экономические дефиниции преимущественно в латентной форме, содержат в себе эти социальные наслоения, что не позволяет без их учета получать объективные знания об экономических отношениях по поводу трудовой миграции.

Для получения репрезентативных оценок миграционной емкости необходимо учитывать этот момент, который будет сказываться как на форми-

ровании факторов привлечения иммигрантов на любую территорию, так и на результативности их закрепления. Безусловно, отмеченное замечание следует учитывать и при анализе миграционной емкости российского Дальнего Востока.

Хозяйственное освоение Дальнего Востока самым тесным образом связано с широкомасштабными миграционными процессами, обусловленными необходимостью привлечения населения как из других регионов России, так и из-за ее пределов. Многие процессы, происходящие сегодня на Дальнем Востоке, проникновение нелегальных мигрантов из-за границы, этнические конфликты, территориальные споры, низкая приживаемость населения и высокая миграционная подвижность имеют свои истоки еще в середине XIX – начале XX вв.

В последующие этапы своего развития некоторые процессы повторялись в той или иной комбинации, с той или иной степенью остроты. Анализ миграции на Дальнем Востоке в указанный период позволяет, по мнению В. Трубина, осознать, что рассмотрение миграционных проблем вне связи с конкретными общественно-историческими условиями малопродуктивно. Миграция как одна из форм человеческого бытия является не только причиной возникновения многих различающихся по характеру и формам процессов всего общественного воспроизводства, но и следствием действия комплекса факторов, определяющих условия воспроизводства народонаселения [5].

Основная исследовательская гипотеза для такого исследования состоит в том, что конъюнктура рынка труда в российских (а тем более в дальневосточных) условиях формируется в результате системного взаимодействия различных, относительно автономных сфер, из которых состоит внешняя среда региона. Полноценным «участником» этого взаимодействия является корпоративная культура, которая для каждого региона вносит свой особый колорит и активно влияет на конъюнктуру рынка труда. В конечном счете корпоративная культура, ядром которой (с точки зрения экономики труда) являются трудовые мотивации, формирует некоторое мотивационное поле, в которое погружается любой иммиграционный трудовой поток в принимающей стране.

Помимо всех других последствий, связанных с этой особой функцией корпоративной культуры, имеется еще одно, часто неожиданное для многих субъектов рынка труда последствие. Вышеназванную интегральную формулу миграции можно расширить, введя следующее дополнение: «Мы хотели получить работников, а получили людей и вслед за этим мы получили очеловеченный рынок». Одновременно с трудовой иммиграцией формируются контуры прямых и обратных связей, предопределяющие и конъюнктуру рынка труда, и поведение рыночных субъектов часто вне рационального контекста, а иногда и вне закона.

Источники проблем любой миграции, равно как условия и ресурсы для их решения, нужно искать внутри самого региона. Позиционирование на рынках труда миграционной (особенно иностранной) рабочей силы, направленное на максимально полное заполнение образовавшихся пустых ниш или на их расширение, осуществляется ровно в той степени, в какой «позволяют» это ей совершать складывающиеся асимметрии рынка труда и формирующееся правовое пространство.

Эта исследовательская гипотеза нуждалась не только в теоретическом обосновании, но и в эмпирической проверке. Проведенный нами анализ двух, разделенных почти ста годами, периодов в истории китайской миграции на российском Дальнем Востоке (в конце XIX – начале XX вв. и в современных условиях) позволил, на наш взгляд, полностью подтвердить это исследовательское предположение [6–9]. Как показал проведенный анализ, в значительной степени соотношение между спросом и предложением труда в эти периоды зависели от социальной системы территории, от формирующихся трудовых предпочтений, мотиваций, ценностей, отношений к труду в местном сообществе, от положения и роли человека в нем, от качества индивидуальной и коллективной жизни, от корпоративной культуры в целом. Существенная роль в формировании трудовой иммиграции принадлежала природной среде обитания, источникам для сохранения и воспроизводства жизненных сил, адаптационным механизмам и институтам, определяющим возможности включения населения в сферу занятости.

В конечном счете выяснилось, что две интегральные характеристики иммигранта определяли его конкурентоспособность и востребованность на рынке труда. Первое – это умение максимально быстро и эффективно адаптироваться к природной и социальной среде обитания региона в условиях высокой неустойчивости. Второе – это наличие у иммигрантов более «конкурентоспособной мотивации» на труд в сравнении с мотивациями местной рабочей силы. Конкурентоспособность трудовой иммиграции в условиях высокой региональной неустойчивости – это, в первую очередь, конкурентоспособность мотиваций к труду, т. е. степень выраженности желаний иметь работу, не считаясь с тем, к какой системе социальных и материальных вознаграждений она относилась.

Особенности иммиграционного потока определяются в значительной мере асимметриями рынка труда. Осуществляемое позиционирование иностранной рабочей силы в те или иные рыночные сегменты влияет на формирование конъюнктуры рынка труда. Внешняя среда осуществляет свое воздействие на рынок труда через собственные диспропорции, создавая условия для неоднородности трудовых потоков, их расщепление на определенные классы, что в свою очередь определяет сегментную структуру, которая становится относительно гомогенной в рамках складывающихся взаимодействий внешней среды. Создаваемый своеобразный цикл, в котором взаимодействия внешней среды, рынка труда и внешних трудовых потоков обуславливают востребованность в тех или иных количествах и качествах рабочей силы.

2. Миграционный трудовой потенциал и устойчивость развития региона

Особенности демографического потенциала российского Дальнего Востока всегда отличались тем, что чрезвычайно значимую роль в его воспроизводстве играли миграционные процессы, формирующие емкий миграционный блок. Всякий регион содержит в себе не только некоторую объективную потребность в привлечении труда из других территорий, в том числе из международного рынка, но в нем существуют и определенные граничные возможности, превышение которых ведет к снижению социально-экономической устойчивости его функционирования и повышению рисков.

Для характеристики и оценки этих двух региональных составляющих нами было введено понятие «миграционный трудовой потенциал (МТП)». Это возможность территории на данный момент включать в сферу труда вполне определенное количество миграционной рабочей силы, превышение которого может привести к снижению устойчивости функционирования территориальной социально-экономической системы при условии отсутствия со стороны региона упреждающих, корректирующих воздействий.

Миграционный трудовой потенциал территории в контексте данного определения, во-первых, включает не только различные ресурсы (производственные, социальные, трудовые и т. д.), но и системные взаимосвязи между ними, сложившиеся пропорции, структуры социально-экономической системы, функционирующей в исторически сформировавшейся внешней среде и закрепляющей «статус-кво» этой системы.

Во-вторых, как следствие, каждая конкретная территория характеризуется только ей присущим набором параметров внешней среды, воздействие которых будет формировать различия в трудовых миграционных потоках «входа» в регион и «выхода» из него. Объективно существующий миграционный трудовой потенциал территории определяет величину оборота трудопотоков. Можно предположить, что чем ниже результативность трудовой миграции (ее стабилизация), тем выше уровень реализации (исчерпания) МТП территории.

Поэтому, в-третьих, наличие и учет особенностей таких процессов должно служить важным условием при разработке эффективной миграционной политики в регионе.

Применительно к конкретному региону можно говорить о различных миграционных трудовых потенциалах. Одни регионы обладают высоким МТП, другие – низким. В целом сфера занятости, как и рынок труда региона, представляет собой своеобразный «рельеф» миграционного трудового потенциала, что позволяет говорить о *плотности* МТП, под которой нами понимается равномерность или, напротив, фрагментарность (дискретность) распределения МТП. В свою очередь можно говорить, воспользовавшись терминологией классической физики [1] о «потенциальном миграционном барьере» и «потенциальной миграционной яме» территории.

Потенциальный миграционный барьер (дельта-потенциал) – это резко пониженные возможности территории для включения рабочей силы мигрантов в сферу труда. На территориях с такой особенностью существует множество факторов, которые противодействуют притоку и закреплению миграционной рабочей силы. Соответственно *потенциальная миграционная яма* (сигма-потенциал) определяется такими возможностями территории, реализация которых формирует резкое возрастание МПТ.

Здесь сразу же следует обратить внимание на известный парадокс теории самоорганизаций – в замкнутых социальных системах с неизбежностью происходит повышение энтропии, что ведет к снижению самосохранительного потенциала. Следовательно, в целях обеспечения процессов развития необходимо поощрять подвижность местного населения региона, снижение которой будет детерминировать более высокую миграционную мобильность и значительный ее холостой оборот.

Не менее сложной является ситуация, когда в регионе в силу объективных условий формируется ми-

грационный сигма-потенциал. Это значит, что в какой-то период времени в системном взаимодействии факторов внешней среды доминировать начнут те из них, которые обуславливают возможность значительного притока мигрантов. К примеру, возникший значительный дефицит рабочей силы в отраслях непрестижного труда объективно создает напряжение в различных сегментах рынка труда и в системе занятости населения, что увеличивает МТП территории. Дефицит труда может возникнуть и в результате интенсивного развития профильных для территории отраслей со значительной долей неквалифицированного, низкооплачиваемого труда или вследствие интенсивного оттока с территории местного населения.

В этих и других случаях экономическая составляющая социально-экономической системы будет предопределять возникшую структурную диспропорцию, которая угрожает нарушить устойчивость функционирования территориальной системы.

Быть устойчивым – значит быть способным возвращаться в равновесное состояние в случае возмущающих воздействий с тем, чтобы сохранять заданную траекторию движения в некотором оптимальном режиме использования ресурсов развития. Тем самым безопасность предстает системной категорией, как свойство системы, построенной на принципах устойчивости, саморегуляции, целостности. Безопасность призвана защитить каждое из этих свойств системы, так как разрушительное воздействие на любое из этих свойств может привести к гибели системы в целом или обернуться потерей ей каких-то значимых сфер жизнедеятельности.

Поскольку регион как развивающаяся система стабильно выходит из состояния устойчивого равновесия, следует различать временное снижение устойчивости как предпосылки к новому росту и снижение как деградация.

3. Трудовая миграция и региональная безопасность

Миграционное давление на территории, которое превышает ее граничные возможности устойчивого развития, ведет к снижению уровня безопасности территории, что может перевести отдельные ее сферы в локальное (или системное) кризисное состояние, связанное с ухудшением или разрушением основных систем жизнеобеспечения населения. Таким образом, проблема безопасности региона выходит не просто на передний план в системе управления регионом, а требует детальной проработки на стратегическом уровне всех тех элементов, которые ответственны за обеспечение режима устойчивого развития. Именно поэтому региональные программы всех уровней должны включать в качестве необходимых элементов:

– обоснование критериев оценки безопасности функционирования региона в различных сферах жизнеобеспечения;

- классификацию возможных угроз;
- определение ресурсов для предупреждения и устранения угроз, в тех случаях, когда по каким-либо причинам регион смещается в зону негативных отклонений от устойчивого развития;
- разработку критических параметров (пороговых значений) экономической безопасности.

Под *региональной безопасностью* будем понимать такое состояние региона, при котором он, с одной стороны, способен противостоять дестабилизирующему воздействию внешних и внутренних социально-экономических угроз, сохраняя устойчивость функционирования или развития, а с другой – использование ресурсов для поддержания эффективного жизнеобеспечения региона как целостной системы должно быть таким, чтобы не создавались социально-экономические угрозы для внутренних подсистем самого региона и его внешней среды.

Из приведенного определения вытекает триединая задача обеспечения безопасности региона: 1) создание в регионе социально-экономических ресурсов, необходимых и достаточных для принятия решений и действий, не наносящих ущерба его безопасности и способствующих его устойчивому развитию; 2) защита социально-экономических ресурсов региона; 3) организация социально-экономического взаимодействия региона с внешней средой, не наносящего ущерба безопасности внешней среде и способствующего устойчивому развитию региона в этой среде.

Говоря об устойчивом функционировании региона, следует учитывать следующее важное обстоятельство. Региональная система находится в тесной связи с внешней средой, которая существ-

венно влияет на протекающие в ней процессы, что определяет условия ее существования, границы которых имеют вполне определенные пределы. Это значит, что любая региональная система не может долго находиться в оптимально устойчивом состоянии. Гомеостаз и последующие выходы на новые стадии развития, как прагматическая и стратегическая цель региональной системы характеризуется множеством состояний, определяющих тот или иной режим управления.

Чаще всего принято говорить о четырех возможных диапазонах функционирования региональной системы [3]:

- оптимальном состоянии, к которому система стремится в установившемся динамическом режиме;
- благоденствии, в котором система может находиться неограниченно долго. Находясь в диапазоне благоденствия, регулирующие сигналы настолько слабы, что могут находиться ниже порога чувствительности, а инерционность такова, что лишь асимптотически система может приблизиться к оптимальному состоянию;
- гомеостазе – состоянии управляемого изменения;
- выживании – состоянии слабо управляемых изменений.

На рис. 1 приведена классификация угроз, которые потенциально могут возникать на уровне региона, в том числе и в результате влияния входящих или выходящих миграционных потоков в тех случаях, когда миграционная емкость территории подходит к своему полному исчерпанию или превышению.



Рис. 1. Классификация угроз безопасности региона

Понятно, что масштабы и уровни безопасности, связанные с трудовой миграцией, будут различными для регионов, находящихся в том или ином диапазоне своего функционирования. Наибольшие риски управляемого функционирования возникают у регионов, находящихся в диапазоне выживания. Ибо, с одной стороны, в таких регионах каждое системное управленческое решение сопровождается необходимостью иметь стратегический запас ресурсов, необходимых для продления тренда развития в связи с возникновением неблагоприятных перемен во внешней среде, объем которых у регионов, функционирующих в режиме выживания, ограничен.

С другой стороны, контуры обратных связей у этих регионов, как правило, слабо развиты и нахо-

дятся ниже порогов чувствительности к воздействиям внешней среды, чтобы обнаружить негативные тенденции на ранних стадиях их возникновения. Следовательно, у регионов, функционирующих в оптимальном диапазоне, возможности для обнаружения и нейтрализации угроз совсем другие. Целесообразно в связи с этим говорить об иерархии угроз безопасности, связанной с трудовой миграцией в контексте отмеченных режимов устойчивого функционирования регионов.

Применительно к Дальнему Востоку возможный вариант классификации угроз безопасности, связанных с миграционными процессами приведен в табл. 1.

Таблица 1

**Классификация угроз безопасности,
связанных с иммиграционными процессами на Дальнем Востоке**

Факторные блоки	Содержание угрозы безопасности	Системная характеристика	Возможные трансформации
<i>Природная среда обитания</i>	– увеличение нагрузки на природную среду обитания; – истощение природных ресурсов; – ухудшение популяционного здоровья населения; – рост уровня заболеваемости	<i>Угроза безопасности:</i> масштаб – регион в целом; характер – глобальный; проявление – системное; последствия – частичная обратимость	Снижение темпов роста, у регионов на стадии выживания – возможен переход на стадию кризиса
<i>Социальная сфера</i>	– повышение нагрузки на социальную инфраструктуру; – криминализация обстановки; – рост социальной напряженности; – изменение этнического состава; – образование диаспор	<i>Угроза безопасности:</i> масштаб – территория; характер – региональный, а при значительном превышении пороговых значений – национальный; проявление – системное; последствия – необратимые	Снижение стабильности населения, рост структурных диспропорций во внешней периферии рынка труда
<i>Экономика</i>	– перетекание финансовых ресурсов за пределы страны; – усиления напряженности на рынке труда; – неэквивалентный товарооборот; – повышение структурных диспропорций всех типов	<i>Угроза безопасности:</i> масштаб – регион в целом; характер – региональный, а при значительном превышении пороговых значений – национальный; проявление – системное; последствия – частично обратимые	Снижение уровня устойчивости, функционирования. Снижение потенциала труда и деформация демографического потенциала
<i>Корпоративная культура</i>	– рост социокультурной дистанции; – снижение толерантности; – негативная трансформация мотивационного поля	<i>Угроза безопасности:</i> масштаб – регион в целом; характер – региональный, а при значительном превышении пороговых значений – национальный; проявление – системное; последствия – частично обратимые	Усиления этнической и социокультурной неустойчивости, трансформация этнической идентичности
<i>Интегральная характеристика</i>	Угрозы всех типов, связанные с ростом напряженности во всех подсистемах региона, повышение глубины и масштабов структурных диспропорций	<i>Угроза безопасности:</i> масштаб – регион, страна; проявление – системное; последствия – в конечном счете – необратимые	Усиление процессов трансформации, понижающих устойчивость функционирования региона. Понижение стабильности населения

4. Миграционный трудовой потенциал и структурные диспропорции рынка труда региона

Каждая из вышеназванных угроз находится только в потенции (в возможности) и ее актуализация зависит от множества условий и факторов, которые для каждого региона будут характеризоваться своей спецификой и уникальностью. Тем не менее можно говорить о пяти наиболее значимых, тесно взаимосвязанных друг с другом региональных блоках: 1) своеобразии факторов внешней среды; 2) миграционной емкости региона; 3) региональной миграционной программе, обеспеченной обоснованностью стратегии, организационной структурой, правовым, ресурсным, информационным пространством и их институционализацией; 4) режиме функционирования региона, который отражается в уровне устойчивости его функционирования и развития; 5) системной асимметрии рынка труда.

На рис. 2 представлена модельная блок-схема процессов формирования и регулирования иммиграционного трудового потенциала региона, в котором все вышеназванные элементы взаимосвязаны с другом.

Как видно из представленной схемы, центральным элементом, в котором отражаются взаимодействия всех вышеназванных компонентов региональной системы, является миграционный трудовой потенциал. От его состояния и особенностей зависят в конечном счете и все остальные компоненты. Рынок труда является той сферой, где наиболее полно проявляются объективные потребности в привлечении трудовой миграции из других территорий.

Под *системными асимметриями рынка труда* нами понимаются такие качественные характеристики разбалансированности между спросом на труд и

его предложением, которые обуславливаются структурными несоответствиями подсистем внешней среды и формируют относительно устойчивые сегменты рынка труда. Причем если при классическом сегментировании, применяемом в маркетинге, предполагается, что критерии сегментирования определяются исходя из эффективности позиционирования товара, то в контексте сформулированного подхода нами принята иная методологическая предпосылка. Мы исходим из того, что сегментация рынка труда является уже сложившейся, а критериями такой сегментации являются системные асимметрии внешней среды.

Системные асимметрии рынка труда выполняют еще одну важную функцию. Они являются индикаторами, подающими сигналы о наличии деструктивных изменений в регионе, как целостной социально-экономической системы, касающихся проблем ее безопасности и устойчивости развития.

При анализе трудовой миграции важно учитывать: миграционный потенциал территории; своеобразие социально-экономической системы, уровень ее устойчивости, ее чувствительность к давлению иммиграционного трудового потенциала, возможности институтов сохранения и развития социокультурного своеобразия трудовой иммиграции.

Процедуру общей оценки формирования МТП региона можно представить в форме укрупненной последовательности взаимосвязанных алгоритмических действий: 1) оценки иммиграционной емкости региона (Е) как составной части МТП; 2) выявления допустимых границ социально-экономической безопасности трудовой иммиграции в регионе; 3) получения интегральной оценки МТП.

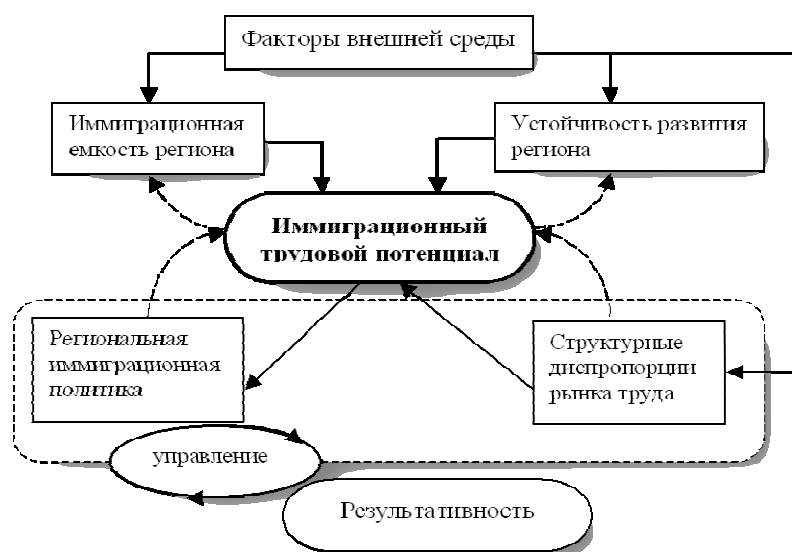


Рис. 2. Блок-схема модельного представления процессов формирования МТП региона

В системных асимметриях рынка труда, по нашему мнению, наиболее полно проявляется противоречивое единство макро- и микроуровня формирования рынка труда. На территориальном рынке труда через выделенные факторные блоки, являющиеся по существу подсистемами региона, происходит проявление глобальных процессов развития экономических и общественных отношений, с одной стороны, и развитие человека, личности, его ценностей, мотиваций, жизненных позиций и отношение к труду, с другой стороны. Различные асимметрии между спросом на труд и его предложением формируются под воздействием особенностей внешней среды, своеобразие которых в динамике определяются результатами взаимодействия четырех основных факторных блоков: природной средой обитания, социальными условиями и социальным окружением, экономическими факторами жизнеобеспечения и корпоративной культурой (рис. 3).

Факторный блок региона одновременно можно рассматривать и как подсистему, и как своеобразный ресурс жизненного пространства региона, который определяет его привлекательность для притока иммиграционного труда и эффективное использование.

Не менее сложной является и задача оценки иммиграционной емкости территории без учета возможной динамики развития. В работе предложен один из возможных вариантов оценки иммиграционной емкости:

$$E = \sum \delta_{ij} v_{ij} + \sum \delta_{ij} n_{ij} + \sum \delta_{ij} k_{ij} + \sum \delta_{ij} m_{ij} + \sum \delta_{ij} r_{ij} + \Delta T + \Delta L + g(\Delta R) + h(\Delta S), \quad (1)$$

где δ_{ij} – уровень конкурентоспособности иммиграционного труда в i -й сфере труда относительно j -го рабочего места); v_{ij} – j – вакантные рабочие места в i -й сфере труда; n_{ij} – j -е рабочее место в i -м создаваемом новом производстве; p_{ij} – сезонные, специализированные производства в отраслях непрестижного труда; m_{ij} – рабочие места в инфраструктурных отраслях, предполагающие индивидуальный, предпринимательский труд (бизнес, сфера услуг); r_{ij} – j – рабочее место в рыночном сегменте неформальной занятости; ΔT – сальдо миграции трудоспособного населения; ΔL – сальдо естественного выбытия населения в трудоспособном возрасте; $g(\Delta R)$ – прирост текучести кадров; $h(\Delta S)$ – прирост безработицы и ее продолжительности.

По своему содержательному значению E – представляет собой количество иностранной рабочей силы, которое может полностью включить в себя рынок труда региона в течение некоторого времени при заданной конкурентоспособности иммиграционного труда в определенном рыночном сегменте. Представленную формулу для наглядности можно представить в несколько ином виде:

$$E = W(\delta_{ij}, v_{ij}, n_{ij}, k_{ij}, m_{ij}, r_{ij}) + V(\Delta T + \Delta L + \Delta R + \Delta S), \quad (2)$$

где $W(\delta_{ij}, v_{ij}, n_{ij}, k_{ij}, m_{ij}, r_{ij}) = \sum \delta_{ij} v_{ij} + \sum \delta_{ij} n_{ij} + \sum \delta_{ij} k_{ij} + \sum \delta_{ij} m_{ij} + \sum \delta_{ij} r_{ij}$.

Формула (2) состоит из двух частей:

- $W(\delta_{ij}, v_{ij}, n_{ij}, k_{ij}, m_{ij}, r_{ij})$ – неудовлетворенный суммарный спрос на труд, в отраслевой структуре региона;

- $V(\Delta T + \Delta L + \Delta R + \Delta S)$ – прирост неудовлетворенного спроса, который происходит в результате демографических и социальных процессов.

В современных условиях интенсивность, масштабы, своеобразие иммиграционного трудового потока, выделенного по «временной» характеристике, в значительной степени определяется конъюнктурой, складывающейся на внешней периферии рынка труда. Структурные диспропорции, формирующиеся в результате системного взаимодействия факторных блоков внешней среды, наиболее остро будут проявляться в той сегментной части внешней периферии рынка труда, которая в наибольшей степени включает в себя неформальную занятость. В этой связи проведенный анализ позволил выявить наиболее существенную системную асимметрию на дальневосточном рынке труда, которая предопределяет благоприятные возможности для трудовой иммиграции и, прежде всего, китайской. Системные взаимодействия всех четырех факторных блоков внешней среды формируют высокую нестабильность демографической структуры. Миграционный отток населения, ориентации его на временность проживания на Дальнем Востоке является ключевой социально-экономической проблемой для всех его территорий [6; 8].



Рис. 3. Ресурсы жизненного пространства региона, влияющие на трудовую миграцию

Рассмотрим возможности оценки миграционного трудового потенциала Дальнего Востока и его миграционную емкость в отношении одного из наиболее конкурентоспособной на протяжении значительного исторического периода китайской миграции.

5. Китайцы на рынке труда Дальнего Востока – исторический опыт эффективной миграционной стратегии

Процессы формирования китайской трудовой миграции в современных условиях отличаются от этих же процессов конца XIX – начала XX вв. двумя принципиальными моментами [8]. Первое отличие состоит в демографических ситуациях в эти периоды. Столетие тому назад, несмотря на значительный отток прибывающих мигрантов из Сибири и центральных районов России, китайская миграция происходила на фоне наращивания на Дальнем Востоке демографического потенциала. В современных условиях имеет место резкий спад численности дальневосточного населения, все в большей степени происходит снижение устойчивости развития в связи с истощением регионального потенциала труда.

Второе отличие состоит в том, что в конце XIX – начале XX вв. на дальневосточные рынки труда позиционировалась китайская рабочая сила неквалифицированного и малоквалифицированного труда. Поэтому на фоне значительного прироста численности населения на Дальнем Востоке одновременно происходило повышение конкурентоспособности местной рабочей силы. Складывающаяся ситуация в конце XX – начале XXI вв. является диаметрально противоположной. Процессы снижения демографического потенциала совпадают со снижением профессионально-квалификационной структуры потенциала труда.

Наиболее значимыми факторами при этом являются сложившаяся структура занятости, низкий уровень профессионально-квалификационной структуры и отсутствие механизмов ее повышения, рост продолжительности безработицы, крайне низкая цена труда, резкое снижение трудовой мотивации (табл. 2).

Безусловно, экономические потребности и интересы к использованию китайской рабочей силы достаточно велики. Именно они будут постоянным противовесом на пути ужесточения иммиграционной политики. Дальневосточный рынок труда со всеми своими специфическими региональными особенностями является мощнейшим фактором для увеличения миграционного движения из Китая.

При обосновании целесообразности и экономической эффективности выбора той или иной стратегии развития Дальнего Востока не достаточно используется, на наш взгляд, важнейший критерий, каким является трудовой потенциал региона. Основная социально-экономическая проблема Дальневосточного региона как в прошлом, так и в настоящем, будущем определялась и по различным

прогноznым оценкам будет определяться количественными и качественными показателями населенческой структуры.

Поэтому экономически наиболее эффективной и, похоже, не имеющей альтернатив, является такая стратегия развития Дальнего Востока, которая обеспечивала бы наиболее благоприятные возможности для закрепления *уже сформированного* дальневосточного населения. Проблема формирования стабильного населения на Дальнем Востоке, таким образом, становится ключевым условием и целью экономической политики и стратегии регионального развития. Этим цели должны быть подчинены все стратегические программные разработки на Дальнем Востоке.

Решение данной задачи предполагает при выборе стратегии развития Дальнего Востока построения сценариев его экономического развития, определяющих направления, последовательность и масштабы проведения экономических реформ, использовать следующие критерии (табл. 3).

В соответствии с основными направлениями миграционной политики в России иммиграционные приоритеты будут зависеть: от программ отбора иммигрантов; естественного отбора иммигрантов (непривычные агроклиматические условия, отсутствие диаспор, отсутствие исторических связей между Россией страной происхождения иммигрантов и др.); конкурентной борьбы за квалифицированных иммигрантов между странами [2].

Кроме того, предполагается, что одной из главных составляющих иммиграционной политики в Российской Федерации должна стать политика, направленная на развитие постоянной иммиграции, т. е. переселений на постоянное место жительства. Последний из вышеназванных критериев для Дальнего Востока значим в силу следующих обстоятельств.

В настоящее время на самом высоком правительственном уровне принимаются решения для привлечения на Дальний Восток соотечественников, проживающих за рубежом.

При разработке этой составляющей иммиграционной политики следует использовать опыт, накопленный странами классической иммиграции в области организации международных переселений [2]. Численность временных трудовых мигрантов в большинстве развитых стран определяется исходя из потребностей экономики, которые выражают работодатели. Численность студентов определяется возможностью вузов и интересами государства в области привлечения специалистов. Правительства, например, Австралии и Канады ежегодно утверждают общий план по приему переселенцев. В основу плановых расчетов положены: возможности государств адаптировать определенное количество иммигрантов; во многом эти оценки основаны на историческом опыте этих государств; экономические интересы государств; демографические расчеты.

Таблица 2

**Сравнительный экономический анализ иммиграционного
трудового потенциала на российском Дальнем Востоке**

Характеристики	Середина XIX – начало XX вв.	Современность
1. Ограничения на место жительства и труда	В разные периоды: контрактная, заселение	Преимущественно контрактная
2. Юридический статус	В равной степени легальная и нелегальная миграция	В равной степени легальная и нелегальная миграция
3. По уровню квалификации	Преимущественно малоквалифицированная и неквалифицированная	Нелегальная – преимущественно малоквалифицированная, контрактная – квалифицированная
4. Демографическая структура	Преобладание мужских молодых возрастных групп	Преобладание мужских молодых возрастных групп
5. Социальная структура	Низкий образовательный уровень, из нижних социальных страт	Средний и высокий образовательный уровень, из нижних социальных страт, значительная часть безработных
6. Мотивация иммиграции	Зарабатывание, перемена места жительства, беженцы, поиск рабочего места	Зарабатывание, поиск рабочего места, создание бизнеса
7. Социально-экономическая ситуация в регионе, принимающем иммигрантов	Развивающаяся экономика, возрастающий демографический и трудовой потенциал, существенные дотации со стороны государства населению	Экономическая стагнация, значительные слои населения – за чертой бедности, снижение демографического и трудового потенциала
8. Ориентация на сферы приложения труда	Промышленность, сельское хозяйство, торговля, сфера услуг, строительство	Преимущественно строительство, розничная торговля, сельское хозяйство
9. Структурная однородность, масштабы ИТП	Однородные трудовые потоки, сигма-потенциал ИТП	Разнополюсные трудовые потоки, предпосылки для формирования сигма-потенциала ИТП
10. Системные асимметрии на региональных рынках труда	Дефицит труда – суровые климатические условия – низкая мотивация труда – отсутствие сформированной корпоративной культуры – низкий демографический потенциал – высокая миграционная подвижность населения	Дефицит труда наряду с безработицей – низкая мотивация труда – отсутствие установок на стабильность труда и жизни – низкий демографический потенциал – высокий миграционный отток населения

Таблица 3

**Критерии обеспечения стратегии формирования стабильного населения
в Дальневосточном федеральном округе**

Наименование критерия	Необходимый блок стратегического планирования
1. Обеспечение населения высокодоходными рабочими местами	Перспективная оценка структуры занятости, с учетом закрепления населения на территориях ДФО
2. Создание эффективного потенциала труда в ДФО	Перспективное планирование экономического и социального потенциала рабочих мест, стимулирующих формирование позитивной мотивации для закрепления на Дальнем Востоке
3. Обеспечение устойчивого тренда социально-экономического развития	Прогнозирование и предупреждение возникновения проблемных зон в сфере труда, взвешенный подход к процессам реструктуризации региональных производств и перспективных отраслей
4. Регулирующее воздействие в формировании иммиграционной емкости территорий ДФО	Оценка объема и структуры иностранной рабочей силы на дальневосточных рынках труда, построение эффективной системы отбора иммигрантов
5. Обоснование приоритетов в иммиграционной политике	Разработка комплекса мер для обеспечения режима постоянной иммиграции и ее приоритетности в сопоставлении с различными формами временных миграционных движений

Канадский опыт для Дальнего Востока представляет особый интерес в связи с определением необходимости взвешивать возможности государства для обеспечения условий эффективной адаптации мигрантов к социальной, культурологической и природной дальневосточной среде обитания. Основной проблемой формирования населения Дальнего Востока, начиная с момента его заселения, была и остается в настоящее время проблема адаптации населения к природной и социокультурной среде обитания.

Все формы переселения и адаптации вновь прибывающего населения, как показывает более чем столетний опыт заселения Дальнего Востока, связаны со значительными издержками в результате значительного объема холостой миграции и для человека, и для социальной и природной среды, и для государства. Поэтому значительно эффективнее с точки зрения материальных и финансовых затрат, результативнее с точки зрения формирования устойчивости труда и жизни создать благоприятные условия для закрепления уже живущего на Дальнем Востоке населения, приостановления негативных тенденций разрушения сложившегося демографического и трудового потенциала региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондырев, И.В. Природный потенциал горных территорий – философско-методологический анализ / И.В. Бондырев, В.П. Сингх. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bond@gw.acnet.ge, cesing@lsu.edu>.
2. Денисенко, М.Б. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада / М.Б. Денисенко, О.А. Хараева, О.С. Чудиновский. – М., 2003. – 314 с.
3. Дюженкова, Н.В. Управление экономической безопасностью региона в современной России: автореф. ... дис. на соиск. степени канд. экон. наук / Н.В. Дюженкова. – М., 2002. – 16 с.
4. Смольякова, Т. Границы пересекли людей / Т. Смольякова // Российская газета. – 2004. – 18 декабря.
5. Трубин, В.В. Исторический опыт миграционной политики России. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России / В.В. Трубин. – М.: Московский Центр Карнеги, 1996.
6. Шкуркин, А.М. Китайский фактор: прошлое, настоящее, будущее / А.М. Шкуркин // Стратегическое планирование Хабаровска. – 2004. – № 1 (1). – С. 31–75.
7. Шкуркин, А.М. Китайская рабочая сила на российском Дальнем Востоке в XXI веке / А.М. Шкуркин, Н.Н. Шустова // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы междунар. симпозиума. В 2 т. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005. – Т. 1. – С. 119–122.
8. Шкуркин, А.М. Иммиграционный потенциал труда российского Дальнего Востока (китайцы на рынке труда Дальневосточного региона) / А.М. Шкуркин. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2007. – 167 с.
9. Shkurkin, A.M. Chinese in the Labour Market of the Russian Far East: Past, Present, Future / A.M. Shkurkin // Globalizing Chinese Migration. Ashate. – 2002. – P. 74–99.

ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС: ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

В.А. Смоляков

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права.

Контактный адрес: smolyakov46@mail.ru

В статье на примере тайваньской проблемы даётся анализ взаимосвязей между внутривнутриполитическими и международными факторами. Особое внимание уделяется рассмотрению предпосылок и влияния процесса демократизации политической системы Китайской Республики (Тайвань) на отношения с КНР. Межпроливные отношения развиваются на фоне геополитического треугольника США – КНР – Тайвань и углубляющихся интеграционных процессов в Восточной Азии.

Ключевые слова: один Китай, государство де-факто, воссоединение, демократизация, суверенитет, взаимодействие внутренних и международных факторов.

Взаимоотношения Китайской Народной Республики (КНР) и Китайской Республики (неофициальное название КР – «Тайвань»), разделенных водами Тайваньского пролива – одна из самых сложных проблем послевоенных международных отношений. Тайваньская проблема выходит далеко за рамки Восточной Азии и представляет собой переплетение как внутренних (политических, экономических, идеологических и правовых), так и геополитических факторов. Рассматриваемый в настоящей статье случай – «тайваньский вопрос», представляет особый исследовательский интерес в силу того, что в нём особенно выпукло просматривается явление взаимосвязей между разными формами политики, к тому же осложнённое спорами о суверенитете. Выделяется следующий круг проблем.

Во-первых, необычное взаимодействие между двумя государственными образованиями, развёртывающееся в рамках формально одной страны. Интересно то, что эти отношения «между двумя сторонами пролива», по сути, внешнеполитическими, официально таковыми не признаются ни Пекином, ни Тайбэем. Спор через пролив считается внутрикитайским делом, взаимоотношения между двумя сторонами имеют статус особых связей, и находятся в ведении специально созданных для этого органов.

Во-вторых, отношения по линии КНР – Тайвань испытывают влияние переплетающихся геополитических и внутривнутриполитических факторов, которые представляют собой пример синергетических взаимодействий «извне – вовнутрь» и «изнутри – вовне».

В-третьих, эта пара взаимодействий влечёт в себя геополитический «треугольник», состоящий из КНР, США и Тайваня, оказывая влияние на мировую политику в целом. Проблема Тайваня – это необходимость предотвращения войны. Тайваньский пролив считается одним из очагов международной напряжённости. Дэн Сяопин в 1984 г. указывал, что «...тайваньский вопрос является глав-

ным препятствием в китайско-американских отношениях. Он даже может разрастись и превратиться во взрывной вопрос отношений обеих стран» [5: с. 110]. В унисон с этой оценкой один из видных американских специалистов по делам Китая и Тайваня А. Ромберг писал: «...Я утверждаю, что тайваньский вопрос является на сегодня единственной проблемой в мире, которая реально может привести к войне между двумя великими державами» (подчеркнуто – В.С.) [6: с. 23].

Понимание и объяснение комплексных процессов взаимосвязей в международной политике (к которым относится и тайваньский вопрос), развёртывающихся при усилении глобальных взаимозависимостей, требует переосмысления исследовательских методологий. Если в прошлом преобладали представления о государствах – субъектах международной политики как о взаимодействующих «бильярдных шарах» (эти взгляды в международно-политической науке воспроизводятся парадигмой политического реализма и школой классической геополитики), то сегодня более адекватным представляется понимание мировой политики как системы пересекающихся государственных границы взаимовлияний. При таком исследовательском подходе линейные причинно-следственные связи замещаются многофакторным системным анализом и всесторонним исследованием взаимосвязей между внутренней и внешней «политиками», а также между внутривнутриполитической жизнью общества и международной средой. Внутренние и международные условия могут способствовать расширению масштабов, интенсификации и углублению взаимосвязей или, наоборот, препятствовать им.

В качестве методологической предпосылки исследования тайваньского вопроса послужила теория взаимосвязей между основными формами политики. Взаимосвязи между внутривнутриполитическими и международно-политическими процессами – это повторяю-

щиеся с определенной периодичностью каузальные и функциональные взаимодействия, имеющие место как внутри государств (между двумя – внутренним и внешнеполитическим направлениями его деятельности), так и в мировой политике (между внутренней средой национальной политической системы и международными отношениями) [14: с. 231].

Две части Китая существуют с 1949 г. Суть конфликта в том, что КНР отказывается признавать независимость Китайской Республики и рассматривает Тайвань в качестве своей двадцать третьей, «мятежной провинции» (хотя и не контролирует её). Формально, т. е. официально провозглашенный Пекином и признанный большинством государств, включая США, – членом ООН, государственный суверенитет Китайской Народной Республики распространяется на всю китайскую территорию. Интересно, что сама формула «тайваньский вопрос», подразумевающая необходимость решения проблемы воссоединения, применяется с материковой стороны пролива, но отвергается со стороны острова. Особенность тайваньской проблемы в том, что, в отличие от разделённой в прошлом Германии или нынешней Кореи, ни одна из сторон конфликта не признаёт Китай разделённой нацией. Руководство КНР считает вопрос объединения, а также методов его осуществления своим внутренним делом. Со своей стороны президент Тайваня Ма Инцзю подчёркивает, что отношения между КНР и КР имеют статус «особых» и не являются отношениями между двумя национальными государствами.

Вопрос о политическом статусе Тайваня. Спор между двумя берегами пролива носит комплексный характер и фокусируется на вопросе о политическом и правовом статусе Тайваня. Главной темой в китайско-тайваньских отношениях сегодня является проблема суверенитета. Если в КНР нет, и не может быть разногласий по вопросу об источнике и границах суверенитета, то в Китайской Республике ведутся правоведческие дискуссии, имеющие острый политический характер. Сталкиваются две правовые теории. Первая – концепция, основанная на позитивном праве, которая утверждает, что источником суверенитета являются Конституция Китайской Республики 1947 г., а также заключённые гоминдановским правительством международные договоры (данная позиция защищается сторонниками тезиса о едином Китае и одном законном правительстве). Эта позиция согласуется с ныне действующей Конституцией Китайской Республики, согласно которой Тайвань «является одной из провинций КР» и «временным местом пребывания центрального правительства» [13: с. 5]. Вторая позиция основывается на учении о естественном праве и теории народного суверенитета, согласно которой после введения демократических институтов,

т. е. с конца 1980-х гг., источником суверенитета в рамках Китайской Республики стали избиратели – «народ как совокупность всех граждан» КР, чьё волеизъявление следует признать решающим (эта точка зрения защищается сторонниками отделения Тайваня от Китая) [29].

Понятие «суверенитет» всесторонне рассмотрено учеными-международниками и правоведами. Тем не менее споры вокруг истолкования его смыслов не прекращаются. Например, С. Краснер выделяет четыре значения суверенитета: (1) «способность государства регулировать передвижение товаров, капиталов, людей и идей через свои границы»; (2) «эффективность государства или его способность осуществлять контроль»; (3) «признание данного государства другими государствами»; (4) «автономность внутренних структур власти, т. е. отсутствие внешних властных влияний на их деятельность» [29: р. 2]. Тайвань обладает всеми этими характеристиками суверенитета, – пишет Уочмен [43: р. 695]. Однако в реальности Тайвань полностью соответствует только трем признакам государства как субъекта международных отношений: наличие власти, постоянного населения и территории. Но четвертый признак, сформулированный конференцией Монтевидео в 1933 г. – способность к поддержанию отношений с другими странами, реализуется не в полном объеме. Официальная позиция Пекина известна: КНР разрывает дипломатические отношения с теми государствами, которые продолжают признавать Тайвань. Поэтому в 2010 г. [37] остались только 23 страны, которые поддерживали дипломатические отношения с КР – это главным образом государства тихоокеанского региона, некоторые государства Латинской Америки и Африки (среди этих государств нет ни одной крупной державы.) Но, в то же время, 59 государств сохраняют неофициальные экономические, культурные и даже военные (как это делают США) связи с «мятежной провинцией» [39].

Американский ученый-международник С. Пегг в 1998 г. ввёл в оборот термин *de-facto states*. Он пишет, что такого рода государства обладают способностью демонстрировать «определённый вид эффективного контроля над занимаемой ими территорией и осуществлять государственное управление, но они не способны получить от международного сообщества международное признание в качестве национального государства» [35: р. 4]. Итак, Тайвань является *государством де-факто* – геополитической реальностью, которую невозможно игнорировать. Население острова – 23,2 млн. человек (хотя с точки зрения Пекина, все они являются жителями провинции, временно не подчиняющейся юрисдикции КНР). Тайвань занимает четвертое место в Восточной Азии по объёму ВВП и находится на первом месте в мире по накопленным золотовалютным резервам на душу населения. Численность вооружённых сил после сокращений – 285 тысяч

человек [8: с. 8]. Армия хорошо оснащена современной техникой благодаря закупкам вооружений у США.

Таким образом, Китайская Республика – это непризнанное де-юре международным сообществом государственное образование, реально обладающее почти всеми признаками государственности. Тайваньский опыт подтверждает возможность того, что формальный суверенитет над территорией, с одной стороны, и контроль над ней *de-facto* – с другой, могут не совпадать. Это означает, что сфера формальной юрисдикции, с одной стороны, а с другой – не только внутренняя, но и внешняя политика оказываются в разных плоскостях. В связке КНР – Тайвань согласованность между собой подразделений политической системы становится невозможной, и никакой единой политической системы в таких условиях быть не может. Суверенитет Пекина (признанный большинством государств – членов международного сообщества) над всем Китаем как «теоретически» единой территорией, включающей Тайвань, по сути, является юридической фикцией. Однако, как увидим далее, из-за этой «фикции» идут ожесточённые споры и даже может разгореться война.

С 1949 г. правительство Тайваня претендовало на право представлять весь Китай. Эта позиция имела, прежде всего, международное значение, поскольку длительное время (до 1991 г.) означала претензии Чан Кайши на власть над всем Китаем. Во внутривластном плане она выполняла легитимирующую функцию, поскольку оправдывала установившуюся над островом диктатуру одной партии – Гоминьдан. Но затем, после 1979 г., т. е. смерти Мао и установления дипломатических отношений между США и КНР, термин «освобождение» был на Тайване заменён термином «воссоединение». Президент Тайваня Ли Дэньхуэй в 1991 г. заявил, что его правительство более не оспаривает власть коммунистов на континенте.

Сравнение трёх позиций. Начиная с 1990 г., правящая партия Гоминьдан приняла на вооружение формулу, согласно которой «...есть только один Китай, а оба – Тайвань и материк – являются его частью» [7: с. 25]. Данная позиция – это своего рода теория двух суверенитетов в одной стране («один Китай, два правительства») и она означает, что каждое из политических образований является равноправным представителем единой нации. Однако в условиях демократизации возник альтернативный подход, отстаиваемый Демократической прогрессивной партией (далее ДПП) «Тайвань это Тайвань, а Китай это Китай», который означает формальное провозглашение независимости Тайваня и полное разделение нации. Обе эти позиции противоречат установке Пекина, согласно которой «есть только один Китай, и Тайвань является его частью». Следо-

вательно, для Пекина идея двух равноправных политических субъектов остаётся неприемлемой.

В рассматриваемом случае на суверенитет претендуют две стороны – КНР и Тайвань. Некоторые авторы полагают, что споры между сторонами ведутся не из-за реальной власти над территориями (которая давно разделена между двумя правительствами), а по поводу легитимного права представлять страну и владеть связанными с этим атрибутом государственности символами [43: р. 695]. В этой связи мыслимым способом предотвратить переход конфликта в насильственную стадию мог бы стать выбор одного из двух вариантов: или пойти на взаимное признание суверенитета по образцу конфедерации, или согласиться на разделение суверенитета между двумя субъектами, как это осуществлено в федеральных государствах. Однако Пекин в принципе отвергает идею федерализма, поскольку считает, что федерализация отношений между центром и территориями может привести к усилению сепаратизма и разрушению территориальной целостности страны.

Вместе с тем шагом навстречу тайваньским интересам является обещание, по которому Пекин не станет менять после воссоединения сложившийся на острове строй и предоставит своей 23-й провинции широкую автономию, включая право на осуществление внешних экономических и культурных связей. Этот путь был намечен в 1983 г. во время встречи Дэна Сяопина с американским профессором Уинстоном Янгом. Дэн выказал идею «одно государство – две системы», которую он намеревался использовать для объединения материкового Китая с Гонконгом, Макао и Тайванем. Этот принцип сводился к четырём пунктам: 1) один Китай; 2) сосуществование двух систем; 3) высокая степень самоуправления; 4) мирные переговоры [18: с. 4–5; 34].

Формула Дэна стала ведущей концепцией, вокруг которой сформировалась политика Пекина в отношении Тайваня. Согласно пекинскому плану объединения Тайвань станет «особым административным районом» (сокр. ОАР), который будет пользоваться таким же высоким правом на высокую степень самоуправления, каким сейчас пользуется Гонконг. Тайвань сможет «самостоятельно управлять своими партийными, административными, военными, экономическими и финансовыми делами»; ему будет также дано право «подписывать с иностранными государствами торговые, культурные соглашения и другие права внешних сношений». Он даже получит возможность «иметь свою собственную армию» [15: с. 16]. При этом континентальная часть обязуется не присылать на Тайвань ни военный, ни административный персонал.

Тем не менее критики с другой стороны пролива поспешили объявить, что данный план является

чисто пропагандистской конструкцией. У тайваньской стороны имеются справедливые сомнения. На сегодняшний день и Китай, и Тайвань – это разные образования. В КНР сложился авторитарный и по существу однопартийный режим. Тайваньская политическая система строится на основе принципиально иных идеологических ориентиров и ценностей. В их основе лежат принципы плюрализма и либеральной демократии, т. е. права на оппозицию, свободы слова и печати. То, что в политической жизни КР на Тайване стало нормой, в КНР преследуется и наказывается. К тому же план объединения может породить коллизию между правовым пониманием формального суверенитета и его политическим, содержательным наполнением. Никаких международных гарантов не будет, поскольку объединение является по определению внутренним делом китайского народа и реализацией суверенного права Пекина на возвращение «мятежной провинции» в лоно матери-родины. Главной гарантией является обещание Пекина ничего не менять во внутреннем устройстве Тайваня. Теоретически, согласно плану объединения, внутри Китая будут иметь место две внутренние политики. Но КНР в правовом плане будет иметь возможность, обладая полным суверенитетом, пересмотреть и изменить условия объединения, распространив собственные политические порядки на остров. К этому Пекин может подтолкнуть то, что Тайвань, став ОАР, или 23-ей провинцией Китая, непременно превратится в привлекательную (но опасную для существующего режима) модель политического строя для молодого поколения континентальной части страны и получит легальные возможности для её активного продвижения в культуру китайского общества. В результате нарушения единообразия и кажущейся безальтернативности в организации политической жизни, соблазнительная для нового среднего класса китайского общества тайваньская модель послужит катализатором внутренних перемен и даже подорвёт политическую стабильность, эксплицировав легитимную альтернативу существующим порядкам.

Взаимодействие внутренних и международных факторов оказывает определяющее воздействие на ход и эволюцию китайско-тайваньских отношений. Все эти факторы могут быть распределены на следующие группы: 1) перипетии политической жизни, последствия демократизации и межпартийной борьбы внутри Тайваня; 2) политический процесс внутри КНР и проблемы легитимации власти КПК; 3) возникновение новой структуры мировой политики после окончания холодной войны; 4) развитие интеграционных процессов в Восточной Азии.

Первая группа факторов относится к внутривнутриполитическим и социально-экономическим процессам на самом Тайване, которые характеризуются двумя

основными трендами: развитием глубоких демократических реформ и укреплением чувства особой тайваньской идентичности. Конец 1980-х ознаменовался окончанием холодной войны. Диктатура, установленная в 1950-е гг. на острове, утратила как внутреннее оправдание, так и международную легитимность. Демократический строй стал для тайваньской элиты условием международной легитимности, а также получения поддержки и различных форм помощи со стороны США, которые, начиная с отмеченного рубежа, стали руководствоваться «теорией демократического мира», т. е. разделения государств на два лагеря: либеральные демократии и авторитарные режимы, рассматривая последние в качестве потенциальной угрозы своей безопасности.

Внутривнутриполитические изменения на Тайване коренятся в сложных, происходящих в недрах общества процессах. К 1980 г. Тайвань добился выдающихся успехов в экономическом развитии, став одним из «четырёх драконов» Азии и преобразовался из аграрной страны в новое индустриальное общество. Созданная на Тайване экономическая система оказалась весьма жизнеспособной и превратилась в витрину «экономического чуда». Если в начале 1980-х гг. Тайвань среди всех развивающихся стран имел самый неблагоприятный показатель степени неравенства распределения доходов – в 1952 г. «Коэффициент Джини» (рассчитываемый через отношение 20 % богатейших людей к 20 % бедняков) показывал 15-кратный разрыв в доходах, то уже к 1980-му году этот коэффициент снизился до значения 4,5. Показательно, что в «социалистическом» Китае степень социального расслоения и ныне значительно выше [32; 42]. Таким образом, экономический рост сопровождался решением социальных проблем и, как следствие, укреплением внутренней стабильности. Сравнение экономик и жизненных уровней по такому показателю, как ВВП на душу населения, и сегодня выглядит не в пользу Пекина: в 2010 г. ВВП на душу населения в КНР составил 4392 долл., а в КР – 18588 долл. [24]. Успехом внутренней политики стал также рост образованности населения: около половины тайваньцев имеют высшее образование [16: с. 168, 180].

Изменилась также политическая культура тайваньского общества. Опросы показывали, что между 1983 и 1989 гг. ценностные ориентации избирателей претерпели значительную трансформацию в сторону демократической культуры. Так, уровень поддержки «индивидуальной свободы» и принципа «разделения властей» достиг 75 процентов (в 1983 г. поддержка первой ценности составляла 50,1 %, а второй – 64,4 %) [47: р. 143]. Этот факт примечателен и в том отношении, что он говорит об изменчивости восточно-азиатской политической культуры и косвенно ставит под сомнение культурологический ар-

гумент, согласно которому конфуцианство представляет собой систему «сопротивляющихся изменениям исконных культурных ценностей» [28: р. 29–42]. Кроме вызванных модернизацией изменений в политической культуре, ещё одной движущей силой демократизации явилось окрепшее местническое самосознание коренных тайваньцев.

Таким образом, с точки зрения внутреннего развития тайваньское общество было вполне подготовлено к демократизации: существенно выросло благосостояние народа, сформировался образованный средний класс. Политический режим на острове в 1980–1990-е гг. постепенно эволюционировал по линии перехода от однопартийной диктатуры с сильным влиянием военных к многопартийной демократии. Форма правления предопределила большую роль президента в назревших политических реформах. В 1987 г. 76-летний Цзян Цзинго (сын Чан Кайши, бывший член ВКП/б, получивший военно-политическое образование в СССР и вернувшийся на родину в 1937 г.) официально отменил Указ о чрезвычайном положении [3]. Сразу же после отмены запрета на создание новых партий к концу 1993 г. в КР были зарегистрированы 73 политические партии [7: с. 156–170]. Так возникла реальная угроза монопольной власти Гоминьдана, и начался процесс демократического транзита. В 1991 г. была проведена конституционная реформа. После смерти Цзян Цзинго в 1988 г., президентом впервые стал коренной тайванец, член партии ГМД Ли Дэньхуэй. Ли инициировал политику «индигенизации» (тайванизации) республики, т. е. отхода от идеологии единой китайской идентичности. Он осуществил демократизацию правительства, уменьшив концентрацию власти в руках выходцев из материкового Китая.

С 1996 г. президент стал избираться на всеобщих свободных и честных выборах. В РК сложилась полупрезидентская система правления. Президент (вместе с ним и вице-президент) избирается на четыре года на прямых и всеобщих выборах. Роль президента в политической жизни, и особенно во внешней политике весьма значительна. Он является главой государства, верховным главнокомандующим вооруженными силами и назначает правительство во главе с премьер-министром. С президентской республикой данную систему правления сближает то, что для занятия должности премьера не предусматривается получение вотума доверия в парламенте (Законодательном Юане). Однако президент не обладает правом налагать вето на законы, принимаемые парламентом [36: р. 11]. В 1991 г. были ликвидированы квоты в представительных органах власти, установленные для выходцев из материкового Китая. Все депутаты законодательного юаня и национальной ассамблеи с этого мо-

мента стали избираться населением [27: р. 2].

Следует подчеркнуть, что взаимосвязанность внутренней политической жизни и международной политики глубоко включена в тайваньскую проблему [20; 31; 46]. Демократизация Китайской Республики имела последствия не только для самого островного народа, но и для КНР, а также для международных условий, в которых происходит развитие отношений между сторонами Тайваньского пролива. Демократический процесс всегда непредсказуем и зависит от колебаний массовых настроений. С. Брюс по этому поводу пишет: «...изгибы и повороты тайваньской внутренней политики представляют собой большую проблему для Вашингтона» [38: р. 288]. Так что вопрос о влиянии демократического процесса на международную обстановку заслуживает особого внимания.

Возникшая в условиях демократизации в 1986 г. первая в истории оппозиционная партия – Демократическая Прогрессивная партия Тайваня (ДПП), возглавляющая коалицию «зелёных» (в которую входят также Тайваньский Союз Солидарности и партия Тайваньская Независимость) выступает против принципа «один Китай» и отстаивает развитие тайваньской идентичности [23]. Официальная позиция партии основывается на теории фактического суверенитета Китайской Республики и предусматривает возможность при благоприятных условиях провозглашения независимости де-юре. ДПП выдвигает положение о том, что Китайскую Республику следует рассматривать в качестве «нормального государства», чей суверенитет имеет своим источником волю граждан Тайваня. В связи с этим «зелёные» отказываются признавать, что Тайвань является частью единого Китая, хотя и не форсируют принятие декларации о независимости Республики Китай. Можно не сомневаться, что любая явная попытка со стороны РК провозгласить свою независимость приведет к военным акциям со стороны материкового Китая. Соединённые Штаты со своей стороны рассматривают заявления ДПП о формальном провозглашении независимости как провокационные. Таким образом, после легализации оппозиционных партий появились альтернативные платформы, варьирующиеся от немедленного объединения (Новая партия) до провозглашения независимости (ДПП). Единообразная трактовка тайваньского будущего оказалась невозможной. Официальный курс стал формироваться под воздействием разнонаправленных тенденций и превратился в функцию внутривнутриполитической борьбы. Тайбэй перестал выражать свою позицию единым голосом.

В международном плане демократия ослабила законность претензий Пекина на суверенитет над «мятежной провинцией». Теперь правительство Тайваня стало черпать легитимность из демократически созданных институтов, включающих механизм выборов [25]. Партии, вынужденные бороться

за поддержку электората, стали апеллировать к чувствам местнического патриотизма. Подотчётность правящей партии избирателям сказалась и на переговорном процессе [41: р. 12]. Представители Тайбэя вынуждены теперь играть, если воспользоваться выражением Р. Патнэма, на «двух столах» – с одной стороны, с Пекином, и с конститuentами внутри своей страны – с другой [14: р. 131–132]. Ещё одним следствием демократизации является то, что укрепив собственную легитимность, лидеры КР рассчитывают на равноправное с представителями КНР положение за переговорным столом.

Главным фактором, оказывающим влияние на внутривнутриполитический процесс в Китайской Республике на Тайване, является комплекс вопросов, связанных с отношениями Тайвань – КНР. Влияние конфликта ощущается и на политическом климате внутри Тайваня. Пекин, судя по его последним действиям и заявлениям, стремится активно влиять на внутривнутриполитическое положение Тайваня. Политическая жизнь острова характеризуется не столько традиционным делением на «левых» и «правых» вдоль идейно-политического континуума, сколько борьбой между двумя коалициями – «зелёными» во главе с ДПП и «синими» под водительством Гоминьдана. Первые являются сторонниками идеи формального провозглашения независимости, выраженной формулой «Два Китая», а вторые – приверженцами формулы «Один Китай – два правительства». В центре разногласий между двумя коалициями стоят вопросы самоидентификации и названия государства (Китай или Тайвань), выбора будущего политического курса в отношениях с КНР, трактовка исторического прошлого. От соотношения сил между этими двумя политическими группировками зависит и характер отношений между КНР и КР.

На выборах президента в 2000 г. победил лидер ДПП Чэнь Шуйбянь. Он использовал популистские лозунги, направленные против олигархов и коррумпированных чиновников и отстаивал идею независимости Тайваня. Приход к власти ДПП привёл к значительному ухудшению отношений с Пекином и обеспокоил Вашингтон. «Непредсказуемость политического стиля руководства Чэня стала препятствовать положительному развитию американо-тайваньских отношений» [8: с. 214]. Команда Чэня правила в 2000–2008 гг. Но последующие события нанесли удар по авторитету ДПП. Коррупционные скандалы, замедление социально-экономического развития и безработица, напряжённость в отношениях с материком вызвали разочарование тайваньских избирателей. В 2008 г. Чэнь Шуйбянь проиграл выборы лидеру ГМД Ма Инцзю. После этого он был арестован и в сентябре 2009 г. приговорён окружным судом Тайбэя к пожизненному заключению по обвинению в крупных

хищениях государственных средств и иных злоупотреблениях властью. Падению популярности ДПП способствовали и массовые настроения в пользу сохранения статус-кво в отношениях с Пекином, которые проистекали из страха перед возможной войной из-за неосторожной политики ДПП.

На президентских выборах в январе 2012 г. вновь победил Ма Инцзю – лидер ГМД, который выступал под лозунгом «нет независимости, нет объединению, нет войне». Вопрос об отношениях с КНР и независимости Тайваня и на этот раз оказался в центре предвыборной борьбы. Ма Инцзю в ходе своей избирательной кампании предлагал «старое вино в новой бутылке» – «Консенсус 1992», который сложился в результате обмена дипломатическими нотами и сделанных в 1992 г. односторонних заявлений Тайбэя и Пекина. Консенсус строится на взаимном признании формулы «Один Китай». Однако каждая из сторон вкладывает в неё свой собственный смысл. В интерпретации Тайбэя формула означает: «Один Китай – два правительства». Данная формула рассматривается Гоминьданом в качестве условия процветания Тайваня и основы улучшения отношений с КНР. В то же время ДПП считает «Консенсус» сдачей позиций. Ма на выборах получил сравнительно небольшое преимущество в 5 % над своим соперником из ДПП Цай Инвеном, набрав 51,6 процента голосов [33]. Это способствует смягчению напряжённых отношений между материком и островом. Победа кандидата от ГМД рассматривается наблюдателями в качестве успеха политики лидера КНР Ху Цзиньтао. Последний взял на себя определённый политический риск, сделав ставку вместо политики угроз на развитие экономических связей, которые призваны продемонстрировать Тайваню преимущества добрых отношений. Тем не менее на острове так и не сложился консенсус относительно отношений с континентальным Китаем, а связанные с выборами политические циклы не гарантируют от смены власти и возвращения ДПП.

Следует отметить, что лозунг независимости понимается тайваньцами неоднозначно. Можно выделить три точки зрения. Первая – отделение Тайваня от Китая путём формального провозглашения независимости. Вторая – Тайвань ещё с 1949 г. является де-факто независимым и поэтому необходимо заботиться о сохранении статус-кво (именно на этой посылке построен «консенсус 1992»). И, наконец, третья, наиболее радикальная позиция основывается на отрицании правовой преемственности правления на Тайване с конституцией 1947 г. и выдвижении тезиса, согласно которому нынешняя политическая система является продолжением навязанного в 1949 г. выходцами из континентального Китая «режима иностранного правления под главенством Гоминьдана». Из этих утвер-

ждений делается вывод, что КНР – это иностранное государство и потому необходимо провозгласить независимость и убрать из названия республики Тайвань слово «Китайская» [40]. Однако тайваньцы предпочитают не рисковать: большинство жителей (от 60 до 80 процентов) поддерживает идею сохранения статус-кво [37]. Существует множество свидетельств, показывающих, что тайваньцы предпочитают независимость форсированному объединению, опасаются агрессии со стороны материкового Китая и вполне удовлетворены существующим положением дел. Выбор в пользу сохранения статус-кво может стать основой политического консенсуса и в отношениях между партиями.

Однако статус-кво не является некой константой. Серьёзная проблема заключается в том, что у тайваньцев возросло чувство гордости за своё государство, его экономические и социальные достижения. На континентальный Китай они смотрят «свысока», как на успешное, но всё ещё отсталое в плане экономического и политического развития общество. Поэтому усилились настроения, ранее сдерживавшиеся монопольно обладавшей властью партией Гоминьдан, в пользу узаконения международного статуса страны (который до сих пор остаётся неопределённым). В этой связи особую остроту приобретает проблема идентичности жителей Тайваня, которая превратилась в самый важный фактор как во внутренней политике островного государства, так и в его отношениях с Китайской Народной Республикой. Сама по себе идентификация не является следствием каких-либо этнических различий между жителями острова и континентального Китая. Многие авторы сходятся во мнении, что самоидентификация – это плод социального конструирования. Проблема в том, что сторонники независимости исходя из своих политических соображений настаивают на особой, тайваньской идентичности. Проводимые опросы подтверждают стремление населения к идентификации, отличающей их от ханьцев: в марте 2009 г. 49 % респондентов считали себя исключительно «тайваньцами», 44 % – и тайваньцами, и китайцами, а остальные – только китайцами [37]. Демографическая структура населения КР имеет прямое отношение к политической борьбе, которая происходит в республике. Из 23 млн. жителей 98 % являются ханьцами; 12 % ханьцев – это выходцы из континентального Китая; другие 86 % – это коренные жители острова. Подавляющая часть китайцев говорит на одном диалекте – «мандарин». Ещё 2 % относятся к тайваньским аборигенам, т. е. не ханьцам [39].

Идентификационный выбор влияет на политический процесс. Установлено, что среди коренных жителей острова уровень поддержки идеи независимости выше, чем среди выходцев из континентальной части и их потомков. Следовательно, в условиях

плюралистической демократии произошло разделение политических партий на два основных лагеря, выражающих изложенные выше позиции. Таким образом, две ведущие тенденции, характеризующие политический процесс на Тайване: 1) демократизация; 2) рост тайваньского национализма, оказывают влияние на взаимоотношения в геополитическом «треугольнике» и объективно вносят свой вклад в сохранение политической нестабильности.

Вторая группа факторов связана с развитием ситуации внутри КНР, т. е. с развитием системы рыночного хозяйства в сочетании с неизбежной, хотя и медленно протекающей, эрозией коммунистических ценностей и институтов. Важной составной частью этого процесса является смена поколений в высшем эшелоне власти. В настоящее время у власти в КНР находится «четвёртое поколение» руководителей. Новое поколение лидеров КПК объединяет в своих рядах людей, которые прошли социализацию в период разочарования китайской общественности в революционных идеалах маоистской идеологии. Вполне вероятно, что многие из них с восхищением, а возможно, и с некоторой завистью, воспринимают «экономическое чудо» и высокий уровень благосостояния Тайваня и Гонконга. Эти новые лидеры – прагматики и «правые коммунисты» в ещё большей мере, чем отец реформ Дэн Сяопин. В большинстве они являются хорошо образованными в технических и гуманитарных отраслях технократами, подобно Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао (оба родились в 1942 г.). Эта связка укрепила после состоявшегося в середине октября 2007 г. в Пекине XVII съезда компартии Китая свои властные позиции. Можно предполагать, что следующее поколение руководителей, которое придёт на смену в 2012 г., окажется ещё более прагматичным и менее идеологизированным.

Если для революционеров в первом поколении (к ним относился и Дэн Сяопин) объединение было связано с идеалами социалистической революции, то для лидеров новой формации проблема Тайваня воспринимается, прежде всего, под углом зрения многообещающего включения экономических, финансовых, технологических и интеллектуальных ресурсов в дело модернизации и «мирного возвышения Китая». В КНР на передний план в ряду приоритетов выдвигается не «строительство социализма с китайской спецификой», а лозунг «мирного и гармоничного развития». Отсюда видится возможность более гибкого подхода к формам, срокам и механизмам объединения, готовности согласиться с формальными атрибутами суверенитета вместе с фактическим предоставлением Тайваню широкой автономии.

Значение имеет и то, что единая государственная политика КНР строится на идее приоритетности внутреннего развития. Попытка военного решения

тайваньской проблемы привела бы к краху всей заветной Дэн Сяопином стратегии модернизации, суть которой выражена в словах: «Китаю нужно сосредоточить свои силы на экономическом строительстве и стать модернизированной экономической державой. Мы нуждаемся в мирной международной обстановке и на деле прилагаем усилия к её созданию и сохранению. Экономическое строительство для нас дело первостепенной важности. Всё остальное подчинено ему» [5: с. 145]. Вопрос о Тайване стоит в центре проблемы выбора Китаем своего места в мировой политике. Экономика КНР переплетена с экономиками США и Европы. В связи с этим сегодняшний Китай не заинтересован в обострении отношений с США, Японией и Европой.

По мнению российских экспертов, например, А.В. Ломанова, в настоящее время Китай не знает, что делать с Тайванем. В КПК идёт борьба группировок, и вполне вероятно, что есть в ней и свои «ястребы» по отношению к Тайваню. На съезде КПК был принят тезис о мирном соглашении с Тайванем, но при условии признания «одного Китая». Главное для Пекина – не допустить формального провозглашения независимости острова. Поэтому тактика Китая заключается в том, чтобы «слушать слова и смотреть дела» [10: с. 109–110], но быть готовым к решительным действиям в случае провозглашения сепаратистами независимости Тайваня. Как свидетельствуют все партийные и государственные документы, возможность использования силы не исключается. На это указывает и принятый 14 марта 2005 г. «Закон КНР о противодействии расколу государства» [19]. Несмотря на двусмысленность некоторых формулировок, закон предостерегает от таких шагов, как попытки проведения на острове референдума по вопросу о формальном провозглашении независимости, изменения флага, гимна или названия непризнанного государства. В статье 8 закона говорится, что в «случае фактического отторжения Тайваня от Китая» КНР прибегнет к «немирным средствам». В законе содержатся не только угрозы, но и обещания развивать добрососедские отношения при условии отказа Тайваня от провозглашения суверенитета. Принятие закона было однозначно истолковано наблюдателями как предупреждение Тайваню и его де-факто союзникам от каких-либо шагов, направленных на раскол Китая и вмешательство в его внутренние дела. Действия «внешних игроков» (США, Японии и т. д.), направленные на поддержку Тайваня, теперь могут квалифицироваться в качестве посягательства на единство КНР. Новый законодательный акт имеет не только международную, но и внутривнутриполитическую составляющую. Он призван поднять авторитет лидеров Китая в глазах своего народа, подчеркнуть их решимость бороться за единство нации.

Закон ознаменовал и новый этап в поиске кон-

цепции объединения. В статье 5 закона излагаются условия мирного объединения (высокий уровень автономии, сохранение существующей системы), но формула «одна страна – две системы» не упоминается. Как отмечают наблюдатели, после принятия названного выше закона, из пропагандистского арсенала этот лозунг практически исчез. Объясняют данный факт тем, что формула Дэн Сяопина не произвела должного воздействия на политический класс Тайваня. Вероятно, против формулы Дэн Сяопина сыграло и то, что упоминание о сохранении двух экономических систем ныне стало анахронизмом: в обеих частях Китая сложились родственные экономические системы (и там, и там сокращается государственное вмешательство в экономику, преобладает частная собственность в промышленности, в сельском хозяйстве доминируют крестьяне-частники и т. д.). Вместо этого в политическом дискурсе КНР появились рассуждения о политической интеграции двух частей Китая [21].

Таким образом, в Китае и на Тайване произошли изменения. Основное из них выражается в том, что в обеих частях установились однородные системы собственности. А это означает, что системные противоречия в этом вопросе снизились. Но в целом ситуация остаётся неустойчивой и к тому же осложнённой отношениями между КНР и США.

Третья группа факторов касается изменений в мировой политике в связи с окончанием «холодной войны». Учитывая, что в КНР и КР произошли глубокие социальные (в Китае создана экономика государственного капитализма) и политические трансформации (политический режим на Тайване трансформировался в демократию) характер конфликта также претерпел модификации. Следствием этих изменений явилась, с одной стороны, деидеологизация конфликта в Тайваньском проливе в том смысле, что линия разделения теперь уже не рассматривается в качестве межсистемного противостояния. Различия в политических системах между демократией и авторитаризмом имеют значение, но лишены глобального измерения. Таким образом, конфликт теперь четко регионализирован. Однако, несмотря на официальные утверждения Пекина, что его отношения с Тайванем являются исключительно внутренним делом¹, конфликт не может рассматриваться в качестве исключительно двустороннего противостояния. Развитие мировой политики в направлении многополярности и усилия в этом направлении Китая и России вызывают определённые подвижки в отношении к проблеме межкитайского диалога и со стороны США, которые являются, если не стороной, то, по крайней мере, заинтересованным участником конфликта. Тайваньский вопрос остаётся самой ост-

¹ Отказ на этом основании от любых форм международного посредничества («вмешательства»).

рой проблемой в отношениях США и КНР. Американская политика в регионе с 1949 г. характеризуется непоследовательностью, так как испытывает воздействие как внутренних факторов (отношение к Китаю в общественном мнении; роль конгресса, который, как правило, выступает на стороне Тайваня; межпартийное соперничество и т. д.), так и геополитических соображений. Внешняя политика Соединённых Штатов претерпела эволюцию от стратегической и политической определённости периода действия договора о совместной обороне 1954 г. до политической неопределённости, возникшей после установления дипломатических отношений с Пекином и одновременного разрыва отношений с Тайбэем в 1979 г. После принятия в том же 1979 г. конгрессом закона об отношениях с Тайванем, который обязывает США содействовать безопасности острова, произошел переход к стратегической и политической неопределённости. США сегодня заинтересованы в сохранении статус-кво и проводят политику двойного сдерживания. Задача этой политики, с одной стороны, заключается в том, чтобы предупредить официальное отделение Тайваня от КНР, что с высокой степенью вероятности спровоцирует войну, а с другой – удержать Китай от попытки насильственного присоединения острова. Принцип «стратегической неопределённости» адресуется двум сторонам и означает, что США оставляют за собой свободу выбора вариантов реагирования на различные ситуации в Тайваньском проливе. Этот принцип может быть истолкован как нежелание американцев связывать себя стратегическими обязательствами ради сохранения пространства для манёвра в случае военного конфликта. Военная доктрина Тайваня ставит перед вооружёнными силами Тайваня задачу продержаться в случае вторжения китайских войск до вступления в военные действия американцев. Но право выбора будет оставаться за Соединёнными Штатами. В некоторых публикациях, например, в докладе Рэнд Корпорэйшн (2008 г.) высказываются предостережения насчет того, что если Китай, модернизировав свои вооружённые силы, предпримет военное вторжение на остров приблизительно в 2020 г., то Соединённые Штаты не смогут защитить его из-за невыгодного для них соотношения вооружённых сил [46].

В условиях растущего динамизма стран Восточной Азии как одного из экономических и финансовых центров, подъёма Китая и перспектив его превращения в сверхдержаву, будущая внешняя политика которой пока еще остаётся неопределённой, Соединённые Штаты по-прежнему заинтересованы в сохранении своих опорных точек в регионе (к которым, несомненно, относится и Тайвань). В этой связи перспектива потенциального приумножения мощи Китайской Народной Республики промышленным потенциалом, высокой технологи-

ей и экономическим опытом Тайваня не может не внушать американцам серьезных опасений. В плане безопасности Тайвань находится в сфере внимания не только США, но и Японии, а также стран Юго-восточной Азии. Возвращение Тайваня устранил барьер, состоящий из цепи островов (Окинава – Пескадорские о-ва – Тайвань – Филиппины) и мешающие беспрепятственному выходу военно-морских сил Китая в открытый океан. Перспектива китайского объединения должна рассматриваться нами также и в плане переключения внимания КНР с самой неотложной проблемы на иные направления внешней политики, что может коснуться и вопросов российской безопасности (Гоминьдан рассматривает правительство Тайваня в качестве преемника Китайской Республики 1912 г. и на этом основании претендует на территорию Российской Федерации – нынешнюю Туву и считает Монголию отторгнутой частью Китая).

Россия, несмотря на своё периферийное положение, окажется в очень сложной ситуации выбора в том случае, если дело дойдёт до войны. Российская Федерация связана стратегическим партнёрством с КНР, но в то же время отнюдь не заинтересована ради китайских интересов идти на обострение отношений с США. Поэтому завершение статус-кво и военный исход будет противоречить интересам РФ.

Наконец, *четвертая группа факторов* касается развития процессов регионализации Восточной Азии. Последовательное включение в состав КНР «некогда отторгнутых китайских земель» происходит на фоне углубления интеграционных процессов в рамках «Большого китайского кольца» – формирующегося единого экономического пространства в составе КНР, Тайваня, Гонконга, Макао, а также экономически влиятельной китайской диаспоры в суверенных государствах – Малайзии, Индонезии и Сингапуре. Так, производимая на Тайване электроника включена в систему кооперативных связей с фирмами Сингапура, Гонконга и Шанхая. Со стороны материка наблюдается способствующая интеграции тенденция к повышению роли провинций в развитии международных экономических связей. Сильная интеграционная мотивация может стать мощной движущей силой сближения и последующего мирного, органичного воссоединения разделённых частей Китая. Всё увеличивающееся количество торговых блоков, охватывающих страны тихоокеанского кольца, ставит Тайвань перед дилеммой: или развивать торгово-экономические связи с материковым Китаем, или оказаться на обочине экономической жизни. Правители Тайваня испытывают растущее давление со стороны деловых кругов, заинтересованных в расширении сотрудничества с материком и соответственно в улучшении политического климата для инвестиций и торговли.

В июне 2010 г. между Пекином и Тайбэем было заключено Рамочное соглашение по экономическому сотрудничеству (РСЭС; английская аббревиатура – ECFA). Торговый договор расценивается наблюдателями как наиболее значимое событие в шестидесятилетней истории отношений между Тайванем и континентальным Китаем. Торгово-экономическое соглашение пошло на пользу, прежде всего, Тайваню, экономика которого почти целиком зависит от экспорта товаров. На сотни категорий тайваньских изделий были отменены или сокращены тарифы на сумму почти 14 млрд. долларов. Пакт стал мощным стимулом для развития двусторонней торговли, годовой объём которой в 2010 г. составил 110 млрд. долларов: из Тайваня в Китай поступило товаров на 80 млрд. долл., а в обратном направлении – на 30 млрд. Кроме того, тайваньские фирмы получили доступ к банковскому и страховому рынкам Китая. В результате Тайваню удалось ослабить изоляцию и повысить свои шансы на привлечение инвестиций и подписание соглашений о зонах свободной торговли (сокр. ЗСТ) с третьими странами и регионами [45]. В политическом плане пакт явился жестом доброй воли со стороны Пекина, и объективно способствовал укреплению позиций противников провозглашения независимости. В связи с перспективами экономической интеграции в литературе рассматривается вопрос также о политической интеграции континентального Китая и Тайваня по образцу Европейского Союза [22]. Одна из политических партий Тайваня – Новая партия (Синьдан) уже сегодня выступает за содействие становлению и развития экономического сообщества «Большого Китая» и объединению с КНР. Оппозиция (ДПП) со своей стороны утверждает, что в результате заключения соглашения Тайвань может попасть в зависимость от Пекина [11]. Некоторые исследователи, например профессор Ли-ин придерживаются точки зрения, что экономическая интеграция в конечном счете приведёт к утрате Тайванем политического суверенитета [30: р. 129–130].

Экономическое сближение и успехи, достигнутые через сотрудничество, будут, по всей вероятности, подкрепляться растущим осознанием китайцами своей идентичности как «нации Большого Китая». Этому могут способствовать идущие со времен средневековья традиции мирной экспансии, выхода китайцев за рамки метрополии – «Срединной империи» при наличии проницаемых границ и «освоения» прилегающих территорий.

Выводы и прогнозные оценки. Напряженность в отношениях между двумя сторонами конфликта имеет как международный, так и внутривосточный аспекты. Главной причиной разделения является то, что Тайвань в настоящее время представ-

ляет собой страну с утвердившейся и глубоко отличной от КНР политической системой, принципиально иными идеологическими ориентирами и ценностями. В их основе лежат не застарелые антикоммунистические установки 1950-х годов, а принципы демократии и политического плюрализма, разное отношение к гражданским и политическим свободам. Разделённость Китая на две, пока что несовместимые политические сущности является объективным фактом. Но, с другой стороны, задача включения Тайваня в состав Китайской Народной Республики остается общенациональной идеей китайского народа. Это требование продиктовано не только соображениями международного престижа и прямого политико-экономического интереса, но и тем, что решение тайваньской проблемы связано с задачей политической легитимации правящей Китайской коммунистической партии. В результате ослабления объединяющей силы коммунистической идеологии и фактического утверждения капиталистической экономики КПК вынуждена искать новые ценностные основания для оправдания своей власти. Политика, направленная на возвращение Тайваня является способом легитимизации существующей политической системы с использованием националистических ценностей.

С точки зрения международного права КНР имеет легальные основания использовать силу для восстановления национального единства. О том, что такой путь решения проблемы не следует рассматривать в качестве чисто гипотетического варианта, свидетельствуют, прежде всего, практические приготовления к военному решению вопроса – беспрецедентное наращивание военной мощи Пекина, пугающее не только тайваньцев (которые вовсе не мечтают о том, чтобы их «освободили»), но и американцев. И, все же, Китай пока еще не готов к насильственному включению «мятежной провинции» в состав страны. С точки зрения глобальной, в случае военного конфликта Китай вступил бы в область полной политической неопределённости и поставил бы под сокрушительный удар все свои экономические достижения.

Возможно, «аншлюс» мог бы и не привести к тяжелым международным последствиям, если бы осуществлены были два условия. Во-первых, нейтрализация США (в настоящее время это маловероятно). И, во-вторых, если только вторжение будет молниеносным и быстро приведёт к успешному завершению операции (но, учитывая готовность тайваньцев к сопротивлению, довольно высокий технологический уровень вооружений тайваньской армии, этот вариант представляется на данном этапе соотношения сил неосуществимым). Война приведёт к потере международных рынков, оттоку инвестиций, военной конфронтации и даже войне с

Западом, прежде всего, с США и, возможно, Японией. Можно согласиться с выводами российских военных специалистов, что чисто военного решения проблема Тайваня не имеет [8: с. 9].

В этой связи следует осмыслить те новые идеи, которые появились после XVII съезда КПК. Имеются в виду новые концепции, в том числе призывы к созданию «гармоничного общества» внутри Китая и «гармоничного мира» за его пределами. В последние годы тезис о «гармонии» вошел в официальную идеологию и стал одним из символов правления Ху Цзиньтао. Идея «совместного построения гармоничного мира» может быть применена не только к внешней политике (как полагают некоторые эксперты), но и послужить удачным дополнением и развитием доктрины Дэн Сяопина. В апреле 2006 г. в своём выступлении в Йельском университете (во время визита в США) лидер КНР Ху Цзиньтао впервые предпринял попытку связать воедино «гармоничные» ценности китайской традиции, современные цели КНР и внешнюю политику страны. Одним из ключевых элементов нового учения стала концепция «мягкой силы». Данное понятие предполагает, что ценности и строй собственной цивилизации должны распространяться посредством культурного лидерства и примером, а не силой. Внимательное изучение позволяет сделать вывод, что новый политический принцип (которому приписывается статус «мировоззрения Китая») позаимствован не столько у американского политолога Дж. Ная, сколько органично связан с ценностями китайской традиции, воплощенной в религиозно-философском учении Лао Цзы [4]. В настоящее время ведутся дискуссии вокруг трактовок высказываний великого философа, которого некоторые авторы причисляют к предтечам прагматической, либеральной мысли. Высказывания Лао Цзы, несмотря на их абстрактную и туманную для непосвященного форму, открывают возможности обоснования проводимой китайским руководством политики приоритетности внутреннего развития, воздействия изнутри вовне: «Если с помощью внутреннего управлять внешним – сотни дел будут устроены. Что обретается внутренним, то воспринимается и внешним» [4: с. 91]. А также достижения целей посредством «мягкой силы»: «...В Поднебесной предельно мягкое обгоняет предельно твёрдое...» [4: с. 86], разумные люди «... действуют мягко, а на деле твёрдо» [4: с. 82]. И, наконец, «не опережать действия (хода) вещей», т. е. соотнобразовываться с закономерностями политического развития [4: с. 81]. Следование этой традиции способствует созданию образа миролюбивого и ответственного государства, выстраиваемого Китаем в последнее десятилетие. Решение проблемы Тайваня, согласно китайской идеологии, не относится к внешнеполи-

тической сфере, а является исключительно внутренним делом Китая. Тем не менее объективно практический курс КНР в отношении острова воспринимается мировым сообществом в качестве составной части его внешней политики и является показателем тех методов, которые Китай готов использовать для достижения своих целей. Несомненно, что использование «жесткой силы» против процветающего и демократического государства – Тайваня, явится подтверждением «теории китайской угрозы» и повредит имиджу КНР.

Программа национального объединения, объявленная в 1990 г. президентом КР Ли Дэньхуэем предполагает воссоединить страну в два этапа, но лишь при соблюдении ряда условий. Главные из них – это отказ Пекина от социализма, вооруженного захвата Тайваня и переход материкового Китая к демократии. Лишь прогресс на этом направлении может открыть путь к политическим консультациям. При этом КНР должна признать Китайскую республику равноправным партнёром [7: с. 27]. Со своей стороны Пекин угрожает применить силу в случае провозглашения суверенитета Тайбэем. На это указывает и вышеупомянутый «Закон КНР о борьбе против раскольнической деятельности». И всё же использование силы против Тайваня кажется маловероятным. Представляется, что для Пекина самое главное – добиться сохранения статус-кво в Тайваньском проливе, не допустить включения Тайваня в регион ответственности американо-японского Договора о взаимной безопасности. Пекину более важно декларативно подтвердить свое суверенное право на легитимное использование силы, нежели реально пойти на её применение. Этот сценарий подтвердится при наличии одного «если». Если тайваньское движение «зелёных», придя к власти, провозгласит формальную независимость. Однако такой путь представляется маловероятным. Он не пользуется поддержкой со стороны большинства тайваньцев, не получит одобрения в США и приведёт к большим экономическим и иным потерям для Тайваня в результате санкций, которые неизбежно за этим последуют.

В отношениях между Тайванем и КНР усиливаются тенденции, сближающие политико-экономические системы двух государств. Сегодня утратили актуальность слова Дэн Сяопина о сохранении двух экономических систем – капиталистической и социалистической. И на Тайване, и в КНР утвердился экономический строй капитализма, хотя и в разных формах. Объективным императивом к сближению и последующему объединению является также развивающаяся экономическая интеграция. Уменьшается и значение идеологических противоречий. Компартия Китая постепенно отходит от марксистской ортодоксии и берет на вооружение

традиционные китайские ценности. Нельзя исключать, что придёт время, когда она «и по форме, и по содержанию» перестанет отличаться от партии Гоминьдан. Сегодня Пекин не приемлет принципы плюралистической демократии, многопартийности и конкурентных выборов. Но, как демонстрирует опыт Гонконга, в данном пункте расхождений также возможен компромисс [18]. В том, что касается позиций ведущих держав региона по вопросам объединения Китая – России, Японии и США, то центральным и единственным сходным пунктом этих подходов является признание проблемы объединения внутренним делом китайского народа, однако, с вполне оправданным чаянием, что оно произойдёт мирным путём. Тем не менее ситуация остаётся неустойчивой и к тому же осложнённой отношениями усиливающегося соперничества между КНР и США. Тайваньский пролив на политической карте мира остаётся очагом напряженности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батчаев, Э.О. Правовое регулирование деятельности политических партий на Тайване / Э.О. Батчаев. – М., 2003.
2. Борох, О. Скромное обаяние Китая / О. Борох, А. Ломанов // Pro et Contra. – 2007. – № 6.
3. Голованов, А. Николай, сын Чан Кайши / А. Голованов // Комсомольская правда. – 9 янв. – 1993.
4. Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати. – М.: Эксмо, 2008.
5. Дэн, Сяопин. Основные вопросы современного Китая: пер. с кит. / Сяопин Дэн. – М.: Политиздат, 1988.
6. Зиновьев, Г.В. История американско-китайских отношений и тайваньский вопрос / Г.В. Зиновьев. – Томск: Томский госуниверситет, 2006.
7. Китайская Республика на Тайване и Организация Объединённых Наций // Центр по изучению Тайваня. – Институт Востоковедения РАН. – 1995.
8. Ларин, А.Г. Курс на независимость Тайваня. Его содержание, итоги и уроки / А.Г. Ларин // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. – Вып. 9 (18). Российская АН: Центр научной информации и документации. – М., 2007.
9. Лексютина, А.В. Политика США по отношению к Тайваню в контексте американско-китайских отношений в начале XXI в. / А.В. Лексютина // Политекс. – 2009. – Т. 5. – № 1.
10. Ломанов, А.В. XVII съезд КПК: смысл и последствия / А.В. Ломанов // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 5.
11. Оппозиция Тайваня против торгового договора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bbc.co.uk/russian/rollingnews. – 2010. – 26 июня.
12. Печерица, В.Ф. Политические партии стран азиатско-тихоокеанского региона / В.Ф. Печерица. – Владивосток, 2004. – С. 156–170.
13. Приходько, Н.Н. Тайвань: зона мира и конфликта / Н.Н. Приходько. – Благовещенск, 2005.
14. Смоляков, В.А. Проблема взаимосвязей и соотношения внутренней и внешней политики. Теоретико-методологический аспект / В.А. Смоляков. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004.
15. Тайваньский вопрос и объединение Китая (издание Канцелярии по тайваньским делам при Госсовете КНР). – Пекин, 1993.
16. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М., 2005.
17. Чжун, О. Хочешь жить – умей изменяться / О. Чжун // Свободный Китай. – 1999. – Май–июнь.
18. Шеньшина, М.А. Особые административные районы КНР Сянган и Аомэнь: образование, политическое и экономическое развитие / М.А. Шеньшина. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006.
19. Anti-Secession Law: Anti-Secession Law Information from Answers.com – URL: <http://www.answers.com/topic-anti-secession-law>.
20. China, Taiwan, and the 1995-1996 Crisis / Ed. by Sui-sheng Zhao. – N.Y., 1999.
21. Chinese reunification. – URL: <http://www.answers.com/topic-chinese-reunification>.
22. Clark, Cal. Does European Integration Provide a Model for Moderation Cross-Strait Relations? / Cal. Clark // Asian Affairs: An American Review. – Winter 2003. – Vol. 29. – Issue 4.
23. Democratic Progressive Party. – URL: <http://www.answers.com/topic-democratic-progressive-party>.
24. Economic Fact Sheets. – URL: <http://www.draft.gov.au/geo/fs>.
25. Fu Hu. The Electoral Mechanism and Political Change in Taiwan / Hu Fu // In the Shadow of China: Political development in Taiwan since 1949. – Hong Kong: University Press, 1993.
26. Goldstein, S. The Cross-Strait Talks of 1993 – The Rest of the Story: Domestic Politics and Taiwan's Mainland Policy / S. Goldstein // Across the Taiwan Strait: Mainland.
27. History of Taiwan Democratic Reforms. – URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Formosa>.
28. Hsieh, John Fuh-Sheng. East Asian Culture and Democratic Transition, With Special Reference to the Case of Taiwan / John Fuh-Sheng Hsieh // Journal of Asian & African Studies. – 2000. – Vol. 35. – Issue 1.
29. Problematic Sovereignty: Contested Rules and Political Possibilities / Ed. Krasner, S.D. – N.Y.: Columbia University Press, 2001.
30. Lee-in, Chen Chieu. Taiwan's Economic Influence: implications for Resolving Political Tensions / Chen Chieu Lee-in // Taiwan Strait dilemmas: China – Taiwan – U.S. Policies in the New Century / Ed. Gerrit W. Gong. – Washington, D.C.: CSIS, 2000.
31. Lieberthal, K. Domestic Politics and Foreign Policy / K. Lieberthal // China's Foreign Relations in the 1980s. / Ed. by Harry Harding. – New Haven: Yale University Press, 1984.
32. List of countries by income equality. – URL: <http://en.wikipedia.org>.
33. Lo lok-sin. 2012 elections: Ma wins re-election // Taipei Times. – 2012. – Jan. 15.
34. One country, two systems. – URL: <http://www.answers.com/topic/one-country-two-systems>.
35. Pegg, S. International society and the de facto national state / S. Pegg. – Aldershot, Brookfield, 1998, p. 131, 166.
36. Political status of Taiwan. – URL: <http://www.answers.com/topic/political-status-of-taiwan>.
37. Republic of China. – URL: <http://www.answers.com/topic/republic-of-china>.
38. Stokes, B. Rumbles in Taiwan / B. Stokes // National Journal. – 2002. – October 4. – Vol. 34. – Issue 40.
39. Taiwan – URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Formosa>.
40. Taiwan independence – URL: <http://www.answers.com/topic/Taiwan-independence>.

41. *Teng-hui, Lee*. Understanding Taiwan: Bringing the Perception Gap / Lee Teng-hui // *Foreign Affairs*. – 1999. – November/December. – Vol. 78. – № 6.

42. *The World Factbook*. – Gini Coefficient.

43. *Wachman, A.M.* The cross-Taiwan Relationship: A Cold War of Words / A.M. Wachman // *Orbis*. – Vol. 46. – № 4. Fall. – 2002.

44. *Wendell, M.* Rand Study Suggest U.S. Loses War With China. RAND, 2008. – URL: <http://www.defensenews.com/story.php?i=3774348>

45. *Writer, S.* ECFA has boosted Taiwan's position in international community / S. Writer // *The Taipei Times*. – 2012. – Feb. 03.

46. *Wu, Yu-Shan*. Taiwan's Domestic Politics and Cross-Strait Relations / Yu-Shan Wu // *The China Journal*. – 2005. – January. – Vol. 53.

47. *Zweig, D.* Democratic Values, Political Structures, and Alternative Politics in Greater China. United States Institute of Peace / D. Zweig. – Washington, 2002.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДАОСИЗМА В КИТАЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.В. Филонов

Филонов Сергей Владимирович – китаевед, кандидат философских наук, доктор исторических наук, профессор кафедры китаеведения Амурского государственного университета, руководитель Центра синологических исследований (г. Благовещенск).

Контактный адрес: sfilonov10@rambler.ru

Настоящая статья представляет собой опыт краткой дескриптивно-аналитической характеристики истории, достижений и перспектив развития китайской даологии (исследований даосизма в Китае). Даосизм как китайская национальная религия формируется в первые века новой эры. Эта религия играла важную роль в жизни китайского общества и оказывала влияние на многие аспекты китайской духовной цивилизации. Несмотря на свою важную социальную роль, даосизм становится объектом изучения китайской гуманитарной науки лишь в XX в. В 30-х гг. в Китае появляются первые серьезные работы, посвященные исследованию даосизма, например, труды Фу Цинь-цзя и Сюй Ди-шаня. Проявляют интерес к даосизму и другие крупные ученые того времени, публикуют новаторские работы, многие из которых не утратили своей научной ценности и сегодня. Тем не менее вплоть до 80-х гг. XX в. изучение даосизма в Китае было уделом ученых-одиночек. Ситуация изменилась лишь после 1978 г. и к началу XXI в. китайская даология совершила решительный рывок вперед. Сегодня Китай по праву может считаться ведущим мировым центром даологических исследований.

Ключевые слова: синология, китайская синология, даосизм, китайская даология, Сюй Ди-шань, Лю Цунь-жэнь, Жэнь Цзи-юй, Цин Си-тай, Ли Фэн-мао, Чжу Юэ-ли, Чжоу Цзо-мин, Лю И, Чжан Чао-жань.

Даосизм (*дао цзяо* 道教) – китайская национальная религия, в основе которой лежит учение об обретении долгой жизни и превращении в *сяня*-небожителя. Даосизм – это прежде всего и главным образом религиозная традиция, ценности и нормы которой на протяжении многих веков определяли уклад жизни и духовные традиции простых горожан и сельчан Китая.

Начало истории даосизма как китайской религии специалисты связывают с первыми веками новой эры. Обычно считается, что в 142 г. на юго-западе Китая начинает формироваться первая широкомаштабная и жизнеспособная даосская религиозная организация, во главе которой стоял Чжан Лин 張陵 (Чжан Дао-лин 張道陵). С появления этой организации, которую также называют школой Небесных наставников (*Тяньши дао* 天師道), обычно и ведут историю даосизма как нативной религии Китая.

В современном Китае даосизм продолжает свое социальное бытие, функционируя в основном в виде двух направлений – школы Цюаньчжэнь (Всеобъемлющей истины) и школы Чжэньи (это – другое название школы Небесных наставников). В настоящее время к Цюаньчжэнь обычно относят все течения даосизма, в которых развивается институт монашества и монастыри, а к Чжэньи – тех даосов, которые живут в миру, индивидуально отправляют религиозные службы, не придерживаются целибата и возводят свою традицию к Чжан Дао-лину.

Даосизм занимает исключительное место в истории китайской цивилизации. Специалисты склоня-

ются к мысли, что именно даосская религия в наибольшей степени отразила этнопсихологические особенности китайского народа, поскольку бытовая жизнь преобладающей части китайского общества – крестьян, ремесленников и торговцев – всецело находилась в сфере ее влияния. Кроме того, даосизм оказал серьезное влияние на эволюцию китайского буддизма, а также на некоторые аспекты конфуцианской философии, особенно на метафизику неоконфуцианства. Все это объясняет интерес к даосизму со стороны научного сообщества и интенсификацию даологических исследований в современном мире.

Первые публикации китайских ученых о даосизме начинают появляться с начала XX в. Примером является работа о сочинениях из Даосского канона, подготовленная ученым-филологом Лю Ши-пэем 劉師培 (1884–1919) и увидевшая свет в 1911 г. (*Ду Дао цзан цзи* 讀道藏記). Тем не менее лишь с 20-х гг. XX в. исследование даосизма становится самостоятельным научным направлением китайской гуманитарной науки, называемой *госюэ* 國學 («китайская синология»).

Первый этап китайской даологии охватывает период с начала XX в. до 1949 г., когда была образована Китайская Народная Республика. По оценкам авторитетного китайского исследователя даосизма Ван Ка 王卡, за это время было опубликовано около 200 статей и чуть более 10 монографий, посвященных даосской религии [21: с. 144]. Известная китайская исследовательница Чэнь Минь 陳敏, знаток историографии даосизма, указывает, что за все 50 лет с начала XX в. лишь около 160 человек опуб-

ликовали работы о даосизме [25: с. 157]. Другими словами, специалистов, готовых работать со сложными даосскими источниками, в то время было крайне мало. Однако следует заметить, что те ученые, которые посвятили себя данной научной области, составляли поистине цвет китайской нации – это были образованнейшие люди своего времени, носители передовых общественных взглядов, знатоки не только классической китайской филологии, но и западных научных методов.

Главным источником для исследователя даосизма являются сочинения, которые входят в состав огромной книжной коллекции, называемой Даосский канон, или «Дао цзан» 道藏. В этот период была решена важнейшая стратегическая задача даологии – сделать сочинения Даосского канона доступными. Для решения этой задачи в 20-е гг. XX вв. была организована группа из 13 человек, в которую вошли такие видные общественные деятели Китая, как Кан Ю-вэй 康有為 (1858–1927), Лян Ци-чао 梁啟超 (1873–1929) и др. В результате с октября 1923 г. по апрель 1926 г. был доукомплектован и растиражирован (переиздан) единственный сохранившийся на тот момент в центральном Китае ксилографический экземпляр Даосского канона эпохи Мин (1368–1644). Тиражирование было осуществлено фототипическим способом в издательстве Ханьфэнлоу 涵芬樓 в Шанхае¹. Было выпущено 350 комплектов Даосского канона, каждый из которых включал 1120 тетрадей (или «томов», сз 冊). Набор из 10 тетрадей собирался в папку (тао 套). Таким образом, после уменьшенного фототипического переиздания Даосский канон, насчитывающий почти 1500 самостоятельных сочинений, стал представлять собой достаточно компактную и удобную для работы коллекцию книг в 112 папках, а фототипический способ тиражирования позволил абсолютно точно передать не только содержание, но и вид прототипа – ксилографических текстов «Дао цзана».

В 1935 г. под руководством крупного китайского ученого Вэн Ду-цзяня 翁獨健 (1906–1986) было подготовлено первое справочное издание к Даосскому канону, соответствующее современным научным критериям [5]. Оно не утратило своей практической значимости и в наши дни, поэтому в 1986 г. было переиздано в шанхайском издательстве «Древняя книга».

Первые авторитетные исследования даосской религии связаны с именами незаурядных ученых и общественных деятелей того времени – Фу Цинь-цзя 傅勤家, Сюй Ди-шаня 許地山 (1894–1941),

Яо Мин-да 姚名達 (1905–1942), Чэнь Юаня 陳垣 (1880–1971), Чэнь Ин-нина 陳櫻寧 (1880–1969), Чэнь Го-фу 陳國符 (1914–2000) и др.

Фу Цинь-цзя – видный китайский ученый этого времени. Еще в январе 1924 г. он впервые опубликовал свой «Очерк истории досизма», однако, эта работа получает признание лишь после переиздания 1934 г., когда в Китае заметно вырос интерес к проблемам национальной религии [16]. Тем не менее широкую известность в качестве исследователя даосизма Фу Цинь-цзя приобрел благодаря другой своей книги – «История даосизма в Китае», которая вышла в свет в 1937 г. под редакцией выдающегося деятеля культуры и талантливого лексикографа Ван Юнь-у 王雲五 (1888–1979) [17]. Даже самое общее знакомство с этой работой вызывает неподдельное восхищение. Фу Цинь-цзя демонстрирует в своей монографии блестящее знание как китайских древних текстов, так и новейших работ ведущих ученых того времени – английского антрополога Дж. Фрэзера (Frazer, James George, Sir; 1854–1941), японских религиоведов Оянаги Сигэто 小柳司氣太 (Oyanagi Shigeta, 1870–1940), Токива Дайцзё 常盤大定 (Tokiwa Daijō, 1870–1945), Цумаки Тёкурё 妻木直良 (Tsumaki Chokuryō, 1873–1934). В двадцатых главах этого труда Фу Цинь-цзя дает целостную историческую характеристику важнейших аспектов даосской религии. Чтение книги Фу Цинь-цзя невольно вызывает удивление, поскольку остается непонятным ответ на вопрос – как удалось ее автору в те далекие годы, когда научное изучение даосизма только зарождалось, так методологически точно подойти к характеристике даосской религии. Заинтересовавшись этим фактом и обратившись к специальной литературе, автор неожиданно для себя обнаружил, что Фу Цинь-цзя является одной из самых загадочных фигур китайской даологии. В доступной специальной литературе никаких конкретных сведений о его жизни найти не удалось. Определенно можно утверждать лишь то, что Фу Цинь-цзя был ярчайшей и разносторонней личностью. Он упоминается как один из переводчиков книги Чарльза Белла (Bell, Charles Alfred, Sir, 1870–1945) *The people of Tibet*, которая вышла на китайском языке в 1940 г. под названием «Описание Тибета» [1]. Известно, что Фу Цинь-цзя перевел на китайский язык работу японского исследователя Маньчжурии и Центральной Азии Сиратори Куракити (Shiratori Kurakichi, 白鳥庫吉, 1865–1942), посвященную истории Согда и Хорезма [8].

Даже имя Фу Цинь-цзя вызывает некоторые вопросы – оно легко прочитывается (примерно как «господин, усердный на поприще просвещения»), и я не удивлюсь, если окажется, что это вовсе не имя собственное, а псевдоним. Хочется надеяться, что

¹ Ханьфэнлоу – название одного из книгохранилищ старейшего китайского издательства «Шаньху иньшугуань» (Commercial Press).

китайские коллеги проясняют эту проблему и найдут возможность познакомить мировую научную общественность с биографией этого талантливого ученого, на столетие опередившего свое время.

Когда упоминают Фу Цинь-цзя, всегда говорят и о Сюй Ди-шане (1894–1941). Еще при жизни этих двух ученых их главные работы о даосизме были опубликованы под одной обложкой. Сюй Ди-шань – известный китайский писатель, ученый и педагог. Он родился на Тайване 4 февраля 1894 г.² Стремление к новым знаниям привело Сюй Ди-шаня в столичный Яньцзинский университет (Yenching University, 燕京大學), где в 1920 г. он получает степень бакалавра гуманитарных наук (BA, Bachelor of Arts). Позже он посещает занятия на отделении теологии того же университета. В 1923–1926 гг. Сюй Ди-шань обучается в Колумбийском университете (США) по специальности «история религий» и «сравнительное религиоведение», а затем переводится в Оксфорд (Великобритания), где изучает историю религий, санскрит и индийскую философию. В 1926 г., после окончания учебы, Сюй Ди-шань по дороге на родину посещает Индию для углубления знаний в области индийской философии и санскрита. С 1927 г. он работает в Яньцзинском университете, а также читает лекции в других вузах столицы. В 1935 г. Сюй Ди-шань переезжает на работу в Гонконгский университет.

Первую научную статью о даосизме Сюй Ди-шань опубликовал еще в 1929 г., но всеобщее признание в научных кругах ему принесла монография «История даосизма», которая вышла в 1934 г. в Шанхае [13]. Эта работа пережила множество переизданий и не утратила своего научного значения и сегодня [11]. Сюй Ди-шань рассчитывал продолжить исследования даосизма, поэтому основному тексту книги предшествует подзаголовок «Часть первая. Предыстория даосизма». В семи главах своего фундаментального труда Сюй Ди-шань обстоятельно анализирует различные философские и религиозные традиции древнего Китая, которые породили даосскую религию. С точки зрения автора, особую ценность для исследователя даосизма представляет собой последняя глава работы, посвященная анализу некоторых аспектов шаманизма. К сожалению, второй том, который задумывал Сюй Ди-шань, так никогда и не увидел свет.

В 1941 г. вышла еще одна книга Сюй Ди-шаня, посвященная исследованию гаданий, основанных на

прямых вопросах к духам [14]. Такой вид мантики называют *фу-цзи* 扶箕. Сюй Ди-шань впервые в мировой науке дал системное описание этой гадательной практики и попытался объяснить ее с помощью научной методологии. Вплоть до нашего времени этот труд востребован исследователями китайской религиозной культуры. Сюй Ди-шань ушел из жизни 4 августа 1941 г., однако, без преувеличения можно сказать, что он оставил после себя научные труды, которые сделали его имя бессмертным.

Книги Фу Цинь-цзя и Сюй Ди-шаня пользуются популярностью и в современном Китае, недаром совсем недавно они были опубликованы в пекинском издательстве «Великий поход» в серии «Классические произведения для руководящих кадровых работников» [12].

Важное методологическое значение для изучения даосизма имела и работа известного китайского ученого и героя-патриота, павшего в борьбе за свободу своей Родины, историка Яо Мин-да 姚名達 (1905–1942). Его книга «История китайской библиографии» показала важность библиографических источников для изучения даосизма [26]. Этот труд свидетельствует, что история даосских идей – это история книг, которые эти идеи зафиксировали, и история людей, которые эти книги читали или хранили. Хотя в монографии Яо Мин-да анализу истории даосских книгохранилищ отводится один небольшой раздел, однако, он весьма информативен и до сих пор сохраняет свою методологическую ценность.

Чэнь Юань 陳垣 (1880–1971) – выдающийся китайский историк, авторитетный специалист в области источниковедения, текстологии и синологического религиоведения. Он долгое время (до 1952 г.) работал ректором Университета Фу-жэнь (Fu Ren Catholic University), а в 1948 г. был избран академиком национальной Академии Наук (Academia Sinica). В 1941 г. выходит его пионерская монография, посвященная ранней истории даосской школы Цюань-чжэнь [24]. Эта работа Чэнь Юаня сохранила свою научную ценность и сегодня, на что указывают ее неоднократные переиздания. Позже, в 1988 г., увидел свет еще один фундаментальный труд проф. Чэнь Юаня, посвященный даосским текстам, выгравированным на каменных стелах и ритуальных бронзовых сосудах [6]. Данная книга содержит уникальные источники, изучением которых будут заниматься еще многие поколения исследователей.

Свой вклад в изучение даосизма внесли и сами даосы. Особого внимания заслуживает деятельность Чэнь Ин-нина (1880–1969) – одного из самых эрудированных даосов XX в. Чэнь Ин-нин является 19-м патриархом субтрадиции Лунмэнь школы Цюаньчжэнь, позже (в 1961 г.) он был избран Председателем Всекитайской ассоциации последователей даосизма (ВАПД). Чэнь Ин-нин прославил

² Некоторые источники указывают, что Сюй Ди-шань родился в 1893 г. Это тоже верно. По китайскому летоисчислению его рождение приходится на 28 число 12 лунного месяца 1893 г., что соответствует дате 4 февраля 1894 г. по григорианскому календарю. Впрочем, обе эти даты носят условный характер и не соответствуют «дню рождения» в европейском понимании этого выражения.

свое имя не только как даос, но и как ученый – уже современники называли его «сянем, занимающимся наукой» (*кэсюэ шэньсянь цзя* 科學神仙家).

Чэнь Ин-нин родился в 1880 г., 19 числа 12 лунного месяца по традиционному китайскому летоисчислению³. Изначально его звали Чэнь Юань-шань 陳元善 и Чэнь Чжи-сян 陳志祥. Лишь позже он назвал себя Чэнь Ин-нин, заимствовав новое имя из трактата «Чжуан-цзы» (гл. 6 «Высший учитель»), в котором выражение *ин-нин* 櫻寧 («покой среди волнения») используется для характеристики мудреца, который обрел истинный Путь.

В молодости Чэнь Ин-нин некоторое время учился в высшем юридическом училище, а в 1911 г. переехал в Шанхай, где жила семья его старшей сестры. Этот период жизни кардинально изменил судьбу Чэнь Ин-нина. В Шанхае в кругу его друзей и родных особое место занимают врачи, и он сам начинает системно знакомиться с медицинскими знаниями и исследовать «медицинскую составляющую» в даосизме. В тридцатые годы XX в. Чэнь Ин-нин создает особое исследовательское направление, которое называет *сяньсюэ* 仙學 – «наука о *сяньском*», или «наука, изучающая традиции *сяней*». В зарубежной научной литературе понятие *сяньсюэ* довольно часто используют неправильно, подразумевая под ним даосское «учение о бессмертии» (*шэнь сянь дао* 神仙道). Это неверно, *сяньсюэ* – отнюдь не самоназвание одной из частей даосизма, а обозначение своеобразной научной области, которую в качестве объекта исследования выделил Чэнь Ин-нин. *Сяньсюэ*, как считал Чэнь Ин-нин, включает методы оздоровления и продления жизни, которые могут быть объяснены, а их практическая значимость может быть доказана реальной жизнью.

Рупором, посредством которого Чэнь Ин-нин разъяснял и пропагандировал концепцию *сяньсюэ*, стали шанхайские журналы «Славим добро» (*Ян шань бань юэ кань* 揚善半月刊; выходил с июля 1933 по август 1937 г.) и «Учение о *сянях*» (*Сянь дао юэ бао* 仙道月報; выходил с января 1939 г. по август 1941 г.). С той же целью в 1938 г. Чэнь Ин-нин создает в Шанхае специальное учебное заведение – «Институт *сяньсюэ*» (*Сяньсюэюань* 仙學院). Здесь на занятиях в женской группе он впервые публично разъясняет специфику даосских методов оздоровления для женщин. Через полвека эти идеи Чэнь Ин-нина спровоцируют в научных кругах интерес к «гендерной проблематике» в даосизме и приведут к появлению отдельного исследовательского направления, объектом которого станет так называемая «женская алхимия».

Чэнь Ин-нин указывал, что сущностью *сяньсюэ* является научный поиск, а не религиозный культ: «Главное внимание следует отдавать изучению, но никак не поклонению». Он четко отделял *сяньсюэ* от религии, в качестве критерия разграничения выбрав принцип «воздаяния»: «...тот, кто придает особое значение воздаянию в будущей жизни – это профан, не сведущий в *сяньсюэ*»⁴.

Чэнь Ин-нин считал, что предметная область *сяньсюэ* уже, чем у даологии, и должна включать лишь те аспекты даосизма, которые основаны на рациональном знании и практической полезности, – фармакологию, химию, а также медицинские, психологические и синергетические аспекты даосского учения. С другой стороны, Чэнь Ин-нин включил в предметную область *сяньсюэ* и те элементы, которые принадлежат к иным пластам китайской культуры, например, – традиции китайской медицины и гигиены, методы «пестования жизни» (*ян шэн* 養生), приемы охраны материнства и детства, родовспоможения и т. д. Особое же место в содержании *сяньсяю*, согласно Чэнь Ин-нину, занимает даосская алхимия, недаром в качестве синонима понятию *сяньсюэ* даосы используют выражение «учение о даосской алхимии» (*даоцзяо даньсюэ* 道教丹學).

Следует признать, что до сих пор мы, я имею в виду зарубежных исследователей даосизма, очень плохо знаем науку *сяньсюэ*, созданную Чэнь Ин-нином. Но даже самое общее знакомство с наследием Чэнь Ин-нина дает основание сделать вывод, что *сяньсюэ* – это не наука в строгом смысле этого слова. *Сяньсюэ* – это, скорее, попытка реформации даосизма с целью сохранения его лучших традиций в условиях ослабления интереса к религиозным институтам.

Работы Чэнь Ин-нина имеют важное значение для современной даологии. Они, с одной стороны, дают исследователю уникальную возможность познакомиться с рациональной оценкой даосской религии, сделанной одним из ее образованных носителей, а с другой – подчеркивают значение прото-научного и научного знания, которое развивалось в рамках даосизма.

В 1930-е гг. к исследованию даосской алхимии и даосских письменных памятников приступает Чэнь Го-фу (1914–2000). В 1949 г. выходит его пионерская работа «Исследование происхождения Даосского канона», ставшая первым фундаментальным и непревзойденным до сих пор трудом по истории «Дао цзана». Эта монография Чэнь Го-фу позже была дополнена и многократно переиздавалась [22].

Первого октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика. В истории Китая началась новая эра. Это было начало не только но-

³ При исчислении по григорианскому календарю дата рождения Чэнь Ин-нина приходится на 1881 г.

⁴ См. современные издания работ Чэнь Ин-нина [15; 23].

вого периода политической истории страны, но и нового этапа в истории китайской науки. Изменившиеся политические условия кардинальным образом изменили структуру и характер китайского гуманитарного знания. Методология философских и общественных наук претерпела значительные изменения. Менялась страна, а вместе с ней менялась и китайская даология. Путь, пройденный КНР за 60 с небольшим лет, не был простым и легким, но он привел Китай к впечатляющим результатам. То же самое можно сказать и об исследованиях даосизма в Китае – за эти годы китайская даология совершила решительный рывок вперед, обогатив мировую науку фундаментальными научными проектами и пионерскими исследованиями. Сегодня именно Китай стал ведущим мировым центром даологических исследований, а китайские ученые добились самых грандиозных успехов в области изучения даосизма, и эти успехи в ближайшем будущем обещают прирасти еще более блестящими научными победами.

В истории китайской даологии последних 60 лет выделяются два важнейших этапа: первый охватывает время с 1949 по 1978 гг., а второй – с 1979 г. по наши дни. Первый этап, в свою очередь, делится на два периода: 1949–1966 гг. (период медленного развития) и 1966–1977 гг. (период почти полной приостановки научных исследований в материковом Китае). За неполные 17 лет с 1949 по 1977 гг. в материковом Китае было издано всего лишь чуть более 50 научных статей по даосизму [21: с. 145], а в годы «культурной революции» (1966–1977) лишь китайские ученые из Гонконга, Австралии, Тайваня продолжали даологические изыскания [20: с. 72-73].

На эти годы приходится время активной деятельности проф. Лю Цунь-жэня 柳存仁 (Liu Ts'un-yan, 1917—2009) – выдающегося исследователя литературы и истории Китая, ученого-энциклопедиста, внесшего значительный вклад в мировую синологию. С 1946 г. Лю Цунь-жэнь работал в Гонконге, а в 1962 г. переехал в Канберру, где провел вторую половину своей жизни, отдавая всего себя служению науке на посту профессора Национального университета Австралии (Australian National University). Лю Цунь-жэнь оставил после себя богатое научное наследие, в котором почетное место занимают труды, посвященные изучению различных аспектов даосизма [10].

В этот период продолжает научную деятельность и Ван Мин 王明 (1911–1992) – известный китайский историк, текстолог и религиовед. Еще в 30-е гг. XX в. он начинает изучать ранние даосские сочинения и публикует свои новаторские статьи, отличающиеся безупречным текстологическим анализом. Позже они будут изданы в виде отдельной книги [3]. С декабря 1949 г. Ван Мин работает в Академии Наук. В 1960 г. выходит его исследование даосского трактата «Тай пин цзин». После

начала «культурной революции» Ван Мин вынужден был отправиться «на трудовое перевоспитание». После возвращения в Пекин он продолжает изучение даосизма и в 1980 г. издает текстологическое исследование трактата «Баопу-цзы», а в 1985 г. – его дополненный и исправленный вариант [2].

В истории китайской даологии после 1978 г. также выделяются два периода: первый (1978–1990 гг.) связан с восстановлением утраченных рубежей и организационной подготовкой к стратегическому рывку; второй период начинается с 1991 г. и характеризуется стремительным развитием китайской даологии.

В последние два десятилетия XX в. в Китае была сформирована организационная структура, которая обеспечила последующий взлет даологических исследований. Эта структура включает следующие важнейшие элементы: специализированные научно-исследовательские центры; систему специализированного вузовского и послевузовского образования всех уровней; специализированные периодические издания; развитую библиографическую и научно-информационную базу; набор словарно-справочных работ; обширный и постоянно обновляемый корпус письменных источников. К началу XXI в. все элементы этой системы были созданы.

Сейчас в Китае действует целый ряд научных центров, занимающихся изучением даосизма, например:

- Научно-исследовательский институт религий мира при Академии общественных наук КНР, создан в 1964 г. в Пекине; с 1979 г. в Институте действует Отдел даосизма и народных религий Китая;
- Научно-исследовательский институт даосизма и религиозной культуры при Сычуаньском университете, действует с 1980 г. в Чэнду;
- Научно-исследовательские институт религий при Шанхайской Академии общественных наук, создан в 1981 г.;
- Отдел даологии при Историческом факультете Университета Чэн-гун, создан в 1987 г. в Тайнане;
- Институт религиоведения при Университете Фу-жэнь, создан в 1988 г. в Тайбэе;
- Центр религиоведения при Университете Чжэн-чжи, создан в 1996 г. в Тайбэе;
- Китайский институт даосизма, открыт 5 мая 1990 г. в Пекине.

В последние десятилетия стали выходить специализированные журналы и альманахи, например:

- «Исследования религий мира» (*Шицзе цзунцзяо яньцзю* 世界宗教研究), издается с 1979 г., Пекин;
- «Материалы по религиям мира» (*Шицзе цзунцзяо цзыляо* 世界宗教資料), издается с 1980 г., Пекин; с 1995 г. выходит под названием «Культура религий мира» (*Шицзе цзунцзяо вэньхуа* 世界宗教文化);

▪ «Религиоведение» (*Цзунцзяосюэ яньцзю* 宗教學研究), выходит с августа 1982 г., гл. ред. Цин Си-тай, Чэнду;

▪ «Исследования в области культуры даосизма» (*Даоцзяо вэньхуа яньцзю* 道家文化研究), выходит с 1992 г., гл. ред. Чэнь Гу-ин;

▪ «Звуки дао» (*Дао юнь* 道韻), издавался в Тайбэе с 1997 по 2003 гг., гл. ред. Чжань Ши-чуань;

▪ «Исследования даосизма» (*Даосюэ яньцзю* 道學研究; Daoism Studies); пришел на смену журналу «Звуки Дао», издается в Гонконе с 2003 г., гл. ред. Чжань Ши-чуань;

▪ «Даологические исследования» (*Даоцзяосюэ таньсо* 道教學探索), издается в Университете Чэнгун с 1988 г., гл. ред. Дин Хуан, Тайнань;

▪ «Даосизм» (*Даоцзяо юэкань* 道教月刊), издается с 2006 г., Тайбэй;

▪ «Культура даосизма» (*Даоцзяо вэньхуа* 道教文化; The Journal of Taoist Culture), издается с 1977 г., Тайбэй;

▪ «Религиоведение в Университете Фу-жэнь» (Fu Jen Religious Studies, 輔仁宗教研究), издается Университетом Фу-жэнь с 2000 г., Тайбэй;

▪ «Даосизм в Китае» (*Чжунго даоцзяо* 中國道教), издается с 1987 г., Пекин;

▪ «Даосизм в провинции Шэньси» (*Сань Цинь даоцзяо* 三秦道教), издается с 1992 г., Сиань.

Организационная структура современной китайской даологии появилась благодаря усилиям многих ученых. Однако наиболее важную роль в ее создании сыграли Жэнь Цзи-юй 任繼愈教授 (1916–2009), Цин Си-тай 卿希泰教授 (р. 1928) и Ли Фэн-мао 李豐楙教授 (р. 1947).

Профессора Жэнь Цзи-юя с полным правом можно назвать основоположником современного китайского религиоведения. Жэнь Цзи-юй родился в 1916 г. в провинции Шаньдун. Его отец был образованным человеком, офицером армии Гоминьдана. Особая любовь к классической литературе, царившая в этой семье, предопределила выбор имени будущего знаменитого религиоведа. Выражение *цзи юй*, ставшее его именем, содержит намек на великого китайского литератора, философа и государственного деятеля Хань Юя 韓愈 (768–824), потому что является сокращением от выражения «быть наследником Хань Юя» (*цзи-чэн Хань Юй* 繼承韓愈). Будущее показало, что в этом был заключен глубокий смысл – хотя имя Жэнь Цзи-юя и не вошло в историю китайской литературы, как это случилось с Хань Юем, однако, он стал гордостью китайской науки, вписав золотыми буквами свое имя в ее историю.

В 1964 г. Жэнь Цзи-юй создает первую в истории КНР академическую научную структуру, специализирующуюся в области религиоведения, –

Научно-исследовательский институт религий мира при Китайской академии наук⁵. Вплоть до 1985 г. Жэнь Цзи-юй являлся его директором. В те же годы усилиями Жэнь Цзи-юя в Пекинском университете было создано отделение (а затем и факультет) религиоведения.

В 1981 г. Жэнь Цзи-юй подготовил к печати фундаментальный «Словарь по религиям», в котором достойное место было уделено и даосизму [18], а через 17 лет вышел в свет его увеличенный вариант. В 1991 г. под редакцией Жэнь Цзи-юя был опубликован самый лучший на сегодняшний день аннотированный указатель сочинений из Даосского канона [4]. Работа по его подготовке была инициирована профессором Жэнь Цзи-юем еще в 1978 г. Это фундаментальное справочное пособие включает 1473 статьи, которые дают краткую характеристику каждому сочинению, входящему в состав «Дао цзана». В 1990 г. под редакцией проф. Жэнь Цзи-юя вышла первая в истории КНР монография, освещающая историю даосизма от его зарождения и до наших дней [19]. Появление этой объемной книги стало настоящим триумфом китайской даологии. Кроме того, проф. Жэнь Цзи-юй написал немало индивидуальных монографий, посвященных истории китайского буддизма, истории китайской философии, конфуцианству и теоретическим проблемам религиоведения.

Сегодня Институт религий мира, созданный проф. Жэнь Цзи-юем, по-прежнему является главным центром, координирующим научно-исследовательскую деятельность в области религиоведения. Сейчас его возглавляет проф. Чжо Синь-пин 卓新平教授 (р. 1955) – крупнейший современный китайский религиовед, получивший степень доктора в 1987 г. в Мюнхенском университете им. Людвига Максимилиана (Ludwig-Maximilians-Universität München), специалист в области истории христианства и христианского мистицизма.

Отдел даосизма и народных религий возглавляет проф. Ван Ка 王卡教授 (р. 1956 г.) – специалист в области культуры даосизма и даосской текстологии. Ван Ка окончил Сычуаньский университет в 1978 г., в 1989 г. успешно защитил докторскую диссертацию, подготовленную под руководством Ван Мина. Ван Ка является автором многих книг и статей по даосизму, из которых особую значимость имеют две его фундаментальные работы текстологического характера. Первая из них посвящена раннему даосскому сочинению «Комментарий Хэшан-гуна на “Дао дэ цзин”» [9]. Этот труд Ван Ка выполнен в лучших традициях китайского классического источниковедения. По методу достоверности комментариев и даже по характеру

⁵ В 1977 г. прошла реорганизация Китайской академии наук, после чего Институт религий мира вошел в состав Академии общественных наук.

подачи материала книга невольно напоминает блестящие текстологические работы его учителя – проф. Ван Мина [2]. В 2004 г. из печати вышел капитальный труд Ван Ка о даосских сочинениях из Дуньхуана – это серьезный вклад в развитие синологического источниковедения [7].

Основателем первой даологической научной школы в современном Китае является проф. Цин Си-тай. Он родился в январе 1928 г. в далекой от Пекина юго-западной провинции Сычуань⁶. Сычуань – это родина даосизма. В многочисленных даосских монастырях, разбросанных по пленяющим своей красотой живописным уголкам Сычуани, и ныне продолжают бережно хранить и развивать даосские традиции. Учитывая это обстоятельство, станет понятно, почему именно здесь родился создатель современной китайской даологии и почему именно в Сычуани был создан первый в КНР научный специализированный центр по изучению даосизма.

В 1951 г. Цин Си-тай окончил юридический факультет Сычуаньского университета, а в 1954 г. – аспирантуру столичного Народного университета. В 1980 г. он создает в Сычуаньском университете Институт религиоведения (Institute of Religious Studies of Sichuan University). Областью специализации Института изначально был выбран даосизм, а профессор Цин Си-тай был назначен его первым директором.

В 1982 г. на базе Института впервые в истории высшей школы КНР была организована подготовка магистров по специальности «Религиоведение», а в 1990 г. он стал первым научно-образовательным центром Китая, получившим право готовить докторов наук по этой специальности. В 1999 г. Институт фактически получил статус национального научно-исследовательского центра. Новый статус по необходимости потребовал структурной реорганизации. В результате в декабре 1999 г. на его базе был создан Научно-исследовательский институт даосизма и религиозной культуры (Research Institute for Daoism and Religious Culture Studies of Sichuan University). В настоящее время проф. Цин Си-тай является его почетным директором, а всю практическую работу по руководству Институтом осуществляет проф. Ли Ган 李剛教授 (р. 1953).

За последние 20 лет в Институте подготовлено более 200 докторов по специальности «религиоведение». Его сотрудники, аспиранты и докторанты за последние тридцать лет издали более 200 монографий и почти 1000 научных статей [29]. Институт стал центром международного сотрудничества, установив плодотворные научные контакты со многими ведущими центрами мировой синологии: Академией Синика, Университетом Фу-жэнь, Университетом Фо-гуан, Токийским, Оксфордским, Лондон-

ским, Гарвардским и Бостонским университетами.

Институт выпускает журнал «Религиоведение» (Religious Studies, ISSN 1006–1312), первый номер которого увидел свет в августе 1982 г. С этого времени и до сегодняшнего дня проф. Цин Си-тай является его главным редактором. Первые шесть номеров журнала имели гриф «Для служебного пользования». С седьмого номера, который вышел в ноябре 1985 г., журнал стал доступным для всех заинтересованных читателей. В 2001 г. он вошел в национальный индекс цитирования CSSCI (Chinese Social Science Citation Index) и получил статус ведущего рецензируемого периодического издания⁷.

Мировую известность профессору Цин Си-таю принесли фундаментальные научные труды по истории и культуре даосизма – двухтомник «Общая история даосской идеологии в Китае», четырехтомник «История даосизма в Китае», четырехтомник «История даосских идей в Китае», монография «Даосизм и китайская традиционная культура», энциклопедия «Новый компендиум по культуре даосизма» и многие другие⁸.

Научно-педагогические центры, созданные Жэнь Цзи-юем и Цин Си-таем, воспитали новое поколение китайских исследователей даосизма. Ко второму поколению относятся такие яркие ученые, как Ху Фу-чэнь 胡孚琛 (р. 1945), Гэ Чжао-гуан 葛兆光 (р. 1950), Цзинь Чжэн-яо 金正耀 (р. 1956), Чжань Ши-чуан 詹石窗 (р. 1954), Чжан Цзэ-хун 張澤洪 (р. 1955), Пань Сянь-и 潘顯一 (р. 1951), Ли Ган, Ван Ка и многие другие. Именно эти специалисты подняли исследование даосизма в Китае на небывало высокий и масштабный уровень.

Усилиями этих ученых в Китае сформирован большой отряд молодых исследователей, которые относятся уже к третьему поколению китайских исследователей даосизма. Более того, изучение лучших работ представителей этого поколения вызывает даже больший интерес, чем чтение классических трудов. В книгах этих исследователей органично соединяются лучшие научные методики китайской, западной и японской синологии, что позволяет авторам выходить на новый уровень понимания и осмысления даосизма. Фундаментальностью и новизной отличаются новаторские работы

⁷ Китайский национальный индекс цитирования CSSCI создан Нанкинским университетом совместно с Гонконгским научно-техническим университетом и является специализированной системой библиографического индексирования работ в области социальных и гуманитарных наук.

⁸ Труды Цин Си-тая, а также работы китайских исследователей, которые упомянуты далее, не зафиксированы в списке литературы в конце статьи, поскольку они уже вошли в Национальную базу данных и заинтересованный читатель без труда получит их полное библиографическое описание, обратившись к соответствующим электронным ресурсам [27; 28; 30].

⁶ По традиционному китайскому календарю дата рождения Цин Си-тай соответствует последнему лунному месяцу 1927 г.

молодых докторов наук Лю И 劉屹 (р. 1972) и Люй Пэн-чжи 呂鵬志 (р. 1969), которые смело выходят за рамки устоявшейся парадигмы в оценке даосизма. Классический текстологический анализ и безупречная методология исторического исследования характерна для великолепных работ профессора Ван Чэн-вэня 王承文 (р. 1962). Глубина содержания и широта охвата материала отличают труды Гэ Цзянь-миня 蓋建民 (р. 1964) и Чжан Гуан-бао 張廣保 (р. 1964). Новизна в анализе мистических аспектов раннего даосизма характерна для исследований Чжан Чун-фу 張崇富 (р. 1968).

Даже на фоне современных новаторских работ по даосизму исключительно ярко выглядят пионерские исследования талантливого молодого ученого Чжоу Цзо-мина 周作明. Чжоу Цзо-мин создал новое направление в мировой даологии, которое условно можно назвать даосской исторической лексикологией. Однако значение трудов Чжоу Цзо-мина выходит далеко за рамки лексикологии. Анализируя лексику древних даосских текстов, автор вскрывает глубинные смыслы очень сложных для понимания концепций и представлений. Как думается, Чжоу Цзо-мин открыл новую герменевтическую процедуру, позволяющую реконструировать исторические паттерны даосского мышления. При этом традиционные методики текстологического и лексикологического анализа, которые он использует, верифицируют полученные выводы полностью и безоговорочно.

Особая роль в современной китайской даологии принадлежит профессору Чжу Юэ-ли 朱越利 (р. 1944). По его трудам изучают даосизм и Даосский канон не только в Китае, но и в других странах, в том числе и в России. Чжу Юэ-ли принадлежит первое монографическое исследование комплексного характера «Даология», являющееся, по сути, образцом учебника для будущих исследователей даосизма⁹. Своей научной и общественной деятельностью проф. Чжу Юэ-ли соединяет разные поколения и разные научные школы, исследователей разных стран, разных континентов и разных берегов Тайваньского пролива, обеспечивая тем самым непрерывность и преемственность в развитии китайской даологии.

Несомненные достижения отличают и современную даологию на Тайване. У ее истоков стоит авторитетный религиовед и этнолог проф. Лю Чжи-вань 劉枝萬教授 (Liu Jih Wann). Он окончил Университет Васэда (Waseda University, 早稻田大学) в

Японии, затем вернулся на Тайвань и с 1964 по 1989 гг. работал в Институте этнологии Академии Синика. Проф. Лю Чжи-вань занимался полевыми исследованиями даосизма и внес большой вклад в изучение современных даосских ритуалов. Он подготовил первую группу исследователей, которые, в свою очередь, сформировали современную тайваньскую школу даологии.

Думаю, что создателем этой школы следует считать Ли Фэн-мао (Fong-Mao Lee 李豐楙) – знаменитого этнолога, литературоведа и исследователя даосизма, профессор Университета Чжэн-чжи (National Chengchi University, 國立政治大學). В 1978 г. Ли Фэн-мао успешно защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию даосизма III–VI вв. (ее объем составил почти 700 страниц!). К настоящему времени проф. Ли Фэн-мао издал около 40 монографий и внес большой вклад в изучение даосской литературы, даосских письменных памятников и даосских ритуалов. Впечатляет число его учеников, к которым относятся большинство современных тайваньских исследователей даосизма. Только по неполным статистическим данным за период с 1981 по 2011 гг. под руководством Ли Фэн-мао было подготовлено 88 диссертаций [30].

Собственные направления даологических исследований сформировали и коллеги проф. Ли Фэн-мао – проф. Линь Фу-ши (Fu-Shi Lin 林富士教授), проф. Дин Хуан (Huang Ding 丁煌教授), проф. Сяо Дэн-фу (Teng-Fu Hsiao 蕭登福教授). Особого внимания заслуживают и новаторские исследования молодого профессора Университета Чжэн-чжи Се Ши-вэя (Shu-Wei Hsieh 謝世維), который активно использует методы современного западного религиоведения при изучении ранних даосских сочинений.

Многие из учеников проф. Ли Фэн-мао уже сами являются самостоятельными и оригинальными учеными. Если первое поколение ученых Тайваня достигло значительных результатов в изучении даосских ритуалов, то нынешние представители тайваньской даологии особенно ярко проявляют себя в исследовании даосских письменных памятников. В качестве примера можно назвать фундаментальные работы Чжан Чао-жана (Chao-Jan Chang 張超然) и Се Цун-хуэя (Tsung-Hui Hsieh 謝聰輝), открывающие читателю неизвестные страницы предыстории и ранней истории сочинений даосской школы Шанцин, а также труды Чжэн Цань-шаня (Tsan-Shan Zheng, 鄭燦山) о ранних даосских текстах. Научное сообщество давно ждет новых исследований такого важного вида источников, как даосские тематические энциклопедии (*лэй-шу* 類書). В связи с этим обстоятельством результа-

⁹ Книгу «Даология» проф. Чжу Юэ-ли написал в соавторстве со своей супругой Чэнь Минь 陳敏, которая упомянута выше.

ты, полученные Ли Ли-лян (Li-Liang Lee 李麗涼) при изучении самой ранней из таких энциклопедий, не могут не вызвать повышенного внимания.

Основательные труды тайваньских ученых, сочетающие классические традиции китайской филологической науки с современными западными методами анализа, позволяют говорить о том, что сегодняшний Тайвань становится наиболее активным и продуктивным центром по изучению раннего даосского письменного наследия.

Таким образом, даже самый общий и поверхностный обзор развития китайской науки о даосизме свидетельствует, что в настоящее время центр изучения даосской религии из Франции и Японии переместился в Китай. Современная китайская даология представлена разными школами, каждой из которых присущи свои особенности и свои подходы. Центры изучения даосизма в Пекине, Чэнду, Шанхае, Сямыне, Тайбэе, Гонконге дополняют и обогащают друг друга, формируя единое научное пространство. Общими усилиями китайские исследователи сумели в кратчайшие сроки выйти на передовые научные рубежи и добиться впечатляющих результатов. Это позволяет с уверенностью смотреть на перспективы изучения даосизма в Китае – в ближайшие годы мы обязательно станем свидетелями новых блестящих побед китайских ученых в этой научной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байэр. Сицзан чжи (Описание Тибета) / Сост. Байэр [Bell, Charles]. Перев. Фу Цинь-цзя. – Чанша: Шаньгу иньшугуань, Минь го 29 [1940]. – 376 с. 栢爾. 西藏志 / 栢爾著, 董之學, 傅勤家譯. – 長沙: 商務印書館, 民國 29 [1940].
2. Баопу-цзы нэй пянь цзяо ши («Внутренние главы» трактата «Баопу-цзы» с замечаниями и пояснениями) / Коммент. Ван Мина. Испр. и доп. изд. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1985. – 2+22+399 с. 抱朴子內篇校釋 / 王明校釋. 增訂本. – 北京: 中華書局, 1985.
3. Ван Мин. Даоцзяо хэ даоцзяо сысян яньцзю (Исследование идей «школы Дао» и даосской религии) / Ван Мин. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1984. – 380 с. 王明. 道家與道教思想研究 / 王明著. – 北京: 中國社會科學出版社, 1984.
4. Дао цзан ти яо (Перечень и важнейшее содержание [сочинений] Даосского канона) / Гл. ред. Жэнь Ци-юй; Зам. гл.ред. Чжун Чжао-пэн. – Пекин: Шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1991. – 10+56+1532 с. 道藏提要 / 任繼愈主編. 鍾肇鵬副主編. – 北京: 中國社會科學出版社, 1991. ISBN 7500402686. (2 изд., испр. 修訂本: 1995; 3 изд., стереотип.: 2005).
5. Дао цзан цзы му иньдэ (Индекс авторов и сочинений Даосского канона) / Сост. Вэн Ду-цзянь. – Бэйпин: Изд. Яньцзин-Гарвардского ун-та, 1935. – 36+216 с. 道藏子目引得 / 翁獨健編. – [北平]: 哈佛燕京學社, 1935. (Harvard-Yenching Institute Sinological Index Series. No. 25).
6. Даоцзя цзиньши люэ (Краткое описание текстов даосских стел) / Сост. Чэнь Юань; доп. и ред. Чэнь Чжи-чао, Цзэн Цин-ин. – Beijing: Wen wu chu ban she, 1988. – 8+22+1379 p. 道家金石略 / 陳垣編纂; 陳智超, 曾慶瑛校補. – 北京: 文物出版社, 1988.
7. Дуньхуан даоцзяо вэньсянь яньцзю: цзуншу, мулу, соинь (Даосские письменные памятники из Дуньхуана: вводная статья, каталог, указатели) / Состав. Ван Ка. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2004. – 4+3+314 с. 敦煌道教文獻研究: 綜述, 目錄, 索引 / 王卡著. – 北京: 中國社會科學出版社, 2004.
8. Кан-цзюй Су-тэ као (О Хорезме и Согде) / Состав. Байняо Куцзи [Сиратори Куракити]. Перев. Фу Цинь-цзя. – Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. 1+1+100 с. 康居粟特考 / 白鳥庫吉著; 傅勤家譯. – 上海: 商務印書館, 1936.
9. Лао-цзы «Дао дэ цзин» Хэшан-гун чжанцзюй (Комментарий Хэшан-гуна на книгу Лао-цзы «Дао дэ цзин», с разбивкой по главам) / Пояснения Ван Ка. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1993. – 7+4+17+331 с. 老子道德經河上公章句 / 王卡點校. – 北京: 中華書局, 1993.
10. Лю Цунь-жэнь. Хэфэнтан вэньцзи (Собрание записей из Зала весеннего ветра). В 3 тт. / Лю Цунь-жэнь. – Шанхай: Шанхай гу цзи чубаньшэ, 1993. – 4+ 34+1804 с. 柳存仁. 和風堂文集 / 柳存仁著. – 上海: 上海古籍出版社, 1991.
11. Сюй Ди-шань сюэшу луньчжу (Научные труды Сюй Ди-шаня) / Сюй Ди-шань. – Шанхай: Шанхай шуцзюй, 2011. – 6+403 с. 許地山學術論著 / 許地山著. [Content: 道教史; 扶箕迷信的研究; 國學與國粹]. – 上海: 上海書店出版社, 2011.
12. Сюй Ди-шань, Фу Цинь-цзя лунь дао (Сюй Ди-шань и Фу Цинь-цзя о даосизме) / Сюй Ди-шань, Фу Цинь-цзя. – Пекин: Чанчжэн чубаньшэ, 2008. – 3+4+311 с. (Серия «Классические произведения для руководящих кадровых работников»). 許地山, 傅勤家論道 / 許地山, 傅勤家. – 北京: 長征出版社, 2008. (领导干部读经典)..
13. Сюй Ди-шань. Даоцзяо ши (История даосизма). Т. 1 / Сюй Ди-шань. – Шанхай: Шаньгу иньшугуань, Минь го 23 [1934]. – 4+182 с. 許地山. 道教史. 上[編] / 許地山編. —上海: 上海商務印書館, 民國 23 [1934].
14. Сюй Ди-шань. Фу-цзи мисинь дэ яньцзю (Исследования гадательных практик фу-цзи) / Сюй Ди-шань. – Чанша: Шаньгу иньшугуань, Минь го 30 [1941]. – 109 с. 許地山. 扶箕迷信底研究 / 許地山編. – 長沙: 商務印書館, 民國 30 [1941].
15. Сяньсюэ цземи. Даоцзяо яньшэн мику (Открываем тайны учения о сянь: потаенная библиотека даосских методов «пестования жизни») / Сост. Хун Цзянь-линь. – Далинь: Далинь чубаньшэ, 1991. – 2+10+11+976 с. 仙學解秘. 道教養生秘庫 / 洪建林編. 大连: 大连出版社, 1991.
16. Фу Цинь-цзя. Даоцзяо ши гайлунь (Очерк истории даосизма) / Фу Цинь-цзя. – Шанхай: Шаньгу иньшугуань, Минь го 23 [1934]. – 3+85 с. 傅勤家. 道教史概論 / 傅勤家著. – 上海: 商務印書館, 民國 23[1934]. (Стереотип. изд. 影印本: 長沙: 商務印書館, 民國 28 [1939]; 台北: 臺北商務印書館, 民國 57 [1968]).
17. Фу Цинь-цзя. Чжунго даоцзяо ши (История даосизма в Китае) / Сост. Фу Цинь-цзя. Гл. ред. Ван Юнь-у, Фу Вэй-пин. – Шанхай: Шаньгу иньшугуань, Минь го 26 [1937]. — 5+242 с. (Библиотека-серия «История культуры Китая». Вып. 2). 傅勤家. 中國道教史 / 傅勤家著. 王雲五, 傅緯平主編. – 上海: 上海商務印書館, 民國 26 [1937]. (中國文化史叢書. 第 2 輯). (Стереотип. изд. 影印本: 臺北市: 臺灣商務印書館, 民國 56 [1967]; 上海市: 上海書店, 1984; 上海市: 上海文化出版社, 1989; 北京市: 團結出版社, 2005).
18. Цзунцзю цыдянь (Словарь по религиям) / Гл. ред. Жэнь Ци-юй. – Шанхай: Цышу чубаньшэ, 1981. – [2]+8+97+1343 с. 宗教詞典 / 任繼愈主編. – 上海: 上海辭書

出版社, 1981.

19. Чжунго даоцзяо ши (История даосизма в Китае) / Гл. ред. Жэнь Цзи-юй. – Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 1990. – 8+6+811 с. 中國道教史 / 任繼愈主編. – 上海: 人民出版社, 1990. (Доп. и испр. изд. в 2 т.: 中國道教史. 上下篇 / 任繼愈主編. 增訂本. – 北京: 中國社會科學出版社, 2001. ISBN 7500430094; 臺北市: 桂冠出版, 1991. ISBN 9575514416 (v.1), 9575514424 (v.2).

20. Чжунго цзунцзяо юй цзунцзяосюэ (Религии и религиоведение в Китае) / Гл. ред. Янь Кэ-цзя. – Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 2010. – 3+5+202 с. (Библиотека-серия «Блистательные 60 лет: развитие общества и науки»). 中国宗教与宗教学 / 晏可佳主编. – 上海: 上海人民出版社, 2010. (辉煌 60 年. 社会发展与学术成长丛书). ISBN 9787208092303/D1712.

21. Чжунго цзунцзяосюэ 30 нянь: 1978—2008 (30 лет религиоведения в Китае: 1978—2008) / Гл. ред. Чжо Синь-пин. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2008. – 33+5+3+419 с. (Библиотека-серия «30 лет философским и общественным наукам Китая»). 中国宗教学 30 年 (1978—2008) / 卓新平主编. – 北京: 中国社会科学出版社, 2008. (中国哲学社会科学 30 年丛书). ISBN 9787500472520.

22. Чэнь Го-фу. Дао цзан юаньлю као (Исследование происхождения Даосского канона): В 2 т. [2-е изд., доп] / Чэнь Го-фу. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1985. – 3+2+4+504 с. 陳國符. 道藏源流攷. 全二冊 / 陳國符著. – 北京: 中華書局, 1985.

23. Чэнь Ин-нин. Даоцзяо юй яншэн (Даосизм и учение о «пестовании жизни») / Чжунго даоцзяо сехуэй бянь (Сост. Всекитайской ассоциацией последователей даосизма). – Пекин: Хуавэнь чубаньшэ, 1989. – 2+5+6+478 с. 陳櫻寧著. 道教與養生 / 中國道教協會編. – 北京: 華文出版社, 1989.

24. Чэнь Юань. Нань Сун чу Хэбэй синь даоцзяо као (Исследование новых даосских школ, появившихся в начале эпохи Южная Сун в Хэбэе) / Чэнь Юань. – Бэйпин: Изд. Унта Фу-жэнь, Минь го 30 [1941]. – 112+2 с. 陳垣. 南宋初河北新道教考 / 陳垣著. – 北平: 輔仁大學, 民國 30 [1941]. (輔仁大學叢書; 第 8). [English title: New Taoist societies in the northern provinces at the beginning of Southern Sung dynasty].

25. Эрши шицзи чжунго сюэшу дадянь. Цзунцзяосюэ (Компендиум китайской науки XX века: Религиоведение) / Гл. ред. Жэнь Цзи-юй. Ведущий ред. Чжо Синь-пин. – Фучжоу: Фучзянь цзяоюй чубаньшэ, 2002. – 24+ 2+ 32+1+3+446 с. 20 世纪中国学术大典. 宗教学 / 主编任继愈; 执行主编卓新平. – 福州: 福建教育出版社, 2002.

26. Яо Мин-да. Чжунго мулусюэ ши (История китайской библиографии) / Яо Мин-да. – Чанша: Шанъу иньшугуань, Миньго 27 [1938]. – 429 с. (Библиотека по истории китайской культуры, сер. II). 姚名達. 中國目錄學史 / 姚名達著. – 長沙: 商務印書館, 民國 27 [1938]. (中國文化史叢書. 第二輯).

27. China National Knowledge Infrastructure. – CNKI Homepage. – URL: <http://www.cnki.net/>

28. Chinese Electronic Periodical Services. – CEPS Homepage. – URL: <http://www.ceps.com.tw/ec/ecjnlbrowse.aspx>

29. Institute of Religious Studies of Sichuan University Homepage. – URL: <http://www.taoism.cc>. – 15.04.2012.

30. National Digital Library of Thesis and Dissertation in Taiwan Homepage. – URL: <http://ndltd.ncl.edu.tw>. – 15.02.2012.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.
2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.
3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.
4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно
5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.
6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.
 - 6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5» и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.
 - 6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.
 - 6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.
 - 6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.
 - 6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.
7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.
8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.
9. К статье прилагается краткая аннотация на русском и английском языках, ключевые слова (не более 15), а также название статьи на английском языке.
10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы присланные ценными письмами и бандеролями не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 300 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение	Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК</u> по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2010 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Кассир	
Квитанция Кассир	Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК</u> по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2010 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

ARTICLES

EDUCATIONAL SPACE OF THE ASIA-PACIFIC REGION

GLOBAL AND LOCAL ENGLISH IN ASIAN EDUCATION

Z.G. Proshina

Zoya Grigorievna Proshina is Doctor of Philology, Professor of Faculty of Foreign Languages and Area Studies at Lomonosov Moscow State University.

E-mail: proshinazoya@yandex.ru

The article discusses the role of English as a means for intercultural communication in Asian education institutions. On the one hand, English facilitates internationalization of education and, on the other hand, it expresses local identity of its users. The issues under consideration are viewed from a perspective of a Russian educator who infers possible lessons for the Russian school.

Key words: language for international communication, lingua franca, intercultural communication, model of teaching, English variety, academic mobility.

“Unity in diversity” is one of the main principles of the ASEAN, the political, economic and cultural intergovernmental organization of the South East Asian countries, the largest one in the Asian Pacific region [Chapter: 2, 6]. This principle implies respect for numerous languages and cultures of the member-states and the countries that cooperate with them. However, this principle presupposes the single working language that serves all functional needs of the Association and its member-states, which stands in stark contrast to the position taken by member-states of the European Union, which has twenty-three official and working languages [Kirkpatrick 2012]. The role of the single working language in Asia has been carried out by English, which has long been a lingua franca in the Asian Pacific region and the whole world [Kirkpatrick 2010]. By the late 1990s English had even been claimed to be an Asian language [English Is an Asian Language 1997]. Therefore, this principle has become leading not only for the ASEAN member-states (Brunei, Vietnam, Indonesia, Cambodia, Laos, Myanmar (former Burma), Singapore, Thailand, and the Philippines) but also for the neighboring Asian countries, including Japan, China, and South Korea. No doubt, lessons from these countries’ education policy are very important for Russia. Let us discuss five most significant of them:

1. Reconsideration of English Language Teaching (ELT) goals.
2. Intercultural orientation in ELT.
3. Polymodel approach to ELT.
4. Support of multilingualism at schools.
5. English as the main tool for academic mobility.

Lesson 1. Reconsideration of ELT goals

Education goals imply answers to the following questions: what is the purpose of studying a foreign language, English in particular; who will be a potential

interlocutor of our students; and what skills (competencies) learners have to acquire. Today Asian countries demonstrate the awareness of the fact that since English has become a global means of communication, this language can and must be used for communication with representatives of different ethnicities rather than exclusively with Britons and Americans as native speakers [Kachru Y., Nelson 2006: 21; Seidlhofer 2011: 11; Xu 2010: 177-179]. Professor Honna, who worked in one of the committees at the Japanese Ministry of Education for many years, is convinced of the following: to require that graduates from Japanese educational institutions speak American English is a completely unrealistic and unnecessary goal, for it is quite natural for a Japanese communicator to speak the Japanese variety of English [Honna 2012: 193].

This convincement is in stark contrast to the ELT goals in Russian schools implementing a curriculum recommended by the Ministry of Science and Education. According to this curriculum, the general goal of language teaching is ability to communicate with native speakers (only). For example, the note to the suggested curricula in foreign languages, featured on the web page «The Single Window of Access to Education Resources», Federal Agency for Education [Примерные программы, e-resource; Образовательный стандарт, e-resource], defines the goal of this school subject as follows: «The main goal of a foreign language is to develop a communicative competence, i.e. to form an ability and readiness to carry out interpersonal and intercultural communication with *native speakers* of a foreign language».

Asian educational institutions focus mainly on the development of a communicative competence while using their own model of English (for example, China

English [Xu 2010]), and receptive skills geared towards different varieties of English, especially those of neighboring countries. For instance, Japanese publishers released the textbook "Understanding Asia" [Honma, Takeshita 2009]. The textbook chapters on various Asian cultures are written by the users of Asian Englishes from these countries – by a Singaporean, Chinese, Malay, Vietnamese, Russian, and others. A CD-ROM attached to the textbook features dialogues recorded by representatives of these countries, so that students using this textbook get familiar with an accent typical of a certain English.

Japan has introduced the education policy named "Japanese with English Abilities". It is aimed to overcome the language barrier and develop communicative skills, in particular by encouraging communication with tourists in Japan and organizing language study tours to the neighboring Pacific Rim countries, especially to Singapore where English is one of the official languages. Such tours became mandatory for students of the College of World Englishes, Chukyo University, Nagoya [Д'Анджело 2012; Sakai & D'Angelo 2005].

In developing students' productive skills, Japanese schools encourage students to express their identity in English as a secondary means of self-identification, students' first language being the primary means of self-identity. This is related to teaching students to express their native culture in English.

In one of his recent papers published in "Journal of English as a Lingua Franca", Edgar Schneider, discussing the possibility of shifting from the ESL (English as a Second Language) to the ELF (English as a Lingua Franca) concept, emphasized developing three major strategies: accommodation (to the addressee's level of competence); negotiation (the use of communicatively successful forms), and simplification (if necessary) [Schneider 2012: 87]. It is these three strategies that provide for the success of intercultural communication. Therefore, the goal of teaching English in Asian countries is «to be able to use the language successfully in multilingual settings». This aim means giving up measuring learners "against the norms of the idealized monolingual native speaker" and measuring them alternatively "against the 'norms' of successful Asian multi-linguals" [Kirkpatrick 2012: 131].

Lesson 2. ELT intercultural orientation

The World Englishes Paradigm, which is gradually increasing its influence on teaching and learning strategies, is based on the principle of close relationship of language and culture. An English variety is distinct from another variety in its cultural underpinning, first and foremost, which leads to difference in mentalities, and also in a certain degree of native language transfer that decreases parallel to the increase of the users' lectal level (minimum of differential features at the acrolectal level and maxi-

mum at the basilectal level). This means that international English teaching is based on different cultures, primarily on the learners' own culture.

However, this position has opponents who argue that International English is a denationalized variety devoid of cultural specifics – it reflects only what is common for all its speakers [Johnson 1990; Yano 2001].

The opponents of the English language acculturation, i.e. those who reject its adaptation to a new culture, get into a linguacultural trap, which was pointed out by B. Kachru [Kachru 1983; Качру 2010], as «neutral» English still expresses the values of Western Christian community rather than those of multiconfessional Asian societies with their rich cultural heritage, with their specific pragmatics that becomes evident in intracultural communication via English. Meanwhile, loans from Asian languages and cultures make up a considerable part in modern English which is capable to express not only Christian values of the West but also cultural diversity of the world [Бутина 1971; Прошина 2001; Титова 2010; Хохлова 2008].

Intercultural communication is introduced to learners, first and foremost, through a foreign language [Тер-Минасова 2000]. A. Kirkpatrick is right when he says that the English curriculum can become a cross-cultural curriculum [Kirkpatrick 2012: 134]. On reading and discussing English texts about other cultures, students reflect on their own culture, reveal its comparative specifics, learn to be tolerant to and understand other cultures, different from their own. In China, a type of educational institution with an outstanding school of intercultural communication can be exemplified by Harbin Technological University whose professors translate theory of intercultural communication into practice by using English as a lingua franca [Jia, Jia 2009; Song 2009].

For Russians, acquaintance with Asian cultures through English functioning as a lingua franca implies mastering intermediary translation [Прошина 2005, 2007] which includes learning specifics of Romanizing Asian loans and orientation towards long-standing bases of direct translation from Asian languages into Russian. Ignoring these bases leads to the wrong impact of English on borrowing Asian words to Russian, which sometimes happens – for example, in newspapers we can come across *тай джу* [tai dji] instead of *тай цзи* (tai ji); the form *чикунг* [chikung] stands for *цигун* (qigong); *инь и янь* are used instead of *инь и ян* (yin and yang), etc.

Orientation towards intercultural communication does not imply just perceiving other cultures and reacting to them in a correct way. It is due to their own cultures that participants in intercultural communication are interesting to each other. Therefore, much attention should be given to teaching and writing about one's own culture – David Li argues that the English curricula should include elements of pragmatic norms and values of the native culture [Li 1998: 46].

One of the ways in this direction is compiling textbooks that include topics about the learners' native culture, as for example is done in the Japanese textbook "J-Talk: Conversation Across Cultures" [2000], where J stands as an initial abbreviation for the word *Japanese*. This is not new for Russian teachers and learners. Our textbooks have always drawn parallels and made comparisons of facts and phenomena of the British and, later, American cultures with the similar phenomena of the Soviet / Russian society. Probably, we must increase a number of optional English language courses on Russia, especially for students of linguistic specialties now that we have accumulated sufficient amount of course materials (for example, see [Кабакчи 2009]).

One more way is to introduce English-language creative courses, aimed at verbalizing the learners' native culture, into a curriculum, especially into a university curriculum. For example, such courses of creative writing in English are offered to students of the City University of Hong Kong and Sun Yatsen University, Guangzhou. It is not only that students enrolled in the course familiarize themselves with the works written in English by their emigrated compatriots, but they also learn to write English prose, poetry and publicist texts, thus developing their creative potential and featuring their native culture.

China is one of the East Asian countries where English is recognized as a carrier of their own culture. This was manifested in the method of "Crazy English" popular in the 1990s. The method was elaborated by Li Yang, a teacher, and spread thanks to the documentary film *Crazy English*. The core principles of the method were 'speak as loudly as possible', 'speak as quickly as possible', and 'speak as clearly as possible' [Bolton 2003]. As a matter of fact, that was a method of self-liberation and of inspiring "a patriotic message that the language will help China to exercise economic hegemony over the USA, Japan and Europe" [Adamson 2004: 170]. Today the Chinese argue that the English that expresses Chinese culture should be termed China English [Иванкова 2007; Song 2009]. This is a variety of English spoken by highly educated Chinese people, including cultural figures and authors, such as Ha Jin, Yiyun Li, Xiaolu Guo, Qiu Xiaolong, and many others.

Lesson 3. Polymodel approach to teaching English

Everything we said above is directly related to the polymodel, or polyvarietal approach to teaching English [Berns 2006; Kachru 1983; Качру 2010]. Some years ago, the British or American model of English dominated in Asian educational institutions. Currently, the bicentric concept of English is increasingly giving way to the idea of the polymodel education to the effect that schools do not foster the refined «Queen's English» as the most correct form but they rather familiarize students with different varieties of English and

their appropriate usage in real life situations. This model termed by Ferguson as a «phenomenological practice-oriented approach» [Ferguson 2012: 178] is developing due to a wider social perspective of studying the live English language, which makes it possible to shift "evaluating language learning by considering how successfully people use the language in settings relevant to them, rather than measuring how close they come to native-like performance" [Kirkpatrick 2012: 131]. A teacher's objective is to teach tolerance to users of other Englishes and to form skills of intercultural literacy [Honina 2012: 195].

In the "post-Anglocultural environment" [Kirkpatrick 2012: 133], English is used as a means to unite people, enhancing their knowledge not only of Anglophone world but rather of neighboring cultures and those people who they might have business relations with.

The more learners get in contact with users of different Englishes, the better they are prepared to implementing strategies and tactics of intercultural communication. It is practice that they master the main ways of adaptation to the speech of their interlocutors and to succeed in their communication, they use paraphrases, repetitions, redundancies, lexical variability, loans, code switching, and other devices [Ferguson 2012: 179]. Familiarity with varieties increases students' language awareness. That is why courses on World Englishes are more and more often included in the teacher training curricula [Matsuda 2009].

In this respect it is worth mentioning that being aware of the coming changes in the global book market, the largest international publishers like Cambridge University Press, Oxford University Press, Longman, Macmillan began to include recordings with various accents (not only British or American) in their textbooks and CDs. For example, Longman Publishers has made their course *Cutting Edge*, as well as the Oxford University Press their *Headway* – with consideration of English variability. Texts from these courses are pronounced by speakers from different countries and recorded on discs, so that learners have an idea of the spread and range of English. The Cambridge University Press recently published a new course *English Unlimited* whose general principle is based on the global variability of English. Quite innovative is also the McMillan Publisher's course *Global* whose basic idea, judging by the title, is orientation towards intercultural use of global English.

Receptive awareness of Englishes does not imply forming productive skills of speaking and writing in these varieties. The focus of ELT is on the norms of English as an International Language. They were formed primarily from prototypical British and American norms with the admission of the speakers' variety features – especially at the lexical and phonetic levels, which do not interfere with intercultural communica-

tion. Oriented towards the international English norms, bilingual teachers and learners form their own model of English based on their own culture [Хино 2012; Hino 2011]. Thus a prescriptive approach in ELT is gradually giving way to a communicative approach but is not superseded completely. Both the approaches are in complementary relations, supplementing each other. Only their balance is altering – today the communicative approach proves to be domineering.

Lesson 4. Support of multilingualism at schools

Due to the emergence of the polymodel approach at educational institutions, it is not an idealized native speaker that becomes a language model but a bilingual who successfully participates in multilingual communication.

English is a mandatory school subject in China and Korea where learning this language starts at an early stage, at the elementary school. In Japan, English is an obligatory discipline *de facto* rather than *de jure*. On the average Japanese schools begin teaching English in the seventh grade or at a junior high school and end by a school graduation exam. Since exam in English is a requirement for university admission [Xu 2010], many learners attend additional schools to get prepared for the exam (juku in Japan, or hagwon in Korea).

The number of elementary schools including English in early education has been increasing in Asian countries. However, this leads to strong concerns among educators and academics because it interferes with the development of learners' native language. Conclusion has been made that the native language literacy not only promotes a personal identity but also facilitates a learner's mastering a second or foreign language [Xu 2010: 181; Kirkpatrick 2012: 123]. Maintaining elementary education in a learners' native language will also help to preserve minor languages in multiethnic countries.

The role of learners' native language in teaching English as a second and foreign language is being reconsidered. While earlier the *English Only* principle was prevalent in teaching, which meant that the native language was ousted from the classroom, nowadays this position is criticized [Kirkpatrick 2012: 134]. Using learners' native language is believed to be natural in explaining difficult linguistic and cultural issues, and it shouldn't be avoided in class.

Lesson 5. English is the main tool for academic mobility

Academic mobility, which itself became a value in the era of internationalization [Byram 2008], the research information exchange, and the Internet – all these phenomena require a single language of communication. Naturally, English, which has the largest number of users in the world, has become such a language.

Currently, academic mobility is regarded as a means that helps universities to withstand competition. English is

an indispensable tool in this competitive struggle. Due to English, universities of different countries have a chance to invite the best professors for delivering courses, and students, who might even not know the language of the host country, select programs and graduate from the universities, obtaining a degree they want and qualification. The more international English language programs a university offers, the better it is financed and the more chances it has to develop. This is why modern universities of China, Korea, Singapore, and Malaysia regard English-language courses at their universities as a requirement for modernized education.

To sum up, dynamic and modernized systems of education are being formed in Asian countries, with English as a tool for global communication playing a pivotal role. Changes in the role and status of English in today's world have led to drastic changes in the education systems of many countries, to the modifications of programs, aims and goals of teaching and learning, and to raising awareness of the necessity to express cultural identity through a lingua franca. The model of a local (regional) variety of English has gained force and enhanced the role of local bilingual teachers who serve as models to follow in class. These processes and changes are noted all around the world, and we will soon claim and we are starting to claim the trend for these changes in Russian education as well.

REFERENCES

1. Бутина, Р.М. К проблеме контакта языков (на материале тюркских лексических элементов в английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1971. – 26 с.
2. Д'Анджело, Дж. Кризис системы японского высшего образования: Уроки азиатских стран, где английский язык является официальным? / Дж. Д'Анджело // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. 14.
3. Иванкова, Т.А. Лексические и грамматические особенности китайской региональной разновидности английского языка (на материале письменных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток: ДВГУ, 2007. – 25 с.
4. Кабакчи, В.В. Англоязычное описание русской культуры. Russian Culture Through English / В.В. Кабакчи. – М.: Academia, 2009. – 224 с.
5. Качру, Б. Модели вариантов английского языка, неродного для его пользователей / Б. Качру // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – Вып. 1 (№ 53–54). – С. 175–196.
6. Образовательный стандарт среднего (полного) общего образования по иностранному языку. Базовый уровень [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.school.edu.ru/dok_edu.asp?ob_no=14413 [Дата обращения 02.09.2011].
7. Примерные программы по иностранным языкам. Английский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=14191 [дата обращения 14.11.2011].
8. Прошина, З.Г. Английский язык и культура Восточной Азии / З.Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 476 с.
9. Прошина, З.Г. Передача китайских, корейских и японских слов при переводе с английского языка на русский

и с русского языка на английский: Теория и практика опосредованного перевода / З.Г. Прошина. – М.: Восток-Запад, 2005, 2007. – 160 с.

10. Сун, Ли. Китайский английский с социокультурной точки зрения / Ли Сун // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1 (21). – С. 60–72.

11. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

12. Титова, О.К. Вьетнамизмы в англоязычном описании вьетнамской культуры (на материале аутентичных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПУ, 2010. – 24 с.

13. Хино, Н. Английский как международный язык в преподавательской практике / Н. Хино // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. 14. – Вып. 1 (№ 69–70). – С. 155–163.

14. Хино, Н. Странам «Расширяющегося круга» тоже нужны собственные модели! Вопрос о равенстве вариантов английского языка практике / Н. Хино // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 4 (32). – С. 104–110.

15. Хохлова, И.Н. Характеристика южноафриканского лексического компонента в современном английском и русском языках (в сопоставительно-переводческом аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Н. Хохлова. – М.: МГОУ, 2008. – 24 с.

16. Цзя, Ю. Социолингвистический подход к межкультурной коммуникации / Ю. Цзя, С. Цзя // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1 (21). – С. 9–28.

17. Adamson, B. China's English. A History of English in Chinese Education / B. Adamson. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2004. – 241 p.

18. Berns, M. World Englishes and Communicative Competence / M. Berns // The Handbook of World Englishes / B. Kachru, Y. Kachru, and C. Nelson (eds.) – Oxford, UK, Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. – P. 718–730.

19. Bolton, K. Chinese Englishes. A Sociolinguistic History / K. Bolton. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 338 p.

20. Byram, M. The 'Value' of Academic Mobility / M. Byram // Students, Staff and Academic Mobility in Higher Education. / Ed. by M. Byram and F. Dervin. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 31–47.

21. Charter of the Association of Southeast Asian Nations. 2007. – URL: <http://www.aseansec.org/21069.pdf> [Accessed 30.04.2012].

22. English Is an Asian Language: Proceedings of the Conference held in Manila on August 2-3, 1996 / Ed. by Maria Lourdes S. Bautista. – The Macquary Library Pty Ltd, 1997. – 197 p.

23. English Unlimited / A. Doff, J. Stirling, S. Ackroyd. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

24. Ferguson, G. The practice of ELF / G. Ferguson // Journal of English as a Lingua Franca. – 2012. – Vol. 1. – № 1. – P. 177–180.

25. Global / L. Cladfieldand, R.R. Benne. – McMillan, 2010.

26. Hino, N. WE in the Expanding Circle Need Our Own Model Too! Quest for Equality in World Englishes / N. Hino // The Humanities and Social Studies in the Far East. – 2011. – № 4 (32). – P. 256–260.

27. Honna, N. The Pedagogical Implications of English as a Multicultural Lingua Franca / N. Honna // Journal of English as a Lingua Franca. – 2012. – Vol. 1. – № 1. – P. 191–197.

28. Honna, N. Understanding Asia / N. Honna, Y. Take-shita. – Tokyo: Cengage Learning, 2009.

29. Jia, Y. A Sociolinguistic Approach to Intercultural Communication / Y. Jia, X. Jia // The Humanities and Social Studies in the Far East. – 2009. – № 1 (21). – P. 121–138.

30. Johnson, R.K. International English: Towards an Acceptable, Teachable Target Variety / R.K. Johnson // World Englishes. – 1990. – Vol. 9. – № 3. – P. 301–315.

31. J-Talk: Conversation Across Cultures / L. Lee, K. Yoshida, S. Ziolkowski. – Oxford University Press, 2000.

32. Kachru, B.B. Models for Non-native Englishes / B.B. Kachru // Readings in English as an International Language / Ed. by Larry E. Smith. – Oxford, New York, Toronto, a.o.: Pergamon Press, 1983. – P. 69–86.

33. Kachru, Y. World Englishes in Asian Contexts / Y. Kachru, C. Nelson. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2006. – 412 p.

34. Kirkpatrick, A. English as a Lingua Franca in ASEAN. A Multilingual Model / A. Kirkpatrick. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2010. – 222 p.

35. Kirkpatrick, A. English as an Asian Lingua Franca: the 'Lingua Franca Approach' and Implications for Language Education Policy / A. Kirkpatrick // Journal of English as a Lingua Franca. – De Greuter Publ., 2012. – Vol. 1. – №1. – P. 121–139.

36. Li, D.C.S. Incorporating L1 Pragmatic Norms and Cultural Values in L2: Developing English Language Curriculum for EIL in the Asia Pacific Region / D.C.S. Li // Asian Englishes. – 1998. – Vol. 1. – №1. – P. 31–50.

37. Matsuda, A. Desirable but Not Necessary? The Place of World Englishes and English as an International Language in English Teacher Preparation Programs in Japan / A. Matsuda // English as an International Language / Ed. by F. Sharifian. – Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters, 2009. – P. 169–189.

38. New Cutting Edge / C. Cheetham, D. Albery, F. Eales, a.o. – Longman, 2005.

39. New Headway / B. Hayden, L. Soars. – Oxford University Press, 2007.

40. Sakai, S. A Vision for World Englishes in the Expanding Circle / S. Sakai, J. D'Angelo // World Englishes. – 2005. – Vol. 24. – № 3. – P. 323–327.

41. Schneider, E. Exploring the interface between World Englishes and Second Language Acquisition / E. Schneider // Journal of English as a Lingua Franca. – De Greuter Publ., 2012. – Vol. 1. – № 1. – P. 57–91.

42. Seidlhofer, B. Understanding English as a Lingua Franca / B. Seidlhofer. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 244 p.

43. Song, Li. China English from a Socio-Cultural Perspective / Li Song // The Humanities and Social Studies in the Far East. – 2009. – № 1 (21). – P. 165–174.

44. Xu, Zhichang. Chinese English. Features and Implications / Zhichang Xu. – Hong Kong: Open University of Hong Kong Press, 2010. – 244 p.

45. Yano, Y. World Englishes in 2000 and Beyond / Y. Yano // World Englishes. – 2001. – Vol. 20. – №2. – P. 119–131

JAPAN'S EDUCATIONAL POLICY IN RECENT YEARS

*Policy Planning and Coordination Division, Lifelong Learning Policy Bureau,
Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology*

E-mail: gensafe@mext.go.jp

The paper is devoted to the analysis of the basic principles of the contemporary Japanese educational policy and the activity on the part of MEXT within the framework of improving the national educational system. The contents of the Basic Act on Education have been examined. The most significant tendencies of educational policy have been outlined: improvement of school educational capabilities (increasing the staff numbers and improving teachers' qualification and the quality of teachers' training), enhancement of learning contents (revision of curriculum standards and PISA survey), reduction of burden of educational expenses, promoting the development of internationally competitive universities, expansion of employment assistance for young people.

Key words: Japan's educational policy, reform of educational system, the Basic Act on Education, the Japanese Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (MEXT).

Introduction

Education was greatly disrupted and many students and teachers were killed, not to mention schools seriously damaged, by the Great East Japan Earthquake disaster¹ that occurred in March 2011. Amidst the bitter experience of this unprecedented earthquake and tsunami disaster, which caused great suffering and grieving, the Japanese people were able to rediscover the value of joining hands to assist each other within this hardship and the importance of ties connecting people to their communities. In addition, the warm assistance from the international community allowed the nation to recognize again the strong ties that extend beyond national borders. The Japanese Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (MEXT) is making all efforts to rebuild and recover the schools impacted by the earthquake and tsunami disaster.

The problems Japan is facing are not related only to the recovery from the March 2011 disaster. Japan is also facing serious problems caused by the rapid aging of Japanese society, globalization, the severe employment and economic situation, and so on. Together with the increasingly harsh environment surrounding education, such as the worsening employment rate for new school graduates

and the increase in the number of households living on welfare, the fostering of human resources who can play active roles in the international community is also an urgent issue, as the number of Japanese students studying abroad has remarkably dropped.

Within this context, MEXT believes it will be particularly important to make efforts to: strengthen the support to all persons desirous of receiving education, provide varied and high-quality education that matches the needs and personalities of children, internationalize universities to foster human resources who can play leading roles in the international community, and improve career and vocational education so that students can transition smoothly from school to society.

This report provides an overview of Japan's recent main educational policies and reforms of its educational system².

I. Reform of the Basic Act on Education and Formulation of the Basic Plan for the Promotion of Education

Japan's Basic Act on Education, enacted soon after the end of the Second World War as the core law governing education in Japan, has been a driving force for Japan's remarkable socioeconomic reconstruction and growth. But with the passage of over half a century since the Basic Act was enacted, rapid scientific and technological development, internationalization, the aging of the population and declining birthrate, changes in the industrial structure and other factors have greatly changed the social conditions in Japan. At schools, various problems have emerged, such as a decline in normative consciousness, a disordering of basic customs governing daily life behavior, bullying, absenteeism, and so on. Thus in the new Basic Act on Education³, the original law amended in 2006 in consideration of the above-mentioned problems, while universal principles incorporated in the for-

¹ Great East Japan Earthquake disaster – A massive magnitude 9 earthquake struck Japan off the Sanriku coast at 14:46 on March 11, 2011, triggering a huge tsunami that caused widespread devastation along the Pacific coast of the Tohoku region. Approximately 20,000 people were killed or went missing.

Damage to schools:

- Human damage – 641 killed (of which 605 were students); 92 missing (of which 82 were students)

- Physical damage – Approximately 8,000 schools damaged

Importance of disaster prevention education – Although many students in other areas were killed, students at a junior high school in Kamaishi City in Iwate Prefecture utilized the lessons of the disaster prevention education they had regularly received by exercising their own judgement and taking the initiative before the tsunami hit to lead students at a nearby elementary school to high ground. As a result, all of the students who attended school that day were saved – an outcome called the “Kamaishi miracle” – reaffirming the importance of regular disaster prevention education.

² Please refer to the following for explanation of the fundamental system of Japan's education: <http://www.mext.go.jp/english/introduction/1303952.htm>

³ Basic Act on Education (provisional translation)
<http://www.mext.go.jp/english/lawandplan/1303462.htm>

mer Basic Act on Education like the “full development of the personality” and “respect for the individual” were preserved in the new law, in order for education to open the way for Japan in the future, the new law stated as clear aims the fostering of: 1) independent-minded individuals who aim at self-realization over their entire lifetime and develop a harmonious balance of mind, body, and moral; 2) citizens who cherish public spiritedness and positively participate in the building of the state and society; and 3) Japanese citizens who can flourish in international society while maintaining a fundamental respect for Japanese traditions and culture. In order to realize these aims, necessary educational standards, principles for lifelong learning, and other provisions are stipulated⁴.

Together with a number of education-related individual laws congruent with the intent of the Basic Act that were successively enacted after the revision of the Basic Act, the first Basic Plan for the Promotion of Education⁵, based on the revised Basic Act, was formulated in 2008. The Basic Plan sets out a paradigm for education that should be aspired to during the subsequent ten years after the adoption of the Plan, and a concrete plan for promoting comprehensively and systematically measures over the first five years of the Plan to realize this vision. More specifically, the Plan sets out four priority objectives for the subsequent decade: 1) to cultivate in all children an educational foundation enabling them to live independently within society by the time they complete their compulsory education; 2) to develop human resources capable of supporting and developing society and playing a leading role in international society. Regarding the comprehensive and systematic measures to be taken over the next five years, (i) efforts should be made to improve education throughout all of society, and (ii) an educational foundation should be fostered within children that will allow them to develop their capabilities while respecting their personalities, and to live as individuals and members of society; iii) to foster individuals rich in intelligence who are cultured and have specialized skills to support the development of society, and iv) to ensure the safety and security of children and to prepare educational environments of high quality. (Regarding revisions in the Basic Plan for the Promotion of Education, see Section 4. “Towards Formulation of the 2nd Basic Plan for the Promotion of Education.”)

II. Education-related Budgets in Recent Years

Despite the severe fiscal situation in Japan, the national budget for education has steadily expanded in recent years, increasing by 9.0 %⁶ from FY2009 to FY2012.

In comparison with the OECD average of 5.0 % for the proportion of GDP devoted to public expenditures for education, including local government expenditures, Japan earmarked 3.3 % in 2008⁷. Although Japan does not reach the average among OECD countries for the proportion of GDP given to public expenditures for education, budgeting for education is considered a “forward-looking investment for the future”, and the Japanese Government is taking measures to secure sources of funding for necessary budgeting, and making efforts to further expand this investment.

III. Main Education-related Efforts and Direction of Efforts from Now

This section takes up the following themes that are considered major issues and efforts in the field of education in Japan: “Improvement of School Educational Capabilities”, “Enhancement of Learning Contents”, “Reduction of Burden of Educational Expenses”, “Fostering Global Human Resources”, and “Assistance for Young People’s Employment and Improvement of Career and Vocational Education”.

1. Improvement of School Educational Capabilities (Increasing number, improving quality of teachers)

In order to improve school educational capabilities, developing the quality of teachers and enhancing the educational environment for learning by reducing class size are essential. In particular, improving the quality of teachers and increasing their number are requisite for developing effective “individual-oriented instruction”, which includes organizing instruction according to the level of achievement and interest of students and teaching in smaller classes, the promotion of these efforts being based on the new curriculum guidelines.

Improving Teacher Quality – It is necessary to promote comprehensive measures for improving the qualifications and capability of teachers at each level of a teacher’s career, from initial teacher training and employment to further training after employment. As one of the systemic reforms in recent years, the Teaching Profession Graduate School System was established in 2008 to

⁴ *Chikujou Kaisetsu Kaisei Kyouiku Kihon-hou* (Clausal Commentary on Revised Basic Act on Education), Soichiro Tanaka, 2007, pp. 2-3.

⁵ Basic Plan for the Promotion of Education (provisional translation). <http://www.mext.go.jp/english/lawandplan/1303463.htm>

Further reference: *2008 White Paper on Education, Culture, Sports, Science and Technology*, Chapter 1: “Comprehensive Promotion of Educational Policy”, Section 1: “The Formulation of the Basic Plan for the Promotion of Education”. http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/hpab200801/detail/1292575.htm

⁶ National budget for education: from 3,9228 trillion yen (2009) to 4,2737 trillion yen (2012). A breakdown of the FY2012 education budget is as follows:

- National government’s share of compulsory education expenses: 1,5597 trillion yen;
- Operating grants for public universities: 1,1423 trillion yen;
- Subsidies for private schools: 451,8 billion yen;
- Free tuition fee at public high schools/High school enrollment support fund: 396 billion yen.

⁷ OECD (2011), *Education at a Glance 2011: OECD Indicators*, OECD Publishing, p. 231. For the Russian Federation, the proportion was 4.1 %.

improve training at the initial teacher training stage by providing more practical teacher training at the graduate-school level. As a core program for teacher training, this system aims at developing teachers who are able to play leadership roles at schools and in communities. Up until recently, a two-tier training system had been in place for new teachers and teachers with ten years' experience, but in fiscal 2009, a teacher certification renewal system was introduced that requires all teachers to receive and complete a course for renewing their teaching certificate every ten years, with the aim of helping teachers acquire the latest pedagogical knowledge and skills on a regular basis so that they can maintain and enhance their qualifications and capabilities as teachers.

Number of Teachers – This issue involves the reorganization of class size (reducing the number of students per class) and the staffing levels of teachers. In order to ensure the equalization of educational opportunities and the maintenance and improvement of educational standards, standards are stipulated for the number of students per class (legal standards for class sizes) and the distribution of teaching staff (staffing levels of teachers) at public elementary, junior high, and high schools in Japan. In 1980, the standard for class size was set by law at 40 students (before that it was 45 students), but a revision in the law in 2011 reduced the number of first-year elementary students only to 35 per class. For other levels, a mechanism was introduced that allows cities, towns, and villages to flexibly organize their schools' classes in accordance with the situation at the schools and community, as well as to allow schools to increase the number of teachers above the staffing standard in special cases. (Up to now, it was also possible to increase the distribution of teachers if smaller-group instruction was necessary or special educational guidance and consideration for students were necessary in cases of bullying, absenteeism, and so on. In cases when specialist guidance regarding teaching materials and others requiring special knowledge and skills in elementary schools, or when circumstances require special consideration for the provision of specialized instruction to students with handicaps, the increase of staffing levels was possible.) MEXT is now making efforts to further review the current system so that class sizes can be reorganized allowing flexible and detailed instruction.

2. Enhancement of Learning Contents (Revision of Curriculum Standards and PISA Investigation)

Revision of Course of Study – With the aim of ensuring uniform educational standards throughout the nation, the Japanese government sets the courses of study⁸, based on the School Education Law, as general standards for the detailed curricula developed by schools.

The courses of study generally are revised extensively every ten years. The latest revised courses of study⁹ aim at having students: (i) definitely acquire the fundamental knowledge and capability ("academic ability") to identify by themselves social and other problems and then study, consider, independently evaluate, act on, and resolve them, no matter how society changes; (ii) develop a "richness in mind" that instills consideration for, sensitivity, and a willingness to cooperate with others while disciplining oneself; (iii) and foster a "zest for living" that places importance on striking the right balance between study and health and physical strength ("healthy body") to live a vigorous life.

Particularly to foster "academic ability", it is necessary to give students a solid grounding in fundamental knowledge and skills and to foster their ability to utilize this capability as twin pillars of education. Calling for an increase in the number of classroom hours, the new courses of study place importance on improving repetitive learning so that students can thoroughly learn difficult contents, and on learning activities and problem-solving-oriented learning such as observations, experiments and the preparation of reports and essays so that students can learn to utilize the knowledge and skills they have studied. The courses of study also emphasize the improvement of language education, science and mathematics education, cultural and traditions education, experiential education, moral education, and foreign language education.

Results of PISA Survey – The OECD Programme for International Student Assessment (PISA) shows the academic achievement and learning situation for Japanese children in comparison with international standards.¹⁰ Although the 2009 PISA survey showed improvements in Japanese students' academic ability, particularly reading comprehension, it also revealed various problems: (i) in comparison to the students from the world's highest ranking countries, there are still a substantial number of Japanese students who are at lower strata of achievement; (ii) although Japanese students are good at identifying the necessary information in reading comprehension, they are somewhat weak at understanding the relevance of the information and interpreting it and linking it to their own knowledge and experience; (iii) although the average score for mathematical literacy was higher than the OECD

⁹ Revised courses of study for elementary and junior high schools (2008) and revised courses of study for high schools and special support schools (2009).

¹⁰ 2009 PISA survey results: reading comprehension: 520 (Japan fifth place out of 34 OECD countries); mathematics – 529 (4th /34 countries); science – 539 (2nd /34 countries); Japanese students' reading comprehension score showed a significant improvement from the score of 498 (12th /30 countries) in the 2006 survey.

Source: <http://www.pisa.oecd.org/dataoecd/54/12/46643496.pdf>
FY2010 MEXT White Paper (Japanese version), p. 154.

⁸ MEXT stipulates courses of study for elementary, junior and senior high schools, and special support schools.

average, there was some gap between Japan and the highest-ranking countries; (iv) although progress is being made in Japanese students' reading activities, compared to their peers in other countries, many Japanese students still do not read books¹¹.

In order to further improve the contents of learning from now, MEXT issued the above-mentioned new courses of study, based on analyses of the results of the PISA surveys since 2000. The courses of study place importance on a balance between the acquisition of knowledge and skills and the development of students' ability to think, make judgments, and express themselves. MEXT is focusing its efforts on improving language, science and mathematics education by increasing lesson hours, promoting "individual-oriented teaching" that organizes instruction according to the level of achievement, the interest of students and reduces class size, and encouraging reading activities.

3. Reduction of Burden of Educational Expenses

With Japan's continuing severe economic situation, ensuring that all people who have the motivation to learn have the opportunity to receive the education they desire and to improve their abilities is vital.

In Japan, compulsory education from public elementary schools (six years) to public junior high schools (three years) is free, and from FY2010, so that all students who wish to do so are able to continue on to high school (three years), high school tuition has effectively become free.¹² Since the establishment of this measure, there has been a decline in the number of students discontinuing their education due to economic reasons.

The Japanese government is making efforts to reduce the burden of educational expenses on households by expanding scholarship programs, reducing university tuition, and so on so that young people who want to receive a higher education will not have that opportunity taken from them because of only economic reasons. Particularly in 2011, since assistance was necessary for children whose families' household finances were drastically impacted by the Great East Japan Earthquake disaster, necessary budgetary measures were taken by the government, including the passing of a supplementary budget.

4. Fostering Global Human Resources

As international competitiveness intensifies with the advancement of globalization, promoting the development of internationally competitive universities and fostering human resources who can play active roles in the international community are important issues for Japan.

Of particular concern in recent years is the declining numbers of Japanese students who are studying abroad (82,945 students [2004] to 59,923 [2009])¹³, an indication that Japanese young people are becoming "inward looking" while globalization continues to advance. The fostering of human resources who can survive and flourish in a globalized world is indispensable for Japan, which has always considered "human resources" as an invaluable resource.

Within this context, further promoting the internationalization of universities and mutual exchanges with overseas students is necessary.

In recent years, Japan has been promoting the internationalization of Japanese universities through various programs, including: "CAMPUS Asia: Collective Action for Mobility Program of University Students in Asia," which is developing a framework for promoting exchanges among universities in Japan, China, and South Korea; the development of collaborative educational programs with American and other Asian universities; the establishment of joint-use offices¹⁴ with overseas universities to provide a convenient "one-stop service" to encourage overseas students to study in Japan.

In order to promote the internationalization of universities in Japan, Japan has been expanding the acceptance of excellent overseas students and foreign faculty, for example, by introducing courses conducted in English in which it is possible to receive a degree and by expanding various types of support for overseas students and foreign faculty in order to expand the acceptance of foreign students and faculty in programs in which, from an international perspective, the proportion of foreigners is small.

Moreover, in order to foster human resources who can play active roles in the global society, it is important to promote international understanding, including cross-cultural understanding, as well as, of course, to further young persons' understanding of Japan's own history, culture, traditions, and so on. To accomplish this, Japan is making efforts to boost education for international understanding at each stage of schooling, and to move forward with efforts to expand international exchanges with overseas students.

5. Expansion of Employment Assistance for Young People and Career and Vocational Education

In recent years, the employment situation for young people has worsened, as the overall unemployment rate for young people and the employment rate for non-regular employees have risen, and the employment rate for new graduates has fallen while there

¹¹ FY2010 MEXT White Paper (Japanese version), pp. 154-155.

¹² "Free tuition fee at public high schools/High school enrollment support fund system".

According to this measure, tuition is not charged at public high schools. For private high schools, students receive funding equivalent to the amount for tuition at public high schools. <http://www.mext.go.jp/english/elsec/1303524.htm>

¹³ OECD, "Education at a Glance," MEXT statistics (January 2012) based on data from UNESCO Institute for Statistics, IIE's "Open Doors," Ministry of Education of the People's Republic of China, and the Ministry of Education of the Republic of China.

¹⁴ Tohoku University has established an office in Russia.

is also a high turnover of young workers. The reality is that there is not a smooth transition from school to society and an occupation¹⁵.

Moreover, young people's immature will and sense of purpose toward work and decline in their basic capabilities as career-oriented workers, such as their declining communication skills, have often been pointed out. Many issues have arisen hindering young people's transition to social and occupational independence.

This lack of basic competencies and mental preparedness required for young people to become full-fledged members of society is a main factor hindering their smooth transition from school to society. Thus it is important for an environment to be prepared within which children can learn eagerly and with their eyes fixed toward the future.

Based on this situation and these issues, the Central Council for Education, a consultative body to the Minister of MEXT, is studying "Future vision on career education and vocational education at school." The Central Council proposed in January 2011 recommendations in line with the following three basic directions: 1) "Promotion of systematic career education from early childhood education to higher education," 2) "Importance of practical vocational education and reevaluation of significance of vocational education," and 3) "Support for career formation from the perspective of lifelong learning." Based on these recommendations, MEXT is making efforts to enhance career education and vocational education in schools in collaboration with regional communities and industries¹⁶.

4. Towards Formulation of the 2nd Basic Plan for the Promotion of Education

It will soon be five years since the Basic Plan for the Promotion of Education was first formulated in 2008, and before that the Central Council for Education, the above-mentioned consultative body to the MEXT Minister, is holding discussions for the formulation of the 2nd Basic Plan for the Promotion of Education¹⁷.

In December 2011, the "Basic Thinking on Drafting a Second Basic Plan for the Promotion of Education", the main outline for the Basic Plan, was prepared. This outline sets forth a paradigm for education in the future.

Basic concepts showing the future direction of educational administration are expressed as: "fostering the ability to survive in society," "fostering human resources that will play active roles in the future," "building a learning safety net," and "forming human bonds and a vigorous community". Setting clear educational targets for the formulation of the new 2nd Basic Plan for the Promotion of Education, which will go into effect in fiscal 2013, and specifying concrete and systematic measures for realizing those targets are still issues for consideration, and study and discussion will continue so that these measures for further enhancing education can be advanced in a comprehensive and strategic way.

Conclusion

It is said that education is an investment in the future, and certainly educational policy and the enhancement of investment in education are certainly indispensable for building the Japan of the future. MEXT is making all efforts for enhancing educational policy and investment in education in order to build the future of Japan, with the understanding that the enhancement of educational policy and investment are essential for the growth of Japan in the future, while fully studying and considering both the strong points of and issues for the educational system that has built Japan up to now.

REFERENCE

White Paper on Education, Culture, Sports, Science and Technology (Japanese version) (fiscal 2010), Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. Other reference materials are indicated within the text of this report.

¹⁵ The unemployment rate for young people aged 15 to 24 increased from 4.5 % in 1991 to 9.4 % in 2010. (Source: "Labor Survey," Bureau of Statistics, Ministry of Internal Affairs and Communications). The employment rate for non-regular employees for young people aged 15 to 24 rose from 9.3 % in 1991 to 31.7 % in 2010 ("Labor Survey, Special Survey" [February survey], "Labor Survey [Detailed results]" [January to March survey], Ministry of Internal Affairs and Communications). The job turnover rate for new graduates (March, 2007) within three years of graduating was 65 % for junior high school graduates, 40 % for high school graduates, 31 % for university graduates, and 41 % for junior college graduates. ("Survey on Employment Turnover for New Graduates" Ministry of Health, Labour and Welfare).

¹⁶ Reference: MEXT FY2010 *White Paper* (English version).

¹⁷ In June 2011, the Central Council for Education was asked by the Minister of MEXT to begin study on the 2nd Basic Plan for the Promotion of Education, and the Council subsequently began discussions on the Plan.

MY DEBT TO ASEAN AS AN ENGLISH LANGUAGE EDUCATOR

Larry E. Smith

Larry E. Smith is President of Christopher, Smith & Associates (CSA) LLC, Executive Director of the International Association for World Englishes, Inc. (IAWE), Co-Founding Editor of *World Englishes: Journal of English as an International and Intranational Language*.

E-mail: csa@lava.net

The author of the paper shares his personal experience as an English language educator involved in the coordination of teaching and learning English as an IL (International Language). He discusses the role of English as EIL (English as an International Language) in the global context of contemporary world. The origin of the International Association for World Englishes is traced. The activity of the East-West Center (Honolulu, Hawaii) is evaluated as well as the author's participation in this and other international organizations and workshops aimed at promoting ASEAN principles of 'dialogue and consensus' along with that of 'unity in diversity'.

Key words: ASEAN (Association of Southeast Asian Nations), EIL (English as an International Language), WE (World Englishes), IAWE (International Association for World Englishes).

I have learned a great deal about English language education from ASEAN principles and feel greatly indebted to the organization and to the citizens of this region.

I began my English language teaching (and teacher training) career in Thailand in the 1960s as a U. S. Peace Corps volunteer. I left Bangkok in the summer of 1967 for Honolulu and was most interested in the news of the formation of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) by the Bangkok Declaration of August 8, 1967. It was fascinating to learn that the plan of operations was to be based on the two principles of *dialogue* and *consensus* among the member states. Although there were only five members at the beginning, still there was great political, cultural and historical diversity. All of the world's great religions had (have) significant adherents and there was (and is) extraordinary ethnic and linguistic diversity in the region. In spite of this tremendous diversity in every category, the 'ASEAN' way was (and is) to work on issues through dialogue and consensus.

In 1970 I was invited to join the East-West Center to design and coordinate a program of activities for English language educators (both teacher trainers and administrators) from Asia, the Pacific and the United States. It turned out that most of the participants came for the ASEAN region and for more than two decades I was able to organize a training program of workshops for these scholars which lasted six months for school administrators and nine months for teacher trainers. The workshops were led by experts at the East-West Center and from the University of Hawaii. All of the assignments were designed so that the emphasis was always placed on *dialogue with respect* so that the participants learned as much from one another as they did from those leading the workshops. Ungku Mainunah Mohd Tahir (Malaysia) and Daw Pwa Yin (Myanmar) stand out in my memory as participants who were able

to develop consensus from the very divergent views among us. A part of my responsibility was to make follow-up visits to the region annually. Needless to say, I was the one who learned the most from these experiences. Because of this my understanding of the role of English in the region changed completely. I had started with the belief that English was being learned in the ASEAN countries either as a foreign language (EFL in Indonesia and Thailand) or as a second language (ESL in Malaysia, the Philippines and Singapore). Rather quickly I discovered it was more complex than my simple definitions could handle. It only became more complex when Brunei joined in 1984, Vietnam in 1995, Laos and Myanmar in 1997 and finally, Cambodia in 1999.

During my discussions at the East-West Center and in the region I realized that English was being used primarily as a medium for international dialogue and in some cases as an auxiliary language for internal purposes. Based on my experiences, I decided that it was time to move away from the terms ESL and EFL and for a formal name change to be established for the discipline. In 1976 my paper "English as an International Auxiliary Language" was published in the **RELC** (Regional English Language Centre) **Journal** (Vol. 7, № 2, December, 1976). In this paper I tried to make clear how English as an International Language (EIL) is different from EFL and ESL. I said that English is not owned only by its native speakers but by everyone who uses it. "*It is yours (no matter who you are) as much as it is mine (no matter who I am). We may use it for different purposes and for different lengths of time on different occasions, but nonetheless it belongs to all of us.*" I pointed out that fluent speakers of English are not limited to only mother-tongue speakers. In fact, even at that time, non-mother-tongue fluent speakers of English outnumbered mother-tongue speakers. I argued that the spread of English around the world was with-

out precedent, that it truly was 'global'—that non-native speakers use English quite frequently with other non-native speakers and they need specific training to do that successfully and that native English speakers needed similar training in international communication if they were going to successfully interact with non-native speakers or other native speakers who use a different national variety of English. I attempted to clearly state that ways of speaking and patterns of discourse are different across national cultures. Americans may speak English natively yet may not be able to properly interpret what an Australian has said even though s/he too is a native speaker. Problems of interpretation are also likely to occur when native speakers are dealing with non-native English users. Often these misinterpretations develop into serious misunderstandings. In many instances, the interlocutors are unaware that the basic problem in miscommunication is caused by two false assumptions: (1) If a person has native or native-like grammar, lexis, and phonology, appropriate communication will automatically flow; and (2) Ways of speaking and discursive patterns of all fluent speakers of English are the same. I tried to convince readers that a good command of English grammar, lexis, and phonology is necessary to facilitate international communication but it is not sufficient. Information and argument are structured differently in different cultures, the place of silence, appropriate topics of conversation for particular situations, and the expression of speech act functions, e.g. suggestions and refusals, are not the same across cultures. Levels of politeness, irony, and understatement are frequently misinterpreted when the speakers come from different nations. Native speakers need as much training as non-native English users in how to recognize and cope with these communication barriers and how to develop strategies to overcome them. I stressed that native-speakers were not necessarily the best teachers of English in every case and were not the sole judges of what was intelligible or grammatically acceptable. I pointed out that English is an international language but it is not universal (i.e. everyone in the world uses it) nor should it be. There are other important languages which also function internationally and that is desirable. Of all these languages, however, at this time in our history, English is the one used most frequently in international circumstances. Another point I tried to make was that English as an international language refers to functions of English, not to a given form of the language. It is the use of English by people of different nations and different cultures in order to communicate with one another. It is not a new form of BASIC (British American Scientific International Commercial) English, promoted by C.K. Ogden and I.A. Richards). This position created quite a stir in the area of English language education and it was decided that a conference on the topic should be held at the East-West Center.

In April 1978, the East-West Center in Honolulu, invited a small group of highly respected scholars for a two-week conference on English as an International Language (EIL). Among those scholars were M.L. Boonlua Debyasuvarn of Thailand, Aurora L. Samonte of the Philippines, Mary W. J. Tay of Singapore and Irene F. H. Wong of Malaysia. As the method for interaction, the conference used the defining ASEAN concepts of dialogue with respect to reach consensus. In spite of the great diversity (and some major disagreements) among the participants, the discussions were always civil and very productive. I edited the papers from the conference resulting in a book titled **English for Cross-Cultural Communication**, St. Martin's Press, 1981. Braj B. Kachru and Randolph Quirk, also participants, wrote an *Introduction* stating, in part: "We met to probe issues opened up in Smith (1976). It was a unique learning experience, where examples of the object under discussion were audibly and automatically used as the medium itself in which it was discussed. There were almost as many varieties of English – native and non-native, western and non-western – as there were participants. Numerous cultural, linguistic, ideological and other differences could be found among the participants, but they all had this one thing in common: all of them used the English language to debate, discuss, and argue questions which concern both native and non-native users of English, as well as the global uses of English in various sociolinguistic contexts in different parts of the world...The aim of the group was to discuss in what sense, after several generations' experience of the use of English around the world, there was need for a new direction and a new orientation in the teaching and learning of English... In the profession of English teaching, a fundamental and compelling distinction has long been established between (1) English as a mother-tongue; and (2) English for speakers whose mother-tongue is other than English. More recently, but with gathering insistence over the past thirty years, (2) has been itself subdivided as between (2a) English as a Foreign Language (e.g. in Indonesia and Thailand) and (2b) English as a Second Language (i.e. where English has major functions in daily life, as in the Philippines and Singapore). The Honolulu conference raised the question as to whether this later distinction, between (2a) and (2b), adequately grappled with the pragmatic facts of language use—in, for example, ignoring (or tacitly accepting) traditionally established relations between English standards in the countries where English is the mother-tongue (1), and those in countries where it is not (2). Of these latter, those in (2b), where English has unique functions, uniquely related to non-native social, cultural and industrial contexts. The issue of models in English acquisition was therefore very much on the conference agenda as

members focused attention on the new demands being made on English as an international and intranational language, a reorientation of the distinction between (2a) and (2b) which has far from purely academic interest. There are serious theoretical and pedagogical implications. The deliberations at the conference resulted in the following statement: **1. As professionals, members of the Conference felt that the stimulus given to the question of English used as an international language has led to the emergence of sharp and important issues that are in urgent need of investigation and action. 2. These issues are seen as summarized in the distinction between the uses of English for international (i.e. external) and intranational (i.e. internal) purposes. This distinction recognizes that, while the teaching of English should reflect in all cases the sociocultural contexts and the educational policies of the countries concerned, there is a need to distinguish between (a) those countries (e.g. Thailand) whose requirements focus upon international comprehensibility and (b) those countries (e.g. Singapore) which in addition must take account of English as it is used for their own intranational purposes. 3. Needed now is a well-coordinated program of workshops and conferences as well as advisory and training programs. These would focus upon particular intranational, international and professional questions, and should be organized with flexibility in the choice of location. Meetings should have two crucial aims: (a) assisting in professionalizing the teaching force, and (b) enabling policy-makers and administrators to become familiar with all these developments and to elaborate ways of implementing them in their situations. Future support activities will need increasingly to reflect the new orientation that has emerged....**The conference blazed the trail for a new approach which provides a realistic framework for looking at English in the global context, and for relating concepts such as appropriateness, acceptability and intelligibility to the pragmatic factors which determine the uses of English as an international or intranational language."

This two-week Honolulu conference in the spring was followed by a three-day conference in the summer organized by Braj B. Kachru at the University of Illinois at Urbana-Champaign in conjunction with the 1978 Linguistic Institute of the Linguistic Society of America. Braj Kachru edited a selection of papers from this conference which were published by the University of Illinois Press in 1982 with the title, **The Other Tongue: English across Cultures**.

English as an International Language (EIL) became a popular topic at conferences and symposia devoted to English language education. In 1983 I edited a collection of papers under the title, **Readings in English as an International Language** which was published by Pergamon Press in Oxford, UK. The chapter

that received a great deal of attention was one written by Willard Shaw about Asian student attitudes towards English. Shaw conducted a survey among final year bachelor degree students in India, Singapore and Thailand. The students were in the fields of English literature and teaching, engineering, and business/commerce. Over 825 students from twelve universities and colleges participated in the study. There were 342 from India, 170 from Singapore and 313 from Thailand. The last three points of his conclusion are worth repeating. "The future growth of the use of English seems to be a certainty. These students plan to use English more often themselves and they plan to have their children learn it too. They also foresee an expansion in its use throughout the world. A major factor aiding this growth will be the decolonization and indigenization of English. It is now seen less as a symbol of imperialism and more as a viable candidate for the world's most important international language. It is also becoming viewed as a local language by those using it for Intranational purposes. There is an increasing acceptance of these educated forms as varieties to be supported as much if not more than native varieties. This movement will have important repercussions on the way English is taught in the non-native-speaking countries. It also raises the question of its effect upon the mutual intelligibility of these varieties. As the number of non-native speakers grows and as they increasingly come to accept English as one of their own languages and not a tool borrowed from someone else, the future of English will become less and less controlled by the native-speaker arbiter in areas outside his homeland. It is often said that the British gave the English language to the world. Perhaps the time has come when the world have finally decided to fully accept the gift."

In 1983 Richard Via and I published with Pergamon Press the book, **Talk & Listen: English as an International Language Via Drama Techniques**, using simulations to teach the skills of listening and speaking in international contexts and Eva Weiner and I published (also with Pergamon) a workbook titled **English as an International Language: A Writing Approach** which was designed to provide students opportunities to write freely of their own background of experience and eventually learn how to edit their own work.

In 1984 Braj Kachru and I were invited by Pergamon to become the editors of their journal which was devoted to the use of English as a world language. It was called **World Language English**. Braj and I thought there was a need for a journal devoted to the use and study of English around the world but we didn't want to promote the idea that there was a form of English which might be called world language English or international English so we agreed to accept the challenge of being new editors if Pergamon would accept our new name for the journal. We insisted it be

titled **World Englishes: Journal of English as an International and Intranational Language**. With a great deal of reluctance, they agreed and the first issue was published in the summer of 1985 and dedicated to (then) Sir Randolph Quirk, FBA. In our first Editorial we wrote, "What does the term 'Englishes' imply? It is significant in many ways. 'Englishes' symbolizes the functional and formal variation in the language, and its international acculturation. The recognition of this functional diversity is so important that we have indicated it in the sub-title of **WE (Journal of English as an International and Intranational Language)**. **World Englishes (WE)** is intended for students, researchers and teachers of language, literature, and the methodology of English teaching. The aim is to provide an international outlook on these areas of research. The approach is integrative and aims at exploring the relationships in the study and teaching of English language and literature. In literature, the main concern is with what we have called non-native literatures in English. In methodology, **WE** does not subscribe to any one method or approach, for, as yet, the claim of universality for any approach is suspect. **WE** is integrative in another sense, too. The editorial board considers the native and non-native users of English as equal partners in deliberations on users of English and its teaching internationally. **WE** is thus a vehicle which may be used to share the vast Western and non-Western expertise and experience for the benefit of all users of English. This mutual sharing of ideas, research and resources will be reflected in the contributions and reviews, and in the readership of **WE**. The acronym **WE**, (not *us* vs. *them*) therefore aptly symbolizes the underlying philosophy of the journal and the aspirations of the Editorial Board." Influential Board members from the ASEAN region have included Andrew Gonzales and Ma. Lourdes Bautista (Philippines), Edwin Thumboo and Anne Pakir (Singapore) as well as Mayuri Sukwiwat (Thailand). Blackwell Publishers purchased **World Englishes** from Pergamon in 1992. In the Editorial of the March, 1993 issue Braj and I wrote, "The uniqueness and freshness of the journal is clearly articulated in the title of the journal itself and in the pluralism of 'Englishes' in **World Englishes**. **WE** was launched with a vision that was both inclusive and international. And the slate of editors of the journal reflected that commitment to internationalism and the cross-cultural dimensions of English. Since 1985, with each new issue of the journal, the integrative message of **WE** has been sharpened. This would not have been possible without the cooperation and input of the international scholarly community. This input has come through various channels, specifically from the editorial board of **WE**, from contributors across the English-using world, from those who use **WE** as a resource for teaching and research, and from a wide variety of

opinions and concerns which the readers have shared with the editors. In each issue of **WE** we keep in sight the major aim of the journal, that is to provide an integrative approach to English studies in the world context—the linguistic innovations, creativity in English literatures, and complex issues related to methodology of teaching. And in order to emphasize this pluralism and the multi-cans of Englishes, we are fond of using the term 'the **WE**-ness of **WE**', thus rejecting the dichotomy between **US** and **THEM** (the users of English as a first language and those who use it as their additional language). The special thematic issues, often edited by a guest editor, have been received by the profession with enthusiasm, and a number of these are used as textbooks or recommended reading in various countries in courses related to world Englishes. Among these special issues are two related to the ASEAN region: **Englishes in Southeast Asia**, guest edited by Ee Ling Low and Anne Pakir and **Philippine English: Tensions and Transitions**, guest edited by Ma. Lourdes S. Bautista and Kingsley Bolton. In the general (non-thematic) issues of **World Englishes** we have been fortunate to receive and publish articles written by scholars working in countries of the ASEAN region, including Brunei, Indonesia, Malaysia, the Philippines, Singapore, Thailand, and Vietnam.

In 1987 my edited volume titled, **Discourse Across Cultures: Strategies in World Englishes** was published by Prentice Hall as part of their series called **English in the International Context**, edited by Braj Kachru. In the Foreword, Randolph Quirk stated, "In our advance towards recognizing the essential cultural component in our use of English for international purposes, we must increasingly recognize too that a society's culture is often most exquisitely represented in its literature. This present volume deserves special attention because it focuses on two unique functions of English. It not only discusses the role of English as an international language as an exponent of different cultural values, but it also presents the international uses of English in various literatures around the world. It is evident that these two functions are remote from those that were carried by English before it became a language of international communication." In the Series Editor's Foreword, Braj Kachru wrote, "The five parts of this volume represent five major areas of concern and research on English in the world context. In the thirteen chapters an attempt is made to present the theoretical and classroom implications of intercultural communication, the bilinguals' creativity, and the relationship of text, context and interpretation. These issues are of interest in several interdisciplinary fields of knowledge. However, in this volume these issues are specifically related to English, and the illustrations are drawn from diverse types of texts – literary and interactional – from various English-using parts of the world." In my Preface to the volume, I said,

"The EIL concept, as introduced almost a decade ago (Smith, 1976), is based on the premise that English is the property of its users, native and non-native, and all English speakers need training for effective international communication. The core argument of EIL is that non-native speakers do not have to use English the same way native speakers do; indeed it may be actively counter-productive, in terms of effective communication, for them to do so. There are still many people who have never heard of EIL, or who are confused by it. There are those, for example, who think it to be a kind of English for special purposes (ESP) or to be the same as English as a second or foreign language (ESL/EFL). EIL is not English for special purposes with a restricted linguistic corpus for use in international settings, nor is it the same as EFL and ESL. In EFL and ESL, English is regarded as the sole property of its native speakers and the focus is on international communication between a native speaker and a non-native speaker. It is assumed that the non-native English speaker should work towards a native speaker's communicative competence. In ESL/EFL there is no attention given to cross-cultural communication between native speakers from different countries, and little attention given to international communication between non-native speakers. The theory of EIL asserts that linguistic competence equivalent to that of a native English speaker is not enough to ensure successful international communication. Most native speakers have yet to realize that if they are going to be effective cross-cultural communicators, they must learn how other cultures structure information and argument, as well as how they use English to do things such as make refusals, compliments, suggestions, etc. This includes those other cultures whose first language is also English. Britons and Americans have had many cross-cultural communication problems with one another even though they share a common language. Equally important, the theory of EIL argues that non-native users of English must be prepared to interact with one another as well as with native speakers, and that this implies the need for more than a study of basic English. It has been assumed in the past that problems in cross-cultural communication hinge primarily on linguistic ability; and that if the relevant parties speak or write English competently (i.e. like a native speaker) the communication problems will be solved. What usually happens in ESL/EFL courses is that non-native speakers are trained to interact with a group of native speakers assuming that if they can interact well with them, they will be able to interact successfully with all other fluent (native and non-native) users of English. ESL and EFL generally fail to take into account the fact that today there are more non-native users of English than there are native users, and more and more frequently international interactions in English take place between non-native speakers. EIL recognized that different language groups have

different ways of speaking. These create different discourse patterns which are carried over, in part, into their use of English. Users of English in international contexts must be prepared to deal with diversity and not to expect that all English users will communicate in ways similar to their own. This volume should serve as a step towards understanding these complex issues which are involved in a discourse across cultures using the many Englishes of the world".

Due to the interest generated by these books and the journal **World Englishes**, a professional organization was formed in 1992 for all those interested in the use of English globally and the consequences of that use with the aim of establishing links among those who are involved with any aspect of world Englishes. I became the first president and when the International Association for World Englishes (IAWE) became a legal non-profit 501(c) (3) corporation with headquarters in Honolulu, Hawaii, I became the first executive director. Since that time IAWE Presidents have come from different parts of the world. Our current President is Zoya G. Proshina of Lomonosov Moscow State University. Since 1992 IAWE conferences have been held in Africa, Asia, Europe, North America and the Pacific. One of the meetings in Asia which had an ASEAN emphasis was held in Singapore in 1997 at the National University of Singapore with Anne Pakir as program chair. That same year, **World Englishes 2000** appeared which Michael Forman and I edited and contained Pakir's excellent chapter "Standards and Codification for World Englishes".

When the ASEAN Charter was adopted in November 2007 and signed into law in February 2009, I was impressed that political leaders in the region recognized the need for a more formal and legal organization and structure. As I understand it the charter attempts to define 'a more cohesive structure with specific rules of engagement for member countries', while, at the same time, maintaining the sanctity of the sovereign state through the principle of non-supra-nationality. The principles listed under Article 2 of the Charter specify the policy of unity in diversity. From a language point of view, Article 34 is striking. It states that 'the working language of ASEAN shall be English'. This is a remarkable difference from the European Union which has twenty-three official and working languages. The European Parliament is required to provide translations of important documents into every official language for its plenary sessions. This has resulted in immense resources in time, effort, and money being spent to fulfill this requirement. ASEAN has avoided this altogether and from an outsider's point of view, it appears that this decision making English the sole working language of ASEAN is uncontroversial among the member nations.

Based on this action in ASEAN I became convinced that I needed to be more creatively involved in the teaching and learning of English as an International

Language/ World Englishes. In December of 2007 the Global Challenge Program was established and the first pilot activities, done in cooperation with IAWWE, were held in the summer of 2009. One of the activities specifically designed for students of English is called '*Living World Englishes*'. It is a three week program in Honolulu where university students from Asia live with a local English speaking host family and take part in interactive activities. The students are required to (1) complete fifty interviews with people who speak a different variety of English from themselves, (2) read and write a report on an award winning book (examples include **Mass** by F. Sionil Jose, **Web of Tradition** by Woo Keng Thye, and **The Third Encounter** by Trirat Petchsingh) which was written in English by a non-mother-tongue English writer, and (3) complete twelve cultural observation (CO) reports. These CO written reports may, for example, be a comparison between the shops in Honolulu's Chinatown with those in Waikiki in terms of prices, customers, and languages heard being spoken. Another of the activities for Asian university students is called a '*Professional Experience in World Englishes*', where the students participate in job shadowing for two, three or six weeks. Students in this program are placed in educational institutions, non-profit organizations (e.g. YMCA or the Red Cross), or local businesses (hotels or theme parks). The objectives are to a) observe the daily workflow, b) gain cross-cultural communication skills in diverse environments; c) learn about connecting with local organizations and offices for effective results; d) gain personal growth and professional skills for a future career; and e) be involved in meaningful activities which contribute to the success of the organization. Students spend 20 hours a week at the job shadowing site and make weekly written reports about their responsibilities. They also meet once a week with other members of their job-shadowing cohort where oral reports are given and discussed. During these meetings we also discuss the problem of intelligibility of different varieties of English across cultures, the most effective methods and materials for teaching English and the legitimate concerns regarding the consequences of the global spread of English; sometimes referred to as cultural hegemony or linguistic imperialism. For these discussions we use the book **Cultures, Contexts, and World Englishes** that Yamuna Kachru and I published in 2008 and an ebook that I published in 2011 called **SELF-Leadership: Directions from Within**.

and grow in power in the region and around the world. I am grateful to have this opportunity to express my appreciation for the positive influence ASEAN has had on me personally and professionally as an English language educator. Although my debt is great, I will try to repay part of it by attempting to live by the ASEAN principle of discussion with respect toward unity in diversity.

REFERENCES

1. Bautista Ma. Lourdes S. and Bolton Kingsley (guest eds.) Philippine English: Tensions and Transitions. World Englishes. 2004. Vol. 23, No. 1.
2. International Association for World Englishes, Inc. (IAWE) at www.iaweworks.org
3. Global Challenge Program: <http://gcp-hawaii.com>
4. Jose Sionil F. (2009) *Mass*. – Solidaridad Publishing House.
5. Kachru, Braj B. ed. (1982) *The Other Tongue: English Across Cultures*, Urbana. IL: University of Illinois Press.
6. Kachru, Braj B. and Larry E. Smith eds. (1985) *Editorial in World Englishes: Journal of English as an International and Intranational Language*, 4:2. Summer, Oxford, U.K. Pergamon Press.
7. Kachru, Braj B. and Larry E. Smith eds. (1993) *Editorial in World Englishes*, 12:1 (March), Oxford, U.K. Blackwell.
8. Kachru, Braj B. and Larry E. Smith eds. (1986) *The Power of English: Cross-Cultural Dimensions in Literature and Media*. Special Issue of World Englishes, 5: 2–3.
9. Kachru, Yamuna and Larry E. Smith (2008) *Cultures, Contexts, and World Englishes*, New York: Routledge.
10. Low Ee Ling, Pakir Anne (guest eds) *Englishes in Southeast Asia*. – World Englishes. 2010. Vol. 29, No. 3.
11. Pakir A. Standards and Codification for World Englishes. In: Smith, Larry E. Forman Michael L. (eds.). *World Englishes 2000. Selected Essays*. – College of Languages, Linguistics and Literature, University of Hawaii and the East-West Center, 1997, p. 169–181.
12. Petchsingh Trirat (1983) *The Third Encounter and Other Stories*. Editions Duang Kamol.
13. Smith, Larry E. English as an International Auxiliary Language, *RELJ Journal*, 1976, 7:1.
14. Smith, Larry E. ed. (1981) *English for Cross-Cultural Communication*. New York: St. Martin's Press.
15. Smith, Larry E. ed. (1983) *Readings in English as an International Language* / Oxford a.o.: Pergamon Press.
16. Smith, Larry E. ed. (1987) *Discourse Across Cultures: Strategies in World Englishes*. London: Prentice-Hall.
17. Smith, Larry E. and Michael L. Forman eds. (1997) *World Englishes 2000*, Honolulu, University of Hawaii Press.
18. Smith, Larry E. (2011) *SELF Leadership: Directions from Within* (ebook available from www.csaworks.com)
19. Via, Richard A. and Larry E. Smith (1983) *Talk & Listen: English as an International Language Via Drama Techniques* (students' book and teachers' book) Oxford, U.K. Pergamon Press.
20. Weiner, Eva S. and Larry E. Smith (1983) *English as an International Language: A Writing Approach*, Oxford, U.K. Pergamon Press.
21. Woo Keng Thye (1986) *Web of Tradition*. – Heinemann Asia.

I have no doubt that ASEAN will continue to mature

HIGHER EDUCATION IN INDONESIA: A TEFL CASE

Fuad Abdul Hamied

Fuad Abdul Hamied is Professor of English Education at Indonesia University of Education, Bandung, Indonesia. Currently President of the Association of TEFL in Indonesia (TEFLIN). Also now serving as an EC member of Asia TEFL and former Editor to the Journal of Asia TEFL*.

E-mail: fuadah@indo.net.id; fuadah@upi.edu

Higher education in Indonesia has adopted a strategy which has required a totally new approach where the issues of autonomy, competitiveness, and organizational health become so important. In Indonesia, we have a highly complex higher education system; therefore, in handling such a complicated system, decentralizing authority and providing more autonomy to institutions is considered as the best suited approach, plus a focus on the core of the tertiary education missions, that is teaching. With this line of thought, the paper outlines basic issues in higher education in Indonesia and discusses what they practically mean to improvement in teaching activities by suggesting that certain internationally-acknowledged standards should be adopted especially in the teaching of English at school as well as at the university level, as English plays a crucial role for the Indonesian people in participating competitively and effectively in regional and global activities.

Key words: Indonesian TEFL, higher education, educational policy, teaching standards.

Higher education in Indonesia, policy-wise, has adopted a strategy which has required a totally new approach where the issues of life-long learning, quality, relevance, accountability, institutional health, autonomy, and equity become so important. Although Indonesia has shown a significant growth in higher education development, the critical mass of educated people is still far from adequate considering the size of the population, disparities among regions and areas of coverage. Therefore, all stakeholders concerned should consider higher education development more significant in their priority list. The government intervention in higher education development is of course still needed, as we cannot just leave it to the market, considering differences of layers of development and capacity of the existing higher education institutions. Relying solely on market forces could create greater inequality and widen the gap between the rich and the poor. In meeting the challenges of globalization, Indonesian higher education development is implemented using the paradigm where institutional autonomy and accountability become the strategic issues.

It was expected that by the beginning of the current decade Indonesia has already had a competitive leverage hopefully due to the existence of highly reliable and trusted higher education institutions, and we believe that a strong higher education program will lead to a nation's competi-

tiveness. It is still, however, a long way for us to go from here. We need to take care of institutional mechanism, robust management, research and development, and last but not least quality teaching. Teaching, in the real sense of the word, that is quality teaching, has been very often overlooked in our higher education handling. Therefore, higher education in Indonesia today is challenged to fulfill this intricate, and many times dumbfounding, burden, interwoven in our daily academic activities: the very core of the university's mission and of the faculty's academic duty, the responsibility to students as specifically reflected in the vigorous pursuit of teaching in classes. In this line of thought, the basic issues in higher education in Indonesia will be first highlighted and what they practically mean to improvement in teaching activities will then be discussed with a specific reference to the standards that we need to adhere to in the teaching of English at school as well as at the university level.

The basic issues in Indonesian higher education center around the significance of autonomy, competitiveness, and institutional health, as indicated in the document of Higher Education Long-Term Strategy (HELTS), whereas the main concerns are around the pluralistic nature of our higher education institutions, both size- and capacity-wise. HELTS has correctly observed that the world is facing unprecedented challenges arising from the convergent impacts of globalization, the increasing importance of knowledge as an engine of growth, and the ICT revolution. Capability to produce, select, adapt, commercialize, and use knowledge is critical for sustained economic growth and improved living standards. In this respect, the higher education system has the responsibility in providing students with strong knowledge and understanding to be good citizens and to live meaningful lives and in the process of shaping a democratic, civilized, and inclusive society, maintaining national integration through its role as moral force, and should act as the bearer of public conscience.

* Fuad Abdul Hamied obtained his first degree from IKIP Bandung, Indonesia; M.A. in EFL from Department of Linguistics, SIUC, Illinois, USA, and PhD from the same university. Very recent topics presented at conferences include *English at Schools in the Indonesian Context*, a plenary presentation to the 20th Melita Conference at Trengganu, Malaysia; *English as a Lingua Franca: an Indonesian Perspective*, a keynote presentation to the 4th ELF International Conference in Hongkong; *Southeast Asian English Teacher Associations: Advocacy and Concerns*, a colloquium presentation to the 45th Annual TESOL Convention at New Orleans, USA, 2011. A very recent article *EFL Assessment in Indonesia*, as a chapter in a book series published by Asia TEFL.

It is also true that Indonesia is currently still on the stage of reconstructing its economy and social and political system after experiencing the worst crisis ever. Fund-wise, higher education sub-sector has to compete with more pressing sectors: basic education, poverty alleviation, and health. Although the gravity to treat these sectors as more important is indubitable, providing inadequate support to higher education would make the nation suffer a lot as a result in term of its nation's competitiveness, critical in a knowledge-driven economy. Another important contribution of higher education is its role in supporting basic and secondary education, particularly in producing quality teachers, although in order to successfully discharge this function it requires the cooperation of agencies responsible for recruitment and deployment of its graduates. The third justification for allocating public fund to the higher education sector is to ensure access to higher education for academically potential but financially disadvantaged students. Lastly, is to protect the national interests – national integration, nation and character building, and defense.

We believe that the role of higher education in the creation of knowledge economy and democratic society is more powerful than ever. Its contribution to the knowledge driven economic growth and poverty reduction is carried out as listed in HELTS through the capacity to (i) train qualified and adaptable work force, (ii) generate new knowledge to increase nation's competitiveness, (iii) access and adapt global knowledge to local use.

The geographic layout of Indonesia has made it a highly pluralistic country and a diverse nation. The diversity is reflected by its national credo: *Bhinneka Tunggal Ika*, meaning Unity in Diversity. With dozens of existing ethnics and several hundreds of different local dialects, the country might only be comparable with Europe in terms of diversity. The diversity becomes more visible by considering the disparity in economic, social, and technological infrastructure as well as in natural resources. In such a highly pluralistic country, a universal policy applied to every institution is not suitable. Although in facing urgent problems requiring quick decisions uniformity is sometimes seen as the best short-term solution, it does not fit for such a heterogeneous system. Inability to centrally manage a large and complex system could also be illustrated by the existence of malpractices such as diploma mills and new types of higher education providers that fail to be accountable in executing education process.

In Indonesia, we have a highly complex higher education system with around three thousand higher education institutions throughout the country; therefore, in handling such a complicated system, decentralizing authority and providing more autonomy to institutions is considered as the best suited approach. That was what actually was meant by the law of state-owned

legal entity, which just dismantled by the constitutional court, a set back indeed in the development of higher education in this country. The new law of higher education planned to be stipulated by June this year hopefully could rectify the blunderous policy of more restricted higher education management system. we do hope that the new law could accommodate the significance of decentralization and autonomy, in which the role of the central government, represented by the Directorate General of Higher Education (DGHE), should shift from regulating into more empowering, enabling and facilitating. However, it could still intervene through resource allocation and other means within the context of the national higher education system. By shifting the role, responsibility and accountability will also be shifted to institutions. Providing autonomy and demanding accountability will certainly need a comprehensive and consistent policy. Each relevant aspect has to be adjusted following the policy shift: funding policy, personnel policy, governance, and quality assurance system.

In implementing the policy, DGHE is required to prepare institutional formats and legal infrastructures. Institutional formats include adjustment of the structure and responsibility of DGHE, as well as the structure and responsibility of National Accreditation Body (NAB) and of the university including its legal status whereas the legal infrastructure includes higher education laws, necessary government regulations, and ministerial decrees.

The third basic issue in HELTS is the institutional health which is referred to as a state of good health or well-being in an institution. In an academic institution, this concept is characterized by its ability to flourish academic freedom, highly value innovation and creativity, and empower individuals to share knowledge and to achieve institution success. A healthy institution provides its members with the tools they need to adapt to complex and difficult situations. It gives them enough leeway and autonomy to deal with unusual demands and unforeseen circumstances. We certainly believe that a system with healthy institutions alone does not warrant that it has the capacity to respond to the environment appropriately. Likewise, a system with unhealthy institutions would not have the capability to provide the expected responses. Each institution is responsible for the institutional health within its own institution, whilst the DGHE is responsible for the organizational health of the entire system. Although a healthy institution should also take into account various aspects in its environmental context, its focus is more toward its own organizational health.

We are very much concerned with the fact that the capacity of each higher education institution varies across the country. Therefore, implementation of market economy in the pure sense should be avoided. A tiered competition, by grouping institutions having similar development

stage, type, or focus, is more appropriate. The DGHE, as a result, is forced to develop policies and programs that would encourage institutions to improve its organizational health by providing incentive, technical assistance, and corrective measures.

From the point of view of financial gains and resources, higher education institutions have received large sums from the public resources but many also generate significant funds from other sources. However, due to the previous highly centralized system that prefers compliance to a uniform standard, the capacity in most institutions to ensure cost effectiveness and efficiency and the highest academic standards is inadequate. Thus, to reach the level of healthy organization is at stake. DGHE has, therefore, the responsibility to develop and implement a systematic program to improve the institutional management capacity.

I firmly believe that as a higher education institution's core missions include teaching, research and public service, and as teaching I think is the essence of the three core missions, all higher education policies and programs in ensuring the nation's competitiveness, enhancing autonomy, and ascertaining institutional health should be maintained and developed to support teaching, bolster all its entailing teaching activity components, and reinforce all facilities it calls for. The teaching of English as a foreign language (TEFL) at higher education is indeed no exception, in this respect.

The core activity of a higher education institution is undoubtedly teaching and this is the very activity expected by the society, "of the many expectations that society has of the modern university, the most important is that it will teach well" (Kennedy, 1997 p.59). He further observes that this particular expectation envelopes many different accounts of what the product of higher education should be: culturally aware, analytical, intellectually curious, employable, and capable of leadership. This would entail the teaching activity that covers efforts in making students aware of any cultural values and encounters as they fit whatever is good at a particular cultural environment, plus efforts that could intellectually and analytically intrigue the students so that they could be ready to get involved in any future employing setup and to become 'effective future leaders.

Teaching activity that earnestly accommodates the principles of cultural awareness, analytical ability, employability and leadership is in accordance with the higher education vision as indicated in HELTS. In order to contribute to the nation's competitiveness, the national higher education has to be organizationally healthy, and the same expectation also applies to every individual higher education institution. The structural adjustment to be carried out aims to have a healthy higher education system, effectively coordinated and characterized by the features of quality, access and equity, and autonomy, the features which are certainly expected to pervade teaching activities in the classroom as well.

Quality higher education would be portrayed by its effective linkage to student needs, development of intellectual capability to become responsible citizens, and contribution to the nation's competitiveness. In addition, quality higher education should be developed as a system that could contribute to the development of a democratic, civilized, inclusive society, and meet the criteria of accountability as well as responsibility to the public. To nurture access and equity, we basically need to develop a system that provides opportunities for all citizens to a seamless learning process, inspiring and enabling individuals to develop to the highest potential levels throughout life, so that they can grow intellectually, well equipped for work, and contributes effectively to society, as well as achieve personal fulfillment. Whereas to foster autonomy is to decentralize the authority from the central government and provide more autonomy as well as accountability to institutions, plus legal infrastructure, financing structure, and management processes that encourage innovation, efficiency, and excellence. Key lexical items pertinent to teaching here include student needs, intellectual capability, enabled individuals, accountability, and excellence – attributes worth nourishing in any teaching endeavor.

Teaching requires the teacher to play various different roles exhibited in a single setting of teaching. Kennedy (1997, p. 60) faultlessly says that to be a teacher is to be many things, "... a communicator of fact, a coach for skill improvement, an inspirer of creative insight or a thoughtful guide to analytical thought, a professional mentor, and many more". To play these different roles would certainly necessitate arduous endeavors at all stages related to teaching including preparation, implementation, as well as evaluation. Expectations from the students and other stakeholders are quite different now, demanding a lot of the teacher's time, energy and attention. The students are now accustomed to a higher level of accountability.

In assisting students to be able to compete with other students coming from different nations with different cultures, a teacher is then required to develop cultural awareness, which means "being aware of members of another cultural group: their behavior, their expectations, their perspectives and values" (Cortazzy et al, 1999). They further assert that cultural awareness also means attempting to understand other people's reasons for their actions and beliefs, which then need to be translated into skill in communicating across cultures and about cultures. This can be encouraged by developing an ethnographic stance toward cultural learning, in our daily teaching activities. Hence, teaching duties embrace skills and capacities in various different domains, plus whole-hearted commitment to professionalism on the part of the teachers themselves.

Indonesian HELTS has rendered its basic issues covering the nation's competitiveness, autonomy, and organizational health. The three focal points when applied to teaching would call for various different skills

and abilities on the part of the teacher. In brief, a teacher at a higher education institution is currently expected as mentioned above to become a raiser of ICT awareness, a cultural awareness enhancer, a communicator of fact, a coach for skill improvement, an inspirer of creative insight, a thoughtful guide to analytical thought, a professional mentor, and an emboldener for global competition.

The era of globalization is characterized by the fact that our world is integrated by economics, communications, transportation, and politics. Therefore we Indonesians are in need of realizing the fact that we live and work in a global marketplace of goods, services, and ideas. As a result, we educators are confronted with a challenge to deliver school leavers who are competent not only to function professionally in an international environment, but who are also equipped to make personal and public-policy decisions as citizens of an international society. Of course, the international ties that bind people as they bind nations should be reflected in our educational programs. Therefore, schools, colleges and universities are expected to produce graduates who are familiar with other cultural values and histories, languages, and institutions. Thus, every member of any nation needs to be aware of the essential features of the current era which include a more competitive world economy, increased access to and interest in the world at large, and globe-spanning electronic databases and computer networks, all of which requires a certain level of proficiency in a language that could be used to access to and participate competitively and effectively in all entailing local and global activities. It is in this respect that the teaching of English at the university level, as a tool to become effective communicators in the global world, has to be positioned in the highest priority list.

Local English teachers need to properly respond to the global issues and concerns above by trying to meet the standards as among others put forward by TESOL and the Common European framework. For this, the only option available for Indonesian English teachers is to strengthen their professional competence, referring to those standards, so that they are capable of producing school and university graduates whose English proficiency meets the standards commonly set up for ESOL/EFL students.

In this regard, it would be good for us to learn from what has been formulated by TESOL (1997) when it standardizes the teaching of English to Speakers of Other Languages as it is offered in elementary and secondary schools. The standards specify the language competencies ESOL students in elementary and secondary schools need to become fully proficient in English, to have unrestricted access to grade-appropriate instruction in challenging academic subjects, and ultimately to lead rich and productive lives. The devel-

opment of these standards has been informed by the work of other US standards groups, particularly by the English language arts and foreign language standards. All three language standards projects share an emphasis on the importance of:

- 1) language as communication;
- 2) language learning through meaningful and significant use;
- 3) the individual and societal value of bi- and multilingualism;
- 4) the role of ESOL students' native languages in their English language and general academic development;
- 5) cultural, social, and cognitive processes in language and academic development;
- 6) assessment that respects language and cultural diversity.

A number of general principles derived from current research and theory about the nature of language, language learning, human development, and pedagogy, underlie the ESL standards described in the TESOL document. These include the principles that language is functional, that language varies, that language learning is cultural learning, that language acquisition is a long-term process, that language acquisition occurs through meaningful use and interaction, that language processes develop interdependently, that native language proficiency contributes to second language acquisition, and that bilingualism is an individual and societal asset.

TESOL has established three broad goals for ESOL learners at all age levels, goals that include personal, social, and academic uses of English. Each goal is associated with three distinct standards. Goal one is to use English to communicate in social settings with the standards that students will use English to participate in social interaction; interact in, through, and with spoken and written English for personal expression and enjoyment; and use learning strategies to extend their communicative competence. Goal two is to use English to achieve academically in all content areas with the standards that students will use English to interact in the classroom; use English to obtain, process, construct, and provide subject matter information in spoken and written form; and use appropriate learning strategies to construct and apply academic knowledge. Goal three is to use English in socially and culturally appropriate ways with the standards that students will use the appropriate language variety, register, and genre according to audience, purpose, and setting; use nonverbal communication appropriate to audience, purpose, and setting; and use appropriate learning strategies to extend their sociolinguistic and sociocultural competence.

The three goals above together with their foundational principles are important for Indonesian teachers of English and policy makers in this area to appropriately and critically adopt should we think that we need to create an English program at our schools, which maintains its

global competitiveness. Another important referential document for our standards is the Common European Framework which among others describes in a comprehensive way what language learners have to learn to do in order to use a language for communication and what knowledge and skills they have to develop so as to be able to act effectively. The common reference levels consisting of proficient user, independent user, and basic user, plus the 'can do' indicators can be used as the foundation for the development of our ELT program and its evaluation mechanism.

Another strategic measure to take is to uplift EFL teachers' competence. *Teachers' Competence* should be developed in at least four different areas: attitudes, understandings, skills and habits (Marquardt, 1977). For teachers to be highly competitive, they need to keep improving themselves in those four domains for their personal and professional development. Teachers of English are expected to believe that the phenomenal spread of English throughout the world can be made to cause to happen improved cross-culture and inter-group communication and ultimately a more stable and more civilized world. In order for the teachers to be able to appropriately teach English, they should develop interest in the languages or dialects and cultures of his students. By doing so they will not only have a better understanding on the students' learning problems but they will become a good example as they are also learners of English themselves. In this respect, they know that they have to respect the students' language and culture and to encourage the students to preserve their own language and culture. They should let the students know that learning a second or foreign language is only an effort to expand communication, experience and gain, not to wipe out the already existing first language. Realizing the current development in communications technology, the teachers of English should also have a positive attitude towards the great potential of it and explore and use it in their teaching activities.

The second set of competence that teachers need to have has to do with understandings. The teachers of English are expected to understand that non-native speakers of English and native speakers of English differ in their goal of learning the language – the former for cross-culture communication, whereas the latter for communication with members of their own culture. Besides, teachers of English are expected to understand that language is only a tool for human communication and that members of a culture should share certain features of outlook and behavior which will then affect ways of interaction among them selves and with members of other cultures. Another understanding that English teachers need to possess include the one regarding the communication theory model as a more appropriate basis for teaching competence in cross-culture communication in English for non-native speakers than traditional grammar, structural grammar, or generative transformation grammar. As to the early exposure to English,

teachers need to understand that involving students as early as possible to meaningful cross-culture-interaction-situations could expedite the students in becoming effective cross-culture communicators.

Among the skills that teachers of English need to have are the skills to find and use contrastive analysis, to use sociolinguistic analysis of variations in language behavior in cross-culture-interaction situations, to compare features of the students' languages and cultures with those in English speaking communities, and to select and organize real cross-culture-interaction activities. And among the habits that teachers of English need to develop are the use of every opportunity to interact with the students in their mother tongue and culture to show to them that the teachers respect and have interest in what they have so that the students would be motivated to interact in the target culture as much as possible. Another important habit that teachers of English need to develop is the habit of filing interesting features of cross-culture interaction behavior that can be used when teaching the students involving particular cross-culture situations.

In conclusion, higher education institutions in Indonesia, especially those that offer English-teacher education programs, have a very strategic role to play in buttressing competitiveness of the nation. We realize that we need to develop and strengthen autonomy, competitiveness, and institutional health of our higher education institutions, the focus of which is the most strategic mission of teaching. Expansion of higher education to establishing community colleges in every district plus more focus on enhancing and expanding politechnic education at the tertiary level necessitates better attention to instructional improvement as the core of the tertiary education missions. Through teaching, we expect to have school/university graduates who are competent not only to function professionally in an international environment, but who are also equipped to make personal and public-policy decisions as citizens of an international society. In this case proficiency in English of a good portion of the Indonesian young people becomes an undeniable prerequisite. The international ties that bind people as they bind nations should be reflected in our educational programs. Consequently, schools, colleges and universities are expected to produce graduates who are familiar with other cultural values and histories, languages, and institutions. In keeping ourselves competitive, the alternative available for local English teachers is to strengthen their professional competence by trying to adhere to internationally known standards of TESOL/TEFL teaching and learning so that they are capable of competing with teachers of English from other countries and of producing school graduates whose English proficiency meets the standards commonly set up for ESOL students. For this purpose, Indonesian teachers of English should develop their professional competence in at least four different areas: attitudes, understandings, skills and habits. For

teachers to be highly competitive, they need to keep improving themselves in those four domains for their personal and professional development. Certainly, without any doubt, professional English teachers could only be produced in a robust, professionally well-developed teacher education institution at the tertiary level.

REFERENCES

1. Hamied, Fuad A. 2001. *English Language Education in Indonesia*. A paper presented at the East-West Center and Ohana Foundation at the Workshop on Increasing Creativity and Innovation in English Language Education, East-West Center, Honolulu, Hawai'i, February 16–27.
2. Hamied, Fuad A. 1997. EFL Program Surveys in Indonesian Schools: Towards EFL Curriculum Implementation for Tomorrow. *Language Classrooms of Tomorrow: Issues and Responses*, ed. by George M Jacobs. Singapore: SEAMEO Regional Language Centre.
3. Hamied, Fuad A. 2008. *Higher Education and TEFL in Indonesia*. In honor of Professor Soenjono's 70-year-Anniversary.
4. Marquardt, William F. 1977. Preparing English Teachers Abroad. In Fanselow, John F. & Richard L. Light. *Bilingual, ESOL and Foreign Language Teacher Preparation: Models Practices, Issues*. Washington, D.C.: TESOL.
5. TESOL. 1997. *The ESL Standards for Pre-K-12 Students*.
6. The Common European Framework – online document. http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf
7. Cortazzy, Martin & Jin, Lixian. Cultural Mirrors: Materials and Methods in the EFL Classroom, in Hinkel, Eli (ed.). 1999. *Culture in Second Language Teaching and Learning*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Directorate General of Higher Education. 2003. *Higher Education Long Term Strategy (HELTS)*. Jakarta: DGHE Ministry of National Education.
9. Kennedy, Donald. 1997. *Academic Duty*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

INSTITUTIONALIZING INDUSTRY AND COMMUNITY ENGAGEMENT IN HIGHER EDUCATION: CHALLENGES AND RECOMMENDATIONS ACROSS ASEAN AND ASIA

Saran Kaur Gill

Saran Kaur Gill is Professor of Sociolinguistics and International Communication at the School for Language Studies and Linguistics, Universiti Kebangsaan Malaysia (The National University of Malaysia).

E-mail: saran@pkrisc.cc.ukm.my

The author of the paper discusses the issues concerning quadruple partnership in the sphere of higher education, that is, how important it is for universities to collaborate with external stakeholders from industry, government agencies, non-governmental organizations (NGOs) and community organizations. The main problems facing the traditional system of education and the possible solutions are analyzed: the need for leadership at senior and middle management level; clarity of conceptualization in relation to community engagement; quality assurance policy; capacity building programmes; incorporating reward and recognition systems; developing criteria and indicators for meaningful, productive and sustainable industry and community engagement.

Key words: higher education, community engagement, Asia-Talioires Network of Industry and Community Engaged Universities (ATNEU), The ASEAN University Network, ASEAN Youth Volunteer Programme (AYVP), Universiti Kebangsaan Malaysia (UKM).

This is an extended paper based on the original that was presented at the 2nd UKM-AUN Regional Forum on University Social Responsibility and Sustainability in May 2011. This extended paper was the keynote address presented at the 11th Annual Southeast Asian Association for Institutional Research (SEAAIR) Conference on University Social Responsibility – Pathways to Excellence in November 2011 in Chiang Mai, Thailand. This has been published in “Higher Education and Community Engagement – Innovative Practices and Challenges across ASEAN and Asia. 2012. Edited by Saran Kaur Gill and Nantana Gajasen. Bangi: Universiti Kebangsaan Malaysia Press”.

In our globalised and regional world we are increasingly faced with complex issues, problems that extend beyond disciplinary, sectoral or geographic boundaries. These include problems of climate change, the environment and their impact on communities – for example the various communities affected by floods in Thailand, Laos and Vietnam and the Philippines; we also have problems of inequity at economic levels amongst society resulting in extreme urban and rural poverty, and problems of illiteracy and unequal education opportunities and human rights across the region. These problems seem largely beyond the capacity of any one agency to solve. They require collaboration, diverse people working together across these boundaries to ensure our communities are socially just, economically stable, environmentally sustainable and literate and educated – all important areas aligned with the Millennium Development Goals (MDG). While governments are often seen as key facilitators of these collaborations, universities play an increasingly important role in this agenda. These initiatives can be worked on in collaboration with industry/NGOs/community through partnerships that mutually benefit both parties (Wallis, 2005).

This is evidenced in the 2010 OECD General Conference titled “Higher Education in a World Changed Utterly: Doing More with Less” which emphasises that:

“Social engagement has moved beyond institutional outreach to address the challenges of the 21st century. Engagement is now a mindset ensuring that tertiary education can meet its multiple responsibilities: creating a culture of learning, directing research and teaching to sustainable development, and strengthening links with social & (industry) (my inclusion) partners are now an inescapable obligation for institutions”.

This also resonates with what Teay Shawyun, President of SEAAIR expressed at the Asia-Europe Foundation workshop at Innsbruck, when he advised, “We need to look at the long-term future of universities: Who/what are we? Who do we serve? Universities need to meet the needs of stakeholders, contribute to the changes in society, and look at the capacities for critical reflection. In serving society, they need to critically question themselves, whether their processes, e.g. in teaching, research and services, are really of value to students and will help students to contribute to the betterment of society at large”.

Therefore in this context, it is important for universities to collaborate with external stakeholders from industry, government agencies, non-governmental organisations (NGOs) and community organisations, to work towards enhancing the quality of lives of communities across the region. This quadruple partnership is what is often described in the literature as the quadruple helix partnership (Maldonado, 2010) There is a need to develop and establish meaningful quadruple helix partnerships if we are to solve problems affecting communities. Such partnerships are not new – they have been carried out by higher education institutions through a number of excellent initiatives

over time. But, they have largely been carried out on an ad-hoc basis, and need to be coordinated and systematised so that there is greater impact across the university. With our intellectual capital and knowledge generation capacities, universities are suitably positioned to take the lead. The challenge is to bring it all together and move collectively in a direction to create a critical mass in forging impactful partnerships with external stakeholders in moving higher education, industry and community engagement forward to help solve problems faced by communities.

In this paper, I will explicate the challenges faced in this journey, and the recommendations that can be made in the context of universities that have traditionally been driven by performances in research and teaching and learning. These challenges and recommendations will be drawn from Universiti Kebangsaan Malaysia (UKM)'s experience, literature review and the insights gained at the 2nd Asia-Europe Education Workshop, held in June 2011 at the University of Innsbruck, titled "Knowledge Societies: Universities and their Social Responsibilities" While the European insights are gained from the Innsbruck workshop, the ASEAN perspectives were largely based on the outcomes of the 2nd AUN Regional Forum on University Social Responsibility and Sustainability co-organised in May 2011 by Universiti Kebangsaan Malaysia (UKM) and the ASEAN University Network (AUN)¹ themed "Knowledge for People, Research for Community Life" and the publication by Russel Botman (2010) entitled *Hope in Africa: Human Development Through Higher Education Community Interaction*.

Based on the above forums which provide the Asian and European perspectives and the Malaysian and South African experience, the following challenges have emerged as critical considerations for any university that is serious about driving forward community engagement through research, education and service:

- **The Need for Leadership** at senior and middle management level – this embraces issues of strategic direction and operational management.
- **Clarity of Conceptualisation:** There are so many terms being used in relation to community engagement that it remains a challenge in higher education to arrive at a common definition of what it is.
- **Institutionalisation:** Community engagement is not yet universally accorded the status of a fully-fledged academic core function of universities. The

challenge is to develop and institute appropriate mechanisms for community engagement at an institutional level.

- **Quality Assurance:** The critical need to develop quality assurance indicators and criteria for high quality and high impact engagement across research, education and service; and quality management indicators and processes for community engagement that are similar to those developed for research and for teaching & learning.
- **Capacity Building Programmes** to develop competencies necessary for effective university, community and industry engagement
- **Incorporating Reward and Recognition Systems** for Industry and Community Engagement. These will constitute key drivers to obtain buy-in of any policy initiative.
- **Funding:** To tap diverse funding sources and to develop innovative mechanisms through strategic public-private partnerships to ensure sustainability of community engaged initiatives.

Leadership Position: Governance System and Structures, Policy and Implementation which Direct and Support University-Industry/Community Partnerships at UKM

If a university wants to drive this area forward seriously, then there has to be space and visibility of this area in the university and in terms of leading this at senior management level.

We begin by delineating the structural system that the Ministry of Higher Education and universities have set up to ensure that universities have an effective delivery system to reach out to industry and community (Gill, 2009).

On the 1st Sept 2007, the Ministry of Higher Education established a new senior management portfolio, that of Deputy Vice-Chancellor for industry and community engagement, for 4 research universities – Universiti Kebangsaan Malaysia, University Malaya, Universiti Sains Malaysia, Universiti Putra Malaysia – and an additional university – Universiti Teknologi Mara (UiTM). At Universiti Kebangsaan Malaysia, this portfolio is titled Deputy Vice-Chancellor (Industry and Community Partnerships).

This expands the number of Deputy Vice-Chancellor's posts at Universiti Kebangsaan Malaysia from three, which includes, research and innovation affairs, academic and international affairs and for student and alumni affairs, to four, to include Industry and Community Partnerships. All of these portfolios support the Vice-Chancellor (referred to as President in some contexts) of the university.

It is important to bear in mind that the Deputy Vice-Chancellor (Industry and Community Partnerships)'s role is service-oriented. In the process of developing partnership activities with industry and community, it serves to support the research, teaching,

¹The ASEAN University Network (AUN) is an autonomous organisation, established under an umbrella of ASEAN and the mandate of Ministers responsible for higher education in ASEAN countries, dealing with the promotion of human resource development in the field of higher education within ASEAN and with its dialogue partners, namely Japan, Korea, China, India, Russia and the EU. For more information see www.aun-sec.org.

learning and service thrusts of the university. As these initiatives are carried out, there will naturally be an overlap with the portfolios of the other deputy vice-chancellors. Thus, it is very important for strong understanding and cooperation to exist between the various deputy vice-chancellors to ensure smooth and constructive engagement with industry and community takes place. Walls and territories need to be swept away and multi-disciplinary and multi-responsibility initiatives built across innovative bridges. This relatively new portfolio has to be regarded as one that applies industry and community engagement as it enhances the core business of the university – research, education and service.

At Universiti Kebangsaan Malaysia (UKM), this Deputy Vice Chancellor's role is to develop, maintain and sustain the university as a leading player in the establishment of mutually beneficial partnerships between the university, industry and community. This is carried out not only at the national levels but also through regional and global partnerships. This is achieved through systematic documentation of existing partnerships and planning for and implementing future collaborative ventures. All of these efforts are operationalised through outreach and partnership engagement where the university's intellectual capital and resources will be maximized in a relevant and compatible manner to advantage industry and community. Reciprocally, academics as well as students will benefit from the wealth of knowledge and experience of industry and community. All of these activities will be driven by the university's niche research areas such as sustainable development, climate change, nanotechnology and material science, multiculturalism, globalisation and self-identity, health technology and medicine amongst others. (SharifahHapsah, 2008: 23–28) Granted the drive to reach out to industry and community is not new. University, industry and community liaison offices have existed in the public universities for many years. However, efforts to form partnerships with industry and community have largely been conducted on an ad hoc basis. Until the creation of this portfolio, there has not been a structured way of establishing relationships with the outside community. Linkages happen mostly through the actions of individual lecturers or through the industrial arm of the university.

The structure and system that has been set up at Universiti Kebangsaan Malaysia to support the industry and community engagement eco-system will be dealt with next.

At UKM, the portfolio of the Deputy Vice-Chancellor for Industry and Community Partnerships has three offices headed by three directors. These are the Industry-Liaison Office, the Office of University-Community Partnerships and the Chancellor's Foundation. These three offices are all service oriented and they have value only in so much as they are able to work at supporting the faculties and research institutes in pro-

moting academic expertise and research and educational initiatives through collaborative partnerships with industry, NGOs and communities. It is crucial to plan clear and effective "delivery systems" to ensure that the offices work effectively at all levels – with the Deputy Vice-Chancellor and to serve the faculties/research institutes to work collaboratively with industry/community. Therefore, these offices work closely with the Vice Chancellor and other DVC's (academic, research and student affairs), Faculty Deans, Institute Directors, and other senior UKM staff, and together, we provide direction, coordination and support to staff and students in working together to achieve the UKM industry and community engagement vision.

It is very important to ensure that there is development of leadership at middle management level so that the policies and plans are implemented at the faculty level and for this we have developed the position of Head of Industry and Community Partnerships at each faculty. On paper and in terms of presentation, the development of the governance eco-system sounds idealistic and non-problematic. It is safe to use the analogy of the duck floating calmly on water, where one is not able to see below water the mental and physical effort involved in being able to attain the calm that you see above water – the chaos and struggle that results in the calm. Each milestone achieved has required toil, sweat and tears, to bring us to where we are today at UKM. And the journey goes on.

Clarity of Conceptualisation: Defining Community Engagement

Having established the governance eco-system for engagement, the next challenge is that of the need for Clarity of Conceptualisation: it remains a challenge in higher education to arrive at a common definition of what university social responsibility or community engagement is. Botman (2010) highlights the challenge "to rid ourselves of the old paradigm of "community service" that keep us captive and to arrive at a more reciprocal concept that emphasises partnership and mutual benefit".

At Universitat de Barcelona, social responsibility within the university community means applying the principles of ethics, good governance, respect for the environment, social commitment and civic values to the tasks of teaching, research and knowledge transfer, so that each person and entity takes responsibility for the consequences and impact of their actions. It means being accountable to society for positive and negative social, environmental and economic developments arising from actions undertaken in any field.

According to Holland and Ramaley (2008), one of the most widely-adopted definitions of engagement has emerged from the Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching in their *Community Engagement Classification* (2006): "Community Engagement

describes the collaboration between institutions of higher education and their larger communities for mutually beneficial exchange of knowledge and resources in a context of partnership and reciprocity”.

There are many interrelated definitions but what we have chosen to use at UKM is responsible community engagement. There is a need at this stage to clarify between the use of the word “service” as the third mission of the university, as referred to above, and that of engagement with industry and community as integrated into research and education. “Service” as the third mission of the university, focuses on an act of helpful activity; help; aid: to do someone a service, what is involved in volunteerism and this is extremely valuable for ensuring that we give with our hearts, hands and minds back to society.

In the key addresses presented at the workshop organised by the Asia-Europe Foundation together with the University of Innsbruck, it was highlighted that, traditionally, in Europe, universities focus on teaching and research. A third mission is emerging, which is service, which encompasses all the other portfolios. This results in applicable research, appreciation of arts, gender equality and advancement of women, the need to explain to the public what the functions and values of universities are.

This is very important but the term 'Service' is not broad enough to sufficiently encompass and capture the diverse range of activities and initiatives which involve engagement with industry and communities, carried out across the university. The attachment of academics to industry/NGOs, for example, cannot fall under the definition of 'Service'. Other examples are student internship initiatives, and faculty members who have managed to obtain industry funding for community based research and the many rich knowledge-exchange initiatives carried out between the multi-stakeholders as they seek to address problems in communities.

Engagement would therefore be a more suitable and accurate term as 'engagement' implies working together with shared understanding to develop shared solutions, through shared governance and shared assets, with the ultimate aim of gaining shared advantages for all stakeholders.

Therefore at UKM, the definition of Engagement as developed for UKM's Strategic Plan for Engagement reads:

“Engagement implies purposive, considerate and productive interaction with both internal (academia, administrative & professional staff, and students) and external stakeholders (industry, government agencies, NGOs and communities) for the establishment of mutually beneficial partnerships. All of these engagement initiatives aim to enhance and enrich the core areas of the university – education, research and service – and facilitate a two-way flow of expertise and resources

through knowledge exchange partnerships that benefit all stakeholders – academia, industry and community – and ultimately the cities, nation and region”.

This definition reiterates the necessity for universities to integrate community engagement in the core business of the university – research, education and service. There is a need to work out clearly how this can be done for each of the key components of research, education and service with clear examples so that it promotes greater understanding, acceptance and application in the academic environment which shows academics how they can achieve their research and publications KPIs and yet work at ensuring their knowledge is applicable and benefits communities. Therefore, it is recommended that the “Industry and Community Engagement” component to be divided into the 3 following categories: “Engagement for Education”, “Engagement for Research” and “Engagement for Service”.

At UKM, we consider industry engagement as an integral part of community engagement – universities work on USR and industry works on CSR – we should be talking to each other, to learn from each other. The relationship between industry and community engagement should not be separated but for the purposes of this paper, it will be community engagement that will be the thrust focused on and supported by industry engagement.

As we promote this industry and community integrated sector, it is important to subject it to quality assurance criteria and indicators as have been done for the academic domain of the university, with a focus on teaching and learning.

Quality Assurance Policy Guidelines, Criteria and Indicators for Meaningful, Productive and Sustainable Industry and Community Engagement

There is a need to develop standard operating procedures for quality engagement processes within the university and with external stakeholders. In addition, we need to develop clear indicators for successful multi-sectoral engagement. These will feed into review audits that will be carried out to assess the quality of engagement at institutional levels, and just as importantly the social impact assessment of community engaged projects.

Policy Guidelines for Effective Stakeholder Engagement

Engagement with external stakeholders, if done well, brings tremendous visibility and enhances the profile of the institution. But when done badly, creates negative and sometimes irreparable damage to the institution. When an academic or professional staff member of the university deals with a member of industry or community, he or she does not represent himself or herself individually. Instead, the staff member represents the institution and it is the name of the institution that you carry with you. Therefore, acquiring competencies to work effectively and with sensitivity with external stakeholders is absolutely critical.

The education of internal stakeholders on effective engagement is very important. As a start for this, we have developed a detailed Engagement Policy Guidelines Document which sets out clear management processes, systems and procedures to develop meaningful, sustainable, considerate & productive interactions with both internal and external stakeholders. The processes delineate guidelines for various stages in the continuum of engagement including Engagement Planning, Preparation and Negotiation, Finalizing Engagement, Implementation, Monitoring and Reporting.

We are now developing an Engagement Scorecard to enable us to evaluate in detail the quality, effectiveness and impact of our engagement with external stakeholders.

It is important for higher education institutions to have standard operating procedures, systems and processes that are clear to everyone in our pursuit of effective engagement with both industry and community players.

Developing Criteria and Indicators for High Quality and High Impact Industry and Community Engaged Research

What we have developed at UKM is a modality to provide academics with the balance between the demands of academic promotion criteria and that of working towards ensuring their expertise has applied value for regional communities.

These criteria will underpin the evaluation of research projects for external grants, and need to be integrated into the university's annual appraisal system, promotional criteria whilst contributing to the KPIs of a research university. We made a conscious decision to reward academics for engagement initiatives that cut across research, education and service, and not as stand-alone criteria. The indicators are:

Community Partnership & Involvement: The extent to which the project involves the community, from getting buy-in from the community and building relationships and trust, to providing consultation, establishing knowledge exchange partnerships and developing community empowerment.

In addition to the critical need for leadership at senior management level, it is also important to have leadership at the implementation level – research and community development leadership at project level. It is important for leaders at all levels to understand and apply knowledge exchange as compared to knowledge transfer as we work with communities. Knowledge exchange has manifold aspects, extending from community development right up to knowledge exchange for scientific and technological innovation. We focus a lot on the term knowledge transfer, it is essential in this partnership era to start using knowledge exchange. It breaks the universities away from the idea that they are the sole custodians and developers of knowledge, and exemplifies that they have

just as much to learn from the communities and the larger society (Draft Report of 2nd Asia-Europe Education Workshop – Knowledge Societies: Universities and their Social Responsibilities, 2011).

As Lao Tzu, the great Chinese philosopher reminds us, “Start with what they know. Build with what they have. The best of leaders when the job is done, when the task is accomplished, the people will say we have done it ourselves.” This is how we need to work with communities.

Impact on Community Development: The extent to which the social impact of the intervention project enhances the quality of life for the target community (through social, economic, environmental, health, education and technological development).

In relating success stories, one may not necessarily see the challenges and perseverance needed to implement them. The Faculty of Engineering led by Professor Marzuki Mustafa believed that they had innovative knowledge in an area of engineering, specifically in microcontroller technology. As he found that newly enrolled engineering students at the university had a fear of the C programming language, he used microcontroller technology as a base to simplify the language process in a project. Further, in collaboration with UKM's Faculty of Information Technology and industry partner United Engineers Malaysia (UEM) which was providing the integral financial support, they started a project in the Iskandar region in the south where UEM is engaged in creating a positive face for the communities. Under the Government's **PINTAR (Promoting Intelligence, Nurturing Talent and Advocating Responsibility)** program they work with certain disadvantaged schools in two rural areas.

The aim of this project was to get children engaged in experiential creative learning processes to enable them to relate the theoretical knowledge that they had gained in school to address real world projects and problem solving situations. The school children are carefully monitored by UKM students via face to face and cyber discussions and they have made visits to the engineering laboratories at the university on the weekends. The response from the children has been encouraging as they had not thought previously that they would have a chance of visiting a university, particularly the engineering laboratory of the university. They work under the guidance of student mentors who are university students, and the children's innovative ideas are developed into workable prototype products. The project has been a rich and an inspiring opportunity for the children from disadvantaged backgrounds. Work is now underway towards integrating it into the mainstream curriculum of the faculty as currently the university students only receive credit under their co-curriculum component. This will remove part of the academics' work burden, benefit the students and make

the mentoring task more manageable.



Micro-Controller School Innovation Mentoring Project UKM: University students, acting as mentors, work with children from disadvantaged communities to develop creativity and innovation

To illustrate another case in which engagement is creating impact for UKM's students and the larger community are the efforts of AIESEC, a large global youth organization, present in more than a 100 countries worldwide. The AIESEC organization at UKM is very active with members who possess great passion for what they do and from whom the organisers themselves have also learnt. In this particular case, UKM student, Khairul Ghufuran Kaspin, participated in a six-week community-based internship program in the Gawad Kalinga impoverished urban community in Quezon City. He worked with other interns to plan a business model to establish an education fund for children. Of Muslim background, he stayed with a foster family of Roman Catholic background which was briefed on the needs of a Muslim. The family gave him the only bed they had at home and cooked special food for him. They served him a meal every evening after which they retired to the kitchen to eat separately. This made him feel uncomfortable and so he told them: "I am in your home and you have opened your doors to me. I know you eat certain food which I do not eat, but that doesn't mean you cannot eat that food with me." From then on they started having their meals together. That one student came back and shared his stories with a number of other Muslim students in the university. It is this kind of knowledge sharing and experiences that needs to be imparted for better understanding and harmony, particularly in Malaysia and other countries that face inter-ethnic or inter-cultural challenges.

Leadership in Multi-Sectoral Research: The extent to which the project leverages on engagement with diverse stakeholders (industry, community, NGOs, government agencies) to advance the niche research areas of the university and contribute to the KPIs of a Research University through external funding & resources, developing the scholarship of engagement through research publications and generation of Intel-

lectual property.



AIESEC GO Exchange Program: KhairulGhufranKaspin in Quezon City

Ensuring Sustainability: The extent to which the project demonstrates sustainability through long-term support, funding and resources from stakeholders, and empowers the community through training, knowledge acquisition and education initiatives.

Integration of Industry & Community Research Based Knowledge and Experiences into the Curriculum & Co-Curriculum: The extent to which the project enhances the teaching and learning process and contributes to the development of human capital at the university (undergraduate and postgraduate students) through the innovation in curriculum and co-curriculum.

Criteria and Indicators for Meaningful, Productive and Sustainable Volunteerism Initiatives

The MacJannet Prize for Global Citizenship, which Talloires Network members are eligible to apply for, provides a good case of criteria and indicators for meaningful, productive and sustainable volunteerism initiatives. These include:

- **Student Leadership:** Are students able to work independently, with support from faculty and staff? Are their ideas and contributions valued in the project design? Do they carry out a significant portion of the work?
- **University Support:** Has the university supported this program, either financially, in kind, or through policy and recognition of its value?
- **Community Involvement:** Do the aims of the program meet community needs? Are community members able to contribute to the program?
- **Demonstrated Positive Impact on the Community:** How many community members have benefited, and to what degree?
- **Demonstrated Positive Impact on the Participating Students:** Has this program contributed to building civic values and skills for students? Has the program impacted students' choices about career path or future involvement in community outreach activities?
- **Sustainability:** How will the program find the

needed resources to continue running into the future? What policies and mechanisms support the ongoing success of the program? Are communities engaged in sustaining the program for the long-term?

Capacity Building for Effective Industry and Community Engagement through Meaningful, Organised and Impactful Training

This strongly aligns with what was raised at the AUN forum and Innsbruck Workshop. There was a hunger from the delegates for training in terms of certified short courses and postgraduate certification in the field of industry and community engagement and social responsibility. This will provide recognition and enable this discipline to be regarded more seriously, and will encourage young people to move into this area as they will receive recognition and qualifications. NGOs and industry (foundations) are very excited at this prospect. Some of the key areas that may be included in this training are as follows:

- Resource Management in Engagement.
- Budget Planning for Community Projects.
- Leadership in Community Engagement.
- Protocol for Multi-Sector Interaction for community engagement.
- Evaluating the Social Impact of Community Engagement.
- Learning from Case Studies of Community Engagement across different disciplines.
- Learning the Techniques for Generating Funds to Ensure Sustainability of Community Engagement Projects.

The training modules should be developed by a Core Group that involves expert consultants from academia, NGOs, industry and government agencies to provide critical input for the development of content, resources and protocols for community engagement.

Promotional Criteria

The major challenge for institutions of higher learning is not preaching to the converted but persuading those driven by traditional promotion criteria that there is value, relevance and excitement in engaging with industry and community partners to enhance research, teaching and service.

This then takes us to the heart of most academics as they pursue their work – that is the reward system and criteria for promotion for stimulating university-industry collaboration. This is not to say that academics do not work from their hearts and give back to society but it helps if there are some rewards and recognition of the efforts undertaken.

There were two ways that we could have approached this: one is by developing through promotion criteria a third strand for industry and community engagement and developing indicators for this. We decided against this as it would have put it in direct competition with the other two strands of

education and research. We wanted to maintain our philosophy of working in cooperation and support with the others and therefore felt that it was important to integrate industry and community engagement as they support research, education and service and not to regard it as a separate stream. Therefore, we have 50 % for research, 30 % for education and 20 % for service with industry and community engagement supporting all three.

For example, in Research, up to 10 bonus points are awarded to academicians who secure key research funding and endowments from industry partners for the university.

In Education, efforts to develop programs that enhance the curriculum and co-curriculum upon completion of academic attachment in relevant industries are recognized and rewarded with bonus points in the promotion criteria for Professors.

We come now to the last factor that is essential for attaining excellence in community engagement – this is the most difficult one of obtaining financial resources to drive forward initiatives. Without money, the most exciting plans remain beautiful rhetorical ideas because for implementation, one needs a certain amount of money to move the plans forward. With funds being cutback at higher education institutions we have to look at innovative ways in which we can source for external funding to develop public-private partnerships. The following examples best illustrate UKM's innovative mechanisms for encouraging industry/community driven research:

Funding for Engagement with Industry-Community in Research

Engagement in research is driven by the knowledge ecosystem to develop innovative R&D solutions in critical areas to enhance business challenges and contribute to the development of communities.

At UKM, collaborative research is encouraged for initiatives that have demonstrated value and social impact: the University-industry research grant and the University-community research grant.

Seed funding is provided by UKM for research projects that demonstrate the following criteria:

- Engage the community in collaborative research through consultative process or community profiling to identify needs and challenges of the community.
- Demonstrate sustainability by securing matching contribution from private sector stakeholders.
- Demonstrate clear and measurable outcome in terms of research output and the impact on community development.

The grants have succeeded in securing substantial funding for collaborative research at the university from like-minded industry and corporate sector stakeholders.

One example where the university secured a substantial endowment to drive local expert knowledge for

regional community development is UKM's collaboration with the foundation of a major Oil Palm industry player, the Sime Darby Foundation, to establish the UKM-YSD Endowed Chair for Climate Change.

UKM-YSD Chair for Climate Change

The aim of this Chair is to develop the local scientific knowledge of tropical climate change systems which is essential for ascertaining how nations and communities in the region would be able to address and mitigate their future problems.

The Chair provides a much-needed platform for critical knowledge generation and dissemination of information for climate change adaptation in the region.

An essential plan for the Chair is to work with multiple stakeholders to spread awareness through capacity building in communities to mitigate climate change effects.

Through a cascading model, the Chair also facilitates the creation of a cadre of Climate Change Ambassadors amongst the students and the youth of the communities. Researchers will educate university students and local youth to become change agents who can raise awareness, develop knowledge and direct behavioural changes to manage climate change in the community.

Creating Multiplier Effect and Synergies in USR across ASEAN and Asia through Regional Platforms

According to Holland and Ramaley (2008), engagement is already expanding beyond the context of single institutions and their specific communities of interest. This is evident at UKM, where the university's commitment to community engagement has gained the confidence and trust of many regional and international organisations. We now see the need for replicating our Community Engagement strategic model and sharing experiences, resources and ideas with diverse regional stakeholders, to open up access to our combined resources for the benefit of regional communities.

This has culminated in the establishment of AsiaEngage, a brand name formed to maximise the strengths of the Asia-Talloires Network of Industry and Community Engaged Universities (ATNEU), the ASEAN University Network (AUN) Thematic Network on University Social Responsibility and Sustainability (AUN-USR&S) and the ASEAN Youth Volunteer Programme (AYVP).

Asia-Talloires Network of Industry and Community Engaged Universities (ATNEU)

The Talloires Network is a global association of over 160 institutions in 55 countries committed to strengthening the civic roles and social responsibilities of higher education. In January 2010, the network began identifying universities from around the world to provide a framework for which policies on civic engagement can be made. UKM captured the attention of the Talloires Network, due to the institutional leadership of its Vice Chancellor, Prof. Tan Sri Dato' Wira Dr SharifahHapsah Syed HasanShahabudin in

the area of industry and community engagement. UKM then worked with the Talloires Network to establish a regional partner known as the Asia-Talloires Network of Industry and Community Engaged Universities (ATNEU). The Malaysian Minister of Higher Education, Dato' Seri Mohamed Khaled Nordin, being a strong advocate of the benefits of university-industry-community collaborations, has presented the ATNEU proposal to the Malaysian Ministerial Cabinet where it has been endorsed by the Prime Minister and cabinet Ministers.

ASEAN University Network (AUN) Thematic Network on University Social Responsibility and Sustainability (AUN-USR&S)

In October 2010, the ASEAN University Network (AUN) Secretariat organised the inaugural Workshop on University's Social Responsibility and Sustainability from the ASEAN-Japan Perspectives: Sharing and Caring for a Better Community, hosted at Burapha University, Thailand. The participating AUN member universities at this workshop realized the need to share and exchange ideas, best practices and knowledge with each other and with diverse stakeholders both nationally and across the region. The ASEAN University Network had the foresight and vision to set up the Thematic Network on University Social Responsibility and Sustainability (USR&S) as an enabling mechanism to achieve greater regional cooperation amongst the higher education institutions in ASEAN, to contribute to the social, economic and environmental development of the region. UKM's bid and proposal to be the Secretariat of the ASEAN University Network's thematic network on University Social Responsibility & Sustainability was endorsed by the AUN Board of Trustees at their meeting in Luang Prabang, Laos in July 2011.

ASEAN Youth Volunteer Programme (AYVP)

At the ASEAN Senior Officials Meeting on Youth in Hanoi, Vietnam on 18th October 2011, the ASEAN member states through the ASEAN Secretariat endorsed UKM's proposal to develop and implement the ASEAN Youth Volunteer Programme (AYVP). The AYVP is a dedicated youth volunteerism platform supported by the Malaysian Ministry of Youth and Sports that creates opportunities in volunteerism, supports the exchange of learning experiences, develops capacity, enhances cross-cultural understanding and forges a sense of regional identity, while making a sustainable difference to communities across ASEAN.

All these networks/programme have been given a brand identity of AsiaEngage, which aims to create mutually beneficial partnerships between the Research, Education and Volunteerism missions of higher education with industry and community stakeholders across ASEAN and Asia. All of these knowledge-driven initiatives will contribute powerfully to the development of an ASEAN and Asian community, possessing not only strong minds, but also generous souls to volunteer, develop and enhance the quality of lives of communities

around the region.

AsiaEngage aims to develop ASEAN Communities of Practice for Regional Development through Social Responsibility and Sustainability.

The modality would involve:

- Identifying areas that regional universities have localized expertise in and communities find relevant for impactful regional development.
- Extracting tacit knowledge for regional development by developing research proposals in specific areas of expertise and through capacity building initiatives.
- Identifying specific HEIs to take the lead for each area and incorporating other HEIs to establish the Regional Communities of Practice. Each area would involve engagement across Research, Education and Service.
- Expanding research-driven community engagement initiatives to involve opportunities for Volunteerism for students, academics and non-academics. Such initiatives will enhance intercultural collaboration across nations whilst developing the Regional Communities of Practice.

Conclusion

Through focused initiatives, AsiaEngage will work in partnership with existing regional and international higher education networks as well as industry associations and foundations to capture best practices around the region, provide capacity development and carry out community engagement that helps improve the quality of life for ASEAN and Asian communities. As we work on these initiatives, we hope to synergise with the common interests of diverse stakeholders from universities, industries, government agencies and NGOs to co-create knowledge through mutually beneficial partnerships that honour the core principle of

knowledge exchange, to enhance community capacity and contribute to economic development whilst strengthening research and learning outcomes for universities in ASEAN and Asia.

REFERENCES

1. Botman, H. R. (2010). *Hope in Africa: Human Development Through Higher Education Community Interaction*. Talloires Network Bellagio Conference, Italy.
2. Draft Report (2011). *2ND Asia-Europe Education Workshop – Knowledge Societies: Universities and Their Social Responsibilities*. Innsbruck, Austria.
3. Gill, S.K. (2009). *Academia, Industry and Community Collaboration in Malaysia: Strategies and Opportunities for the Future*. UNESCO Publication.
4. Kearney, M.L. & Yelland, R. (2010). *OECD/IMHE Conference "Higher Education in a World Changed Utterly: Doing More with Less"*. Discussion Paper.
5. Holland, B. & Ramaley, J.A. (2008). *Creating a Supportive Environment for Community-University Engagement: Conceptual Frameworks*. HERSDA Annual Conference 2008.
6. MacJannet Prize Nomination Form. (2012). The Talloires Network.
7. Maldonado, V. (2010). *Achieving the MDGs through Quadruple Helix Partnerships: University-Government-Industry-Third Sector Collaboration*. *Global University Network for Innovation Website*. Posted at <http://www.guninetwork.org>
8. Sharifah Hapsah. (2008). *Universiti Kebangsaan Malaysia ke Arah Universiti Penyelidikan Unggul*. *Syarah Naib Canselor (Translated: Universiti Kebangsaan Malaysia – towards Excellence as a Research University*. Vice-Chancellor's Lecture) Bangi: Universiti Kebangsaan Malaysia Press.
9. Universitat de Barcelona. *Social Responsibility at the UB*. Posted at <http://www.ub.edu/responsabilitatsocial/en/preguntes>
10. UKM's Office of the Deputy Vice-Chancellor for Industry & Community Partnerships. (2010). *UKM's Strategic Plan for University-Community-Industry Engagement*.
11. Wallis, R. (2005). *Universities and Community Engagement Directions in Education*. 14(13): 3.

PROBLEMS OF THE FAR EAST

METHODOLOGICAL CONCEPTS OF REGIONAL ETHNIC AND MIGRATION POLICY

A.S. Kim

Alexander Sergeevich Kim is Doctor of Science (Political Science), Professor of Sociology, Political Science and Regional Studies Department at Pacific State University.

E-mail: stosorok@yandex.ru

The article is devoted to the justification of the basic methodological principles of the concept of regional ethnic and migration policies in Russia's Far East. Based on the existing methodological grounds the main tendencies of the policy and their role in the prevention of possible conflicts are defined. Particular attention is paid to the relationship and interdependence of social, economic and ethnomigrational processes. The leading idea of this paper is the rationale for constructing the concept of regional ethnic and migration policy in the context of the development strategy of the Far Eastern region.

Key words: methodological design, conceptual framework, ethnic and political competence, ethnic policy, immigration policy, multiculturalism, multicultural policy.

The adequacy of ethnic and migration policy targets are, to a great extent, determined by the efficiency of developing its theoretical, methodological and ideological bases at both the federal and regional levels. In turn, slowdown of this activity is largely due to the lack of ethno-political conceptual schemes. The author of the article attempts to build the basic structure of such a scheme through the study of some theses that need to be conceived as the basic methodological concept of regional ethnic and migration policy in the Far East, in particular, in the Khabarovsk Territory.

The first design is justification for the methodological development of ethno-political trends of the concept.

1. The first aspect should attribute the necessity to integrate the international ethnic and migration policy experience. One should pay particular attention to the model of multiculturalism. Potential of this model in Russia is still not revealed. The volume of literature on this subject is very small. Multiculturalism is often endowed with negative connotations, and biased exaggerations. For example, it is associated with categorically denying Western "political correctness" or "barbaric" customs of the minorities, contrary to liberal values of developed countries [7: p. 15]. Meanwhile, the negative implications of multicultural practices in Western Europe do not constitute a rejection of the multicultural model. This provision is consistent with the position of Russian President Dmitry Medvedev, expressed on February 11, 2011 in Ufa at the meeting of the presidium of the State Council on the conservation of international peace. One of the crucial points of this position was a frank admission of failure of multicultural policies in European countries (similar admissions were made earlier by French President Nicolas Sarkozy, British Prime Minister David Cameron and

German Chancellor Angela Merkel). But still there is no reason to deny the need for multiculturalism policy in Russia, especially taking into account its historical emergence of polyethnics and religions [10].

On the one hand, our country basically faces the same problem as the post-industrial countries – the formation of an integration mechanism formed as a result of transnational diaspora migration by including them in the operation of various public institutes. On the other hand, the solution of this problem in Russian conditions has some specific features. The fact that the main condition for radical change of migration policy, as well as all ethnic policy in general is heading towards re-industrialization of the country based on socio-economic and technological modernization. Another important factor that must be taken into consideration is the experience of all developed Western countries. It shows that the following political consequences of multiculturalism policy are unavoidable: the growth of ethnic intolerance and ethnic counter-mobilization of the members of dominant groups against whom they consider unjust, and the financial security and political domination of minorities [1: p. 337]. That's why the success of a multicultural model depends critically on the balance of a correct combination of individual and group rights.

Thus, the main task is to analyze multiculturalism in a creative way in order to develop and to implement a positive regional ethnic and migration policy. The point is how to apply it in creative ways in specific Russian conditions. Positive potential to multicultural model in modern Russia, especially in the Far East is: 1) the common historical past of most of immigration wave members and the citizens of Russia, 2) inherited culture from the Soviet Union, "some tactical multicultural practices and benchmarks subsequently are reproduced mechanically" [7: p. 17].

2. The second aspect is the need for a harmonized approach to the moral and political assessment of the Soviet experience of ethnopolitics. It is our deep conviction that together with censure of totalitarian methods of ethnic processes control, it should nevertheless be recognized some achievements of Soviet power in dealing with the so-called "national question". Along with the mass deportations of peoples and the facts of social and political discrimination, in many cases, the former interethnic strife was softened and neutralized. For example, apart from the eviction of nations, the Soviet period was the most peaceful in the history of the multiethnic Caucasus. In the USSR, was realized the state policy of economic and cultural development of the borderlands, with special privileges endowed to representatives of national minorities belonging to minority ethnic groups of the North, Siberia and the Far East. Such facts do not fit into the story of the Soviet era as a major historical factor of the current ethnopolitical conflicts in modern Russia and other post-Soviet states.

Multiethnic and multi-national states throughout time suffered from so-called "illness of ethnic tension". The Soviet Union inherited it. However, it would be wrong to consider it similar to the former colonial empires pattern: the metropolis – the colony, the oppression of colonial peoples by the ruling nation. The roots of the colonial empires consisted in the ethnopolitical factor, the pursuit of one ethnic group dominating over the others. In the USSR, the Russians, unlike, for example, the British or the French, were not the dominant nation, they did not have any privileges and did not exploit other nations. On the contrary, the Russians sacrificed their interests to other nations. From this point of view, the result of a non-imperial policy should consider the central, traditionally Russian territories lagged behind in comparison to the rapid socio-economical growth and development of the borderlands. The Russians, there, performed work that locals considered prestigious.

It would be wrong to ascribe to the Soviet regime the policy of assimilation of ethnic minorities. Cultural assimilation of small ethnic groups is usually the result of exposure to multiple ethnic groups more than deliberate policy. So, basically, it was the case. In the Soviet Union operated a large-scale system of "patriotic and internationalist education of the working people." It was an ideological and political mechanism for blocking the ethnic and racial xenophobia. As a result, to some degree, a high culture of interethnic communication was formed. Its main feature was that at both the official and the household levels, xenophobia and lack of respect for national dignity was condemned and considered as a bad way of thinking and behavior. The slightest manifestations of nationalism and racism were suppressed rigidly at the state legal level.

Unfortunately, during the Soviet period when the national-ethnic policy occurred, outrageous manifestations of inhumanity and antidemocracy occurred. For example, in 1944, 13 USSR nations were subjected to

brutal repression. However, these illegal actions were in flagrant contradiction not only with human values, but also with dominant communist ideology. Therefore, those who were in power, consigned to oblivion the principles of socialist internationalism and Soviet patriotism, concealed these actions not only from the world community, but also from their own people. In formally pursued policies of the "friendship of peoples" were a lot of bureaucratic and ostentatious points. But it would be a great injustice to reduce everything to it without noticing the positive changes in the lives of nations and national minorities, the humanistic atmosphere, which was the result of the government's approach to the management of the national-ethnic relations. Therefore one should pay attention to the Soviet experience of internationalist and patriotic education, the formation of a high culture of interethnic communication, the Soviet approach to the consideration of the phenomenon of "friendship of peoples"; and compare it with the contents of the widespread term "tolerance".

Thus, one of the crucial moments of the conceptual schema of ethical and migration policy is the question of its ideological and political basis. What is the strategic goal of this policy? What philosophical principles should replace Soviet ideology of patriotism and socialist internationalism? What is the basis for ideological support of the state in its opposition to xenophobia and extremism? Without answers to these questions it is impossible to establish performance criteria for the following units of harmonization of interethnic relations.

Firstly, it directly concerns young people's education. Under the conditions generated by the collapse of the USSR (lack of youth and ethnicity policy) it's the youth who are most affected by the nationalist and extremist ideas. The destruction of generational continuity led to the separation of youth from positive traditions, destroying the transfer mechanisms of the social experience and the formation of historical memory. For this reason, the marginalization and radicalization of historical memory occurs. From this perspective, one of the most important areas of implementation of state youth policy to combat xenophobia and extremism is a patriotic and national-cultural education. Its main aim should be familiarization of young people with history, traditions, spiritual values of their own nation of and other nations of united Russia.

Secondly, it is necessary to identify those worldview principles for public authorities to use as a guide for joining people of different ethnic backgrounds, different cultures and religions into a single civic community at the federal and regional levels. In essence, we are talking about the formation of a single civic nation. This raises the question of the necessity to solve the problem of continuity of intranational values in modern Russia in connection with the collapse of the Soviet Union.

The second methodological design is the rationale for the use of the term "ethnic policy" as opposed to the term "national policy" that requires a clear definition of the content of such basic concepts of managing inter-ethnic interaction as "nation" and "ethnos". In our opinion, the interpretation of the concept of "nation" in Russia is adopted as civil rather than ethnic identity. That is why in recent years in the scientific literature it is easy to come across the parallel use of the terms "nation", "nation-state", "civic nation", and "political nation". The explanations of this fact are, in our opinion, the following circumstances.

First, the ideological and political processes in the late 1980 to early 1990's logically predetermined the rejection of the so-called Marxist-Leninist and Stalinist concept of nations. "Nation" was defined as a historically constituted community of people, formed on the basis of a common language, territory, economic life and the specific features of national culture [5: p. 43]. In the Soviet period, this definition was modified by Y.V. Bromley, L.M. Drobizheva, M.S. Jounusova, V.I. Kozlova and some other scientists. According to them "nation" was a historical type of ethnicity ("ethnosocial body", "ethnosocial community") [5: p. 54]. Changes in the methodological and ideological paradigms are manifested in the critical attitude toward the ethnological understanding of the nation, which is—most consistently stated in papers by V.A. Tishkov, Y.M. Borodaya, V.M. Mezhuiev, Y. Shipkova, V.N. Shevchenko and other Russian researchers who recognized the concept of "nation-state" based on the methodology of instrumentalism and constructivism, and define the nation as a totality of citizens of one state [5: p. 55–57].

Secondly, with his coming to power in the early 2000s, marked the beginning of the implementation of V. Putin's political project to establish and strengthen "vertical power", strategically designed to create a new historical type of Russian statehood in terms of overcoming mass-scale geopolitical and socio-economic consequences from the collapse of the Soviet Union. Actually, the logic of such a strategy inevitably led to the recognition that the nation's leading ethnological understanding of the political impasse in terms of the unity and integrity of the Russian state. In fact, "since there is no distinct criteria for distinguishing between 'nation' and 'ethnos' ('people', 'nationality') in a multinational state as the Soviet Union used to be and Russia remains now, any nation or ethnic group may declare (and announce) itself as 'nation' and to exercise their legitimate right to self-government up to the secession from the union or federation of states" [5: p. 55].

In the article by V. Putin "Russia: The National Issue," published in January 2012, there is an explicit statement acknowledging the need for a strategy of national policy, based on civic patriotism. In this regard, the thesis says, "Any person living in our country, should not forget about his/her faith and ethnicity.

But one must first be a citizen of Russia and be proud of it" [8: p. 21]. Thus, civil ("national government", "national") identity, according to the logic of the article, is more relevant in comparison to ethnicity and, therefore, civil society, as a greater volume includes the ethnical community. This thesis agrees with international experience, indicative in that:

1) many multi-ethnic nations, as developed in certain territories, where, due to historical features had the coexistence of different ethnic groups (India, Malaysia, and Singapore);

2) a number of nations arose as a political union of ethnic groups (the Austro-Hungarian Empire, the USSR, and Yugoslavia);

3) a nation can be formed on the basis of migration through the merger of many ethnic groups in a single community, yet on the basis of a specific ethnocultural substrate (in the U.S. and Canada—Anglo-Saxon, the countries of Latin America—Spanish);

4) a nation forms in a certain area as a voluntary union of different ethnic groups, transformed during the long existence of a single civil community (Switzerland);

5) a national community may include a variety of ethnic minorities (the Basques in Spain, the Welsh in the UK, and the Bretons in France), as well as the diaspora, formed from former immigrants (descendants of immigrants from former colonies of Western Europe, Russian-Koreans);

6) some nations coincide with one ethnic group (the Republic of Korea, DPRK, Japan).

Thus, all the known history of nations either past or contemporary have the polyethnic (at least mono-ethnic) structure, being civil communities having the institutions of law, ideology and society of significant cultural values. At the same time the nation can not completely withdraw from participation in interethnic interactions as a subject of ethno-political relations. This is due to the fact that national communities reveal, to some extent, ethnic character. The fact is that under the conditions of crisis and profound social transformation, there often occurs a kind of inversion, when the individuals belonging to the nation's ethnic groups, feeling the lack of other social resources, are turning to their roots, which often leads to an increase in ethno-political tension.

In this situation, ethno-nationalist movements and organizations perform attempts under the guidance of the newly elite to lend to the development and functioning of the nation's ethnic character, and on the basis of an appeal to the values of only one particular ethnic group. If this succeeds, the national community tapers in its social content to the size of ethnical and serves as the subject of ethno-political relations. With regard to individual nations or ethnic groups, scattered on the territory of different States, that is, diaspora, the initial condition for their emergence as a political subject is

self-organization to satisfy their interests in the form of diasporic communities based on self-awareness, having a specific interest in communities.

Based on the foregoing, it seems appropriate to use the term "ethnic politics" as opposed to the term "national policy" as the concept of national policy describes the activity of the state in all spheres of public life (eg, national policy in the branch of national cultural policy, agriculture, education, science, sports, tourism, etc.), and not only in ethnic processes.

The second methodological design of the conceptual schema is to validate the thesis that, with regard to the conditions of the Far East, one should determine whether to use those two concepts in one bunch, "ethnic policy" and "immigration policy".

In particular, in the Khabarovsk Territory, there is no such phenomenon as the title, indigenous ethnic group, which is due to polyethnic migration since the days of Czarist Russia and the Soviet Union. Indigenous ethnic groups (Nanai, Udege, Orochi, Evens, Evenks, etc.) due to their small size and relatively isolated living areas, of traditionally natural environments, to a small extent have socio-economic and administrative structures of the region. In this regard to the majority of the population of the Russian Far East, it is not appropriate to use the term "indigenous" but "old (local) population", which due to ethnic assimilation of the origins (albeit mostly on the basis of the Slavic substrate), are tolerant to a certain degree.

With all this, the Khabarovsk Territory, as well as the entire Far Eastern region, has always been recognized as Russian territory. In terms of further support and consolidation the most important civic value and sociopolitical role is played by the state program to assist the voluntary resettlement of compatriots, approved by Presidential Decree № 637 of June 26, 2006 [4].

Another question is, what is the real state of affairs behind the program in question. Thus, in the Khabarovsk Territory, as of December 1, 2011, the number of persons, recognized as fellow countrymen, was 1034, of whom 689 and 345 members of their families are participants of the program, meanwhile around 171 participants and 172 members of their families arrived from other countries. The overwhelming majority—518 people – became participants of the program on the basis of the Decree of Presidium of the Russian Federation [2]. Recall that, in accordance with the Presidential Decree of January 12, 2010 № 60, the program participants may be individuals who do not have Russian citizenship, but live in Russia permanently or temporarily on legal grounds [11]. Out of 1034 people found compatriots, 468 – received Russian citizenship, 35 people had already had the nationality at the time of their arrival in the Khabarovsk region [2].

With regard to employment, as of December 1, 2011 652 participants and 70 family members worked. The

majority of participants are engaged in the wholesale and retail trade, construction, manufacturing activities, and agriculture [2]. Initially the state program was aimed at attracting skilled workers. Meanwhile, among the participants arriving in Khabarovsk region from abroad, the amount of people with higher education is 30 %, with professional education at 14 %. Among those arriving on the visa-free basis from Tadzhikistan, Uzbekistan, and Ukraine, most people have only secondary or primary professional education [2]. The employment does not undergo smoothly. "Sometimes a vacancy is designated as a variant of employment, and it happens so that by the time of arrival of the employee it may be occupied by someone else, because the employer's duty to keep the workplace until the arrival of employee is not legally fixed. Many participants are not satisfied with low wages. The program was written five years ago and during that time, many employers and some businesses closed down altogether" [2].

Thus, the migration of countrymen, primarily the Russian-speaking population, without adequate legal mechanisms and socio-economic support does not get the desired scale and orientation. But even if the corresponding program gains momentum, inevitably there will be a need to supplement the mechanisms of resettlement and employability program consolidation, involving the formation of social infrastructure primarily housing, educational and health facilities. Against the backdrop of unfavorable economic conditions, there is a reduction of opportunity in meeting the basic needs of a significant part of migrants, and simultaneously, they face the loss of their previous status characteristic. Thus, many who came to a new location can form a negative attitude towards the new environment.

One can not ignore the fact that the compatriots from the CIS countries differ from the residents of the Far East in some sociocultural features, due to their long-term (often at birth), residence outside Russian regions of the former Soviet Union. A considerable part of the Russian-speaking population, while non-Russian by origin, has for a long time been in the situation of national minorities and the "double diaspora" among the dominant population of the former Soviet republics. For example, a significant migration flow of Korean diaspora of Central Asian CIS countries has been observed during the last 20 years in the Primorye and the Khabarovsk regions. In addition, some of the participants of the program are the representatives of titular ethnic groups of the former Soviet Union. In this connection there is the potential threat that competition with the local population in the sphere of employment, housing and social services can acquire an ethnic coloration and become preconditions of ethnopolitical conflict. In this connection it is necessary to pay special attention to the development of two blocks of problems:

– humane, providing conditions for normal life in a new place;

– strategic, involving the achievement of effective results in economic, social, ethnic and cultural and other public-governmental institutions.

At the same time, public authorities should perform scientifically considered policies of resettlement of Russian-speaking immigrants taking into account their interests and those of the host territories. In our opinion, as the majority of settlers belong to the Russian language and Russian culture, there can be only one way to solve their problems—integration. The main condition for integration should be beneficial both for migrating countrymen and for the local population. The next point of great importance is the formation of public opinion on State programs. After all, in areas inhabited by migrants, the local population must be in accordance their presence and tolerate their problems and subculture.

Thus, migration flows in the Far Eastern territories, to a large extent are ethnic coloring as related to labor and illegal migration of the titular ethnic groups from the CIS countries and China. Within the same State program, as we have noted, among migrants only few are culturally close to the Russian population. That is why the regulation of migration processes on the Far Eastern areas largely involves control of inter-ethnic interaction and, therefore, it is not just about immigration, but about aspects of ethnic migration policy. And also, respectively, is not just about ethnicity, but about ethnomigration policy.

The third methodological design of the conceptual scheme is the question of self-determination on the Russian nation in the Khabarovsk Territory, as the Far Eastern region of Russia. First of all, it should be noted that the settlers who migrated to the Far East during Tsarist Russia and the Soviet Union, with all its diversity, were the carriers of various regional and ethnic cultural variants of Russian society. Of course, adding to the territory of the resettlement its traditions and customs, they created a mosaic Far Eastern society. However, these societies were not opposed to each other. Moreover, there was an active process of assimilation of Russian, Ukrainian, Belarusian, Mordovian, Tatars and other ethnic groups. There has formed a special community of "people of Porubezhya", characterized by freedom from the conservative traditions and social conditions, ethnocultural, and religious tolerance.

Thus, in the Far East of Russia in the 19th century there already existed a special Far Eastern polyethnocultural space, which was based on the Russian national and state community. For the development of Russia and the Far East the presence of migrants on the territory is very important. It is precisely this point, in our opinion, that constitutes the basis of identity, integrating the Russian Far Eastern poly-ethnocultural community. At the same time the spiritual core of this community have always been first and foremost representatives of the Russian people. Therefore, for the strengthening of the foundations of the regional Rus-

sian identity, special attention should be paid to the revival and development of Russian culture.

With these points the following theses by V. Putin are corresponded.

"Self-determination of the Russian people – it is a multi-ethnic civilization, sealed with a Russian cultural core" [8: p. 19].

"The Great Russian mission is to unite, to strengthen civilization. With the help of language, culture, ... to unite Russian-Armenians, Russian-Azerbaijani, Russian-Germans, Russian-Tatars... to build such type of state of civilization, where there is no "natsmen" and to recognize the principle of 'friend or foe' is defined by a swarm of common culture and common values" [8: p. 19]. This civilization identity is based on the preservation of Russian cultural dominance, the bearers of which are not only ethnic Russian, but all carriers of this identity, regardless of nationality. This is the cultural code, which has undergone in recent years, a lot of changes... And yet, it has certainly survived. However, it must be nourished, strengthened and cherished" [8: p.19].

This statement can be attributed to a number of methodological guidelines that contribute to serious substantiation of the concept "Russianness", because its ambiguous interpretation could lead to a distorted perception of the idea of national, cultural self-determination of the Russian people. In our opinion, the main reasons for this perception are:

- Lack of a clear definition of the term "Russian";
- Uncertainty of what actually is the problem of the Russian people in Russia;
- Ignorance or insufficient knowledge of the historical origin and formation of the Russian people;
- Ethnocultural marginality, the lack of knowledge on traditions, customs and values of Russian culture.

Without answering these questions it is impossible to solve the problem of the well being of the Russian people, which is the socio-cultural background of the Russian Far Eastern multiethnic community.

In connection with the above said it is advisable with expedient efforts of the scientific community and the active part of students in collaboration with regional authorities of the Khabarovsk Territory to develop and to include in the concept of regional ethnic and migration policies for the main directions of solving the "Russian question", in particular, the problem of national cultural education of the Russian youth. A coordinated public position must consist in the fact that the classification of "Russianness" content should be implemented towards the determination of the Russians as a specific cultural-historical community, which was formed and is still forming under the decisive influence of the following factors:

- The values of Orthodox Christianity had an enormous influence on the Russian mentality and the very origin of the Russian people;
- Assimilation of the Russian state as it moved to the East and the expansion of its territory, a large number of

representatives of non-Slavonic peoples, which led to a state-and-culture-forming role of the Russian people.

Thus, the determination of the Russian people must be based on its identity as a historical-cultural generality, which includes representatives of people of different ethnic and racial background, but consider themselves to belong to the Russian mentality and cultural traditions. On the basis of recognizing themselves as Russian there should lay Russian history, Russian language and Russian national character (made up on the best spiritual values). However, in terms of regional peculiarities, it is necessary to take into account that the area dominated by the Far Eastern population resettlement solution to the "Russian question" has its own characteristics, which should be investigated and justified.

And finally, the fourth methodological design of the conceptual scheme of regional ethnic and migration policy should be considered from the perspective of socio-economic development. First of all, we should pay attention to the Soviet experience in multi-ethnic production processes (for example, the construction of the BAM, KAMAZ, the Nurek hydroelectric power station). International labor groups, the high culture of interethnic communication, ideological and psychological atmosphere of solidarity and cooperation—all of these positive matrix elements can be modified to meet modern conditions and used as tools for the Russian model of a multicultural policy.

Equally important is the analysis of post-colonial experience in western industrial societies; it shows that the inclusion in the production processes contributed to the successful integration of former migrants. At the same time a powerful incentive to improve the competitiveness of the personal and cultural level, to master new knowledge and skills is created. Industrial labor has contributed to close contacts with local people and immigrants from other countries [6: p. 66].

The foregoing should be considered in the context of socio-economic and technological modernization of the Far East. This kind of modernization is a prerequisite for radical change in ethnomigration policy. Indeed, the nature of the economy with raw exports and the undeveloped nature of high-tech industries determine the dominance of temporary labor migration, the influx of people who do not have professional knowledge and skills that are not interested in integration within the host community. The Khabarovsk region, as well as the Far East in general needs large-scale projects related to construction of large enterprises, the development of transport infrastructure in the vast territorial space and natural resources. The head of the Russian Railways Vladimir Yakunin during his visit to Khabarovsk in September 2008, spoke about the possibility of building a second track of the Baikal-Amur Mainline (BAM): "This project has the right to existence. And for such a large scale building, support of the state is required" [3].

However, implementation of mega-projects aimed at modernizing the Far East economy, should not be an end in itself. That is why, in the opinion of the authorized representative of the President of the Russian Federation in the Far Eastern Federal District V. Ishayev said, "... in the development strategy of the Far East and the Baikal region, we are talking about the creation of complex infrastructure that passes ahead of its development, which envisages the construction not only of ports, roads, airports, but also the change of the face of cities, the development of transport networks and infrastructure, education and health " [9].

So, in general terms the main content of the concept of regional ethnic and migration policy should be reduced to the following aspects:

1. Metodological unit (the basic concepts and approaches in the understanding of ethnical and migration).
2. Ideological unit (the basic ideas and attitudes which determine the value basis of ethnic and migration policy).
3. Informational analytical unit (historical-political estimation of situations in the field of interethnic relations in the Khabarovsk Territory, the determination of its specificity and the relationship with the nation-wide processes).
4. Administrative unit (the main directions of ethno-cultural management and migration, educational work for xenophobia and ethnic nationalism prevention).
5. Socio-economic unit (socio-economic grounds of ethnic and migration policy).

Thus, the formation of the concept involves the efforts of scientists and specialists of various related disciplines, as well as representatives of the respective regional and local authorities. The concept of regional ethnic and migration policy should be aimed at identifying and combining the "general" and "particular" in the field of interethnic relations and migration processes.

REFERENCES

1. Aklaev, A.R. Etnopoliticheskaya konfliktologiya. Analiz i menedzhment / A.R. Aklaev. – M., 2008.
2. Belova, Yu. Konstantin Vinogradov: "Ne nado dumat', chto zdes' ozhidayut zolotye gory". Kak rabotaet programma po pereseleniyu sootchestvennikov v Habarovskom krae? / Yu. Belova // Argumenty i fakty – Dal'inform. Regional'noe prilozhenie dlya chitateley Habarovskogo kraia i Evreyskoy avtonomnoy oblasti. – 2011. – № 51.
3. Granin, Yu.D. Etnosy, natsional'noe gosudarstvo i formirovanie rossiyskoy natsii / Yu.D. Granin. – M., 2007.
4. Konstantinov, V.V. Problema integratsii migrantov v priniyayushchee obshchestvo v postindustrial'nykh stranakh i v Rossii / M.V. Zelev, V.V. Konstantinov // Politicheskie issledovaniya. – 2007. – № 6.
5. Nizamova, L.R. Ideologiya i politika mul'tikul'turalizma: potentsial, osobennosti, znachenie dlya Rossii / L.R. Nizamova // Grazhdanskoe obshchestvo v mnogonatsional'nykh i polikonfessional'nykh regionakh. Materialy konferentsii. Kazan', 2 – 3 iyunya 2004 g. – M., 2005.

6. *Putin, V.* Rossiya sosredotachivaetsya. Orientiry. – M., 2012.

7. *Rogov, Yu.* Na vostochnoy storone. Gosudarstvo stalo bol'she vnimaniya ob-rashchat` na Dal'niy Vostok / Yu. Rogov // Zolotoy rog. – 2012. – 6 marta.

8. Rossiya – dlya kogo? // Argumenty i fakty. – 2011. – № 7.

9. *Rudakova, Yu.* Motal'shchitsy ne nuzhny / Yu. Rudakova // AiF – Dal'inform. Regional'noe prilozhenie dlya chitateley Habarovskogo kraya i Evreyskoy avtonomnoy oblasti. – 2011. –

№ 11.

10. *Vasil'ev, I.* I BAM "udvoit'" mozžno...Esli budet sil'no nuzhno / I. Vasil'ev // AiF– Dal'inform. Regional'noe prilozhenie. – 2008. – № 38.

11. *Vladina, T.* Pereselenie k chukcham v chumy? / T. Vladina // Argumenty i fakty – Dal'inform. Regional'noe prilozhenie dlya chitateley Habarovskogo kraya i Evreyskoy avtonomnoy oblasti. – 2006. – № 27.

IMMIGRATION POTENTIAL OF THE RUSSIAN FAR EAST

A.M. Shkurkin

Anatoliy Michailovich Shkurkin is Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: shkurkinam@mail.ru

The article studies the problem of the influence of the labour market on the migration labour potential in the region. The author considers that the distinctive features of labour migrations are overall determined by structural disproportions of the labour market.

The main research hypothesis proved in this article is that the current state of the labour market in Russia (especially in the Far East) is formed as the result of the systematic interaction of different and relatively independent spheres that constitute the external environment of the region. Finally, an organizational culture whose core is a labour motivation (from the point of view of labour economics) creates a certain motivational field into which every immigration labour flow to a recipient country is plunged.

The sources of problems of any immigration, as well as the conditions and resources for their solution, need to be searched for within the region. The market positioning of the migrant (especially foreign) workforce, aimed to fill as much vacancies as possible, is realized to the extent that is "allowed" by the existing asymmetries of the labour market and the developing legal framework.

In the example of the Chinese migration taking place nowadays and in the early 19th and late 20th centuries, the immigration labour potential of the Russian Far East and the potential risks are estimated in order to determine the development strategy of the Far East.

Key words: immigration risks, immigration potential, the Russian Far East, stability, labour market, regional security, regional strategies, China workforce migration, immigration policy.

1. Problem Premises for the Research of Immigration Labour Potential

There is an integral formula of immigration that reveals the essence of this many-sided phenomenon: "We would like to receive employees, but have received people". Labour immigration transfers not only labour force but, moreover, human capital through transboundary channels, even though it is its key characteristic feature. Together with a person, the carrier of these qualities, other social values, relations, traditions and finally a piece of other society are transferred to the territory of other regions. It is believed that migration creates conditions for confrontation and opposition of different subcultures, increasing the crime level and instability associated with the adaptation of a foreign workforce to the local conditions of a recipient country.

Economic theory can not but take into account this peculiarity of labour immigration. Economic definitions although being defined by means of a detailed analysis on a high abstract level contain (mainly in a latent form) these social layers, and without any account taken of them it is impossible to acquire objective knowledge of economic relations concerning labour immigration.

In order to receive the representative estimate of a migratory capacity, one should take into account this fact that will produce an impact on the creation of factors attracting immigrants to any territory as well as the effectiveness of their settlement. Undoubtedly, this peculiarity should be taken into consideration during the analysis of the migratory capacity of the Far East.

The economic development of the Far East is closely connected with the large-scale migrations

caused by the necessity to attract population both from other regions of Russia and from abroad. Many processes taking place in the Far East (illegal immigrants, ethnic conflicts, territorial disputes, low acclimation rate of population and high migratory mobility) can be traced as far as the mid-19th and early 20th centuries.

During the further stages of their development many processes recurred in various combinations more or less intensively. According to V. Trubin, the analysis of migration in the Far East during the given period helps us to realize that studying migration problems with no account of certain socio-historical conditions is not effective. Migration as one of the forms of the human existence is not only the cause of many processes of different character and form but also the consequence of the complex factors determining the reproduction of the population [5].

The main hypothesis of such research is that the current state of the labour market in Russia (especially in the Far East) is forming as the result of systematic interaction of different and relatively independent spheres that constitute the external environment of the region. The major "participant" of this interaction is an organizational culture that adds its own particular colour to the region and produces strong influence on the conjunction of the labour market. Finally, an organizational culture whose core (from the point of view of labour economics) is labour motivation creates a certain motivational field, into which is plunged every immigration labour flow to a recipient country.

Besides all other consequences associated with this function of an organizational culture there is one more consequence that is often unexpected for many

subjects of the labour market. The above named integral formula of immigration may be continued by the following addition: “We would like to receive employees but have received people and so what we have now is a humanized market”. Besides labour immigration, the outlines of direct and reverse relations are emerging; these relations determine both the current state of the labour market and the conduct of market subjects often irrationally or illegally.

For the sources of problems of any immigration as well as the conditions and resources for their solution, one must search within the region. Market positioning of a migratory (especially foreign) workforce aimed to fill as much as possible vacancies is realized to the extent that is “allowed” by the existing asymmetries of the labour market and developing legal framework.

This research hypothesis needs both theoretical basis and experimental examination. The analysis of two periods in the history of Chinese immigration to the Russian Far East (late 19th – early 20th centuries and now) separated by more than a hundred years helps us to prove the research hypothesis fully [6-9]. According to the analysis, the correlation of labour demand and supply depended in these periods largely upon the social system of the region, existing labour preferences, motivation, values, attitude to labour in the local society, the position and role of a person, the quality of individual and collective life, and a whole organizational culture.

The leading role in the forming of labour immigration is played by the natural environment, the sources for preservation and reproduction of vitality as well as adaptation mechanisms and institutions determining the population’s opportunities to be employed.

As it was discovered, two integral characteristics of a migrant finally determine his or her competitiveness and demand for him or her at the labour market. The former is an ability to adapt as fast and effectively as possible to the natural and social environment of the region during high instability. The latter is having “more compatible” labour motivation than the motivation of the local workforce. The competitiveness of a labour immigrant is, first of all, the competitiveness of labour motivation, that is how strong his or her will to be employed is, no matter what system of social or material compensation is used there.

The peculiarities of migrant flow are largely determined by market asymmetries. The current positioning of the migrant workforce at some market segments influences labour market conditions. The external environment influences the labour market by its own disproportions creating conditions for heterogeneous labour flows, splitting them into classes; these processes determine the segmental structure that becomes relatively homogeneous within the existing interactions of the external environment. The created cycle, in which the external environment, the labour market and external labour flows interact closely, determines the demand for a certain amount and quality of workforce.

2. Migration Labour Potential and the Sustainability of Regional Development

Demographic potential of the Far East has always been notable by the fact that migration played a very important role in its reproduction, thus forming a large migration unit. Every region has not only objective reasons to attract labour from other regions, including the international market, but certain boundary limits as well; exceeding these limits reduces sustainability of socioeconomic functioning of a region and increases risks.

In order to describe and to estimate these two regional constituents the notion of “migration labour potential (MLP)” was introduced. MLP is the ability of a territory to use a certain amount of migrant workforce at the present moment; the excess of this amount may reduce the sustainable functioning of the regional socioeconomic system if the regional authorities do not take preventive or corrective measures.

According to the given definition, migration labour potential, firstly, includes various resources (production, social, labour, etc.) as well as a systemic correlation between them and the current proportions and structures of a socioeconomic system, while this system functions in a historically developed environment and determines its status quo.

Secondly, as a result, every territory is characterized by its own set of environmental parameters that will form differences between in and out labour migratory flows. Undoubtedly, the current labour migration potential determines the turnover of labour flow. It may be assumed that the less effective labour migration (its stability) is, the higher the level of use (exhaustion) of regional MLP.

That is why, thirdly, the peculiarities of such processes should be taken into consideration for the development of effective migration policy.

Concerning a particular region one may speak about different migration labour potentials. Some regions are characterized by a high MLP, others – by a low one. As a whole, employment is a peculiar “relief” of migration labour potential; this fact allows us to speak about the *density* of MLP that is the evenness or unevenness (discontinuity) of a MLP’s distribution. Using the terms of classical physics [1] one may speak of regional “potential migration limit” or “potential migration valley”.

A *potential migration limit* (delta-potential) is a sudden reduction in the ability of a region to employ a migrant workforce. There are many factors opposing inflow and assimilation of a migrant workforce on the territories characterized by such a feature. Consequently, a *potential migration valley* (sigma-potential) is determined by the potentials of a territory, provided that the use of these potentials will sharply increase MLP.

A certain paradox of self-organization theory should be taken into consideration here: if entropy inevitably increases in isolated social systems, self-preservation potential will reduce. Therefore, in order to provide development one should stimulate the mobility of the local population because, if the mobility of the local population reduces, the migrant mobility will grow and the greater part of migration will be a free-running turnover.

The situation when sigma-potential is formed in the region for some objective reasons is also very difficult. It means that at some period the factors contributing to a large inflow of migrants will dominate in the systemic interaction of other external factors. For example, the workforce shortage in non-prestigious industrial sectors will cause objective tension both in different sectors of the labour market and employment that in turn will increase MLP of such a territory. Workforce shortage may appear due to the intense development of the core industries with a great share of unskilled and low-paid labour, and hence, due to the intense outflow of the local population.

In cases like that one, the economic constituent of a socioeconomic system will predetermine the current structural disproportion that threatens the sustainable functioning of a territorial system.

To be sustainable means to be able to keep balance in case of a disturbing effect in order to keep the given course and to use the resources for further development in the best way. Then, security appears to be a systemic category, a property of a system based on the principle of sustainability, self-regulation and integrity. Security should protect each of these properties as any destructive impact on one of them may destroy the system as a whole or some of its vital functions.

Since the region as a developing system constantly becomes unbalanced, one should differentiate a temporary decrease in sustainability as a precondition for future growth, and a decrease as degradation.

3. Labour Migration and Regional Security

Migration pressure on the territories exceeding the sustainability limits of development will decrease the security level that may result in a local (or systemic) crisis of some fields associated with deterioration or destruction of main life support systems. Therefore, the problem of regional security is not only a central element of the regional management system, but causes us to study more carefully at the strategic level those elements that provide sustainable development. That is why regional programs of all levels must include such compulsory elements as:

- Well-grounded criteria to assess regional security in different spheres of life support;
- Classification of potential threats;
- Identification of resources for preventing and eliminating threats if the region deviates from sustainable development for some reason.

Regional security refers to such a state if, on the one hand, the region is capable to withstand destabilizing influences of internal and external socioeconomic threats and keeps sustainably functioning or developing; while, on the other hand, the resources are used for effective life support of the region as a whole in the way that does not pose socioeconomic threats on internal subsystems of the region or its environment.

A triune region security task is clear from the given definition: 1) creating socioeconomic resources that will be necessary and sufficient to make decisions and to take measures that will not threaten regional security and will promote sustainable development of the region; 2) the protection of regional socioeconomic resources; 3) socioeconomic interaction between the region and its environment that will not threaten environmental security and will promote sustainable development of the region in this environment.

The following important fact about sustainable functioning of the region should be taken into consideration. A regional system is closely related to its environment, that in its turn, influences all processes occurring in the system; this fact determines the conditions for the existence of the system; the boundaries of these conditions are well-defined. It means that every regional system is not able to be sustainable for a long time. Homeostasis and further stages of development as a pragmatic and strategic objective of a regional system are characterized by a number of states determining a certain management style.

One usually speaks of four states of functioning [3]:

- Optimal state – a system tends to an optimal state under existing dynamic conditions;
- Welfare – a system may remain in this state indefinitely. Control signals are so weak, they may be below sensitivity threshold, while inertia is such that a system may approach optimal state only asymptotically;
- Homeostasis – controllable changing;
- Surviving – poorly controlled changing.

In Figure 1 there is a classification of threats that may appear at the regional level including ones caused by migrant inflow and outflow if migration capacity of the territory is fully exhausted or exceeded.

It is clear that the scale and level of security associated with labour migration will be different for regions in the particular state of functioning. Regions that are in the state of surviving run the highest risks of controlled functioning. Since on the one hand every systemic management decision in such a region is accompanied by the necessity to have strategic stocks of resources for further development in case of unfavorable changes in the external environment, while the regions that are in the state of surviving have limited resources.

On the other hand, the outlines of feedback in such regions are usually poorly developed and not sensitive enough to the impact of the external environment

to show negative tendencies at the earliest stages of their development. Therefore, regions functioning in the optimal state have absolutely different resources to detect and eradicate threats. In this case, it is advisable to mention the hierarchy of security threats associated

with labour migration in the context of the above described states of sustainable functioning of regions.

As for the Far East the possible classification of security threats associated with migration is represented in Table 1.

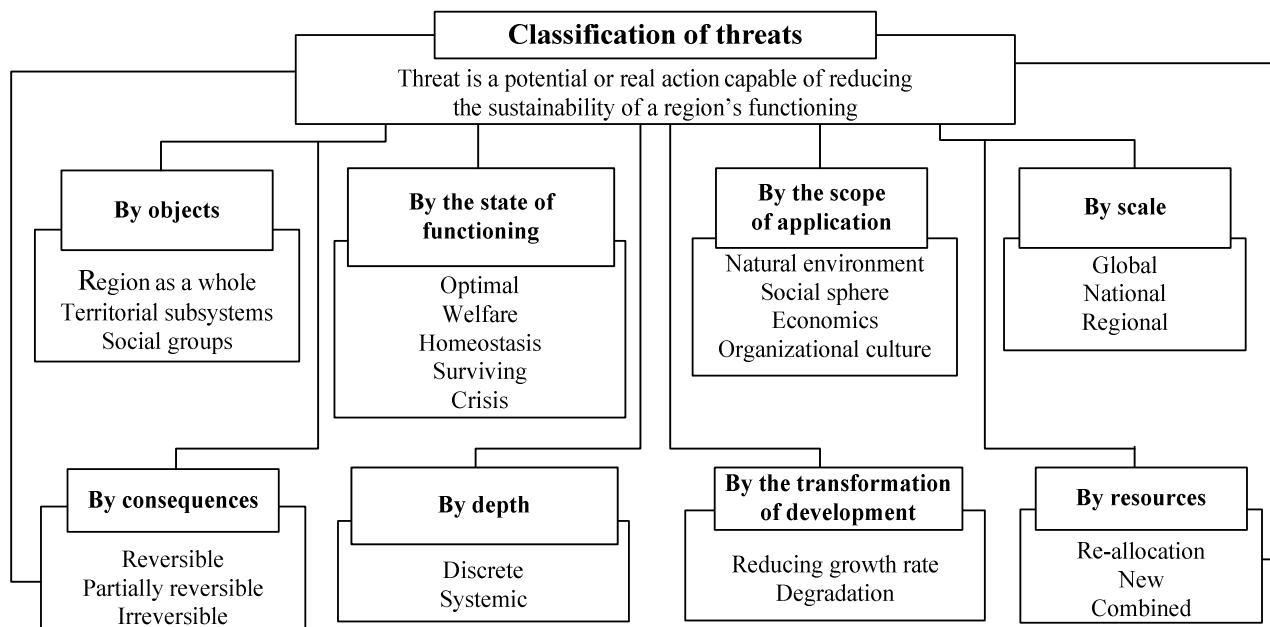


Figure 1. Classification of threats to regional security

Table 1

Classification of security threats associated with the immigration in the Far East

Set of factors	Content of security threat	Systemic characteristic	Possible transformations
<i>Natural environment</i>	- increasing environmental impact - depletion of natural resources; - deterioration of population health; - growing morbidity rate	<i>Security threat:</i> Scale: a whole region; Character: global; Manifestation: systemic; Consequences: partial reversibility	Reducing growth rate in the regions at the stage of surviving – transition to the stage of crisis is possible
<i>Social sphere</i>	- increasing impact on social infrastructure; - criminalization of the situation; - growth of social tension; - changes in ethnic composition; - formation of diasporas	<i>Security threat:</i> Scale: a territory; Character: regional or national if threshold values are exceeded; Manifestation: systemic; Consequences: irreversible	Reducing stability of population, growing structural disproportions at the external periphery of the labour market
<i>Economics</i>	- outflowing of financial resources beyond the country's border; - growing tension at the labour market; - unequal turnover; - growing structural disproportions of all types	<i>Security threat:</i> Scale: region as a whole; Character: regional or national if threshold values are exceeded; Manifestation: systemic; Consequences: partially reversible	Reduction of sustainability level, reduction of labour potential and deformation of demographic potential
<i>Organizational culture</i>	- growing socio-cultural distance; - reducing tolerance; - negative transformation of motivation	<i>Security threat:</i> Scale: a whole region; Character: regional or national if threshold values are exceeded; Manifestation: systemic; Consequences: partially reversible	Growing ethnical and socio-cultural instability, transformation of ethnic identity
<i>Integral characteristics</i>	- threats of all types connected with growing tension in all region subsystems; - increasing depth and scale of structural disproportions	<i>Security threat:</i> Scale: a region, a country; Manifestation: systemic; Consequences: ultimately irreversible	Increased transformation activity reducing sustainability of region functioning, Reducing stability of population

4. Migration Labour Potential and Structural Disproportions of the Regional Labour Market

Each of the above mentioned threats are only potential (possible), and their actualization depends on the number of conditions and factors which are very specific for each region. Nevertheless, one may speak about five the most important sets of regional factors that are closely intertwined with each other: 1) the peculiarity of the external environment; 2) the migration capacity of a region; 3) a regional migration programme that includes a well-grounded strategy, an organization structure, laws, a resource and information framework and the proper institutions; 4) the state of a region's functioning that influences the sustainability level of a region's functioning and development; 5) the systemic asymmetries of the labour market.

In Figure 2 a model block diagram shows the process of formation and regulation of the regional immigration labour potential; all above mentioned elements are linked with each other.

As it is seen from the diagram, the central element reflecting the interaction of all above mentioned components of the regional system is a migration labour potential. All other components eventually depend on it. The labour market is the sphere where the objective demand for labour migration from other territories manifests itself most vividly.

By systemic asymmetries of the labour market, such qualitative characteristics of imbalance between the demand for labour and the supply of labour is understood; these asymmetries are caused by the structur-

al discrepancy in the subsystems of the external environment and form relatively sustainable segments of the labour market. Furthermore, if we use classical marketing segmentation, the segmentation criteria will be determined on the basis of the efficiency of product positioning; in this context an absolutely different methodological precondition was accepted. We believe that market segmentation has already emerged and the segmentation criteria are the systemic asymmetries of external environment.

Systemic asymmetries perform another important function. They are indicators signaling of destructive changes that are taking place in the region as an integral socioeconomic system and concern its security and sustainability of functioning.

When analyzing labour migration one should take into consideration the following factors: the migration potential of a territory; the peculiarities of a socioeconomic system, the level of its sustainability and sensitivity to the impact of immigration labour potential; institutional resources that provide preservation and development of the socio-cultural peculiarity of labour immigration.

The procedure of the general estimate of MLP may be represented as a generalized sequence of inter-related algorithmic actions: 1) the estimation of the immigration capacity of a region (E) as a constituent part of MLP; 2) the definition of permissible limits of socioeconomic security of labour migration in the region; 3) the integral estimation of MLP.

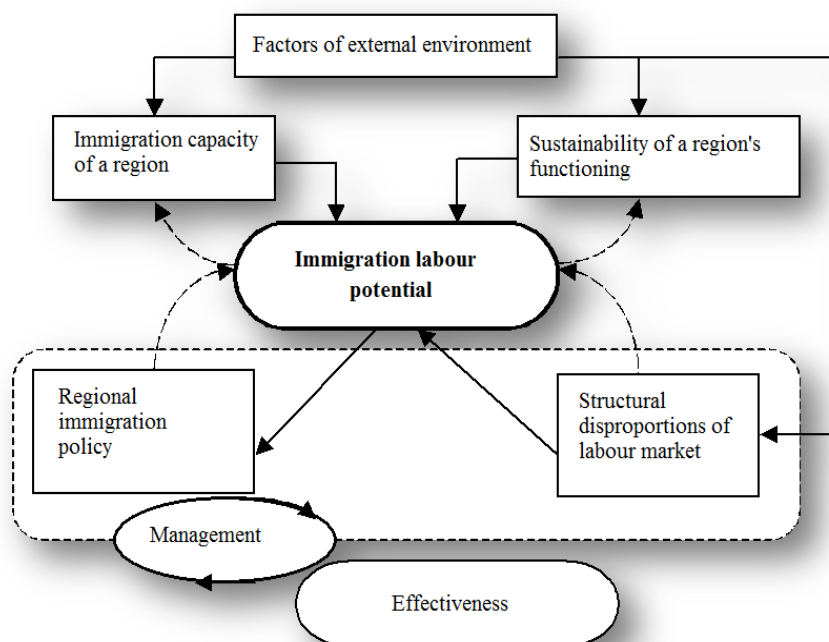


Figure 2. Block diagram, a model of formation of regional MLP

In our opinion, controversial unity of micro and macro levels of labour market manifests the most vividly in the systemic asymmetries of the labour market. The development of global economic and social relations as well as the development of human personality including personal values, motivation, attitude toward life and labour are manifested at the regional labour market through the singled out sets of factors that in fact are the subsystems of a region. Various asymmetries between labour demand and supply are formed under the influence of a specific external environment which is determined by the interaction of the following four sets of factors: natural environment, social environment, the economic factors of survival, an organizational culture (see Figure 3).

The regional set of factors can be viewed as a subsystem and at the same time as a regional recourse of living space that determines a region's ability to attract labour immigration and to use it effectively.

It is also very difficult to estimate the immigration capacity of the territory taking no account of possible developmental dynamics. The paper suggests one possible way to estimate immigration capacity:

$$E = \sum \delta_{ij} v_{ij} + \sum \delta_{ij} n_{ij} + \sum \delta_{ij} k_{ij} + \sum \delta_{ij} m_{ij} + \sum \delta_{ij} r_{ij} + \Delta T + \Delta L + g(\Delta R) + h(\Delta S), \quad (1)$$

where δ_{ij} – the competitiveness level of immigration labour at a sector of the labour market (i) relative to a job (j); v_{ij} – vacancies (j) at a sector (i); n_{ij} – job (j) in a new productions (i); k_{ij} – seasonal, specialized jobs at unprestigious sectors of labour; m_{ij} – jobs in the sphere of infrastructure consisting of individual, entrepreneurial activity (business, tertiary industry); r_{ij} – a job (j) at the informal employment sector; ΔT – the balance of migration of the able – bodied population; ΔL – the balance of the natural loss of able – bodied population; $g(\Delta R)$ – labour turnover increase; $h(\Delta S)$ – the increase and length of unemployment.

As for the content, E is an amount of foreign workforce that the regional labour market is able to

accept during a certain period under a given competitiveness level of immigration labour to a certain sector of the labour market. For better clarity the given formula may be represented in a different form:

$$E = W(\delta_{ij}, v_{ij}, n_{ij}, k_{ij}, m_{ij}, r_{ij}) + V(\Delta T + \Delta L + \Delta R + \Delta S), \quad (3)$$

where

$$W(\delta_{ij}, v_{ij}, n_{ij}, k_{ij}, m_{ij}, r_{ij}) = \sum \delta_{ij} v_{ij} + \sum \delta_{ij} n_{ij} + \sum \delta_{ij} k_{ij} + \sum \delta_{ij} m_{ij} + \sum \delta_{ij} r_{ij}.$$

Formula 3 consists of two parts:

- $W(\delta_{ij}, v_{ij}, n_{ij}, k_{ij}, m_{ij}, r_{ij})$ – the total unsatisfied demand for labour in the regional industrial structure;
- $V(\Delta T + \Delta L + \Delta R + \Delta S)$ – the increase of unsatisfied demand that is caused by demographic and social processes.

In the current situation the intensity, scale and peculiarities of the immigration labour flow singled out according to the “time” characteristics are largely determined by the current condition of the external periphery of the labour market. Structural disproportions formed as the result of a systemic interaction of factors of external environment are the most vivid at those segments of external periphery of the labour market that consist mostly of informal employment. In this regard of the carried out analysis, let us single out the most important asymmetry at the Far Eastern labour market that determine favourable opportunities for labour immigration, primarily the Chinese immigration. The systemic interactions of all four sets of factors of external environment cause high instability of demographic structure. The migration outflow of the population, tending toward temporal residence in the Far East, is the most important socioeconomic problems for all its territories [6, 8].

Let us consider the possibility to estimate the migration labour potential and the migration capacity of the Far East in respect to the Chinese migration, the most competitive one during a considerably long historical period.

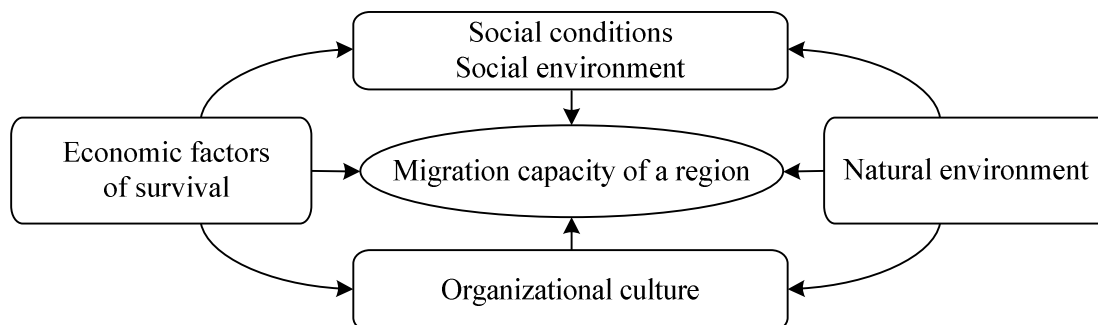


Figure 3 Regional resource of living space that influence labour migration

5. The Chinese at the Labour Market of the Far East – Historical Experience of Effective Migration Strategy

The Chinese labour now and in the late 19th and early 20th centuries is characterized by two important features [8]. The first one is the demographic situation during those periods. A hundred years ago, in spite of a large outflow of immigrants coming from Siberia and the central part of Russia, the Chinese migration took place against the background of growing demographic potential. Nowadays, the total number of people has declined sharply; the sustainability of functioning reduces more and more due to the exhaustion of regional labour potential.

The second difference is that in the late 19th and early 20th centuries, the Chinese workforce at the Far Eastern labour market was unqualified or low-qualified. That is why the local workforce was more competitive against the background of considerable growth of the population. The current situation in the late 20th and early 21st centuries is diametrically opposite. The reduction of demographic potential is accompanied by the decrease of the professional and qualification structure of labour potential.

Meanwhile the most important factors are the existing employment structure, the low level of professional and qualification structure, unavailability of the mechanisms of improving qualification, growth of long-term unemployment, extremely low cost for labour, and weakening of labour motivation (Table 2).

Undoubtedly, economic needs for the Chinese workforce are sufficiently great. That is why they will be a constant counterbalance to the tightening of immigration policy. The Far Eastern labour market, with all its regional peculiarities, is an important factor for the increasing migration from China.

In our opinion, such important criterion as regional labour potential is not given appropriate consideration when substantiating the suitability and economic efficiency of a certain development strategy of the Far East. The main socioeconomic problem of the Far East in the past as well as nowadays and furthermore in the future has been and, according to prognosis estimates, will be the quantitative and qualitative characteristics of the population structure.

That is why the most economically efficient and probably the only development strategy of the Far East is the one that will provide favourable opportunities to preserve the *current* population of the Far East. Therefore, the problem of forming a stable population in the Far East is the key condition and objective of the economic policy and strategy of national development. All strategic programmes at the Far East should be centered on this objective.

In order to solve this task one should use the criteria represented in Table 3 while choosing the develop-

ment strategy of the Far East and modeling scenarios of its economic development that will determine the directions, sequence and scale of economic reforms.

According to the guidelines of migration policy, Russia's immigration priorities will depend on [2]: immigrant selection programmes, the natural selection of immigrants (unusual climate, absence of diasporas, absence of historical ties between Russia and the immigrants' country of origin, etc), the competition between countries for qualified immigrants.

Besides this, it is supposed that one of the main elements of immigration policy of the Russian Federation must be policy aimed at the development of permanent immigration, i.e. resettlement for permanent residence. The latter of the above mentioned criteria is important for the Far East due to the following circumstances.

Government decisions are being taken nowadays in order to attract compatriots living abroad to the Far East.

When developing this element of immigration policy one should use the experience in the organization of international migration accumulated by countries of classical immigration. [2]. The number of temporary labour immigrants in most developed countries is determined according to the economic needs of employers. The number of students is determined by the resources of institutions of higher education and a state's interest in attraction of specialists. For example, the governments of Australia and Canada annually approve a general immigration plan. The target figures are based on the following criteria: the potential of a state to adapt a certain number of immigrants (these estimates are based mainly on the historical experience of these countries), the economic interests of a state, and demographic calculations.

Canada's experience is of particular interest for the Far East due to the necessity to estimate the state resources for effective adaptation of immigrants to the social, cultural and natural environment of the Far East. Since the first settlement, the adaptation of a population to natural and socio-cultural environments has always been the main problem of the formation of population at the Far East.

More than one 150 years experience of settlement to the Far East has shown that all forms of settlement and adaptation of immigrants involve large costs for a person as well as for the social and natural environment and for the State due to the considerable amount of free-running migration. Therefore, creating favourable conditions for preservation of the current population of the Far East and preventing the destruction of the current regional demographic and labour potential are more efficient from the point of view of material and financial costs, and are more effective from the point of view of forming stable work and life.

Table 2

**The Comparative Economic Analysis
of the Immigration Labour Potential of the Russian Far East**

Characteristics	The mid 19th – early 21st century	The present
1. Restriction on place of residence and work	In different periods: contract, settlement	Mainly contract
2. Legal status	Equally legal and illegal immigration	Equally legal and illegal immigration
3. Level of qualification	Mainly low-qualified and unqualified	Illegal – mainly low-qualified, contract – qualified
4. Demographic structure	Prevalence of young male age group	Prevalence of young male age group
5. Social structure	Low educational level, from lower social strata	Middle or high educational level, from lower social strata, mainly unemployed
6. Motivation of immigrants	Making money, resettlement, refugees, job search	Making money, job search, establishing one's own business
7. Socioeconomic situation of a recipient region	Developing economics, increasing demographic and labour, considerable state subsidies for population	Economic stagnation, considerable segments of population are below the poverty line, decreasing demographic and labour potential
8. Sectors of employment	Industry, agriculture, trade, tertiary industry, construction	Mainly construction, retail, agriculture
9. Structural homogeneity, scale of ILP (immigration labour potential)	Homogeneous labour flows, sigma-potential of ILP	Bipolar labour flows, favorable conditions for sigma potential of ILP
10. Systemic asymmetries at regional labour markets	Shortage of workforce – severe climate – low motivation – lack of organizational culture – low demographic potential – high migratory mobility of population	Shortage of workforce together with unemployment – low motivation – there is no orientation to stable work and life – low demographic potential – high migration outflow of population

Table 3

Criteria of the strategy for the formation of the permanent population in the Far Eastern Federal District

Criterion	Essential units of strategic planning
1. The guarantee of well – paid jobs	The long-term estimation of an employment structure, taking into account permanent settlement of the population on the territory of the Far Eastern Federal District
2. Creation of efficient labour potential at the Far Eastern Federal District	The long-term planning of economic and social potential of jobs that create positive motivation for settling in the Far East
3. The guarantee of sustainable socioeconomic development	The forecasting and prevention of problems regarding employment, a prudent approach to the restructuring of regional enterprises and promising branches of industry
4. The regulating influence upon immigration capacity of the territories of the Far Eastern Federal District	Estimation of the volume and structure of a foreign workforce at the Far Eastern labour markets, the creation of an efficient immigrant selection system
5. The guarantee of priorities of immigration policy	Developing a series of measures aimed at the attraction of permanent immigration; the priority of permanent immigration among various forms of temporary migration

REFERENCES

1. Bondyrev, I.V. Prirodnyy potentsial gomykh territoriy – filosofsko-metodologicheskii analiz [Natural Potential of Mountain Areas: Philosophical and Methodological Analysis] / I.V. Bondyrev, V.P. Singkh. – Available at www.bond@gw.acnet.ge, cesing@lsu.edu.
2. Denisenko, M.B. Immigratsionnaya politika v Rossiyskoy federatsii i stranakh Zapada [Immigration Policy of the Russian Federation and Western Countries] / M.B. Denisenko, O.A. Haraeva, O.S. Chudinovskiy. – M., 2003. – 314 p.
3. Dyuzhenkova, N.V. Upravlenie ekonomicheskoy bezopasnost'yu regiona v so-vremennoy Rossii. Avtoref. diss. na soisk. st. kand. ek. nauk [Economic Security Management of the Region in Russia at Present. Dissertation Thesis] / N.V. Dyuzhenkova. – M., 2002. – 16 p.
4. Smol'yakova, T. Granitsy peresekli lyudey [Borders Crossed People] / T. Smol'yakova // Rossiyskaya gazeta. – 2004. – December, 18.
5. Trubin, V.V. Istoricheskiy opyt migratsionnoy politiki Rossii. Migratsionnaya situatsiya na Dal'nem Vostoke i politika Rossii [Historical Experience of Russian Migration Policy. Migration in the Far East and the Policy of Russian Federation] / V.V. Trubin. – M.: Moskovskiy Tsentr Karnegi, 1996.
6. Shkurkin, A.M. Kitayskiy faktor: proshloe, nastoyashchee, budushchee / A.M. Shkurkin [Chinese Factor: Past, Present and Future] // Strategicheskoe planirovanie Khabarovska, 2004. – № 1(1). – P. 31–75.
7. Shkurkin, A.M. Kitayskaya rabochaya sila na rossiyskom Dal'nem Vostoke v XXI veke [Chinese Workforce at the Russian Far East in the XXI Century] / A.M. Shkurkin, N.N. Shustova // Kul'turno-ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran Severo-vostochnoy Azii: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. V 2-kh tomakh. – Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2005. – T.1. – P.119–122.
8. Shkurkin, A.M. Immigratsionnyy potentsial truda rossiyskogo dal'nego Vostoka (kitaytsy na rynke truda Dal'nevostochnogo regiona). – Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2007. – 167 p.

THE TAIWAN QUESTION: INTERCONNECTION OF INTERNAL AND INTERNATIONAL PROCESSES

V.A. Smolyakov

Vladimir Alexandrovich Smolyakov is Doctor of Science (Political Science), Professor of the Department of Social Studies and the Humanities at Khabarovsk State Academy of Economics and Law.

E-mail: smolyakov46@mail.ru

The author undertakes an analysis of the Taiwan problem viewed from the perspective of interconnections between internal and international factors. Particular attention is paid to the consideration of preconditions and influence of the process of democratization of the political system of the Republic of China (Taiwan) on the relations with the People's Republic of China (the PRC). Relations on both sides of the strait are developing against the background of the geopolitical triangle of the USA – the PRC – Taiwan and the aggravated integration processes in Eastern Asia.

Key words: one China, de-facto state, reunification, democratization, sovereignty, interaction of internal and international factors.

The relationship between the People's Republic of China (PRC) and the Republic of China (the non-official name of the ROC – “Taiwan”), divided by the waters of the Taiwan Strait is one of the most complicated problems of the postwar international relations. The Taiwan problem goes far beyond the bounds of Eastern Asia. It shows the intertwining of internal (political, economic, ideological and legal factors) as well as geopolitical factors. The topic under analysis in this article is “the Taiwan question”, which is of a particular interest, because in it you can clearly see the interaction between different forms of policy. It has become even more complicated because of the arguments about sovereignty. We single out the following problems.

Firstly, it is an unusual interaction between two state authorities developing formally within one country. It is interesting that these relations “between two sides of the strait”, belonging as a matter of fact to foreign policy, are not officially considered as such neither by Beijing nor by Taipei. The argument is considered to be the problem within the country. The interrelations between both sides have the status of special links, and specially created authorities deal with them.

Secondly, the relations between the PRC and Taiwan are under the influence of intertwined geopolitical and internal political factors, which give an example of a synergetic interaction “from outside to inside” and vice-versa.

Thirdly, this pair is included in the geopolitical triangle consisting of the PRC, the USA and Taiwan, which influences the world policy in general. The main problem in Taiwan is preventing a war. The Taiwan Strait is considered to be one of the flashpoints of tension. Deng Xiaoping in 1984 pointed out that “the Taiwan question” is the main obstacle in Chinese-American relations. It can grow bigger and turn into an explosive question in relations between two countries [5: p.110]. One of the major American specialists in China and Taiwan wrote, “I ap-

prove that the Taiwan question is the only problem in today's world, which can really bring us to *war between two major powers*” [6: p. 23].

Understanding and discussing complex processes of interaction in world policy (including the Taiwan question), as well as developing together with the strengthening of global interdependency requires the rethinking in research methodology. In the past there prevailed the ideas of the states – the entities of international policy – as interacting “billiard balls” (these views in international-political science are presented by the paradigm of political realism and by the classical geopolitical school). Nowadays the most adequate way to understand world policy is to perceive the latter as a system of interactions intersecting state borders. This scientific approach leads to the substitution of linear cause-and-effect relations by the multidimensional systemic analysis and the comprehensive research of interconnection between internal and external “policies”, and also between the inner political life of society and the outside environment. Domestic and foreign conditions can help widen the scale of intensification, or deepen the interconnections, or can block these processes.

The methodological premise of the research of the Taiwan question is the theory of interactions between the fundamental forms of politics. The interconnection between domestic-policy and foreign-policy processes is the periodically repeated causal and functional interactions which take place both within the state (between the two – domestic and foreign policy directions in its activity) and in world politics (between the inner environment of the national political system and foreign policy) [14: p. 231].

China has consisted of two parts since 1949. The core of the problem is the refusal of the PRC to accept the independence of the Republic of China. The PRC looks upon Taiwan as its twenty third “rebellious province” (though it doesn't control it). Formally, it was officially proclaimed by Beijing and supported by the

majority of the states, including the USA, and members of the United Nations that the state sovereignty of the PRC is spread all over the Chinese territory.

The phrase “the Taiwan question”, meaning the necessity of solving the problem of reunion, is used by the continental side of the strait and refused by the island side. The peculiarity of the Taiwan problem is that unlike formerly divided Germany or present day Korea, neither side of the conflict recognizes China as a divided nation. The leaders of the PRC look upon the question and the methods of reunion as a domestic matter. For his part, the president of Taiwan, Ma Ying-jeou, underlines that the relations between the PRC and the ROC have the status of “special” and they are not the relations between two national states.

The issue of the political status of Taiwan. The argument between two sides of the strait is of complex character and it is focused on the political and legal status of Taiwan. The main topic in Chinese-Taiwan relations nowadays is the problem of sovereignty. Though in China there are no disagreements about the source and borders of sovereignty, in the Republic of China there are legal discussions with a sharp political character. Two legal theories collide here. The first conception is based on the positive law, which states that the source of sovereignty is the Constitution of the Republic of China of 1947 and also the international agreements signed by the Kuomintang Government (the position is defended by those who speak about one China and one government). This position coincides with the nowadays Constitution of the Republic of China, according to which Taiwan “is one of the Republic of China provinces” and “a temporary place for the Central Government” [13: p. 5]. The second position is based on the doctrine of natural law and the theory of national sovereignty. According to it, after the introduction of democratic institutions, that is, since the end of the 1980s, the source of sovereignty in the Republic of China has become the electorate – “nation as the sum total of all citizens of the ROC, whose expression of their will should be taken as decisive” (this point of view is supported by those who want to separate Taiwan from China) [29].

The conception of “sovereignty” is studied thoroughly by scientists in international affairs and men of law. But, nevertheless, the arguments about its interpretation are still going on. For example, S. Krasner singles out four meanings of sovereignty: (1) “the ability of a state to regulate the movement of goods, capital, people and ideas through its borders”; (2) “the effectiveness of a state or its ability to implement control”; (3) “the recognition of a state by other states”; (4) “the autonomy of domestic power-holding structures, that is the absence of outer influences on their activity” [29: p.2]. Taiwan has all these characteristics of sovereignty, according to Wachman [43: p.695]. However, in reality, Taiwan completely satisfies only three criteria of a state as an international entity: the existence of

authority, constant population, and the territory. But the fourth criterion, formulated by the Montevideo conference in 1933 – the ability to maintain relations with other countries, is not realized in corpore. Beijing’s official position is known: the PRC breaks relations with those countries which still recognize the ROC as an independent state. Therefore, in 2010 there remained only twenty-three countries which had diplomatic relations with the ROC. Mostly these are the countries of the Pacific region, some countries from Latin America and Africa (there is not any major power among these countries). But, at the same time, fifty-nine states maintain non-official economic, cultural and even military (such as the USA) relations with “the rebellious province” [39].

In 1998 Foreign Affairs specialist S. Pegg introduced the term *de-facto states*. He writes that such states have the ability to demonstrate “a certain type of effective control over the occupied territory and perform state administration, but they could not get from the international community its international recognition as a national state” [35: p. 4]. Thus, Taiwan is a *de-facto state*. It is a geopolitical reality which you cannot ignore. The population of the island is 23, 2 million people (from Beijing’s point of view, all of them are the citizens of the province which is temporary not under the PRC’s jurisdiction). Taiwan takes the fourth place in Eastern Asia according to the volume of GDP (gross domestic product) and it takes the first place in the world according to the stocked gold and foreign currency reserves per capita. The number of military forces after the reduction is 285,000 people [8: p. 8]. The army is well supplied with modern military equipment due to arms purchases from the USA.

Thus, the Republic of China is a *de-jure* unrecognized state unit which in reality has nearly all the features of statehood. The Taiwan experiment proves that a formal sovereignty over the territory on the one hand and *de-facto* control over it on the other hand cannot coincide. It means that the sphere of formal jurisprudence, and not only domestic but also foreign policy, turn out to be in different areas. In the cluster the PRC – Taiwan, the coordination of sub departments of the political system has become impossible and there cannot be any united political system in such conditions. Beijing sovereignty is recognized over the whole China, by the majority of states and the members of the international community which is theoretically a unified territory, including Taiwan. However, from a juridical point of view its sovereignty is fiction. This fiction brings vehement debate and can lead us to war.

Since 1949, the Taiwan authorities have had the aim to represent the whole China. This idea had, most of all, an international importance, as it showed Chiang Kai-shek’s ambition (till 1991) to have the power over the whole China. On the level of domestic policy it

fulfilled a legitimate function: it justified the dictate of one party on the island – Kuomintang. But after 1979 (the death of Mao) and the establishment of diplomatic relations between the USA and the PRC, the term ‘liberation’ was substituted by the term ‘reunification’. Taiwan president Lee Teng-hui in 1991 said that his government did not dispute any more the power of Communists on the continent.

The comparison of three positions. Since 1990 the ruling party Kuomintang has supported the One-China policy, which states that Taiwan and mainland China are both parts of China [7: p.25]. This position proves the theory of two sovereignties in one country (one China, two Governments) and it means that each government is an equitable representative of the whole nation. However, in the process of democratic development there emerged an alternative approach, supported by the Democratic Progressive Party (DPP) – ‘Taiwan is Taiwan, but China is China’. This approach means the formal proclamation of Taiwan independence and the split of the entire nation. Both positions contradict Beijing’s approach, according to which ‘there is only one China and Taiwan is a part of it’. Therefore, for Beijing, the idea of two equal political powers remains unacceptable.

In this case there are two sides which have a claim on sovereignty – the PRC and Taiwan. Some authors believe the arguments between two sides do not concern the real power over the territories (it has already been divided between two governments), but the legitimate right to represent the country and have special symbols of nationhood [43: p. 695]. In this case one of the ways to prevent the transfer of conflict into a war is the use of one of two variants: either to admit each other’s sovereignty following the example of confederation, or to agree to divide the sovereignty between two authorities, as it takes place in federative states. But Beijing totally rejects the idea of federalism; it thinks that the federalization of relations between the centre and the territories can lead to the separatism and will break the territorial integrity of the country. At the same time, to meet the Taiwan interests, Beijing has promised not to change the system that has already been established on the island, and will give its twenty third province a wide autonomy, including the right to have economic and cultural ties with other countries. This way was outlined in 1983 during the meeting of Deng Xiaoping with the American professor Winston Young. Deng gave the idea of ‘one state – two systems’, which he tried to use for the reunification of mainland China with Hong Kong, Macao and Taiwan. This principle consists of four points: 1) one China, 2) coexistence of two systems, 3) a great degree of self governing, 4) peace talks [18: p. 4-5; 34].

Deng’s conception became the leading one in developing relations with Taiwan. According to Beijing’s

plan of reunification, Taiwan would become a ‘special administrative region’ (SAR), which will have the same right for a high degree of self-government as Hong Kong now has. Taiwan will be able ‘to solve independently its administrative, military, economic and financial questions; it will have the right to sign commercial and cultural agreements with foreign countries and will have other foreign relations’. It will have the right ‘to have its own army’ [15: p. 16]. Mainland China is obliged not to send any military or administrative staff to Taiwan.

Nevertheless, the critics from the other side of the strait proclaimed that this plan is pure propaganda. Taiwan has received well-grounded doubts. Nowadays China and Taiwan are two different phenomena. In the PRC there is an authoritative and one-party regime. The Taiwan political system is based on totally different ideological guidelines and values. The principles of pluralism and liberal democracy form the basis of it; it has the right of opposition, freedom of speech and press. The norm of political life in Taiwan is not the norm in the PRC, where people can be persecuted and punished for some kinds of political activity. Even more, the plan of reunification may bring a conflict between the legal understanding of formal sovereignty and its political, substantive essence. There will be no international guarantees, as the reunification is a home affair of the Chinese people and it will be the realization of Beijing’s sovereign right for returning ‘the rebel republic’ to the motherland. The main guaranty is the promise of Beijing not to change anything in the Taiwan domestic life. Theoretically, according to the plan, there will be two domestic policies within China. But from the legal point of view the PRC, having full sovereignty, will have an opportunity to reconsider and change the conditions of reunification, introducing their own political order on the island. Beijing can do that because Taiwan, after becoming SAR or the twenty-third Chinese province, will become an attractive (but dangerous for the existing regime) political model for the young generation of the continental part of the country and it will get the legal rights for its active promotion into the Chinese culture. As a result, the Taiwan model, very attractive for the modern Chinese middle class, will be the activator of internal changes and it will even destroy political stability, showing the legitimate alternative to existing orders.

The interaction of internal and external factors influences the development and evolution of China-Taiwan relations. These factors can be divided into the following groups: 1) the problems of political life, the consequences of democratization and the cross-party struggle within Taiwan; 2) the political process in the PRC and the problems of legitimization of the CPC power; 3) the rise of the new political structure of the world after the end of the Cold War; 4) the develop-

ment of the processes of immigration in Eastern Asia.

The first group of factors belongs to Taiwan inner political and social-economic processes, which are characterized by two main trends: the development of deep democratic reforms and the strengthening of special Taiwan identity. The end of the 1980's was marked by the end of the Cold War. The dictatorship, established in the 1950's, lost its inner justification as well as international legitimacy. Democracy for the Taiwan elite became the condition of international legitimacy and the ability of getting help from the USA which, beginning at that time, started to implement "the theory of a democratic world". So, the USA divided the countries into two main groups: liberal democratic countries and authoritative regimes. The last group of countries was viewed as a potential threat to the USA security.

Inner political changes in Taiwan are rooted in complicated processes taking place deep in society. By 1980 Taiwan achieved a great success in economic development becoming one of "the Four Asian Tigers". It has turned from an agrarian country into an industrialized society. The economic system created in Taiwan has become very vital and it has turned into the showpiece of the "economical miracle". Among all developing countries Taiwan had the most unfavorable index of inequality in income distribution. In 1952 "Gini index" (it measures the correlation of income between 20% of rich people and 20 % of poor people) showed fifteen fold break, but for the 1980's it was lowered to four-and-a-half-fold. It is significant that in "socialist" China the degree of social inequality is considerably higher [32: p. 42]. Thus, economic growth was accompanied by the solution of social problems and the strengthening of inner stability. The comparison of two economies and the levels of living according to GDP per capita even today are not in favor of China. In 2010, GDP per capita in China was \$4392 and in the ROC – \$8588 [24]. The success of domestic policy led to the growth in national education: nearly half of Taiwanese have a higher education [16: p. 168; 180].

Political culture of Taiwan society has also changed. Surveys showed that between the years 1983–1989 the electorate value orientation considerably transformed to democratic culture. Thus, the level of support of "individual freedom" and the principle of "the differentiation of power" has reached 75% (in 1983 the first principle was supported by 50.1%, and the second principle by 64.4%) [47: p. 143]. This fact is interesting because it speaks about the changes in the Eastern Asia political culture and indirectly disputes the culturological argument. According to it, Confucianism is the "system opposable to changers in primordial cultural values" [28: p. 29-42]. Besides changes in political culture provoked by the modernization, the strengthened self-consciousness of Taiwanese became one of the driving forces of democracy.

Thus, from the point of view of inner development

Taiwan society was prepared for democratization: the well-being of people rose to a new level and the middleclass was formed. The political regime on the island in the 1980's – 1990's was gradually developing from one-party dictatorship with strong military influence to a multiparty democracy. The form of government predetermined a great role for the president in the coming political reforms. In 1987, 76-year old Chiang Ching-kuo (Chiang Kai-shek's son who was married to a Russian woman, used to be the member of the Communist Party of the Soviet Union, got the military and political education in the Soviet Union, and returned to his country in 1937) [3] lifted martial law. At the end of 1993 after the abolition of the law banning the creation of new parties in the ROC, 73 political parties were registered [7: p. 156-170]. It was a real threat to the Kuomintang's monopoly of power, and the process of democratization started. In 1991 The Constitutional reform took place. After the death of Chiang Ching-kuo in January 1988, Lee Teng-hui succeeded him and became the first ethnically Taiwanese president of the ROC and member of Kuomintang. Under Lee, Taiwan underwent a process of localization in which Taiwanese culture and history were promoted over a pan-China viewpoint. He implemented the democratization of the government: lessen the concentration of power in the hands of the representatives of mainland Chinese constituencies.

Since 1996, the president has been chosen in a direct presidential election. In the ROC there is a semi-presidential system of government. The president (as well as vice-president) is elected for four years in a direct presidential election. The power of the president in political life and especially in foreign political life is rather important. He is the head of the State and Commander-in-Chief of the armed forces, and he appoints his cabinet and a premier. This system of government is very close to the presidential republic, because the Prime minister needn't get the vote of confidence from the Parliament (Legislative Yuan). But the president doesn't have the right to veto the laws adopted by the Parliament [36: p. 11]. In 1991, the previously nominal representation of mainland Chinese constituencies in the Legislative Yuan was brought to an end. All the members of the Legislative Yuan and National Assembly have been elected by the citizens since that time [27: p. 2].

It is necessary to emphasize that the interconnection of inner political life and international policy is included in the Taiwan problem [20: p. 31; 46]. The democratization of the ROC not only influenced the island people, but also the PRC, and also it is important for international conditions in which the relations between two sides of the Taiwan Strait are developing now. The democratic process is always unpredictable and is dependent on the fluctuation of people's moods. S. Bruce wrote that winding and turning of Taiwan domestic policy is a great problem for Washington" [38: p. 288]. So, the question of the influence of the

democratic process on the international situation requires special attention.

In 1986 the Democratic Progressive Party (DPP) was formed and was inaugurated as the first opposition party in Taiwan to counter the KMT. It stands at the head of the Pan-Green Coalition (it includes also Taiwan Solidarity Union and the Party of Taiwan Independence) which opposes the principle of One China and favoring an official declaration of Taiwan independence [23]. The official position of the party is based on the theory of sovereignty of the ROC and foresees the opportunity, under favorable conditions, to proclaim its independence de-jure. The DPP says that the ROC should be viewed as a “real State” and the source of its sovereignty is the will of Taiwan residents. The Pan-Green Coalition rejects the idea that Taiwan is a part of One China, though the party doesn’t speed up the declaration of ROC independence. Without any doubt, any attempt of the ROC to proclaim its own independence will lead to the military actions from mainland China. The USA looks upon the statements of the DPP about the formal proclamation of independence as a provocation. Thus, after the legalization of opposition, alternative points of view have appeared. Their positions vary from an immediate reunification (New Party) to the proclamation of independence (DPP). Interpreting Taiwan future is impossible. Different tendencies influenced upon the formation of an official course and it turns into inner-political struggle. Taipei has stopped to express its unified position.

In foreign affairs the democracy has weakened Beijing’s legal claims for the sovereignty over the “rebellious province”. Now the Taiwan government has found the legitimacy in democratic procedures including elections [25]. Parties, fighting for the electorate support, appeal to local patriotism. The accountability of the ruling party to the electorate also influences upon the process of negotiation [41: p. 12]. Taipei representatives must go both ways or play on two tables, as R. Pantem puts it. On one hand they negotiate with Beijing and on the other hand with the citizens within the country [14: p. 131–132]. One more result of democratization is the idea of the ROC leaders that they should have an equal number of representatives for the negotiations as the PRC has.

The main factor influencing the internal political process in Taiwan is the complexity of questions connected with Taiwan – the PRC. The influence of the conflict is seen in the political climate within Taiwan. Beijing, according to its latest actions and statements, is looking forward to influencing the internal political situation in Taiwan. Political life in Taiwan is characterized not only by a traditional division into “the left wing” and “the right wing”, but by the struggle between two major camps: the Pan-Green Coalition headed by the DPP and the Pan-Blue Coalition headed by Kuomintang. The first regards Taiwan as an inde-

pendent, sovereign state, and supports the concept of “Two Chinas” and the second – supports the conception of “One China – two governments”. In the centre of the argument between two coalitions are the questions of self-identification, the official name of the state (China or Taiwan), the choice of future policy related to the PRC, and the attitude to history. The relations between the PRC and the ROC depend on the correlation of forces between two political coalitions.

In 2000 Chen Shui-bian of the DPP was elected President. He used popular slogans against oligarchs and corrupted officials and upheld the idea of Taiwan independence. The DPP coming to power led to the deterioration of relations with Beijing and alarmed Washington. Chen’s unpredictable political style became an obstacle for the positive development of USA – Taiwan relations [8: p. 214]. Chen’s team was in power from 2000 to 2008. But the Chen administration was dogged by public concerns over reduced economic growth, legislative gridlock due to a Pan-Blue opposition controlled Legislative Yuan and corruption involving the First Family as well as government officials. In 2008, Chen Shui-bian lost the presidential elections to Ma Ying-jeou, the leader of the KMT. After that Chen was arrested and sentenced to life imprisonment for a huge embezzlement of government funds and other power abuses. The decline of the DPP popularity was also due to the people’s intention to keep the status quo in relations with Beijing. People feared the possibility of war with Beijing because of the unwise DPP policy.

Ma Ying-jeou, the leader of the KMT, won the presidential elections in 2012. The slogan of his election campaign was “no independence, no reunification, and no war”. The question of relations with the PRC and Taiwan independence this time was in the centre of the political struggle. During his election campaign Ma suggested “old wine in a new bottle” – the “1992 Consensus”, which was the result of the exchange of the diplomatic notes and one-sided statements made by Taiwan and Beijing in 1992. The “Consensus” is based on the mutual recognition of the “One China” concept. But each side sees its own meaning in this concept. Taipei interprets it as “One China – two governments”. This understanding is viewed by the KMT as a condition for Taiwan development and the ground for improving relations with the PRC. At the same time, the DPP thinks that “Consensus” is a back-down. During the election Ma got a comparatively small advantage (5 %) over his rival from the DPP Tsai Ing-wen with 51,6 % of the votes [33]. It leads to the softening of tension between mainland China and Taiwan. The victory of the KMT leader is viewed as a success of Hu Jintao (the leader of the PRC) policy. Hu Jintao took the risk and instead of using political threats started to develop economic ties to show Taiwan the advantages of good relations. Nevertheless there is not any consensus on the island about the relations with continental China, and the

cycles of political struggle cannot guarantee that the DPP will never come to power again.

It should be noted, the Taiwanese understand independence differently. There are three points of view. The first is the separation from China by a formal proclamation of independence. The second – since 1949 Taiwan has been de-facto an independent state and it is necessary to keep the status quo (it is the idea of the 1992 Consensus). The third, the most radical position, is to reject the legal succession of power in Taiwan with the Constitution of 1947. And it is possible to say that nowadays the political system continues the regime of foreign rule under the leadership of the Kuomintang, which was imposed in 1949 by the representatives from mainland China. The conclusion from these statements leads to the ideas that the PRC is a foreign state and it is necessary to proclaim independence and remove from the name of the country the word “China” [40]. But the Taiwanese prefer not to take the risk: the majority of population (60–80 %) supports the idea of preserving the status quo [37]. There are a lot of evidences showing that the Taiwanese prefer independence to a forced reunification being afraid of an aggression from mainland China and being satisfied with the nowadays situation. The choice in favor of the status quo can become the ground for political consensus in relations between the parties.

But the status quo is not an absolute symbol. A serious problem is that the Taiwanese feel more and more proud about their state, its economic and social achievements. They look “down upon” mainland China, taking it as a successful but still economically and politically underdeveloped society. That is why the idea of legalizing the international position of the country (which is still vague) has been strengthened. Before, this idea was restrained by the Kuomintang party which was in power. In this connection, the problem of the Taiwanese identification has become the most important factor in the internal state policy as well as in its relations with the PRC. Identification in itself is not the result of any ethnic differences. A lot of authors come to the conclusion that self-identification is the result of social processes. The advocates of independence, following their political ideas, insist on a special Taiwan identity. The polls prove the urge of the citizens towards identification which is different from the Hans. In March 2009 49 % of the population identified themselves as “Taiwanese”, 44 % – both as “Taiwanese” and “Chinese”, and the rest were only “Chinese” [37]. The demographic structure of the ROC is directly connected with political struggle. Among 23 million people there are 98% of the Hans, 12 % of the Hans are from mainland China; the rest of the population are the native inhabitants of the island. The majority of the population speaks Mandarin. The other 2 % of the population belongs to the Taiwan aboriginals [39].

The choice of identification influences political process. Among the native inhabitants of the island the level of the support of independence is much higher than among the people who came from mainland China and their descendents. Thus, in democratic society political parties are divided into two main camps. The political process in Taiwan is characterized by two leading tendencies: democratization and the growth of Taiwan nationalism. They influence the mutual relations in a geopolitical “triangle” and contribute to political instability.

The second group of factors is connected with the development of the situation within the PRC that is with the development of the market system accompanied by a slow decay of the communist values and institutions. The main constituent part of this process is the change of generations in the upper levels of power. Nowadays in the PRC there is the fourth generation of leaders. These are the people who started their activity in the period of disappointment in Mao’s revolutionary ideals. It is probable that some of them with admiration and partly with envy look upon the “economical miracle” and high living standards in Hong Kong and Taiwan. These new leaders are more pragmatic and more “right communists” than the father of reforms Deng Xiaoping. Mostly they are well educated technocrats, like Hu Jintao and Wen Jiabao (both were born in 1942). These leaders strengthened their positions after the 17th congress of the Chinese Communist Party in Beijing in 2007. We may suppose that the next generation of leaders will be even more pragmatic and less ideological.

For the revolutionaries of the first generation (including Deng Xiaoping) the reunification was connected with the ideas of the socialist revolution. For new leaders the Taiwan problem is viewed from the point of view of possible activation of economic, financial, technological, and intellectual recourses in the course of modernization and the “peaceful rise of China”. In the PRC now the main priority is not the “building of socialism with the Chinese face”, but there is the slogan of “peaceful and harmonious development”. So, there is the possibility of a more flexible approach to reforms, time-frames and mechanisms of reunification, the ability to agree with the formal indication of sovereignty together with the idea of wide autonomy for Taiwan.

It is important that PRC state policy is based on the idea of the priority of internal development. The attempt to solve the Taiwan problem with the help of military means could lead to the crash of Deng Xiaoping’s strategy of modernization. It is formulated in the following way: “China should concentrate its forces in building economy and should become a modern economic state. We need a peaceful international environment and we really make all efforts to create and preserve it. The

building of economy is the main priority for us. All the rest is secondary" [5: p. 145]. The Taiwan question is in the centre of attention when China tries to find its own place in world politics. The PRC economy is interconnected with the USA and European economies. Thereby nowadays China is not willing to aggravate the relations with the USA, Japan, and Europe.

According to Russian experts (for example A.V. Lomanov), China does not know what to do with Taiwan now. In the Communist party there is a struggle between different groups and there are some "hawks" concerning the Taiwan problem. The Communist party congress made a decision about a peaceful agreement with Taiwan, if it accepts "One China" concept. The main problem for Beijing is not to allow the proclamation of the island independence. The Chinese tactics is expressed in the words: "listen to the words and watch the activities" [10: p. 109–110], but be ready for decisive actions if the separatists proclaim Taiwan independence. According to the party and state documents, the use of force is not excluded. This is also shown in the "Anti-Secession Law of the People's Republic of China" which was ratified on March 14, 2005 [19]. Though some statements in it are ambiguous, the law warns Taiwan against the referendum about a declaration of Taiwan independence, the change of flag, hymn or the name of the state. It is written in Article 8 of the law that if "the fact of Taiwan's secession from China" takes place, "the state shall employ non-peaceful means and other necessary measures to protect China's sovereignty and territorial integrity". In the law, there are not only threats but promises to develop good neighborly relations if Taiwan rejects to declare its independence. The adoption of the law was interpreted as the warning to Taiwan and its allies not to make any steps which will lead to the separation of China and interference into its domestic affairs. The actions of the USA, Japan and others supporting Taiwan can now be qualified as infringement on the unity of the PRC. The new law has not only international but also domestic constituent. It has to raise the Chinese leader's authority in the eyes of the people and prove their determination to fight for National Unity.

The law marks a new stage in the search for reunification. In Article 5 there are given the conditions of peaceful reunification (a high level of autonomy, the preservation of the existing system), but the concept "one country – two systems" is not mentioned. As the observers say, after the adoption of the law this slogan practically disappeared. It is explained by the fact that Deng Xiaoping concept didn't influence in the right way on the politicians in Taiwan. Deng Xiaoping's concept of having two economic systems has become an anachronism now: there are similar economic systems in both parts of China (the state interference into economy is shortening, the private sector prevails in industry, and farmers prevail in agriculture). And in the

PRC political discourse there are thoughts about political integration of two parts of China [21].

Thus, the changers have taken place in Taiwan and China. Both parts have the same systems of property. It means that there are less systemic contradictions in this question. But in general the situation is rather unstable and it has become complicated because of PRC–USA relations.

The third group of factors concerns the changers in world policy after the end of the "Cold War". Taking into consideration, that deep social and political transformations have taken place, the nature of the conflict has also undergone some modifications. The consequence of these changes is, first of all, the de-ideologization of the conflict. The separation is no longer viewed as an inter-system opposition. The differences in political systems between the democracy and the authoritative state have their meaning but they are not global. Thus, the conflict is strictly regional. However, in spite of Beijing's official statements that the relation between the two parts is mostly a domestic problem and rejecting any international interference, the conflict cannot be viewed as a two-sided confrontation. The development of world politics toward multi-polarity and the position of China and Russia in this process lead to certain changes in the attitude of the inner Chinese dialogue from the side of the USA, which is an interested participant in the conflict. Taiwan remains one of the most important problems in relations between the USA and the PRC. American policy in the region since 1949 has been characterized by inconsistency. It is influenced by internal factors (public opinion of China, the role of American Congress which always supported Taiwan and cross-party rivalry) as well as by geopolitical factors. The USA foreign policy developed from strategic and political certainty after the co-defense treaty of 1954 to political uncertainty after establishing diplomatic relations with Beijing and the break of relations with Taipei in 1979. In the same year the USA Congress ratified the law about relations with Taiwan according to which the USA had to contribute to the security of the island. This law led to strategic and political uncertainty. The USA today is willing to keep the status quo and pursues the policy of double control. The goal of this policy is, on one hand, to prevent the official separation of Taiwan from the PRC, which can cause a war, and, on the other hand, to keep China from reunifying Taiwan by force. The principle of "strategic uncertainty" is addressed to both sides, and it means that the USA has the freedom of choosing the measures as to how to react to different situations in the Taiwan Strait. The principle can be interpreted as the unwillingness of Americans to be bound by obligations and have the ability for maneuver in case of a military conflict. According to Taiwan military doctrine, Taiwanese military forces have to control the situation if Chinese armed forces started a war before American armed forces were to enter military actions. In some publications

(Rand Corporation report, 2008), it is stated that if China, after the modernization of its military forces, makes an attempt of island invasion in 2020, the USA will not defend it because of the unfavorable ratio of armed forces [46].

With the dynamic growth of East-Asian countries as one of the important economic and financial centers and the growth of China, and turning it into a superpower, we may see that USA foreign policy is still uncertain. The USA is interested in keeping its control points in the region (and Taiwan is one of them). The perspective of the potential increase of the PRC industrial capacity with the help of Taiwan's higher technologies and economic experience fills Americans with apprehension. From a security point of view, Taiwan is in the centre not only of USA attention, but also of Japan, and the countries of South-Eastern Asia. Taiwan's reunion with China will destroy the barrier consisting of the chain of islands (Okinawa – the Pescadores islands – Taiwan – the Philippines), preventing the Chinese navy from going into the ocean. The perspective of Chinese reunification has to be viewed as a possibility to switch the attention of China from the most urgent problem to other issues of foreign policy which can include the question of Russian security. The Kuomintang views Taiwan as the successor of the Chinese republic of 1912 and has territorial claims to the Russian Federation (the territory of nowadays Tuva and Mongolia which China considers as its detached territory).

Russia, in the case of war, will be in a very complicated situation despite its peripheral position. The Russian Federation is the PRC's strategic partner, but it is not in its interest to aggravate relations with the USA. That is why the end of status quo and military actions will go against Russian interests.

At last, the fourth group of factors concerns the processes of development in Eastern Asia. The gradual joining to the PRC "one's detached Chinese territories" takes place together with the deepening of integration processes in "the Great Chinese ring". It is a unified economic territory within the PRC (Taiwan, Hong Kong, Macao) and also economically influential Chinese Diasporas, living in sovereign countries – Malaysia, Indonesia, and Singapore. Thus, Taiwan electronics is included in a cooperative system with the firms from Singapore, Hong Kong, and Shanghai. From mainland China there is an integrating tendency to increase the role of provinces in the development of foreign economic ties. A strong motivation for integration can draw together and then peacefully and harmoniously reunify separated parts of China. The increasing number of trading blocs within the Pacific Ring countries puts Taiwan in a position either to develop trade-economic ties with mainland China or to be sidelined in economics. The Taiwanese Government feels the pressure from business groups who are interested in cooperation with mainland

China and in the improvement of the political climate for investments and trade. In June 2010, the Economic Cooperation Framework Agreement (ECFA) was adopted between the governments of the People's Republic of China (mainland China) and the Republic of China (Taiwan). The agreement is viewed as the most significant event in a sixty year history of relations between two sides. The agreement was useful mostly for Taiwan whose economy depends on export of goods. The tariffs for hundreds of categories of Taiwan goods were abolished or reduced by more than 14 billion dollars. The Agreement became a great incitement for the development of the two-sided trade. In 2010, the trading output was \$110 billion: from Taiwan to China there was \$80 billion and from China to Taiwan – \$30 billion. Besides, Taiwanese firms got access to banking and insurance businesses in China. As a result, Taiwan managed to weaken its isolation and to increase the chances to attract investments and to sign some agreements about free-trade areas with developing countries and regions [45]. From a political point of view, the agreement was a goodwill gesture from the side of Beijing and objectively, it helped to strengthen the positions of those who are against the proclamation of independence. Looking at the perspective of economic integration some scientists consider the question of the political integration of mainland China and Taiwan as the political integration within the European Union [22]. One of Taiwan's political parties – New Party even today calls for the establishment and development of the "Big China" commonwealth and reunification with the PRC. The opposition (DPP) says that as a result Taiwan, after ratifying such an agreement, can become dependent on China [11]. Some scholars, for example professor Chen Lee-in, stick to the point that economic integration will lead to the loss of political sovereignty [30 p. 129–130].

Economic convergence and success in cooperation, probably, will be supported by the growth of self-identification of Chinese people as the "Nation of Great China". The traditions of peaceful expansion, coming from the Middle Ages, can help in it. The Chinese will go out of the frames of mother country if they have permeable borders and "explorations" of the neighboring territories.

Conclusions and Prospects. The tension between the two parts of the conflict has an international as well as inner political aspect. The main reason for division is the idea that Taiwan nowadays is a country with a political system which is strictly different from the PRC and with totally different ideological views and values. The basis of Taiwan policy is not made by old anticommunist ideas of the 1950's, but the principles of democracy and political pluralism, as well as different attitudes to civil and political freedom. The division of China into two incompatible political entities is a real fact. But, on the other hand, the inclusion of Tai-

wan in the PRC remains a nation-wide idea of the Chinese people. This claim is important not only because of the international prestige and political-economic interest, but also the solution of the Taiwan problem is connected with political legitimization of the ruling Chinese Communist Party.

The Chinese Communist Party has to look for new grounds to prove its leadership role as its ability to unite people has weakened and the capitalist economy has actually been established. The policy leading to the reunification with Taiwan is taken as the means of legitimization of the existing political system with the use of national values.

From the point of view of international law the PRC has a legal right to use force to reconstruct national unity. The possibility to solve this problem in such a way cannot be taken as only a hypothetical variant. It is seen, first of all, from Beijing's practical preparation for a military solution of the problem. Beijing, unprecedentedly, is building up military forces which frightens not only the Taiwanese (who do not dream of being "liberated") but also the Americans. But still, China is not ready for the forced inclusion of the "rebellious province" to be a part of the country. From a global point of view, in case of a military conflict, China would be in full political uncertainty and it would give a decisive blow to all economic advancement.

It is possible, that "Anschluss" would not lead to hard international consequences, if two conditions were fulfilled. Firstly, in the neutralization of the USA (which is not likely now), and secondly, if the intrusion was "quick as lightning", and led to a successful end of the operation. But taking into consideration the ability of the Taiwanese to resist, a rather high technical level of the Taiwanese Army, this variant nowadays is not possible. War would lead to the loss of international markets, to the outflow of investments, to war confrontation and even to war with the West, first of all with the USA and, maybe, with Japan. It is possible to agree with Russian military specialists that the problem of Taiwan does not have any military solution [8: p. 9].

In this connection, it is necessary to understand the new ideas which appeared after the 27th Congress of the CPC. There are new conceptions, including the idea of creating "a harmonious society" within China and "harmonious peace" outside the country. In recent years, the thesis of "harmony" has entered the official ideology and has become one of the symbols of the Hu Jintao way. The idea of "mutual construction of a harmonious world" can be used not only for foreign policy (as some experts think), but also can be a successful addition and development for Den Xiaoping doctrine. In April 2006, the leader of the PRC Hu Jintao in his speech to Yale University (during his visit to the USA) made the first attempt to combine "harmonious" values of Chinese tradition, the nowadays goals of the PRC and the country's foreign policy. One of the key ele-

ments of a new doctrine is the conception of "gentle force". This idea presupposes that the values and structure of a nation have to be spread through the leading country's role in culture and by means of example, but not by force. Attentive study of the doctrine allows drawing the conclusion that a new political doctrine (which has the status of a "Chinese world outlook") has not been taken only from American political scientist G. Noy, but organically connected with the values of Chinese tradition, realized in the religious-philosophical conception of Laozi [4]. Nowadays, there are discussions about the statements of the great scientist, who, by some authors, is regarded as a precursor of a pragmatic, liberal thought. Laozi's statements, though they are abstract and vague, give the idea of priority of inner development, leading to the influence from the inside to the outside: "If with the help of the inside you manage the outside – hundreds of things will be arranged. The inside always influences the outside" [4: p. 91]. Also he wrote about achieving goals with the help of "gentle force": "In the Celestial Empire something ultimately gentle overtakes something ultimately hard" [4: p. 86]; reasonable people "act softly, but it looks as if it is rather hard" [4: p. 82]. And one more statement is that "you need not forestall the natural course of things". It means you should conform to the patterns of political development [4: p. 81]. This doctrine helps create the image of a peace-loving and responsible state which China made in the past decade. The problem with Taiwan, according to Chinese ideology, does not belong to the sphere of foreign policy, as it is a domestic problem. But, nevertheless, PRC relations with the island are taken by the world community as a part of its foreign policy, and it shows the methods which China is ready to use to reach its goals. Without any doubt, the use of force against the prosperous and democratic state can prove "the theory of Chinese threat" and ruin the PRC image.

The program of national reunification introduced in 1990 by the president of the ROC Lee Teng-hui intends to reunite the country in two phases, but only under a number of conditions. The most important of them are: Beijing rejects socialism, rejects the military conquer of Taiwan, and mainland China transits to democracy. Only the progress in this direction can open the way to political consultations. Besides, the PRC has to accept the ROC as an equal partner [7: p. 27]. From its part, Beijing threatens to use the force if Taipei proclaims its independence. It is also stated in the above mentioned law, "Anti-Secession Law of the People's Republic of China". Still, the use of force against Taiwan is not likely. For Beijing the most important thing is to keep the status quo in the Taiwan Strait and not to allow including Taiwan in the zone of responsibility of the "Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan". It

is more important for Beijing to declare its sovereign right to use force on a legal basis, but not use it in reality. Beijing can use the force only if the Taiwan Pan-Green Coalition comes to power proclaiming formal sovereignty. But such a way is not likely. It is not supported by the majority of the Taiwanese's; it will not be approved by the USA, and it will lead to economic and other losses for Taiwan – as after the proclamation there will be inevitable sanctions.

In relations between Taiwan and the PRC there are tendencies which make the political-economic systems of the two countries closer. Deng Xiaoping's words about the preservation of two systems – capitalist and socialist – are not vital. Taiwan and the PRC have capitalism though it exists in different forms. The objective condition for becoming closer and then to reunite can be the result of the developing economic integration. There are less ideological antagonisms. The CPC is moving away from Marxism and is using traditional Chinese values. It is possible the time will come when it, in its form and contents, will not be different from the Kuomintang. Today, China does not accept the principles of pluralistic democracy, multi-party system and competitive elections. But as the experience of Hong Kong shows there can be a compromise in this point [18]. As for the position of the leading powers of the region about the question of China's reunification, Russia, the USA and Japan consider this problem as an inner problem of the Chinese people. They think the reunification will be done peacefully. Nevertheless, the situation remains unstable and the rivalry between the USA and the PRC makes it more complicated. The Taiwan Strait on the political map of the world remains a flash-point of tension.

REFERENCES

1. Batchaev, E.O. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti politicheskikh partiy na Tayvane / E.O. Batchaev. – M., 2003.
2. Borokh, O. Skromnoe obyanie Kitaya / O. Borokh, A. Lomanov // Pro et Contra. – 2007. – № 6.
3. Golovanov, A. Nikolay, syn Chan Kayshi / A. Golovanov // Komsomol'skaya pravda. – 9 yanvarya 1993.
4. **Dao De Tszin**. Kniga puti i blagodat. – M.: Eksmo, 2008.
5. **Den Syaopin**. Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya: Per. s kit. – M.: Politizdat, 1988.
6. Zinov'ev, G.V. Istoriya amerikano-kitayskikh otnosheniy i tayvan'skiy vopros / G.V. Zinov'ev. – Tomsk: Tomskiy gosuniversitet, 2006.
7. Kitayskaya Respublika na Tayvane i Organizatsiya Ob'edinennykh Natsiy // Tsentr po izucheniyu Tayvanya. Institut Vostokovedeniya RAN. – 1995.
8. Larin, A.G. Kurs na nezavisimost' Tayvanya. Ego soderzhanie, itogi i uroki / A.G. Larin // Sovremennyy Tayvan. Spravochno-analiticheskie materialy. Vypusk 9 (18). Rossiyskaya AN: Tsentr nauchnoy informatsii i dokumentatsii. – M., 2007.
9. Leksyutina, A.V. Politika SSHA po otnosheniyu k Tayvanyu v kontekste amerikano-kitayskikh otnosheniy vnachale HH1 v. / A.V. Leksyutina // Politeks., 2009. – T. 5. 1.
10. Lomanov, A.V. XVII s'ezd KPK: smysl i posledstviya / A.V. Lomanov // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2008. – 5.
11. Oppozitsiya Tayvanya protiv torgovogo dogovora // Available at www.bbc.couk/russian/rolling news [Accessed 26 iyunya 2010].
12. Pecheritsa, V.F. Politicheskie partii stran aziatsko-tikhookeanskogo regiona / V.F. Pecheritsa. – Vladivostok, 2004. – S.156–170.
13. Prikhod'ko, N.N. Tayvan': zona mira i konflikta / N.N. Prikhod'ko. – Blagoveshchensk, 2005.
14. Smolyakov, V.A. Problema vzaimosvyazey i sootnosheniya vnutrenney i vneshney politiki. Teoretiko-metodologicheskii aspekt / V.A. Smolyakov. – Vladivostok: Izdatel'stvo DVGU, 2004.
15. Tayvan'skiy vopros i ob'edinenie Kitaya (Izдание Kantselyarii po tayvan'skim delam pri Gossovete KNR). – Peking, 1993.
16. Fukuyama, F. Konets istorii i posledniy chelovek / F. Fukuyama. – M.: 2005.
17. Chzhun, O. Hochesh' zhit' – umey menyat'sya / O. Chzhun // Svobodnyy Kitay. – May–iyun' 1999 g.
18. Shen'shina, M.A. Osobyie administrativnye rayony KNR Syangan i Aomen': obrazovanie, politicheskoe i ekonomicheskoe razvitie / M.A. Shen'shina. – M.: AST: Vostok – Zapad, 2006.
19. Anti-Secession Law: Anti-Secession Law Information from Answers.com. – Available at <http://www.answers.com/topic-anti-secession-law>.
20. China, Taiwan, and the 1995-1996 Crisis / Ed. by Sui-sheng Zhao. N.Y., 1999.
21. Chinese Reunification. – Available at <http://www.answers.com/topic-Chinese-reunification>.
22. Clark, Cal. Does European Integration Provide a Model for Moderation Cross-Strait Relations? / C. Clark // Asian Affairs: An American Review. – Winter 2003. – Vol. 29, Issue 4.
23. Democratic Progressive Party. – Available at <http://www.answers.com/topic-democratic-progressive-party>.
24. Economic Fact Sheets. – Available at <http://www.draft.gov.au/geo/fs>
25. Fu Hu. The Electoral Mechanism and Political Change in Taiwan / Fu Hu // In the Shadow of China: Political Development in Taiwan since 1949. – Hong Kong: University Press, 1993.
26. Goldstein, S. The Cross-Strait Talks of 1993 – The Rest of the Story: Domestic Politics and Taiwan's Mainland Policy / S. Goldstein // Across the Taiwan Strait: Mainland.
27. History of Taiwan Democratic Reforms. – Available at <http://en.wikipedia.org/wiki/Formosa>
28. Hsieh, John Fuh-Sheng. East Asian Culture and Democratic Transition, With Special Reference to the Case of Taiwan / John Fuh-Sheng Hsieh // Journal of Asian & African Studies. – 2000. – Vol. 35. Issue 1.
29. Krasner, S.D. ed. Problematic Sovereignty: Contested Rules and Political Possibilities / S.D. Krasner. – N.Y.: Columbia University Press, 2001.
30. Lee-in, Chen Chieu. Taiwan's Economic Influence: Implications for Resolving Political Tensions / Chen Chieu Lee-in // Taiwan Strait Dilemmas: China – Taiwan – U.S. Policies in the New Century. Ed. Gerrit W. Gong. – Washington, D.C.: CSIS, 2000.
31. Lieberthal, K. Domestic Politics and Foreign Policy / K. Lieberthal // China's Foreign Relations in the 1980s. Ed. by Harry Harding. – New Haven: Yale University Press, 1984.

32. List of Countries by Income Equality. – Available www.wikipedia.org.
33. Lo, L. 2012 Elections: Ma Wins Re-election // Taipei Times. – Jan. 15, 2012.
34. One Country, Two Systems. – Available at <http://www.answers.com/topic/one-country-two-systems>.
35. Pegg, S. International Society and the De Facto National State / S. Pegg. – Aldershot, Brookfield. 1998. – PP. 131, 166.
36. Political Status of Taiwan. – Available at <http://www.answers.com/topic/political-status-of-taiwan>.
37. Republic of China. – Available at <http://www.answers.com/topic/republic-of-china>.
38. Stokes, B. Rumbles in Taiwan / B. Stokes // National Journal. – October 4, 2002. – Vol. 34. Issue 40.
39. Taiwan. Available at <http://en.wikipedia.org/wiki/Formosa>.
40. Taiwan Independence. – Available at <http://www.answers.com/topic/Taiwan-independence>.
41. Teng-hui, Lee. Understanding Taiwan: Bringing the Perception Gap / Lee Teng-hui // Foreign Affairs. – November/December 1999. – Vol. 78. № 6.
42. The World Factbook. – Gini Coefficient.
43. Wachman, A.M. The Cross-Taiwan Relationship: A Cold War of Words / A.M. Wachman // Orbis. – Vol. 46. N 4. – Fall. 2002.
44. Wendell, M. Rand Study Suggest U.S. Loses War With China. RAND, 2008. – Available at <http://www.defensenews.com/story.php?i=3774348>.
45. Writer, S. ECFA Has Boosted Taiwan's Position in International Community / S. Writer // The Taipei Times. – Feb. 3 2012.
46. Wu, Yu-Shan. Taiwan's Domestic Politics and Cross-Strait Relations / Yu-Shan Wu // The China Journal. – January 2005. – Vol. 53.
47. Zweig, D. Democratic Values, Political Structures, and Alternative Politics in Greater China / D. Zweig. – United States Institute of Peace. Washington, 2002.

TAOIST STUDIES IN CHINA: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

S.V. Filonov

Sergey Vladimirovich Filonov is Candidate of Philosophy, Doctor of Science (History), Professor of the Department of Chinese Studies at the Amur State University, Head of the Chinese Studies Research Centre at AmSU.

E-mail: sfilonov10@rambler.ru

The present article focuses on the general description and analysis of the Taoist Studies in China. Taoism is the organized, indigenous religion of China. Taoism as native Chinese religion came into being toward the end of the Han dynasty. Although Taoism represents a tradition as ancient as any other major religion, the serious study of this tradition in China has been almost entirely a twentieth-century phenomenon. The beginning of serious efforts to understand Taoism in China can be dated to about 1930s, when Xu Di-shan and Fu Qin-jia published their works. Some outstanding Chinese scholars of that period showed interest in Taoism, and many of their studies are still not outdated. Some well-known Chinese scholars had published on Taoism in Hong Kong, Australia and Taiwan. But until 1980s Taoist Studies in China remained the domain of "lone scholars". The situation changed in 1978, and in the late twentieth century and early twenty-first century the Taoist Studies in China fast flourished. Present-day China is the world leader on Taoist Studies development.

Key words: Chinese Studies, Chinese Sinology, Taoism, Taoist Studies in China, Xu Di-shan, Liu Ts'un-yan, Ren Ji-yu, Qing Xi-tai, Fong-Mao Lee, Zhu Yue-li, Zhou Zuo-ming, Liu Yi, Chao-Jan Chang, 中國學, 國學, 道教, 中國道教學研究, 許地山先生, 柳存仁教授, 任繼愈教授, 卿希泰教授, 李豐楙教授, 朱越利教授, 周作明博士, 劉屹博士, 張超然博士.

Taoism (Daoism, *dao jiao* 道教) is a Chinese indigenous religion based on the teaching of acquisition of long life and transformation into *xian* – heavenly being. Taoism is first and foremost the religious tradition, whose values and norms determined way of life and spiritual traditions of common townspeople and villagers of China.

The beginning of Taoism as an organised religion dates back to the first centuries of the new era. Traditionally, 142 AD is considered to be the year when the first large-scale and viable Taoist religious organization headed by Zhang Ling 張陵 (Zhang Dao-ling 張道陵) was established. History of Taoism as a native religion of China is traditionally traced from the formation the organization, which is also called the Way of Celestial Masters (*Tianshi dao* 天師道).

In present-day China, Taoism is continuing its social existence and functions mainly in two directions – Quanzhen lineage 全真 (Way of Complete Perfection) and Zhengyi 正 – (Orthodox One lineage, another name for the Way of Celestial Masters). Nowadays Quanzhen usually refers to all Taoist movements which develop institute of monkhood and monasteries; and Tianshi refers to those Taoists who live in secular world, perform their religious services individually, do not adhere to celibacy and trace their tradition back to Zhang Dao-ling.

Taoism takes an exceptional place in the history of Chinese civilization. Specialists tend to think that the Taoist religion reflected ethno-psychological features of the Chinese people in the greatest degree because everyday life of the majority of the Chinese society – peasants, craftsmen and tradesmen, was wholly within the sphere of its influence. In addition to that,

Taoism seriously influenced the evolution of Chinese Buddhism as well as some aspects of Confucian philosophy, especially the metaphysics of Neo-Confucianism. This all explains the interest to Taoism from the scientific community and intensification of Taoist Studies in the present-day world.

First publications of the Chinese researchers on Taoism appeared in the early 20th century. An example of this is a description of some texts from the Taoist Canon prepared by a researcher-philologist Liu Shi-pei 劉師培 (1884–1919), appeared in 1911 (*Du Dao-zang ji* 讀道藏記). Nevertheless, it was only in the 1920s when the Taoist Studies became an independent field of investigation of Chinese humanities called *guoxue* 國學 ("Chinese sinology").

The first stage of Chinese Taoist Studies covers the period from the early 20th century to 1949 when the People's Republic of China was established. According to Wang Ka 王卡, an authoritative Chinese researcher on Taoism, during that period about 200 papers and a little more than 10 monographs devoted to the Taoism were published [21: p. 144]. A famous Chinese woman-researcher Chen Min 陳敏, an expert in the historiography of Taoism, notes that during the 50 years from the beginning of the 20th century only about 160 people published their issues on Taoism [25: p. 157]. In other words, at that time there were extremely few specialists who were ready to work with Taoist sophisticated sources. However it should be noted that those scholars who devoted themselves to this research sphere were the pick of the Chinese nation – they were the most well-educated people of their time, bearers of the advanced social and public views,

and experts on not only Chinese classical philology but also the methods of Western science.

The principal source for a researcher in Taoism are the texts which constitute a extensive book collection entitled Taoist Canon or “Dao zang” 道藏. The first stage of Taoist Studies in China resolved the most important strategic task – to make the scriptures of the Taoist Canon accessible for researchers. To resolve this problem, a group of 13 people was organized in the 1920s. This group included such prominent public figures of China as Kang You-wei 康有為 (1858–1927), Liang Qi-chao 梁啟超 (1873–1929) and others. As a result, from October 1923 to April 1926 the only existing xylographical copy of the Taoist Canon of the Min epoch (1368–1644) in the Central China was supplied with missing parts and republished. The replication was implemented through photolithographic method in the publishing house Hanfenlou 涵芬樓 in Shanghai¹. Three hundred and fifty complete sets of the Taoist Canon were issued. Each set included 1120 notebooks (or “volumes”, *ce* 冊). A set of 10 notebooks was assembled in a folder (*tao* 套). Thus, after the diminished phototype reprinting, the Taoist Canon comprising almost 1500 independent works became a collection of books in 112 folders which was fairly compact and convenient for researchers. Photolithographic method of replication allowed the publishers to reproduce absolutely precisely not only the content but also the look of the prototype, xylographical texts of the Taoist Canon.

In 1935, the first reference book to the Taoist Canon compliant with the present-day scientific criteria was prepared for publication under the supervision of a noted Chinese researcher Weng Dujian 翁獨健 (1906–1986) [5]. This reference book has not lost its practical meaning nowadays. Therefore it was republished in the Shanghai publishing house “Ancient Book” (*Gu ji* 古籍出版社) in 1986.

The first influential contributions on Taoist Studies in China were connected with the names of outstanding researchers and public figures of that time – Fu Qin-jia 傅勤家, Xu Di-shan 許地山 (1894–1941), Yao Ming-da 姚名達 (1905–1942), Chen Yuan 陳垣 (1880–1971), Chen Ying-ning 陳櫻寧 (1880–1969), Chen Guo-fu 陳國符 (1914–2000) and others.

Fu Qin-jia 傅勤家 was a prominent Chinese researcher of that time. In January 1924, he published his “Essay on the history of Taoism”. However, this work was generally recognized only after its republication in 1934 when the interest to the problems of national religion significantly grew in China [16]. Nevertheless, Fu

Qin-jia became widely known as Taoist researcher in due to his other book – “History of Taoism in China” which was published in 1937. The book was edited by Wang Yun-wu 王雲五 (1888–1979), an outstanding cultural worker and talented lexicographer [17]. Even the most general broad acquaintance with this work causes genuine admiration. Fu Qin-jia demonstrates brilliant knowledge of both ancient Chinese texts and the influential books of the leading scholars of that time – British anthropologist J. Frazer (Frazer, James George, Sir; 1854–1941), Japanese researchers of religion Oyanagi Shigeta 小柳司氣太 (1870–1940), Tokiwa Daijō 常盤大定 (1870–1945), and Tsumaki Chokuryō 妻木直良 (1873–1934). In 20 chapters of this book Fu Qin-jia provides an integral historical description of the most important aspects of the Taoist religion. Reading of Fu Qin-jia’s book causes one to wonder — how did its author manage to give Taoist religion such precise characteristic from the point of view of methodology in those remote years when the scientific research of Taoism was only emerging to existence? The answer to this question remains unclear. Captured by this fact, I addressed special literature and found out, quite surprisingly, that to me, Fu Qin-jia is one of the most mysterious figures of the Chinese Taoist Studies. I failed to find any concrete information about his life in accessible special literature. The only thing that could be definitely stated was that Fu Qin-jia was a bright and versatile personality. He is mentioned as one of the translators of the book by Charles Bell (Bell, Charles Alfred, Sir, 1870–1945) *The People of Tibet*, which was published in the Chinese language under the title “Description of Tibet” in 1940 [1]. It is also known that Fu Qin-jia translated into the Chinese language the work of Shiratori Kurakichi 白鳥庫吉 (1865–1942), a Japanese researcher of Manchuria and Central Asia. The book is devoted to the history of Sogda and Khorezm [8].

Even the name of Fu Qin-jia causes some questions – it is easily read (as “a gentleman, diligent in the field of enlightenment”) and I wouldn’t be surprised if it turned out to be a pseudonym instead of his own proper name. I do want to hope that Chinese colleagues will make this problem clear and will find a way to acquaint the world scientific community with the biography of this talented researcher who was a century ahead of his time.

Fu Qin-jia is always mentioned with Xu Di-shan 許地山 (1894–1941). While they were alive, major works on Taoism of these researchers were published under the same cover. Xu Di-shan was a famous Chinese writer, researcher and teacher. He was born on February 4, 1894². The aspiration for new knowledge

¹ Hanfenlou is the name of one of book depositories of the oldest Chinese publishing house “Shangwu yinshuguan” (Commercial Press).

² Some sources indicate that Xu Di-shan was born in 1893,

brought Xu Di-shan to the Yenching University 燕京大學, where in 1920 he earned a Bachelor of Arts (BA) degree. Later on, he attended classes at the Theology Department of the same University. In 1923–1926, Xu Di-shan studied at Columbia University (USA) on the majors “History of Religions” and “Comparative Religious Studies”, then he transferred to Oxford (Great Britain) where he studied History of Religions, Sanskrit and Indian Philosophy. In 1926, on the way home, Xu Di-shan visited India with the purpose of deepening his knowledge in Indian Philosophy and Sanskrit. From 1927, he worked in Yenching University and lectured in other universities of the Chinese capital. In 1935, Xu Di-shan moved to Hong Kong to work at the Hong Kong University.

Xu Di-shan published his first research paper on Taoism back in 1929, but universal recognition from the scientific community came to him after the publication of the monograph “History of Taoism” (Shanghai, 1934) [13]. This work has undergone many republications and has not lost its scientific significance thus far [11]. Xu Di-shan expected to continue his research in Taoism, therefore the main text of the book is preceded by the subtitle “Part I. Prehistory of Taoism” (*shang bian dao jiao qian shi* 上編道教前史). In seven chapters of his fundamental work, Xu Di-shan thoroughly analyses different philosophical and religious traditions of ancient China which gave birth to the Taoist religion. In my opinion, the last chapter devoted to the analysis of some aspects of shamanism is of special value to a researcher in Taoism. Unfortunately, the second volume that had been planned by Xu Di-shan was never published.

In 1941, another book by Xu Di-shan devoted to the research of fortune-telling based on direct questions to the spirits came to light [14]. This type of mantic ritual is called *fu-ji* 扶箕. Xu Di-shan was the first in world science to give a systemic description of the fortune-telling practices of *fu-ji* and to make an attempt to explain it with a scientific methodology. This work is still in demand among researchers of Chinese religious culture. Xu Di-shan left this world on August 4, 1941, but one can say without any exaggeration that he left behind research works that made his name immortal.

Books of Fu Qin-jia and Xu Di-shan are also popular in present-day China. Not without reason have they been published recently in the Beijing publishing house “Long March” (*Changzheng* 长征出版社) in the series

“Classical works for leading cadre employees” [12].

Scholarship of Yao Ming-da 姚名達 (1905–1942), a famous Chinese historian-researcher and hero-patriot who had fallen for the freedom of his motherland, has an important methodological significance for Taoist Studies. His book “History of Chinese Bibliography” showed the importance of bibliographical sources for the research on Taoism [26]. This work testifies to the fact that the history of the Taoist ideas is the history of the books that fixed these ideas and the history of the people who read or stored those books. Although Yao Ming-da gives the analysis of the history of Taoist book depositories only a short section in his monograph, this section is highly informative and preserves its methodological value even now.

Chen Yuan 陳垣 (1880–1971) was an outstanding Chinese historian and authoritative specialist in the sphere of source study, textual criticism and Religious Studies. For a long period of time (till 1952) he worked as a Rector of Fu Jen University 輔仁大學, and in 1948 he was elected an Academician of the Academia Sinica (Chinese Academy of Sciences, 中央研究院). In 1941, he published his pioneering monograph devoted to the early history of the Quanzhen Taoism [24]. This work has preserved its scientific value till now and it is proved by its repeated republications. Later, in 1988 (long after his death), another fundamental work of Professor Chen Yuan, devoted to the Taoist texts engraved upon the stone stelea and ritual bronze vessels, was published [6]. This book contains unique sources whose studies will engage many further generations of researchers.

Taoists themselves also made their contribution to the research in Taoism. Activities of Chen Ying-ning 陳櫻寧 (1880–1969), one of the most erudite Taoist of the 20th century, deserve special attention. Chen Ying-ning is the 19th patriarch of the Dragon Gate (*Long-men* 龍門) subtradition of the Quanzhen Taoism lineage. Later (in 1961), he was elected the Chairman of the Chinese Taoist Association (CTA). Chen Ying-ning made his name famous not only as a Taoist but also as a researcher – his contemporaries called him “immortal engaged in science” (*kexue shen-xian jia* 科學神仙家).

Chen Ying-ning was born in 1880, on the 19th of the 12th moon month according to the traditional Chinese calendar³. Initially he was named Chen Yuan-shan 陳元善 and Chen Zhi-xiang 陳志祥. It was only later on when he called himself Chen Ying-ning. He borrowed his new name from the treatise “Zhuang-zi” (Ch. 6, “The Higher Teacher”), where the expression *ying-ning* 櫻寧 (“peace among turmoil”) is used to

which is also true. According to the Chinese lunar calendar, he was born on the 28th of the 12th moon month of 1893, which corresponds to February 4th 1894 according to the Gregorian calendar. Both dates are of relative character though, and do not correspond to “the date of birth” in the European understanding of this expression.

³ According to the Gregorian calendar, the date of birth of Chen Ying-ning is in 1881.

characterize the wise man who found the true Way.

In his early years, Chen Ying-ning studied in a higher law school for a while, and in 1911 he moved to Shanghai where his elder sister's family lived. That period of life cardinally changed the destiny of Chen Ying-ning. In Shanghai, doctors occupied a special place among his friends and relatives. He himself started to systematically familiarize himself with medical knowledge and study the "medical constituent" in Taoism. In the 1930s Chen Ying-ning founded a special research area and gave this area the name *xian xue* 仙學 – "the science about the *xian*", or "the science studying the traditions of *xian*". In the foreign research literature, the concept *xian xue* is often misused, implying the Taoist "doctrine of Divine Transcendents" or "teaching of Immortality" (*shen xian dao* 神仙道). This is incorrect, as *xian xue* is not the original name of a part of Taoism but a designation for a field of investigation which was distinguished by Chen Ying-ning. *Xian xue*, as Chen Ying-ning thought, includes methods for health improvement and life prolongation, which can be explained, and their practical meaning can be proved by real life.

Shanghai journals "We Praise the Good" (*Yang shan ban yue kan* 揚善半月刊; published from July 1933 to August 1937) and "*Xian Teaching*" (*Xian dao yue bao* 仙道月報; published from January 1939 to August 1941) became the Chen Ying-ning's mouthpiece to explain and propagandize the concept of *xian xue*. Chen Ying-ning pursued the same purpose when he founded a special educational organization — "*Xian xue Institute*" (*Xian xue yuan* 仙學院) in Shanghai. There, at the classes in the women's group he, for the first time explained the specific features of the Taoist methods for improvement of feminine health in public. After half a century, these ideas of Chen Ying-ning would provoke interest in the "gender problems" of Taoism and lead to the emergence of separate research area directed to so-called "women's alchemy" as its object.

Chen Ying-ning stated that the essence of *xian xue* is scientific research and not a religious cult: "The major attention should be paid to studies but not worship". He positively distinguished *xian xue* from religion and chose the principle of "retribution" as a criterion for differentiation: "...those who attach special importance to retribution in the future life are profanes ignorant of *xian xue*"⁴.

Chen Ying-ning thought that the subject field of *xian xue* is narrower than the subject field of Taoist Studies and must include only those aspects of Taoism that are based on rational knowledge and practical usefulness: pharmacology, chemistry, as well as medical and synergic aspects of the Taoist teaching. On the other hand, Chen Ying-ning included the elements belonging to other layers of Chinese culture in the subject

field of *xian xue*: traditions of Chinese medicine and hygiene, methods of "nurturing life" (*yang sheng* 養生), methods for motherhood and childhood protection, obstetrics, etc. A special place within the content of *xian xue*, according to Chen Ying-ning, belongs to the alchemy. Not without reason, Taoists use an expression "Taoist alchemy" (*dao jiao dan xue* 道教丹學) as a synonym to the concept *xian xue*.

It should be confessed that we, I mean foreign researchers of Taoism, have a very poor knowledge of the *xian xue* science, developed by Chen Ying-ning. But even very general acquaintance with the Chen Ying-ning heritage gives us reason to conclude that *xian xue* is not a science in the strict meaning of this word. *Xian xue* is more exactly an attempt at reformation of Taoism with the purpose of preserving its best traditions under the circumstances of overall weakening interest to religious institutions.

The works of Chen Ying-ning are of great importance for the present-day Taoist Studies. On the one hand, they give a researcher a unique opportunity to get acquainted with the rational assessment of the Taoist religion made by one of its educated bearers; on the other hand, Chen Ying-ning articles and notes emphasize the importance of proto-science and scientific knowledge which developed within the frameworks of Taoism.

In the 1930s, Chen Guo-fu 陳國符 (1914–2000) started his research of the Taoist alchemy and the Taoist scriptures. In 1949, his pioneering work "Research of the Origin of the Taoist Canon" was published. This work became the first and unsurpassed, up to now, monograph on the history of Taoist Canon (*Dao-zang* 道藏). This monograph was later supplemented and underwent multiple republications [22].

On October 1949, the People's Republic of China was proclaimed. A new era in the history of China began. This was not only the beginning of a new period of the political history of the country but also a new stage in the history of Chinese science. The changed political environment cardinally changed the structure and the character of Chinese Humanities. Methodology of philosophical and social studies underwent significant changes. The country changed and the Chinese Taoist Studies changed with the country. The way that PRC has passed over the period of little more than 60 years has not been easy and simple but it has brought China to impressing results. The same can be said about the Taoist Studies in China – over this period of time Chinese Taoist Studies have made a critical leap ahead and have enriched world science with fundamental research projects and pioneering investigations. At present, it is China that is the leading world center of Taoist research, and Chinese researchers have obtained the most tremendous success in the sphere of Taoist Studies. These achievements promise to be enhanced

⁴ See modern editions of Chen Ying-ning works: [15; 23].

by even more brilliant scientific triumphs.

Two most important stages are distinguished in the history of the Taoist Studies in China during the recent 60 years: the first covers the period from 1949 to 1978, and the second – from 1979 to present. The first stage, in its turn, is divided into two periods: 1949–1966 (period of slow development), and 1966–1977 (period of almost complete stoppage of scientific research in the mainland China). During the incomplete period of 17 years from 1949 to 1977, a little more than 50 research papers on Taoism were published in the mainland China [21, p. 145]; and during the “Cultural Revolution” (1966–1977), only Chinese researchers from Hong Kong, Australia and Taiwan proceeded with their research in Taoism [20, p. 72–73].

That period was the time of research activities of Professor Liu Ts'un-yan 柳存仁 (1917–2009), an outstanding specialist in Chinese literature and history, a scholar-encyclopaedist who had made a considerable contribution to world Sinology. From 1946, Liu Ts'un-yan worked in Hong Kong and in 1962, he moved to Canberra where he spent the second half of his life and devoted himself to service to science in the position of a Professor at the Australian National University. Liu Ts'un-yan left a rich research heritage, where the scholarship devoted to different aspects of Taoism occupied the honorable place [10].

During that period of time another famous Chinese historian, textual critic and Religious Studies scholar Wang Ming 王明 (1911–1992), continued his research activities. Back in the 1930s, he began to study early Taoist scriptures and published innovative papers distinguished for brilliant textual analysis. Later on, these papers would be issued as a separate book [3]. From December 1949, Wang Ming worked in the Academy of Science. In 1960, his brilliant research of the Taoist text “Tai ping jing” (The Scriptures of the Great Peace) was published. After the beginning of the “Cultural Revolution”, Wang Ming was sent to “re-education through labor”. After his return to Beijing he proceeded his studies on Taoism. In 1980, he published an excellent textual research of the treatise “Bao- pu-zi”, and in 1985, its supplemented and improved variant [2].

The history of Chinese Taoist Studies after 1978 can also be divided into two periods: from my point of view, the first (1978–1990) was connected with the restoration of the lost gains and organizational preparation for the strategic breakthrough; the second began in 1991 and is characterized by rapid development of the Chinese Taoist Studies.

During the last two decades of the 20th century, an organizational structure of Taoist Studies in China was formed which ensured the subsequent rise of research on Taoism. This structure includes the following elements of great importance: specialized scientific-research centers; a system for specialized higher education at undergraduate and postgraduate levels; specia-

lized periodicals; a well-developed bibliographical and scientific-information digital base; collection of lexicographical and reference books; and a vast and permanently renewed corpus of writing sources. By the beginning of the 21st century, all elements of this system have been created.

At present, China has a whole range of research centers involved in Taoist Studies, for instance:

- Institute of the World Religions at the Chinese Academy of Social Sciences of the PRC (founded in 1964 in Beijing); since 1979 the Institute has had the Department of Taoism and Popular Religion of China;

- Research Institute for Daoism and Religious Culture Studies at the Sichuan University has worked in Chengdu since 1980;

- Research Institute for Religions at the Shanghai Academy of Social Sciences, founded in 1981;

- Taoist Studies Center at the History Department of the National Cheng-Kung University founded in 1987 in Tainan;

- Institute for Religious Studies at the Fu Jen Catholic University founded in 1988 in Taipei;

- Religious Studies Center at the National Cheng-chi University founded in 1996 in Taipei;

- Institute of Chinese Taoism at CTA founded on May 5, 1990 in Beijing.

During the last decades specialized journals and almanacs began to be issued, such as:

- “Studies in World Religions” (*Shijie zongjiao yanjiu* 世界宗教研究), issued from 1979, Beijing, ISSN 1000-4289;

- “Sources of World Religions” (*Shijie zongjiao ziliao* 世界宗教資料), published since 1980, Beijing; since 1995, published under the title “The Religious Cultures in the World” (*Shijie zongjiao wenhua* 世界宗教文化), ISSN 1007-6255;

- “Religious Studies” (*Zongjiaoxue yanjiu* 宗教學研究), issued from August 1982, Editor-in-chief Qing Xi-tai 卿希泰教授, Chengdu, ISSN 1006-1312;

- “Studies of Daoism Culture” (*Daojia wenhua yanjiu* 道家文化研究), published since 1992, Editor-in-chief Chen Gu-ying 陳鼓應教授;

- “Sounds of the Dao” (*Dao yun* 道韻), was published in Taipei from 1997 to 2003, editor-in-chief Zhan Shi-chuang 詹石窗教授;

- “Daoism Studies” (*Daoxue yanjiu* 道學研究); replaced the journal “Sounds of the Dao”, published in Hong Kong since 2003, editor-in-chief Zhan Shi-chuang 詹石窗教授;

- “Taoist Studies Explorations” (*Daojiaoxue tan-suo* 道教學探索), published at the National Cheng-Kung University, Tainan, since 1988, Editor-in-chief Ding Huang 丁煌教授;

- “Taoism” (*Daojiao yuekan* 道教月刊), published since 2006, Taipei;

— “The Journal of Taoist Culture” (*Daojiao wen-hua* 道教文化;), published since 1977, Taipei;

— “Fu Jen Religious Studies” (*Fu Jen zongjiao yanjiu* 輔仁宗教研究), published by the Fu Jen Catholic University from 2000, Taipei, ISSN 1682-0568;

— “China Taoism” (*Zhongguo daojiao* 中國道教), published by CTA since 1987, Beijing;

— “Taoism in the Shaanxi province” (*San Qin daojiao* 三秦道教), published by Taoist Association of Shaanxi province since 1992, Xian.

Organizational structure of present-day Chinese Taoist Studies has been developed due to efforts of many researchers. But the major roles in its development were played, to my mind, by the following scholars: Ren Ji-yu 任繼愈教授 (1916–2009), Qing Xi-tai 卿希泰教授 (born 1928), and Fong-Mao Lee 李豐楙教授 (born 1947).

Professor Ren Ji-yu can be rightfully called the founder of modern Chinese Religious Studies. Ren Ji-yu was born in 1916 in the Shandong province. His father was a well-educated person, a military officer in the Kuomintang Army. Special admiration for classical literature that reigned in this family predetermined the choice of name for the future eminent researcher of religion. The expression *ji-yu*, that became his name, contains an allusion to the great Chinese literary man, philosopher and political figure Han Yu 韓愈 (768–824), because it is a contraction of the expression “to succeed to Han Yu” (*ji-cheng* Han Yu 繼承韓愈). The future showed that this had a very deep meaning – although Ren Ji-yu’s name did not figure in the history of the Chinese literature as had happened to Han Yu. Nevertheless Ren Ji-yu became the pride of Chinese science and his name is written in golden letters there in the history of Chinese science.

In 1964 Ren Ji-yu founded the first in the history of the People’s Republic of China academic research structure which specialized in the Religious Studies – the Institute of the World Religions at the Chinese Academy of Sciences⁵. Right up to 1985 Ren Ji-yu was the Director of this Institute. During those times efforts of Ren Ji-yu resulted in the organization of the Department (and later the Faculty) of Religious Studies at the Beijing University.

In 1981, Ren Ji-yu prepared for publishing the fundamental “Dictionary on Religions” where Taoism occupied a decent place [18], and 17 years later the supplemented version of this dictionary was published. In 1991, the best thus far annotated reference book on the texts of the Taoist Canon edited by Ren Ji-yu was pub-

lished [4]. The preparatory work for publishing this reference book was initiated by Professor Ren Ji-yu back in 1978. This fundamental compendium includes 1473 entries which provide brief characteristics for each scripture, constituting Taoist Canon. In 1990, Professor Ren Ji-yu edited the first in PRC monograph that covered the whole history of Taoism from its origin to nowadays [19]. Appearance of this voluminous book became the real triumph of the Chinese Taoist Studies. In addition to that, he had written quite a number of individual monographs devoted to the history of Chinese Buddhism, history of Chinese philosophy, Confucianism and theoretical problems of Religious Studies.

At present, the Institute of the World Religions founded by Ren Ji-yu, is still the major center that coordinates the research activities in the sphere of Religious Studies. It is headed now by Professor Zhuo Xin-ping 卓新平教授 (born in 1955) – a first-rate modern Chinese Religious Studies scholar, a specialist in the history of Christianity and Christian mysticism who had obtained a Doctorate Degree in 1987 at the Ludwig-Maximilians University of Munich (Ludwig-Maximilians-Universität München).

The Department for Taoism and Popular Religion of China is headed by Professor Wang Ka 王卡教授 (born 1956), a specialist in the culture of Taoism and Taoist textual criticism. Wang Ka graduated from the Sichuan University in 1978, and in 1989 successfully defended his doctorate thesis that had been prepared under the supervision of Wang Ming 王明教授. Wang Ka is the author of many books and papers on Taoism. Two of his works are of special importance. These are the fundamental works on textual criticism. The first of them is devoted to the early Taoist text “Ho-shang Kung’s Commentary on the Lao-tse” [9]. This scholarship of Wang Ka is performed in the best traditions of the classical Chinese source study. In method, thoroughness of the commentaries and even in the manner he presents the material, the book involuntary resembles the bright works on textual criticism of his teacher – Professor Wang Ming [2]. In 2004, Wang Ka’s fundamental work on the Taoist scriptures from Dunhuang came off the press, becoming a serious contribution to the development of the sinological source study [7].

The first Taoist Studies academic School in the present-day China was founded by Professor Qing Xi-tai. He was born in January 1928 in the southwest province Sichuan far from Beijing⁶. Sichuan is the homeland of Taoism. Numerous Taoist monasteries located in the captivating, picturesque corners of Sichuan still carefully preserve and develop Taoist traditions. Taking into consideration this circumstance, it becomes clear why this was the place where the founder of the present-day Chi-

⁵ In 1977 the Chinese Academy of Sciences was reorganized and the Institute of the World Religions became a part of the Academy of Social Sciences.

⁶ According to the traditional Chinese calendar, the date of birth for Qing Xi-tai corresponds to the last moon month of 1927.

nese Taoist Studies was born and why it was the Sichuan province where the first Chinese specialized research center for Taoism was established.

In 1951, Qing Xi-tai graduated from the Law Faculty of the Sichuan University and in 1954 he finished post-graduate course at the People's University of China (Beijing). In 1980, he founded the Institute of Religious Studies at the Sichuan University. Taoism was initially chosen as the sphere for specialization of the Institute and Professor Qing Xi-tai was appointed its first director.

In 1982, for the first time in the history of the PRC higher education, the Institute organized the training of Masters in "Religious Studies", and in 1990, it became the first research-educational center in China that was given the right to train Doctors of Science on this specialty. In 1999 actually, the Institute was promoted the rank of the national scientific-research center. This new status required structural reorganization. In December 1999, the Institute became the basis for establishment of the Research Institute for Daoism and Religious Culture Studies of Sichuan University. At present Professor Qing Xi-tai is Director Emeritus of the Institute, though practically, the Institute is ruled by Professor Li Gang 李剛教授 (born 1953).

During the last 20 years, the Institute has trained more than 200 Doctors of Religious Studies. The specialists, postgraduate students and doctoral candidates have published more than 200 monographs and about 1000 research papers in the period of the recent 30 years [29]. The Institute has become the center for international cooperation and has established fruitful research contacts with a number of leading centers in the world of sinology: Academia Sinica, Fu Jen Catholic University, Fo Guang University, Tokyo, Oxford, London, Harvard and Boston Universities.

The Institute issues the journal "Religious Studies" (ISSN 1006-1312), and its first issue came off the press in August 1982. Since that time up to now, Professor Qing Xi-tai has been its editor-in-chief. The first six issues of the journal were stamped "confidential". From the seventh issue published in November 1985, the journal became available for all interested readers. In 2001, the journal was included in the Chinese Social Science Citation Index (CSSCI) and was promoted the status of the leading review periodical publication⁷.

The following fundamental research works on Taoist history and culture made Professor Qing Xi-tai worldwide famous: two-volume edition "Outline History of the Chinese Taoism Thought", four-volume edition "History of Taoism in China", four-volume edition "History of

Taoist Ideas in China", monograph "Taoism and Traditional Culture of China", encyclopedia "New Compendium on the Taoist Culture" and many others⁸.

Research-educational centers founded by Ren Jiuy and Qing Xitai reared a new generation of Chinese researchers in Taoism. The second generation is represented by such bright scholars as Hu Fu-chen 胡孚琛 (born 1945), Ge Zhao-guang 葛兆光 (born 1950), Jin Zheng-yao 金正耀 (born 1956), Zhan Shi-chuang 詹石窗 (born 1954), Zhang Ze-hong 張澤洪 (born 1955), Pan Xian-yi 潘顯一 (born 1951), Li Gang, Wang Ka and many others. These specialists raised Taoist research in China to the unprecedented level.

Efforts of these scholars have resulted in the formation of a big group of young specialists who represent the third generation of Chinese researchers in Taoism. What is more, studying of the best works of the representatives of this third generation causes even greater interest than reading classical works on Taoism. Their issues combine the best research methods of Chinese, Western and Japanese sinology which allows the authors to gain a new level of understanding and comprehension of Taoism. Innovative books and papers of doctors Liu Yi 劉屹 (born 1972) and Lu Peng-zhi 呂鵬志 (born 1969), distinguish themselves for their fundamentality and novelty. These researchers courageously overstep the boundaries of the established paradigm in the assessment of Taoism. Classical textual criticism and irreproachable methodology of historical research are the characteristic features of magnificent works of Professor Wang Cheng-wen 王承文 (born 1962). Works by Gai Jian-min 蓋建民 (born 1964) and Zhang Guang-bao 張廣保 (born 1964) are distinguished for the depth of the content and the width of the coverage of material. Research works of Zhang Chong-fu 張崇富 (born 1968) are characterized by the novelty in the analysis of the mystical aspects of the early Taoism.

Pioneering recent scholarship on Taoism of Zhou Zuo-ming 周作明, a talented representative of the third generation of Chinese Taoist researchers, look exceptionally even on the background of the modern innovative works. Actually, Zhou Zuo-ming has created a new trend for world Taoist Studies which can be conventionally called Taoist historical lexicology. Nevertheless, the significance of the Zhou Zuo-ming works far exceeds the bounds of lexicology. While analyzing the vocabulary of ancient Taoist texts, the author reveals the deep meanings of the concepts and ideas which are very complicated to understand. It seems to me that Zhou

⁷ Chinese Social Science Citation Index CSSCI was established by the Nanking University in cooperation with the Hong Kong Scientific and Technical University and is a specialized system for bibliographical indexing of research papers in social sciences and humanities.

⁸ Qing Xi-tai books and the works of the Chinese researchers mentioned further in this paper are not enlisted in the references at the end of the paper because these works are on the National Digital Database and an interested reader can easily obtain their complete bibliographical description through the corresponding on-line sources: [27; 28; 30].

Zuo-ming has discovered a new hermeneutic procedure that allows the researcher to reconstruct the historical patterns of Taoist thinking. At the same time, the traditional methods for textual criticism, philological and vocabulary analysis employed by Zhou Zuo-Ming fully and unreservedly verify the conclusions obtained.

A special place in the present-day Taoist Studies in China belongs to Professor Zhu Yue-li 朱越利教授 (born 1944), who has published many influential books and papers on Taoism, Tibetan Buddhism and Chinese philosophy. His works are the textbook for studying Taoism and Taoist Canon not only in China but in other countries, including Russia. In addition, Zhu Yue-li is the author of the first complex monograph “Daology” (*Daojiao xue* 道教学) which is, essentially, a standard textbook for the future researchers in Taoism⁹. Scientific and public activities of Professor Zhu Yue-li unite different generations of researchers, different research centers, and scholars from various countries, continents and of both coasts of the Taiwanese Gulf, which ensures the continuity and succession in the development of Chinese Taoist Studies.

Present-day Taoist Studies in Taiwan are also distinguished by unquestionable achievements. Professor Liu Jih Wann 劉枝萬教授 an authoritative scholar of religion and ethnologist was an architect for the Taiwanese Taoist Studies. He graduated from Waseda University 早稻田大学 in Japan and then returned to Taiwan. From 1964 to 1989 he worked at the Institute of Ethnology at the Academia Sinica. Professor Liu Jih Wann made field research in Taoism and made a significant contribution to the study of present-day Taoist rituals. He trained the first group of researchers who, in their turn, have formed the present-day Taiwanese academic School of Taoist Studies.

In my opinion, Fong-Mao Lee 李豐楙教授, Professor of National Chengchi University 國立政治大學, famous ethnologist, philologist and Taoist researcher, can be considered a founder of this academic School. In 1978, Fong-Mao Lee successfully defended a Doctorate thesis devoted to the research of Taoism of the third-sixth centuries (the volume of the thesis was 700 pages!). By now, Professor Fong-Mao Lee has published about 40 monographs and has made a major contribution to the research of Taoist literature, Taoist scriptures and Taoist cults. The number of his disciples, who constitute the majority of the modern Taiwanese researchers of Taoism, is impressive. According to an incomplete statistic data, from 1981 to 2011, Fong-Mao Lee was a research supervisor for 88 dissertations and theses [30].

Professor Fu-Shi Lin 林富士教授, Professor Huang Ding 丁煌教授, and Professor Teng-Fu Hsiao 蕭登福教授, colleagues of Professor Fong-Mao Lee have formed their own directions of Taoist Studies. Innovative issues of Shu-Wei Hsieh 謝世維, Professor of the Chengchi University who belongs to the third generation of Taiwanese Taoist researchers, also deserve special attention. Professor Shu-Wei Hsieh actively employs the methods of the modern Western Religious Studies in investigation of early Taoist scriptures.

Many of Professor Fong-Mao Lee disciples have already become independent and original researchers. If the first two generations of the Taiwanese scholars achieved considerable success in studying Taoist rituals and Taoist literature, the present-day representatives of Taiwanese Taoist Studies proved to be bright researchers of Taoist scriptures and textual criticism. Fundamental works of Chao-Jan Chang 張超然 and Tsung-Hui Hsieh 謝聰輝 can serve as an example that reveals unknown pages of the prehistory and early history of the Supreme Purity scriptures (*Shang qing jing* 上清經) to readers. This example can also be supplemented with the works of Tsan-Shan Zheng 鄭燦山 on the early Taoist texts. Scientific community has long been waiting for new research of such an important kind of source as the Taoist thematic encyclopedias (*lei shu* 類書). In this connection, the results obtained by Li-Liang Lee 李麗涼 in research of the earliest among those encyclopedias, cannot but cause intensive attention.

Well-grounded works of the Taiwanese scholars that combine classical traditions of Chinese philology with modern Western methods of analysis allow us to say that present-day Taiwan is becoming more and more active and productive world center for research of the early Taoist scriptural heritage.

Thus, even the most general and superficial review of the Chinese Taoist Studies testify to the fact that the center of Taoist Studies have moved from France and Japan to China. Modern Chinese Taoist Studies are represented by different academic schools and each school has its own specific features and approaches. Research centers for Taoist Studies in Beijing, Chengdu, Shanghai, Xiamen, Taipei, Tainan and Hong Kong supplement and enrich each other and form the united common research sphere. In the shortest period of time, Chinese researchers united their efforts and managed to achieve the advanced scientific frontlines and obtain impressive results. This allows us to be confident in the prospects of Taoist Studies in China – in the nearest future we will witness new brilliant achievements of Chinese researchers in this sphere.

REFERENCES

1. Baier [Bell, Charles]. Xizang zhi / Baier zhu; Dong Zhi-xue, Fu Qin-jia yi. – Changsha : Shang wu yin shu guan, Min guo 29 [1940]. – 376 p. 栢爾. 西藏志 / 栢爾著, 董之學, 傅

⁹ The book “Daology” was written by Zhu Yue-Li in co-authorship with his wife Chen Min 陳敏, who has been mentioned above.

勤家譯。—長沙：商務印書館，民國 29 [1940]。

2. Baopu-zi nei pian jiao shi / Wang Ming jiao shi; zeng ding ben. — Beijing : Zhonghua shu ju, 1985. — 2+22+399 p. 抱朴子內篇校釋 / 王明校釋。增訂本。—北京：中華書局，1985。

3. Wang Ming. Dao jia yu dao jiao si xiang yan jiu / Wang Ming zhu. — Beijing : Zhongguo she hui ke xue chu ban she, 1984. — 380 p. 王明。道家與道教思想研究 / 王明著。—北京：中國社會科學出版社，1984。

4. Dao zang ti yao / Ren Ji-yu zhu bian, Zhong Zhao-peng fu zhu bian. — Beijing : Zhongguo she hui ke xue chu ban she, 1991. — 10+56+1532 p. 道藏提要 / 任繼愈主編。鍾肇鵬副主編。—北京：中國社會科學出版社，1991。ISBN 7500402686. (修訂本：1995 年；2005 年)。

5. Dao zang zi mu yinde / Weng Du-jian bian. — Beijing : Hafo-Yanjing xue she, 1935. — 36+216 p. 道藏子目引得 / 翁獨健編。—[北平]：哈佛燕京學社，1935. (Harvard-Yenching Institute Sinological Index Series. No. 25).

6. Dao jia jin shi lue / Chen Yuan bian zuan; Chen Zhi-chao, Zeng Qing-ying jiaobu. — Beijing : Wen wu chu ban she, 1988. — 8+22+1379 p. 道家金石略 / 陳垣編纂；陳智超，曾慶瑛校補。—北京：文物出版社，1988。ISBN 7501001626。

7. Dunhuang dao jiao wen xian yan jiu: zong shu, mu lu, suoyin / Wang Ka zhu. — Beijing : Zhongguo she hui ke xue chu ban she, 2004. — 4+3+314 p. 敦煌道教文獻研究：綜述，目錄，索引 / 王卡著。—北京：中國社會科學出版社，2004。ISBN 7500446683。

8. Kangju Sute kao / Bainiao Kuji [Shiratori Kurakichi] zhu; Fu Qin-jia yi. — Shanghai : Shang wu yin shu guan, 1936. 1+1+100 p. 康居粟特考 / 白鳥庫吉著；傅勤家譯。—上海：商務印書館，1936。

9. Lao-zi “Dao de jing” Heshang-gong zhang ju / Wang Ka dian jiao. — Beijing : Zhonghua shu ju, 1993. — 7+4+17+331 p. 老子道德經河上公章句 / 王卡點校。—北京：中華書局，1993。ISBN 7101010806。

10. Liu Cun-ren [Liu Ts'un-yan]. Hefengtang wen ji. 3 vol. / Liu Cun-ren zhu. — Shanghai : Shanghai gu ji chu ban she, 1993. — 4+34+1804 p. 柳存仁。和風堂文集 / 柳存仁著。—上海：上海古籍出版社，1991。ISBN 7532503046。

11. Xu Di-shan xue shu lun zhu / Xu Di-shan zhu. — Shanghai : Shanghai shu dian, 2011. — 6+403 p. 許地山學術論著 / 許地山著。[Content: 道教史；扶箕迷信的研究；國學與國粹]。—上海：上海書店出版社，2011。ISBN 7545803647。

12. Xu Di-shan, Fu Qin-jia lun dao / Xu Di-shan, Fu Qin-jia. — Beijing : Chang zheng chu ban she, 2008. — 3+4+311 p. 許地山，傅勤家論道 / 許地山，傅勤家。—北京：長征出版社，2008. (領導幹部讀經典)。ISBN 7802044723。

13. Xu Di-shan. Dao jiao shi. [Part 1] / Xu Di-shan bian. — Shanghai : Shanghai shang wu yin shu guan, Min guo 23 [1934]. — 4+182 p. 許地山。道教史。上[編] / 許地山編。—上海：上海商務印書館，民國 23 [1934]。

14. Xu Di-shan. Fu-ji mi xin de yan jiu / Xu Di-shan bian. — Changsha : Shang wu yin shu guan, Min guo 30 [1941]. — 109 p. 許地山。扶箕迷信底研究 / 許地山編。—長沙：商務印書館，民國 30 [1941]。

15. Xian xue jie mi. Dao jiao yang sheng mi ku / Hong Jian-lin bian. — Dalian : Dalian chu ban she, 1991. — 2+10+11+976 p. 仙學解秘。道教養生秘庫 / 洪建林編。大連：大連出版社，1991。

16. Fu Qin-jia. Dao jiao shi gai lun / Fu Qin-jia zhu. — Shanghai : Shang wu yin shu guan, Min guo 23 [1934]. — 3+85 p. 傅勤家。道教史概論 / 傅勤家著。—上海：商務印書館，民國 23 [1934]。 (影印本：長沙：商務印書館，民國 28 [1939]；

台北：臺北商務印書館，民國 57 [1968])。

17. Fu Qin-jia. Zhongguo dao jiao shi / Fu Qin-jia zhu; Wang Yun-wu, Fu Wei-ping zhu bian. — Shanghai : Shang wu yin shu guan, Min guo 26 [1937]. — 5+242 p. 傅勤家。中國道教史 / 傅勤家著。王雲五，傅緯平主編。—上海：上海商務印書館，民國 26 [1937]。 (中國文化史叢書。第 2 輯)。 (影印本：臺北市：臺灣商務印書館，民國 56 [1967]；上海市：上海書店，1984；上海市：上海文化出版社，1989；北京市：團結出版社，2005)。

18. Zong jiao ci dian / Ren Ji-yu zhu bian. — Shanghai : Shanghai ci shu chu ban she, 1981. — [2]+8+97+1343 p. 宗教詞典 / 任繼愈主編。—上海：上海辭書出版社，1981。

19. Zhongguo dao jiao shi / Ren Ji-yu zhu bian. — Shanghai : Shanghai ren min chu ban she, 1990. — 8+6+811 p. 中國道教史 / 任繼愈主編。—上海：上海人民出版社，1990. (增訂本，上下篇：北京：中國社會科學出版社，2001。ISBN 7500430094；臺北市：桂冠出版，1991。ISBN 9575514416 (v.1), 9575514424 (v.2)。

20. Zhongguo zong jiao yu zong jiao xue / Yan Ke-jia zhu bian. — Shanghai : Shanghai ren min chu ban she, 2010. — 3+5+202 p. 中國宗教與宗教學 / 晏可佳主編。—上海：上海人民出版社，2010. (輝煌 60 年。社會發展與學術成長叢書)。ISBN 9787208092303/D1712。

21. Zhongguo zong jiao xue 30 nian: 1978—2008 / Zhuo Xin-ping zhu bian. — Beijing : Zhongguo she hui ke xue chu ban she, 2008. — 33+5+3+419 p. 中國宗教學 30 年 (1978—2008) / 卓新平主編。—北京：中國社會科學出版社，2008. (中國哲學社會科學 30 年叢書)。ISBN 9787500472520。

22. Chen Guo-fu. Dao zang yuan liu kao. V. 1—2. [Zeng ding ben] / Chen Guo-fu zhu. — Beijing : Zhonghua shu ju, 1985. — 3+2+4+504 p. 陳國符。道藏源流攷。全二冊。[增訂本] / 陳國符著。—北京：中華書局，1985。

23. Chen Ying-ning. Dao jiao yu yang sheng / Zhongguo dao jiao xie hui bian. — Beijing : Hua wen chu ban she, 1989. — 2+5+6+478 p. 陳櫻寧著。道教與養生 / 中國道教協會編。—北京：華文出版社，1989。

24. Chen Yuan. Nan Song chu Hebei xin dao jiao kao / Chen Yuan zhu. — Beijing : Fu-ren da xue, Min guo 30 [1941]. — 112+2 p. 陳垣。南宋初河北新道教考 / 陳垣著。—北平：輔仁大學，民國 30 [1941]。 (輔仁大學叢書；第 8)。 [English title: New Taoist societies in the northern provinces at the beginning of Southern Sung dynasty]。

25. 20 shi ji Zhongguo xue shu da dian: Zong jiao xue / Zhu bian Ren Ji-yu; zhi xing zhu bian Zhuo Xin-ping. — Fuzhou : Fujian jiao yu chu ban she, 2002. — 24+2+32+1+3+446 p. 20 世紀中國學術大典。宗教學 / 主編任繼愈；執行主編卓新平。—福州：福建教育出版社，2002。ISBN 7533430204。

26. Yao Ming-da. Zhongguo mu lu xue shi / Yao Ming-da zhu. — Changsha : Shang wu yin shu guan, Min guo 27 [1938]. — 429 p. 姚名達。中國目錄學史 / 姚名達著。—長沙：商務印書館，民國 27 [1938]。 (中國文化史叢書。第二輯)。

27. China National Knowledge Infrastructure. — CNKI Homepage. — URL: <http://www.cnki.net/>

28. Chinese Electronic Periodical Services. — CEPS Homepage. — URL: <http://www.ceps.com.tw/ec/ecjnlbrowse.aspx>

29. Institute of Religious Studies of Sichuan University Homepage. — URL: <http://www.taoism.cc/> — 15.04.2012.

30. National Digital Library of Thesis and Dissertation in Tai-

Authors Guidelines

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.

4. The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5» and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of

the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.

5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with

the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.

5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right – 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.

5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following

E-mail: journal@festu.khv.ru
<[mailto: journal@festu.khv.ru](mailto:journal@festu.khv.ru)>.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал № 3 (35) 2012

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *Н.В. Ларионова*

Подписано в печать 06.08.2012 г. Поз. 12.3. Формат 60×84¹/₈.
Уч.-изд. л. 19,0. Усл. печ. л. 20,4. Зак. 274. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Волчецкая Т.С. Теоретические проблемы использования метода моделирования в криминалистической науке

Егоров Н.Н. Криминалистические аспекты собирания доказательств

Ищенко Е.П., Морозов А.А. К вопросу о судебной биологии

Корма В.Д. О криминалистической методике расследования преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности

Мерецкий Н.Е. Первоначальный этап расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог

Пархоменко С.В., Радченко Е.В. О необходимости законодательной регламентации в Уголовном кодексе России причинения вреда при выполнении специального задания

Романова Л.И. Проблемы уголовно-правовой политики борьбы с преступностью в России

Туркулец А.В., Туркулец С.Е. Философско-правовые основания уголовной политики России и Японии (сравнительный очерк)

Турчин Д.А. Следствие и следователь

Шурухнов Н.Г. Содержание отдельных данных, составляющих краткую криминалистическую характеристику подделки денег (фальшивомонетничества)

Яровенко В.В., Турчин Д.А. Комплексное исследование – форма использования специальных знаний эксперта

Алехин Д.В. Особенности возбуждения уголовных дел в отношении судей, присяжных и арбитражных заседателей в период отправления ими правосудия

Васильева О.Н. К вопросу о криминологической характеристике преступлений в сфере оборота валютных ценностей

Калюжный А.Н. Классификация следов преступной деятельности, посягающей на свободу личности

Флоря Д.Ф. Особенности средств и методов преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей

Худина Т.Ф. Проблемы применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за злоупотребление полномочиями

Милованова М.М. Отдельные аспекты противодействия расследованию преступлений

Синенко С.А. К вопросу о вовлечении потерпевшего в уголовно-процессуальное производство

Лазарева И.В. Проблемы развития электронного судопроизводства в России

Мамошин А.А. Уголовная политика, как направление государственной деятельности в сфере противодействия преступности

Мерецкая Н.А. Налоговое правонарушение. Вопросы доказывания в процессе правоприменения (налоговое администрирование)

READ IN THE NEXT ISSUE

THE PROBLEM OF CRIMINALIZATION OF CONTEMPORARY RUSSIA

Volchetskaya T.S. Theoretical Issues in Using Modeling Method in Criminology

Yegorov N.N. Criminological Aspects of Evidence Gathering

Ischenko E.P., Morozov A.A. Some Aspects of Forensic Biology

Korma V.D. Criminological Research Methods of Investigating Crimes Related to Technogenic Sources of Increased Danger

Meretsky N.E. Initial Stage of Investigating Theft Committed during Capital Railroad Construction

Parkhomenko S.V., Radchenko E.V. The Need for Legislative Regulation and Reform of the Criminal Code of the Russian Federation as regards Injuries Inflicted when Performing a Special Mission

Romanova L.I. The Problems of Criminal Law Policy of Crime Prevention in Russia

Turkulets A.V., Turkulets S.E. Philosophical and Legal Basis of Criminal Policy in Russia: A Comparative Study

Tourchin D.A. Criminal Investigation and Investigator (Detective)

Shuroukhnov N.G. Specific Data Contents Pertaining to Brief Criminological Characteristics of Money Forgery (Counterfeiting of Money)

Yarovenko V.V., Tourchin D.A. Comprehensive Study as a Form of Expert's Expertise Utilization

Alyokhin D.V. Salient Features of Criminal Cases against Judges, Jurors and Arbitration Court Assessors Reported during Administration of Justice

Vasilieva O.N. The Aspects of Criminological Characteristics of Crimes in the Sphere of Currency Turnover

Kalyuzhny A.N. Classification of Evidence of Criminal Activities Infringing upon Freedom of Personality

Florya D.E. Specific Means and Methods of Overcoming Violations in the Sphere of Investigation of Kidnapping Related Crimes

Khoudina T.F. The Problem of Criminal Law Liability for the Abuse of Authority

Milovanova M.M. Some Aspects of Counteraction to Investigation of Crimes

Sinenko S.A. The Issue of Victim's Involvement in the Administration of Criminal Justice

Lazareva I.V. The Problems of Establishing Electronic Court Procedures in Russia

Mamoshin A.A. Criminal Policy as a Component of State Policy as regards Crime Prevention

Meretskaya N.A. Tax Violation: Issues of Evidence in Law Enforcement (Tax Administration)